Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал
2021 – № 3 (26)

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Ярославль
2021

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski philological bulletin : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. – № 3 (26) – 183 с. – ISSN 2499-9679. – DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26
2021, № 3 (26). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(главный редактор)*; **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **И. Ю. Лученецкая-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора, ответственный редактор)*; **Том Байер**, профессор русского языка Миддлбери колледжа (США); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Жеф Вершуерен**, доктор филологических наук, профессор университета г. Антверпена (Бельгия); **Л. Г. Викулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **Е. И. Горошко**, доктор филологических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина); **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **С. А. Засорин,** кандидат исторических наук, доцент, директор Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **Г. Е. Крейдлин**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леденев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Ли Сяотао**, доктор русского языка и русской литературы, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Т. Г. Попова**, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета МО РФ (Москва); **Иво Поспишил**, доктор филологических наук, профессор, заведующий Институтом славистики философского факультета Университета им. Масарика, г. Брно (Чехия); **Г. Г. Почепцов**, доктор филологических наук, заведующий кафедрой социальных коммуникаций Мариупольского государственного университета (Украина); **Ренате Ратмайр**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянских языков Венского экономического университета (Австрия); **И. Б. Руберт**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; **Е. Ф. Серебренникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **И. А. Стернин**, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра коммуникативных исследований, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета; **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, проректор по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федуленкова,** доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухуни,** доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Эвелин Эндерлайн**, доктор филологических наук, почетный профессор Страсбургского университета, вице-президент Ассоциации русистов Франции (Франция); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, **Яо Хай,** доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу (КНР).

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:
5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран(германский языки, романские языки) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.1. Теория и история культуры, искусства (искусствоведение, культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии и независимыми экспертами.

Адрес редакции:
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1
Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)
Адреса в интернете: http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Регистрационный номер средства массовой информации:
Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.

Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»
см. на сайте: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2021
© Авторы статей, 2021

FOUNDER:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski philological bulletin : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU, 2021. – № 3 (26). – 183 pages. – ISSN 2499-9679. – DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26

2021, № 3 (26). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, doctor of historical sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, head of theory and methods of professional education department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor in chief); **N. N. Letina**, doctor of cultural sciences, associate professor, department of culturalogy, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **O. V. Lukin**, doctor of philological sciences, professor, head of department of theory of language and german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina,** doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, doctor of philological sciences, professor, department of theory of communication and advertising, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **Tomas R Beyer**, professor of russian language, Middleberry college (USA); **E. I. Boichuk**, doctor of philological sciences, associate professor of department of roman languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **E. M. Boldyreva**, doctor of philological sciences, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqìng (China); **E. G. Borisova**, doctor of philological sciences, professor, department of public relations, Moscow state linguistic university; **E. V. Bykova**, doctor of philological sciences, associate professor of department of public relations in business of St. Petersburg state university; **Jef Verschueren**, doctor of philology, professor, Antwerp University (Belgium); **L. G. Vikulova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, deputy director of Institute of foreign languages, Moscow city pedagogical university; **E. I. Goroshko**, doctor of philological sciences, doctor of socialogical sciences, professor, head of department of cross-cultural communication, Kharkov polytechnical institute (Ukraine); **V. V. Dementyev**, doctor of philological sciences, professor; department of theory, history of language and applied linguistics, Institute of philology and journalism, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, doctor of cultural sciences, professor, deputy rector of Yaroslavl state theatre institute; **S. A. Zasorin**, candidate of historical sciences, associate professor, director of Institute of foreign languages of Moscow pedagogical state university; **T. S. Zlotnikova,** doctor of arts, Honoured scientist of Russian Federation, professor of culturology department,Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Nelya Ivanova**, doctor of philological sciences, professor, University named after professor doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, doctor of philological sciences, professor, department of theory and methods of teaching philological sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. I. Karasik**, doctor of philological sciences, professor of general and russian linguistics department of State university of russian language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, doctor of philology, professor, faculty of journalism, Sofia university (Bulgaria); **N. I. Klushina**, doctor of philological sciences, professor, department of russian stylistics, faculty of journalism, Lomonosov Moscow state university; head of stylistics board, International slavic committee**; G. E. Kreidlin**, doctor of philological sciences, professor, department of russian language, Institute of linguistics, Russian state university for humanities; **A. D. Krivonosov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of communication technologies and PR, St.-Petersburg state university of economics; **E. N. Laguzova**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. V. Ledenev**, doctor of philological sciences, professor of department of contemporary russian literature and modern literary process, philological faculty of Lomonosov Moscow state university; **Li Xiaotao**, doctor of russian language and russian literature, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqìng (China); **V. A. Maslova**, doctor of philological sciences, professor, department of general and russian linguistics, Vitebsk state university (Belarus); **A. D. Petrenko**, doctor of philological sciences, professor, director of Institute of foreign philology, head of department of theory of language, literature and sociolinguistics of Crimean federal university named after V. I. Vernadsky; **T. G. Popova**, doctor of philological sciences, professor, department of english language, Military university of Ministry of defence (Moscow); **Ivo Pospishyl**, doctor of philology, professor, head of Institute of slavic philology of philosophy faculty of Masayk university, Brno (Czech Republic); **G. G. Pocheptsov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of social communications, Mariupol state university (Ukraine); **Renate Rathmayr**, doctor of philology, professor, head of department of slavic languages, Vienna university of economics (Austria); **I. B. Rubert**, doctor of philological sciences, professor of department of language theory and theory of translation of humanitarian faculty of Saint-Petersburg state university of economics and finance; **E. F. Serebrennikova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, Euroasian linguistic university in Irkutsk (branch of Moscow state linguistic university); **V. N. Stepanov**, doctor of philological sciences, professor, vice-rector, head of department of mass communications, international Academy of business and new technologies (Yaroslavl); **I. A. Sternin**, doctor of philological sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, director of center of communicative researches, professor of department of general linguistics and stylistics of Voronezh state university; **L. A. Trubina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, vice-rector for education of Moscow pedagogical state university; **N. A. Fateeva**, doctor of philological sciences, professor, a chief research worker, head of scientific center of interdisciplinary researches of literary text of Institute of russian language named after V. V. Vinogradov of Russian academy of sciences; **T. N. Fedulenkova**, doctor of philological sciences, professor, department of foreign languages in professional communication, Vladimir state Stoletov university; **G. Yu. Filippovsky**, doctor of philological sciences, professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **G. T. Khukhuni**, doctor of philological sciences, professor, head of department of language theory and anglistics of Moscow state regional university; **Evelyne Enderlein**, doctor of philology, professor Emeritus of Strasburg university, vice-president of russian philology association in France (France); **T. V. Yurieva**, doctor of cultural sciences, professor, department of journalism and publishing, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky ; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou (China).

The journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of theses are published for proceeding to the degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialities:
5.9.1 Russian literature and national literatures of the Russian Federation (philological sciences), 5.9.9 Media communications and journalism (philological sciences), 5.9.5. Russian language. National languages of Russia (philological sciences), 5.9.6 Languages of foreign countries (Germanic languages, Romance languages) (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.9.1 Theory and history of culture and the arts (art criticism, cultural studies)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and independent experts

Address of the editorial office
150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1
Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)
Internet addresses http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Mass media registration:
The federal service for supervision of communications, information technology, and mass media
PI № FS 77 75453, 05.04.2019

Conditions for the publishing article in the scientific journal
«Verhnevolzhski philological bulletin»: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 2021
© Authors of the articles, 2021

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Издается с 2015 года
№ 3 (26) – 2021

«Родное слово есть именно та духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание, чтобы сделаться истинной собственностью человеческого сознания…»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Мельник В. И. Становление религиозного сознания Н. А. Некрасова 8

Иванов Н. Н. Ремизовский миф в структуре ярославского текста 17

Галанова В. А. Карельская эпическая поэма Ф.Н. Глинки как историко-христианская легенда 24

Морозова К. И. А. К. Гольдебаев (Семёнов) и А. Р. Крандиевская: уроки писательского мастерства 29

Болдырева Е. М. Российская лагерная проза и китайская литература «высоких стен»: один день одного заключенного в повестях А. Солженицына и Цуна Вэйси 37

Егоров М. Ю. Б. Ш. Окуджава в периодике третьей волны эмиграции 50

Русский язык

Беглова Е. И., Красикова О. Г. Экспрессивный потенциал фразеологических единиц в заголовках современных журнальных текстов 60

Акулова А. А. Влияние комментария на текст (на примере художественной литературы) 69

Южакова Ю. А. Флоронимы в лирике С. А. Есенина 76

Галкина Н. П. Текстовые характеристики многокомпонентных конструкций, построенных по параллельным моделям и моделям последовательного подчинения 83

Родионова И. Г. Предложения со значением ирреального условия в «Повести о жизни» К. Г. Паустовского 91

Авакян М. Э. Функционирование русского языка за пределами России: особенности употребления «национального» вида языка 101

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Бойчук Е. И. Лексико-грамматические особенности интернет-отзывов (на материале русского и английского языков) 107

Тюкина Л. А. Двуплановость текста анекдота (на материале русско-, немецко- и англоязычного бытового анекдота) 116

Купцов А. Е., Бабаян В. Н. Коммуникативные частицы как средства репрезентации актуальной информации в художественном дискурсе (на материале английского, испанского и русского языков) 125

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Цыбова И. А. О домашних животных в русской и французской фразеологии 132

Корж В. И., Скуратов И. В. Феминитивы в русском и французском языках: к вопросу гендерной окраски 138

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Григорян А. А., Четверикова В. Н. Отражение гендерных особенностей речевого поведения детей на разных уровнях языковой системы 146

Каплина М. М., Жезлова С. А. Топонимика Эльзаса как объект лингвистической лимологии 151

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Теория и история культуры, искусства

Басалова Н. С. Анализ социально-экономического взаимодействия жречества и царской власти в Египте Птолемеев 158

Брезгунов А. В. Имплицитное выражение авторского самосознания у Франциска Скорины 165

Тирахова В. А. Бинарная оппозиция «власть/народ» в историко-биографическом кинематографе С. Эйзенштейна 172

Сведения об авторах 180

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Scientific journal
Published since 2015
№ 3 (26) – 2021

«The word of your native tongue is nothing else but the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge for it to become a true achievement of human thought…»

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

PHILOLOGY

Russian literature

Melnik V. I. The development of N. A. Nekrasov's religious consciousness _____ 8

Ivanov N. N. Remizov's myth in the structure of Yaroslavl text _____ 17

Galanova V. A. Karelian epic poem by F. N. Glinka as a historical Christian legend _____ 24

Morozova K. I. A. K. Goldebaev (Semenov) and A. R. Krandievskaya: lessons in creative writing _____ 29

Boldyreva E. M. Russian prison camp prose and chinese literature of the «high walls»: one day of a prisoner in the novels by A. Solzhenitsyn and Tsun Weisi _____ 37

Egorov M. Yu. B. Sh. Okudzhava in the periodicals of the third wave of emigration_____ 50

Russian language

Beglova E. I., Krasikova O. G. Expressive potential of phraseological units in headlines of modern magazine texts_____ 60

Akulova A. A. The influence of commentary on literary text _____ 69

Yuzhakova Y. A. Floronyms in S. A. Yesenin's lyrics _____ 76

Galkina N. P. Textual characteristics of multicomponent structures built according to sequential subordination and parallel models_____ 83

Rodionova I. G. Sentences with the meaning of irreal condition in K. G. Paustovsky's The Tale of Life _____ 91

Avakyan M. E. The Russian language functioning outside Russia: specifics of using the «national» type of language _____ 101

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Boichuk E. I. Lexical and grammatical features of Internet reviews in the russian and english languages 107

Tyukina L. A. Twofold character of a joke (on russian, german, and english jokes) _____ 116

Kuptsov A. E., Babayan V. N. Communicative particles as means of representing actual information in literary discourse in english, spanish and russian _____ 125

Languages of foreign countries (romance languages)

Tsybova I. A. On domestic animals in russian and french phraseology 132

Korzh V. I., Skuratov I. V. Feminitives in russian and french: on the issue of gender connotation 138

Languages of foreign countries (germanic languages)

Grigoryan A. A., Chetverikova V. N. Gender aspects of children's speech behavior at different levels of the language system 146

Kaplina M. M., Zhezlova S. A. Toponymy of Alsace as an object of linguistic limology 151

ART HISTORY AND CULTURAL STUDIES

Theory and history of culture and the arts

Basalova N. S. Social and economic analysis of the interaction between priesthood and royalty in Ptolemaic Egypt 158

Brezgunov A. V. Implicit expression of the author’s self-awareness in Francysk Skaryna’s works 165

Tirakhova V. A. Binary opposition «power/people» in S. Eisenstein's historical and biographical cinematography 172

Information about the authors 182

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

УДК 821.161.1

В. И. Мельник **https://orcid.org/0000–0001–9684–8943**

Становление религиозного сознания Н. А. Некрасова

Для цитирования: Мельник В. И. Становление религиозного сознания Н. А. Некрасова // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 8–16. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-8-16

Проблема религиозности Н. А. Некрасова пока еще мало изучена, в особенности ее биографический аспект. Что касается источников его сведений о догматике православия, то в своих поэтических текстах Некрасов выказывает, при внимательном изучении, заметную осведомленность в духовных вопросах, как их решает церковь и Святые Отцы Церкви. Поэт питает интерес к православной агиографии. Источником его сведений, прежде всего, могло быть так называемое народное православие. Остается открытым вопрос о становлении религиозности Некрасова в раннем возрасте, о своеобразии его духовной настроенности. В настоящей статье сделана попытка, с одной стороны, представить доступную для нас сегодня по отдельным отрывочным сведениям полноту картины религиозной жизни семьи Некрасовых, а с другой – уяснить роль его матери, Елены Александровны, а также сопутствующих факторов, влиявших на первичную организацию его религиозных устремлений. Высказываются соображения о неразрывности религиозного и общего романтического настроя его миросозерцания, унаследованного, на наш взгляд, именно от матери поэта. Нет сомнений, что высокий гражданский пафос поэзии Некрасова, получивший завершенность под влиянием революционно-демократического окружения поэта, складывался на уже подготовленной в детстве основе «святого», религиозно-романтического мировоззрения и восприятия жизни как служения слабым и обездоленным – в чем главную роль играла мать Некрасова. Протестный пафос поэзии Некрасова в этом свете приобретает нетрадиционный смысл, поскольку субъективно, в сознании самого поэта, прямо вырастает из идеалов Евангелия.

Ключевые слова: Некрасов, творчество, воспитание, религиозная среда, влияние матери, романтизм, «святое служение».

PHILOLOGY

Russian literature

V. I. Melnik

The development of N. A. Nekrasov's religious consciousness

The problem of N. A. Nekrasov's religiosity, especially its biographical aspect, has not been studied well. As for the sources of information about the dogma of Orthodoxy, in his poetic texts Nekrasov shows considerable awareness of spiritual issues, as they are addressed by the church and the Holy Fathers of the Church. The poet is interested in Orthodox hagiography. His source of information could be, first of all, the so-called popular Orthodoxy. The question remains open about the formation of Nekrasov's religiosity at an early age, about the nature of his spiritual disposition. This article attempts, on the one hand, to present a complete picture of the religious life of the Nekrasov family, which is currently available to us from isolated fragments, and, on the other, to understand the role of his mother, Elena Alexandrovna, as well as the accompanying factors that influenced the primary organization of his religious aspirations. The author suggests that the religious and general romantic mood of the poet’s worldview, inherited from his mother are inseparable. There is no doubt that the high civic pathos of Nekrasov's poetry, developed under the influence of the poet's revolutionary democratic environment, was formed on the childhood basis of a «holy», romantic religious outlook and the perception of life as care for the weak and disadvantaged – in which the main role was played by Nekrasov's mother. The protest pathos of Nekrasov's poetry acquires an unconventional meaning because subjectively, in the poet's own mind, it grows directly out of the ideals of the Gospel.

© Мельник В. И., 2021

Key words: Nekrasov, creativity, education, religious environment, mother's influence, romanticism, «holy service».

Постановка проблемы и ее актуальность

Религиозное сознание Н. А. Некрасова до сих пор является проблемой. Поскольку в его поэзии порою встречаются храмы, монастыри, странники и пр., то в некоторой степени поднят вопрос о религиозных мотивах и образах в его творчестве [Ширяев; Смирнов; Кусков; Мостовская; Жилякова]. Что касается собственно религиозной настроенности Некрасова, своеобразия его религиозности, то можно отметить несколько попыток определить это своеобразие. Первым следует назвать Д. С. Мережковского, который в статье «Две тайны русской поэзии» писал: «Что русская совесть есть явление порядка не только нравственного, но и религиозного, – это мы уже начинаем понимать. У Некрасова этого понимания вовсе не было. Его религиозный уровень, по крайней мере, сознательный, – тот же, что у всех русских людей среднего интеллигентского сознания. Если бы кто-нибудь из литературных единомышленников – Белинский, Добролюбов, Чернышевский – спросил его, верит ли он в Бога, то нет никакого сомнения, что Некрасов удивился бы и даже обиделся: за кого его считают?» [Мережковский, 1991].

В свое время мы попытались выявить, почему Некрасова зачисляют в атеисты [Покровский; Горячкина; Шамориков], и определить своеобразие религиозности Некрасова. Очевидно, что поэт переживал сложный религиозный комплекс, основанный, с одной стороны, на любви к народу и отличном знании народной жизни, нашедшей отражение в устном народном творчестве, народных идеалов, в том числе и религиозных, а с другой – на личном представлении о праведности революционного бунта и необходимости нравственной аскезы и покаяния. Вчитываясь в некрасовские строки, легко увидеть, что бунтарские, революционные по духу стихи странно и, на первый взгляд, органично вырастают из… Евангелия, из глубоко христианских признаний, из несомненно православного мировоззрения поэта.

Однако Некрасов был сыном своей эпохи. В то время у многих выдающихся деятелей культуры причудливым образом соединялись вера в Христа и … революция. Правда, зародилось такое мировоззрение гораздо раньше. В истории христианства не раз уже возникали учения, превращающие Иисуса Христа в «революционера», а Евангелие в религиозно-революционную доктрину, дающую народу «право на восстание». Уже в средние века появились различные ереси, такие, например, как «евангельский коммунизм» Дольчино и его «апостольских братьев», которые призывали в Италии к «священной войне» народа против церкви и государства. В XV в. появились гуситы и табориты, которые «во имя библейских заповедей» развязали в 1419–1434 гг. религиозные войны в центре Европы. В XVI в. в Германии анабаптисты и Томас Мюнцер выступали с проповедью религиозно-политической революции и «священной войны», опираясь на библейские и евангельские тексты. Мюнцер неустанно призывал к беспощадному истреблению «врагов Божьих» как к исполнению заповедей Христовых: «Христос повелел многозначительно: „и приведите моих врагов и избейте их передо мной”. Почему? А потому, что они вредили Христову правлению», – писал он в своих проповедях [Шафаревич, 2003, с. 75].

В. Г. Белинский, который заметно повлиял на мировоззрение молодого Некрасова, в знаменитом письме к Н. В. Гоголю изобразил Христа первым социалистом-революционером: «Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения». И. А. Гончаров в «Заметках о личности Белинского» писал о критике: «Наконец у него были постоянные увлечения или влечения, плоды не одной только фантазии или напряженной работы непрерывного умственного развития: они составляли основу его честной и прямой натуры: это влечения к идеалам свободы, правды, добра, человечности, причем он нередко ссылался на Евангелие, – и не помню где, – даже печатно» [Гончаров, т. 8, с. 43]. Н. И. Пруцков в свое время правильно замечал: «Не следует забывать, что только пролетарская революция впервые в истории человечества… сбросила с себя всяческие религиозные одежды. До этого же народные движения, революционеры, даже первые рабочие организации… обращались к образу Христа и к его учению» [Пруцков, 1979]. Характерно замечание и другого исследователя: «В России…. освободительные идеи облекались в форму первоначально-христианских, и так не только в народе и у его идеологов… даже идеи Герцена и Огарева в 40-х годах XIX века еще содержат немалую долю социальных и этических представлений раннего христианства и даже обращений к «нагорной проповеди»…» [Клибанов, 1978].

Исследовательская часть

Некрасов в своих стихах постоянно проводит незримую параллель между земной судьбой Христа и… судьбой революционеров. Ведь прочность дела Христа-Спасителя была невозможна без Его спасительной Крови, пролитой за человеческий род на Кресте. Поэт апеллирует к жертве Христа, считая, что отдать жизнь «за други своя» (за слабого, бедного) – дело богоугодное. В стихотворении «Поэт и гражданин» он пишет о святой жертвенности:

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди, и гибни безупречно.
Умрешь не даром, дело прочно,
Когда под ним струится кровь.

Очевидно, что Некрасов прибегает здесь к параллели «дело» – «святой алтарь», обыгрывая фразеологизм: «положить жизнь на алтарь Отечества». То есть поэт знал, что алтарь освящается на мощах святых. Алтарь, если под ним нет мощей (не «струится кровь» святых), «непрочен».

Склонностью к таким параллелям отличался в то время не только Некрасов. Хотя между ним и другими его современниками, как потом будет ясно, была громадная разница: если они были чаще всего атеистами и выстраивали «безбожную религиозность», то Некрасов был искренне верующим человеком, неотделимо связанным в своей вере со всем русским народом.

Другие же революционно настроенные писатели были чаще всего далеки от веры предков. Характерен здесь пример А. И. Герцена. Недаром С. Франк назвал Герцена «основоположником житий революционных святых». В этом сказалось господствующее в среде интеллигенции XIX в. представление о святости… вне Христа, напоминающее «языческую античную философию стоиков» [Кириченко, 2003].

В свое время мы посвятили вопросу о религиозности Некрасова ряд статей [Мельник, 1999; Мельник, 2001; Мельник, 2006; Мельник, 2008; Мельник, 2018] и монографию [Мельник, 2007], в которых затрагивалось, прежде всего, позднее творчество поэта. Тем не менее, тема далеко не исчерпана, особенно в биографическом плане. Некрасов хотя и был много лет издателем, редактором ведущих русских журналов, был в известном смысле человеком некнижным. Он обладал недюжинной памятью и практической сметкой и хваткой. Дневников не вел, «литературных писем» не писал, хотя обладал необыкновенной критической зоркостью, был страстным охотником и даже картежником. Среди других русских писателей-современников он выделяется своей как бы «нелитературностью». Речь идет о том, что весьма редко удается определить литературные и, в особенности, жизненные истоки его творчества. Очень многое остается «за кадром», высказывается предположительно. В этом отношении академическое собрание сочинений Некрасова мало удовлетворяет взыскательного читателя. Особая робость была проявлена в тех случаях, когда речь заходила о религиозной стороне жизни и творчества Некрасова: комментаторы явно старались обходить такие сюжеты молчанием.

Особенно отличается этим первый том, в котором представлена ранняя лирика поэта. Стандартный комментарий к стихотворениям, включенным в первый сборник стихотворений Некрасова под названием «Мечты и звуки» (1839), состоит из указания места и времени публикации и цитации нескольких слов критики, если она имелась. Совершенно проигнорирован тот факт, что в «Мечтах и звуках» шестнадцатилетний Некрасов предстает как религиозный, а отчасти и богословствующий поэт, что является самой характерной, организующей особенностью этого сборника. Нет вопроса об истоках религиозности поэта.

Анализ поздних произведений Некрасова показывает, что он неплохо знал житийную литературу, ориентировался в догматах и пр. Но вопрос о его духовном опыте и источниках чтения остается открытым. Известно, что духовную закваску человек получает в детстве, в семье, хотя исследовать это в буквальном смысле, особенно в случае с Некрасовым, практически невозможно. Необходимо по крупицам собирать информацию, сопоставлять факты и прочее. Между тем, вопрос даже не поставлен.

Начать следует с отца Некрасова, который хотя и веровал в Бога, посещал храм, но, по признанию самого поэта, обладал грубым, необузданным характером, проистекающим из «наследственных нравов»:

Твой властелин – наследственные нравы
То покидал, то бурно проявлял,
Но если он в безумные забавы
В недобрый час детей не посвящал,
Но если он разнузданной свободы
До роковой черты не доводил, –
На страже ты над ним стояла годы,
Покуда мрак в душе его царил…

О духовной жизни Алексея Некрасова почти

ничего не известно. По утверждению грешневского старосты Э. Торчина, он не любил общаться со священниками, хотя в церковные праздники принимал их дома, угощал и давал денег. Торчин вспоминал: «Алексей Сергеевич на могилу жены никогда не ходил, в церкви тоже никогда не был – не любил молиться и не выносил попов, хотя в праздники принимал их, поил водкой и давал денег. На могиле матери памятник делали по желанию Анны Алексеевны (сестры поэта – В. М.)… Когда памятник был окончен, то по желанию Анны Алексеевны была отслужена панихида на могиле и в церкви, о которой послали сказать Алексею Сергеевичу; он приехал и очень недовольный стоял в церкви, что долго служат, а после уже никогда не был, никого не посылал и не спрашивал о могиле» [Красильников, 2009, с. 14]. Всему этому был свидетель маленький Николай. Известна довольно большая переписка Алексея Сергеевича со священниками, которых помещик просил обвенчать своих крестьян. Например, отцу Иоанну Зыкову он писал: «Отец Иоанн! Прошу Вас сочетать браком крестьянина моего сельца Грешнева Александра Павлова с крестьянскою девицею деревни Гогулино Раидою Степановою по их на брак согласию. Затем имею честь быть к Вам с должным почтением и преданностью. Ваш покорный слуга, Алексей Сергеев Некрасов.

Января 12 дня 1859 года. Г<ород> Ярославль» [Красильников, 2006, с. 76].

Десятки таких писем Сергей Александрович написал не только к отцу Иоанну, но и к отцу Василию Горскому, отцу Стефану Чекалеву [Красильников, 2006, с. 74–81].

Помогая священникам, отец Некрасова, вероятно, готов был помочь и в ремонте храма. В стихотворении «Детство» (1873) поэт пишет, что прохудившаяся церковь стала «горем отцовским», что вносит новую краску в облик Алексея Сергеевича:

В первые годы младенчества
Помню я церковь убогую,
Стены ее деревянные,
Крышу неровную, серую,
Мохом зеленым поросшую.
Помню я горе отцовское:
Толки его с прихожанами,
Что угрожает обрушиться
Старое, ветхое здание.
Часто они совещалися,
Как обновить отслужившую
Бедную церковь приходскую;
Поговорив, расходилися,
Храм окружали подпорками,
И продолжалось служение.
В ветхую церковь бестрепетно
В праздники шли православные, –
Шли старики престарелые,
Шли малолетки беспечные,
Бабы с грудными младенцами.
В ней причащались, венчалися,
В ней отпевали покойников…

Некрасов нигде не пишет, кто повлиял на становление его духовного облика и на то глубокое и тонкое понимании религии, которое он выказывает в своем творчестве. Однако очевидно, что здесь прежде всего следует вспомнить о его матери, женщине утонченной и жившей по евангельским заветам.

Неизвестны точно дата ее рождения (наиболее вероятная дата – 1803 год) и даже имя. В некоторых документах она именуется Еленой, в других – Александрой. Возможно, это связано с переходом ее из католичества в православие. Некрасов писал о своей матери, но, к сожалению, ни разу не упомянул ее имени. В связи с этим в литературе давно стоит вопрос и о ее национальности. Возможно, она была украинкой из Винницкого уезда Подольской губернии, где сильны были позиции католичества и польской культуры. С. В. Смирнов пишет: «Думается, что принадлежность в девичестве к католичеству не указывает на польское происхождение матери поэта. Её католичество – плоды „тщательного" воспитания у иезуитов её отца, дань польско-католическому влиянию в крае, где элементам польско-католической культуры придавалось значение престижности, принадлежности к местной верхушке» [Смирнов, 1991, с. 176]. Документы свидетельствуют о том, что она была дочерью титулярного советника Андрея Семеновича Закревского. С другой стороны, существует версия чисто польского происхождения матери Некрасова (эта версия легла в основу поэмы «Мать»). По этой версии, в католичестве она была Александрой и родилась в Варшаве, в семье польского аристократа Закревского.

Обычно вопрос о религиозности Елены Андреевны обходится исследователями, поскольку никаких документальных данных на этот счет не существует. Однако достаточно вспомнить несколько строк Некрасова, чтобы понять, что самим своим жизненным поведением мать глубоко влияла на него. В поэме «Рыцарь на час» есть строки:

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!

Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.
С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозою сердитою
Простояла ты, – грудью своей
Защищая любимых детей.
И гроза над тобой разразилася!
Ты, не дрогнув, удар приняла,
За врагов, умирая, молилася,
На детей милость Бога звала.
Неужели за годы страдания
Тот, кто столько тобою был чтим,
Не пошлет тебе радость свидания
С погибающим сыном твоим?..

В этих строках видна не только горячая сыновья любовь, но и духовный строй жизни Елены Андреевны, бывшей самым ясным примером евангельского отношения к жизни для своих детей. Значение матери для Некрасова было столь огромно, что его не с чем сравнить. Ф. М. Достоевский после кончины Некрасова вспоминал: «Он говорил мне тогда со слезами о своем детстве, о безобразной жизни, которая измучила его в родительском доме, о своей матери – и то, как говорил он о своей матери, та сила умиления, с которою он вспоминал о ней, рождали уже и тогда предчувствие, что если будет что-нибудь святое в его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить ему маяком, путевой звездой даже в самые темные и роковые мгновения судьбы его, то уж, конечно, лишь одно это первоначальное детское впечатление детских слез, детских рыданий вместе, обнявшись, где-нибудь украдкой, чтоб не видали (как рассказывал он мне), с мученицей матерью, с существом, столь любившем его. Я думаю, что ни одна потом привязанность в жизни его не могла бы так же, как эта, повлиять и властительно подействовать на его волю…» [Достоевский, т. 26, с. 111–112].

Некрасов боготворил свою мать, в образе которой сливалось для него все то светлое и душевно теплое, что согревало его детство, противостояло суровым будням отцовского дома, окружающей темноте и невежеству. Н. Н. Скатов очень точно воспринял религиозное наполнение образа Матери в одном из поздних стихотворений поэта: «В поэзии Некрасова мать – безусловное, абсолютное начало жизни, воплощенная норма и идеал ее. В этом смысле мать есть главный „положительный" герой некрасовской поэзии. А в одном из последних уже почти предсмертных стихотворений „Баюшки-баю" само обращение к матери оказывается чуть ли не обращением к матери Божьей» [Скатов, 1994, с. 26]. В самом деле, лишь Божия Матерь может сказать:

Прими трудов венец желанный,
Уж ты не раб – ты царь венчанный;
Ничто не властно над тобой!
…….
Не бойся горького забвенья:
Уж я держу в руке моей
Венец любви, венец прощенья,
Дар кроткой родины твоей...

Мать Некрасова самой своей личностью дала эмоциональное и духовное направление поэзии Некрасова, ее роль трудно определить точнее и еще более трудно переоценить, ибо она сделал главное, о чем поэт сказал: «Во мне спасла живую душу ты» («Мать»). Стихи о матери всегда сопровождает мысль о ее святости. Так, в поэме «Мать» Некрасов говорит о ее «святых муках», то есть считает ее мученицей Христа ради, а далее называет ее «подвижницей» [Некрасов, т. 4, с. 252].

Очевидно, что именно мать учила маленького Некрасова молиться и веровать, именно она привила ему «детски чистое чувство веры», о котором он пишет в поэме «Тишина»:

Храм Божий на горе мелькнул
И детски-чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул…

Похоже, что религиозность матери в глазах Некрасова сливалась с ее возвышенным, романтичным мироотношением вообще – и эту неразрывность веры и романтического настроя души он усвоил в полной мере.

Недалеко от дома, на противоположном берегу Волги, находился Николо-Бабаевский монастырь, который неоднократно посещал Некрасов и который упомянут им в стихотворении «Горе старого Наума»: «Вблизи – Бабайский монастырь, село Большие Соли…». Официальный документ дает следующее описание: «Николо-Бабаевский монастырь находится в Костромском уезде, в 38 верст [ах] от Костромы и 28 от Ярославля. Местоположение его весьма красивое; он стоит на правом, возвышенном берегу реки Волги, при самом впадении в нее р [еки] Солоницы. Особенно красивый вид придает монастырю находящаяся на южной стороне его роща, состоящая из березовых, ореховых и осиновых дерев. Лучший вид на монастырь с юго-западной стороны, от р [еки] Волги; с левого берега ее виден монастырь с дальнего расстояния, особенно в весенний разлив Волги,

когда вода почти доходит до самых стен монастырской ограды, все здания его представляются как будто стоящими в воде или на острове» [Крживоблоцкий, 1861, с. 465]. Современный исследователь пишет: «Не подлежит сомнению, что родители Некрасова со своими детьми ездили по праздникам за Волгу в Николо-Бабаевский монастырь, позднее воспетый поэтом в стихотворении „На Волге"…» [Некрасов и Костромской край, 2008, с. 19].

Грешнево – сельцо небольшое, поэтому своей церкви здесь не было. В стороне от дороги находилась церковь села Абакумцева. Некрасовы, живя в Грешневе, по воскресеньям и церковным праздникам ходили в село Абакумцево, так как числились прихожанами Благовещенской церкви, выстроенной в Абакумцево в 1791 году. Фотография этой церкви помещена в одном из выпусков сборника «Карабиха» [Карабиха, 1991]. В то же время нельзя не отметить, что в различных источниках этот храм называют то Благовещенским (во имя Благовещения Пресвятой Богородицы), то св. ап. Петра и Павла. Судя по стихотворению «Рыцарь на час» («Вижу надписи вдоль по карнизу // И апостола Павла с мечом»), Некрасов посещал храм во имя св. апостолов Петра и Павла. Но еще более вероятно то, что храм мог быть двухпрестольным – один престол во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, другой – во имя св. апостолов.

Идти было недалеко – от Грешнева до Абакумцево всего три версты. Любопытно, что в своих автобиографических заметках Некрасов вспомнил эту церковь в очень характерном контексте: «…Грешневцы теперь сравнительно процветают, пользуясь даже яблоками покинутого сада, которых обыкновенно в начале августа уже нет и следа. Кушайте их на здоровье, беловолосые ребятишки, бегайте в нем сколько душе угодно и, когда вырастете, поставьте в нем икону, а то теперешняя при сельском приходе слишком далека» [Некрасов, 1949, с. 140]. С Благовещенской церковью села Абакумцево у Некрасова было многое связано. Возле храма в фамильном склепе был похоронен не только дед поэта – Сергей Алексеевич Некрасов (его могила сохранялась до XX века) но и его отец, дядюшки, братья [Некрасов и Костромской край, 2008, с. 10]. Этот храм описывается в стихотворении «Рыцарь на час»:

В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старая чудится мне,
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! я вижу тебя, Божий дом!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла с мечом,
Облаченного в светлую ризу.

Н. А. Зонтиков пишет: «Разумеется, родители с детьми часто посещали свой приходской храм в Абакумцеве. По-видимому, в детстве Коля Некрасов был очень верующим» [Некрасов и Костромской край, 2008, с. 18]. Если староста Торчин свидетельствовал, что отец Некрасова «в церви никогда не был» (что вряд ли абсолютно точно), то, скорее, следует говорить, что церковь дети чаще посещали с матерью.

29 июля 1841 года скончалась в возрасте 38 лет от чахотки мать Некрасова – Елена Андреевна. В это время была назначена свадьба сестры поэта, Елизаветы. Мать умерла, не дожив до свадьбы три дня. В это время Некрасов спешил домой из Петербурга:

У той плиты, где ты лежишь, родная,
Припомнил я, волнуясь и мечтая,
Что мог еще увидеться с тобой,
И опоздал!
(«Мать»).

Очевидно, Елена Андреевна приняла православие (скорее всего еще в год крещения поэта), так как ее могила находится у алтаря Благовещенской церкви в Абакумцеве. «Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова» не упоминает об алтаре, но говорит более общо: 31 июля 1841 г. «в селе Абакумцеве похоронена Е. А. Некрасова» [Летопись, 2006, с. 92]. На могиле в год смерти жены Алексей Сергеевич Некрасов поставил деревянный крест.

Я рад, что ты не под семейным сводом
Погребена – там душно, солнца нет;
Не будет там лежать и твой поэт…
(«Мать»).

Бывал Некрасов и в других храмах, расположенных неподалеку от Грешнева. Известно, что в ближайших окрестностях Грешнева, на расстоянии 10–15 верст, находилось более 20 храмов [Паршина, 1988, с. 81]. Документально подтверждено, что поэт посещал деревни Шоде и Вежи, села Мисково, Жарки, Саметь, Шунгу, Спас-Вёжи (Спас), Сущево, Куниково, Пустынь и др. [Смирнов, 1991, с. 212].

К сожалению, из своего детства Некрасов выносил и иные впечатления. Недалеко от Абакумцева находился еще один церковный приход – в селе Сопёлки. Очевидно Некрасов знал, что в Сопёлках с конца XVIII века существовала секта «бегунов» («странников»), которую создал некий старец Евфимий. С некоторой долей вероятности, впечатления от секты странников могли частично отразиться в его размышлениях о «странниках» в поэме «Кому на Руси жить хорошо». Ярко о селе Сопелкино повествует славянофил И. С. Аксаков, участвовавший в комиссии по выявлению сопелковских «бегунов». Аксаков писал своим родным 14 сентября 1850 года: «… Сопелки – колыбель секты и притон сектаторов. Здесь нет ни одного православного, хотя все село по спискам полиции значится православным, и все жители на допросах показывают себя принадлежащими к великороссийской церкви. Но по исследованию оказывается, что ни одна душа никогда не была у Св. Причастия… В с. Сопелках есть церковь, в которую никто никогда не ходит. Но когда приезжает какой-либо чиновник, то десятский обходит жителей и говорит, чтоб шли в церковь. При нас церковь всегда полна, и вы не поверите, какое грустное впечатление производит вид этой толпы, лицемерно присутствующей и не умеющей молиться» [Аксаков, 1994, с. 169–170]. Автор справочника о сектах С. В. Булгаков посвятил «бегунам» отдельную статью: «„Странниками" эти сектанты называются потому, что требуют от своих членов прервать всякую связь с гражданским обществом, то есть не писаться в ревизии, не платить государственных податей, не иметь паспортов и находиться в странствовании, на том основании, что в мире ныне спасение невозможно. Отсюда же они получили и название „бегунов"…» [Булгаков, 1994, с. 410].

Конечно, обо всем этом знали в окрестных деревнях, в том числе и в Грешневе. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» приводит вопиющие факты религиозного лицемерия из жизни раскольников. В главе «Странники и богомольцы» (возможно, в названии содержится понятное современникам сочетание «странных» и «оседлых» раскольников), описываются «художества» сопелкинских, а может быть, и иных «странников».

Осенью 1832 года Некрасов вместе с братом Андреем начал учебу в Ярославской гимназии. Похвастаться успехами он не мог. Известно, например, что в 1835 году на выпускных экзаменах в пятом классе он получил следующие отметки: закон Божий – 2, словесность – 3, логика – 2, математика – 1, история – 1, латынь – 3, география – 2, немецкий язык – 2, французский – 2 [Некрасов и Костромской край, 2008, с. 22]. При этом обладавший живым умом мальчик, с семилетнего возраста начавший писать стихи, начал, по его собственному признанию, «почитывать журналы» [Некрасов, 1949, с. 147]. Отметим, что в четвертом классе Некрасов получил по предмету «Закон Божий» 4 балла [Летопись, 2006, с. 21]. Это была его самая высокая оценка за период обучения.

Выводы

Религиозные впечатления раннего детства Некрасова, известные нам лишь в очень малой степени, оказали значительное влияние на его умонастроение в зрелом возрасте и впервые сказались уже в первом сборнике «Мечты и звуки». В стихотворении «Изгнанник» он писал:

Еще младенцу с колыбели
Мечты мне тихо песни пели,
И с ними свыклася душа
…….
И разлюбил я дольний мир.

Главным фактором его религиозного воспитания и, одновременно, формирования романтического мировоззрения, в его «страдательном» нравственном изводе, была, на наш взгляд мать Некрасова, позитивная роль которой часто упоминается биографами поэта, но не конкретизирована и не прояснена в своей главной, «иконописной» сущности – как образца христианского поведения, как «заступницы», чью роль Некрасов мог сравнить (и сравнивал!) только с участием Божьей матери в своей судьбе. Соединение религиозности и культурного романтического настроя (игра Елены Андреевны на пианино, чтение, духовный аристократизм, жертвенное сострадание к слабейшим себя), в их противопоставленности окружающей обстановке жестокости и насилия, в главных чертах предвозвещало основной пафос некрасовской поэзии, ее органичную и глубокую, хотя и не выявленную пока исследователями до конца, религиозность.

При всем том, что мать поэта, скончавшаяся очень рано, в 38 лет, представляется, по традиции, как фигура чисто страдательная, гибнущая во враждебной, грубой среде, нам кажется, что не учитывается христианская сила ее натуры, ее скрытый и действенный (в рискованной помощи другим) протест, ее способность противостоять

окружающей среде, не сливаться с нею. И эта сторона ее натуры так же была воспринята Некрасовым, что впервые серьезно выразилось в попытке его поступления не в военное учебное учреждение, как того хотел его отец, но в университет, как того хотела его мать. Отсюда вырастал протестный дух его проникнутой религиозной мыслью гражданской поэзии. Это не был чисто гражданский протест, сила поэзии Некрасова как раз и заключается в том, что в сердцевине этого протеста просвечивает Евангелие и высокий христианский идеал «святого служения» и покаяния. Нет сомнений, что высокий гражданский пафос поэзии Некрасова, получивший завершенность под влиянием революционно-демократического окружения поэта, складывался на уже подготовленной в детстве основе «святого», религиозно-романтического мировоззрения и восприятия жизни как служения слабым и обездоленным – в чем главную роль играла мать Некрасова.

Библиографический список

1. Аксаков И. С. Письма к родным. 1849–1856 / издание подготовила Т. Ф. Пирожкова. Москва : Наука, 1994. С. 169–171.

2. Булгаков С. В. Православие. Москва : Современник, 1994. С. 410.

3. Гончаров И. А. Собр. соч. В 8-ми томах. Москва : Худ. лит., 1952–1955.

4. Горячкина М. С. «Я верую в народ»: К 85-летию со дня смерти Н. А. Некрасова // Наука и религия. 1963. № 1. С. 87–89.

5. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 30 томах. Ленинград : Наука, 1972–1988.

6. Жилякова Э. М. Христианские мотивы и образы в творчестве Н. А. Некрасова (1830-1850-е гг.) // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. научн. тр. Вып. 2. Петрозаводск : Петрозаводский гос. ун-т, 1998. С. 268–282.

7. Карабиха. Ярославль : Верхне-Волжское книжное издательство, 1991. С. 204.

8. Кириченко О. В. Русское дворянство и интеллигенция: противостояние двух социальных сил в XVIII – начале XIX в. // Традиции и современность. Москва, 2003. № 2. С. 23.

9. Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России XIX века. Москва, 1978. С. 248.

10. Красильников Г. В. Грешневские дворовые и крестьяне Некрасовых по материалам ревизских сказок и метрических книг церкви села Абакумцева // Н. А. Некрасов в контексте русской культуры: материалы конференции. Ярославль : Изд-во АР, 2006. С. 74–81.

11. Красильников Г. В. Староста Некрасовых Э. М. Торчин и его воспоминания // Некрасовское наследие – юношеству. Материалы V и VI Некрасовских юношеских чтений. Вып. II. Ярославль : Рико-Пресс, 2009. С. 14.

12. Крживоблоцкий Я. Материалы для географии и статистики России. Костромская губерния. Материалы, собранные офицерами генерального штаба. Санкт-Петербург : Тип. Н. Тиблена и К., 1861. 636 с.

13. Кусков В. В. Православные мотивы в поэзии Н. А. Некрасова // Русская литература XIX века и христианство. Москва : Изд-во МГУ, 1997. С. 134–140.

14. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова Т. 1. Санкт-Петербург : Наука, 2006. С. 92.

15. Мельник В. И. «Кому на Руси жить хорошо»: проблема христианского сознания в поэме // Некрасовский сборник. Т. XIII. Санкт-Петербург : Наука, 2001. С. 126–134.

16. Мельник В. И. Поэзия Н. А. Некрасова в свете христианского идеала. Москва : Изд-во «Даръ», 2007. 110 с.

17. Мережковский Д. С. В тихом омуте. Статьи и исследования разных лет. Москва : Советский писатель, 1991. С. 441.

18. Мостовская Н. Н. Храм в творчестве Некрасова// Русская литература. 1995. № 1. С. 194–202.

19. [Некрасов Н. А.] Автобиографические наброски, воспоминания и заметки Некрасова // Литературное наследство. Т. 49–50. Т. I. Изд. 2-е. Москва : Изд-во АН СССР, 1949. 660 с.

20. Некрасов и Костромской край / составление и редактирование Н. А. Зонтикова. Кострома : Изд-во ДиАр, 2008. С. 19.

21. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем. В 15 т. Ленинград : Наука, 1981–2000.

22. Паршина В. К употреблению слов «церковь», «храм» в поэтических текстах Н. А. Некрасова // III Некрасовские чтения (Тезисы выступлений). Ярославль, 1988. С. 81.

23. Покровский Г. А. Поэт Некрасов и религия. Москва : Атеист [1929]. 56 с.

24. Пруцков Н. И. Русская литература XIX века и революционная Россия. Москва, 1979. 268 с.

25. Николай Скатов. Некрасов. Москва : Молодая гвардия, 1994. 412 с.

26. Смирнов С. В. Об окрестностях Грешнева: (Дорога и храм в творчестве Н. А. Некрасова) // Карабиха: Ист.-лит. сб. Вып. 1. Ярославль : Верхне-Волжское кн. изд-во, 1991. С. 203–216.

27. Шамориков И. В. Антирелигиозные мотивы в поэзии Н. А. Некрасова // Русская литература в борьбе с религией. Москва : Изд-во АН СССР, 1963. С. 124–136.

28. Шафаревич И. Р. Социализм как явление мировой истории. Москва : Эксмо, 2003. 448 с.

29. Ширяев Б. Н. Религиозные мотивы в русской поэзии: Ломоносов – Пастернак. Брюссель : Жизнь с Богом, без даты. С. 22–33.

Reference list

1. Aksakov I. S. Pis'ma k rodnym. 1849–1856 = Letters to family. 1849-1856 / izdanie podgotovila T. F. Pirozhkova. Moskva : Nauka, 1994. S. 169–171.

2. Bulgakov S. V. Pravoslavie = Russian Orthodoxy. Moskva : Sovremennik, 1994. S. 410.

3. Goncharov I. A. Sobr. soch. V 8-mi tomah = Collection of works. In 8 volumes. Moskva : Hud. lit., 1952–1955.

4. Gorjachkina M. S. «Ja veruju v narod»: K 85-letiju so dnja smerti N. A. Nekrasova = «I believe in people»: On the 85th anniversary of N. A. Nekrasov's death // Nauka i religija. 1963. № 1. S. 87–89.

5. Dostoevskij F. M. Sobranie sochinenij: V 30 tomah = Collection of works: In 30 volumes. Leningrad : Nauka, 1972–1988.

6. Zhiljakova Je. M. Hristianskie motivy i obrazy v tvorchestve N. A. Nekrasova (1830–1850-e gg.) = Christian motifs and images in N. A. Nekrasov's works (1830-1850s) // Evangel'skij tekst v russkoj literature XVIII – XX vekov. Citata, reminiscencija, motiv, sjuzhet, zhanr: Sb. nauchn. tr. Vyp. 2. Petrozavodsk : Petrozavodskij gos. un-t, 1998. S. 268–282.

7. Karabiha = Karabikha. Jaroslavl' : Verhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. S. 204.

8. Kirichenko O. V. Russkoe dvorjanstvo i intelligencija: protivostojanie dvuh social'nyh sil v HVIII – nachale HIH v. = Russian nobility and intelligentsia: confrontation of the two social forces in the XVIIIth – early XIXth centuries // Tradicii i sovremennost'. Moskva, 2003. № 2. S. 23.

9. Klibanov A. I. Narodnaja social'naja utopija v Rossii HIH veka = Popular social utopia in the 19th century Russia. Moskva, 1978. S. 248.

10. Krasil'nikov G. V. Greshnevskie dvorovye i krest'jane Nekrasovyh po materialam revizskih skazok i metricheskih knig cerkvi sela Abakumceva = The Nekrasovs' servants and peasants in Greshnevo according to register and metric books of the Abakumtsevo village church // N. A. Nekrasov v kontekste russkoj kul'tury: materialy konferencii. Jaroslavl' : Izd-vo AR, 2006. S. 74–81.

11. Krasil'nikov G. V. Starosta Nekrasovyh Je. M. Torchin i ego vospominanija = The Nekrasovs' headman E. M. Torchin and his memoirs // Nekrasovskoe nasledie – junoshestvu. Materialy V i VI Nekrasovskih junosheskih chtenij. Vyp. II. Jaroslavl' : Riko-Press, 2009. S. 14.

12. Krzhivoblockij Ja. S. Materialy dlja geografii i statistiki Rossii. Kostromskaja gubernija. Materialy, sobrannye oficerami general'nogo shtaba = Materials for the geography and statistics of Russia. Kostroma Province. Materials collected by officers of the general headquarters. Sankt-Peterburg : Tip. N. Tiblena i K., 1861. 636 s.

13. Kuskov V. V. Pravoslavnye motivy v pojezii N. A. Nekrasova = Orthodox motives in N.A. Nekrasov's poetry // Russkaja literatura XIX veka i hristianstvo. Moskva : Izd-vo MGU, 1997. S. 134–140.

14. Letopis' zhizni i tvorchestva N. A. Nekrasova T. 1 = The chronicles of the life and work of N. A. Nekrasov, Vol. 1. Sankt-Peterburg : Nauka, 2006. S. 92.

15. Mel'nik V. I. «Komu na Rusi zhit' horosho»: problema hristianskogo soznanija v pojeme = «Who is Happy in Russia?»: the problem of Christian thought in the poem // Nekrasovskij sbornik. T. HIII. Sankt-Peterburg : Nauka, 2001. S. 126–134.

16. Mel'nik V. I. Pojezija N. A. Nekrasova v svete hristianskogo ideala = N. A. Nekrasov's poetry in the light of the Christian ideal. Moskva : Izd-vo «Dar#», 2007. 110 s.

17. Merezhkovskij D. S. V tihom omute. Stat'i i issledovanija raznyh let = Still waters. Articles and researches of different years. Moskva : Sovetskij pisatel', 1991. S. 441.

18. Mostovskaja N. N. Hram v tvorchestve Nekrasova = The Church in Nekrasov's work // Russkaja literatura. 1995. № 1. S. 194–202.

19. [Nekrasov N. A.] Avtobiograficheskie nabroski, vospominanija i zametki Nekrasova = Autobiographical sketches, memoirs, and notes by Nekrasov // Literaturnoe nasledstvo. T. 49–50. T. I. Izd. 2-e. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1949. 660 s.

20. Nekrasov i Kostromskoj kraj = Nekrasov and the Kostroma region / sostavlenie i redaktirovanie N. A. Zontikova. Kostroma : Izd-vo DiAr, 2008. S. 19.

21. Nekrasov N. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem. V 15 t. = The complete collection of works and letters. In 15 vols. Leningrad : Nauka, 1981–2000.

22. Parshina V. K upotrebleniju slov «cerkov'», «hram» v pojeticheskih tekstah N. A. Nekrasova = On the use of the words «church» and «temple» in N. A. Nekrasov's poetry. // III Nekrasovskie chtenija (Tezisy vystuplenij). Jaroslavl', 1988. S. 81.

23. Pokrovskij G. A. Pojet Nekrasov i religija = The poet Nekrasov and religion. Moskva : Ateist [1929]. 56 s.

24. Pruckov N. I. Russkaja literatura HIH veka i revoljucionnaja Rossija = Russian literature in XIX century and revolutionary Russia. Moskva, 1979. 268 s.

25. Nikolaj Skatov. Nekrasov = Nekrasov. Moskva : Molodaja gvardija, 1994. 412 s.

26. Smirnov S. V. Ob okrestnostjah Greshneva: (Doroga i hram v tvorchestve N. A. Nekrasova) = On the neighborhood of Greshnevo: (The road and the church in N.A. Nekrasov's work) // Karabiha: Ist.-lit. sb. Vyp. 1. Jaroslavl' : Verhne-Volzhskoe kn. izd-vo, 1991. S. 203–216.

27. Shamorikov I. V. Antireligioznye motivy v pojezii N. A. Nekrasova = Anti-religious motifs in the poetry of N. A. Nekrasov // Russkaja literatura v bor'be s religiej. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1963. S. 124–136.

28. Shafarevich I. R. Socializm kak javlenie mirovoj istorii = Socialism as a world history phenomenon. Moskva : Jeksmo, 2003. 448 s.

29. Shirjaev B. N. Religioznye motivy v russkoj pojezii: Lomonosov – Pasternak = Religioud motifs in Russian poetry: Lomonosov – Pasternak. Brjussel' : Zhizn' s Bogom, bez daty. S. 22–33.

УДК 821.161.1-93/930.253

Н. Н. Иванов **https://orcid.org/0000-0002-6292-2903**

Ремизовский миф в структуре ярославского текста

Для цитирования: Иванов Н. Н. Ремизовс кий миф в структуре ярославского текста // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 17–23. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-17-23

Целью работы является рассмотрение актуальной научной историко-литературной проблематики: Место А. М. Ремизова, выдающегося представителя русского неореализма, в структуре так называемого ярославского текста. Пожалуй, впервые авторский миф Ремизова вписан в структуру локального текста, к типу которого принадлежит и ярославский. Означенное литературное явление представлено в русле изучения авторской индивидуальности в комплексе общих для русской прозы тенденций: обогащение содержания, поиск новых повествовательных, художественной форм. В контексте современных исследований русской литературы первой половины XX века решались и поставленные в работе задачи: уточнить сами дефиниции *ярославский текст*, *ремизовский миф*; определить биографические, авторологические, историко-литературные контуры последнего; выявить, установить место архетипов и мотивов в этом мифе; наконец, вписать миф в понятийное пространство ярославского текста.

Наиболее значимыми результатами работы стали следующие. Описаны историко-литературные и личностно-биографические составляющие ремизовского мифа; установлена роль фольклорных, литературных мотивов, архетипов в системе мотивов и образов прозы Ремизова; последние показаны в контексте его творческой эволюции. Авторский миф Ремизова вписан в историко-литературное пространств ярославского текста. Сделаны наблюдения в области изучения философии, эстетики и поэтики прозы, выразительности сочинений Ремизова. Дневники, документалистика учтены как полноценное звено в наследии писателя, преодолено отношение к ним как к второстепенному, вспомогательному материалу. Использованные подходы к материалу обусловили оригинальный взгляд на проблему писательского мастерства и позволили раздвинуть сложившиеся представления о типе художественного мышления Ремизова. В работе даны новые оценки художественоcти ряда известных произведений, уточнена авторская позиция, показана её связь с мифологией и фольклором, функциями компонентов внешней и внутренней формы. Мастерство Ремизова осмыслено в контексте актуальных для русской прозы XX века неомифологизма и словотворчества; тем самым дополнены научные представления о сложных явлениях в русской литературе первой трети XX столетия.

Работа адресована филологам, литературоведам, исследователям русской литературы, культуры XX века.

Ключевые слова: русский неореализм, Ярославский текст, биография и творчество А. М. Ремизова, Ремизов и его ярославское окружение (И. Каляев, Б. Савинков).

N. N. Ivanov

Remizov's myth in the structure of Yaroslavl text

The purpose of the article is to consider an important scientific historical and literary issue: the place of A. M. Remizov, an outstanding representative of Russian neorealism, in the structure of the so-called Yaroslavl text. For the first time Remizov's auteur myth is inscribed into the structure of a local text, to which type the Yaroslavl text belongs. This literary phenomenon is presented in the context of studying the author's individuality along the lines common to Russian prose: the enrichment of content, the search for new narrative and artistic forms. The following objectives of the work were also dealt with in the context of contemporary studies of the first half of the XX century Russian literature: to clarify the definitions of the Yaroslavl text and the Remizov myth; to determine the biographical, narrative, historical and literary contours of the latter; to identify and establish the place of archetypes and motives in this myth; and, finally, to incorporate myth into the conceptual space of the Yaroslavl text.

The most significant results of the work are the following: the historical-literary and personal-biographical components of the Remizov myth are described; the role of folklore, literary motives and archetypes in the system of motives and images of Remizov's prose is established; the latter are shown in the context of his creative evolution. Remizov's auteur myth is integrated into the historical and literary space of the Yaroslavl text. Some observations are made on the philosophy, aesthetics, and poetics of Remizov's prose and the expressiveness of his writings. Diaries and documents are taken into account as a full-fledged link in the writer's legacy; the attitude to them as secondary, auxiliary material has been overcome. The approaches used in the work led to an original view of the writer’s skills and allowed

© Иванов Н. Н., 2021

to break the existing opinions about Remizov's type of artistic thinking. The article evaluates the artistic merits of some of the well-known works in a new way, clarifies the writer's position, shows its connection with mythology and folklore, with the functions of the components of external and internal forms. Remizov's skill is analyzed in the context of neo-mythologism and word-making relevant to the Russian prose of the XX century. Thus, scientific understanding of the complex phenomena in Russian literature of the first third of the XX century have been enriched.

The work is addressed to philologists, literary critics, researchers of Russian literature and culture of the XX century.

Key words: Russian neorealism, Yaroslavl text, biography and creativity of A. M. Remizov, Remizov and his Yaroslavl entourage (I. Kalyaev, B. Savinkov).

Введение

Постановка вопроса. Современные научные подходы к историко-литературному материалу позволяют интерпретировать творческие поиски отдельных персоналий в парадигме авторского мифа. Это и творческая индивидуальность, и личностные характеристики, и проекции биографии в творчество, и, наконец, работа самого автора по формированию своего образа в искусстве. И в означенном контексте изучение мифа, слова-мифа как сущности, конкретности бытия, как в слове данной личностной истории [Лосев, 1994], мифа в его кумулятивной, этиологической функциях могло бы оказаться очень продуктивным. А. М. Ремизов среди других выдающихся представителей русского неореализма в означенном направлении научного исследования мог бы оказаться одним из первых. Ремизов бывал в Ярославле. Ремизов публиковался в Ярославле, когда только начинал первые свои литературные шаги, тем важнее показать их значение и для творческой индивидуальности Ремизова, и для Ярославля, ярославского текста. Эти две дефиниции – ремизовский миф, ярославский текст – нуждаются в филологическом и общекультурном уточнении; в не меньшем прояснении нуждается и взаимодействие их, которое было, которое не конкретизировано.

Актуальность. Отправляясь от понимания текста М. М. Бахтиным, от семиотики культуры, можно констатировать усложнение когнитивной стороны проблемы изучения текста. Современное исследование феномена текста предполагает лингвистический, литературоведческий и культурологический подходы. Изучение персонального (ремизовского) мифа в структуре локального текста русской литературы, каким видится ярославский, раскрывает его семантическое разнообразие. Дополнение научных представлений о ярославском тексте, о А. М. Ремизове в целом через уточнение дефиниций *ярославский текст*, *ремизовский миф*, установление места последнего в структуре ярославского текста обусловило актуальность данной работы.

Характеризуя **научную литературу**, укажем, что вторая часть темы, ярославский текст, определённо прояснена [Ярославский текст, 2014; 2016; 2018; 2020], первая же часть, ремизовский миф, применительно к ярославскому тексту, не поднималась, её вообще нет в *этих* исследованиях. Из обилия написанного о Ремизове применительно к нашей теме можно указать единичные работы [Иванов, 2016]. Мемуарного характера источники [Савинков, 1917; Тыркова-Вильямс, 1955], эпизодические упоминания в контексте его причастности к газете «Северный край», нечастые попытки представить в системе русского неореализма [Иванов, 2012; Иванов, 2018; Иванов, 2015; Иванов, Пупкова, 2016].

Цель работы – уточнить место ремизовского мифа в структуре ярославского текста. Задачи : определить когнитивные составляющие дефиниций *ярославский текст*, *ремизовский миф*; дать характеристику биографической, авторологической, историко-литературной ветвей ремизовского мифа, выявить его архетипы и мотивы; показать функции этого мифа в системе знаково-символических структур ярославского текста. Провести анализ структуры *ремизовского мифа*, конкретизировать его специфику с позиций фольклора, мифопоэтики, истории русской литературы первых десятилетий XX века и вписать его в понятийное пространство ярославского текста.

Основная часть статьи

Охват разного по методу, жанру, стилю материала обусловил достоверность полученных результатов.

Материалом исследования стали:

− Биография, творчество А. М. Ремизова в их разворотах к Ярославлю [Alexis Remizov, 1978; Lampl, 1978].

− Наследие А. М. Ремизова [Ремизов, 2000].

− Публикации в ярославских изданиях: Ремизов А. «Беспокойные тучи, куда вы?» // «Северный Край» (Ярославль). 1903, № 83, 30 марта.

− Ремизов А. «Кутья-Войсы» // «Северный Край» (Ярославль). 1903, № 42, 14 февраля.

− Ремизов А. «Над колыбелькою» // «Северный Край» (Ярославль). 1903, № 118, 6 мая. Ремизов А. Плач девушки перед замужеством // «Северный Край» (Ярославль). 1902, № 238, 10 сент.

− Воспоминания о А. Ремизове: Савинков Б. Воспоминания // Былое. 1917. Кн. 23.

− Тыркова-Вильямс А. Тени минувшего. Встречи с писателями // Возрождение (Париж). 1955, № 37.

Научные труды по теме :

− Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы международной научной конференции (Ярославль, 15–16 апреля 2014) / отв. ред.: О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2014. 524 с.

− Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы международной научной конференции (Ярославль, апрель 2016) / отв. ред.: О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. 384 с.

− Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы Третьей Всероссийской научной конференции (Ярославль, апрель 2018) / сост. и отв. ред. О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. 372 с.

− Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы Четв. Всероссийской научной конференции (Ярославль, 5–6 ноября 2020) / сост., отв. ред. О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 312 с.

Методы исследования. Методология выдержана в духе взаимодействия лингвистического, литературоведческого и культурологического подходов к тексту, методологического синтеза, дискурсивных практик. Подход и результат связаны. В изучении ремизовского мифа опора делается биографическом, историко-литературном, сравнительно-историческом методах. В изучении ярославского текста: на структурно-семантическом, семиотическом, метатекстуальном. Системный, исторический, типологический принципы исследования художественных явлений. Ситуация метатекстуального осмысления материала позволила двигаться от мифа к логосу, тексту.

Описание проведенного **анализа**.

Проясним дефиниции *ярославский текст, ремизовский миф*. Локальные тексты, а ярославский здесь понимается именно так, могут быть концептуализированы как область практик письма, семиозиса, расширения художественного пространства слова. Понятие *текст* следует трактовать как открытое, и эта открытость не совсем определена. М. Бахтин видел в тексте связные знаковые комплексы. Ю. Лотман среди характеристик текста выделял выразительность, отграниченность, структурность, а функции сводил к передаче информации и порождению нового смысла. Заметим, в последних теряется то, что делает искусство таковым – его художественность. В локальных текстах доминирует слово, но оценивается оно с позиций пространства, и этот лингвистический оксюморон в научном плане важен, потому что позволяет обобщать, систематизировать локальные тексты как знаково-символические структуры. Пространственно-временная основа может стать одной из концепций литературы.

Локальный текст допустимо представить как многообразную, воспроизводящуюся, исторически и функционально изменчивую макроединицу филологии, а его генезис осмыслить на историко-литературном материале. Понятие *локальный текст* может быть раскрыто и как область взаимодействия полюсов в составе матрицы, продуцирующая новые смыслы: сверхтекст (сохраняет историчность и центричность) и гипертекст (активация множественности). Единство локального текста – это его способность быть хранилищем опыта литературной рефлексии и саморефлексии.

Выявим и обоснуем в ремизовском мифе те ветви, которые для ярославского текста стали текстообразующими, формирующими его семиотическое пространство. Одна ветвь – биографические сведения и наша интерпретация их, своего рода текст и внетекстовые факторы актуализации его содержания.

Алексей Михайлович Ремизов умер 26 ноября 1957 года в Париже, в эмиграции, но личностью он был не всемирной, но исключительно русской и не столичной петербургской, но московской, старомосковской. Ремизов родился в Москве в патриархальной купеческой семье 24 июня (6 июля н. с.) 1877 года, учился в 4-ой московской гимназии, Московском Александровском коммерческом училище, в Московском университете: лекции на историко-филологическом, юридическом факультетах при сохранении в качестве приоритетного естественного отделения физико-математического факультета. Впервые Ремизов оказался в Ярославле по пути на Север, в ссылку (Вологда, Усть-Сысольск): был арестован *по ошибке* за участие в демонстрации студентов и

на шесть лет выслан из Москвы, а поезда до Вологды идут через Ярославль. Такая вынужденная мотивация накладывала отпечаток на восприятие того, что видел путешественник из окна поезда. Что происходило в душе, какие импульсы рождались в сознании, мы не знаем, но догадываемся. Вероятно, мотивы странничества, изгнания, несправедливости окружающего мира были основными. И ещё: он ехал на Север, в легендарный край, погружался в мир русской провинции.

У ярославского текста есть такая неизученная ветвь: Ремизов и его окружение 1902/3 годов, прежде всего – это Савинков и Каляев [Иванов, 2015]. Ремизов родился в тот же день, в тот же год, что и Иван Каляев. Переклички судеб – мистические: рождение, студенческое вольнодумство, опыт ссылки, сочинительство. Познакомились они в Вологде, куда Каляев приехал навестить своего ссыльного друга – Савинкова. Последний, писатель Виктор Ропшин, он же – Борис Викторович Савинков, профессиональный революционер, шпион, террорист, бывал в Ярославле не раз. Сближение столь разновеликих личностей и писателей в парадигме текста позволяет увидеть формирование текста изнутри: Ярославские встречи перерастают в ярославский текст. Каляев был выслан в Ярославль после 2-ух месяцев тюрьмы в Варшаве. Ориентировочно с октября 1902 года он работал (служил) корректором в газете «Северный Край» и сыграл заметную роль в публикациях Ремизовым своих произведений в этой газете. Свою первую вещь – «Плач девушки перед замужеством» – Ремизов опубликовал в 1902 году на страницах газеты «Курьер» под псевдонимом Николай Молдаванов. Однако есть данные, что «Плач» дебютировал в «Северном крае» [Ремизов, 1902] и лишь затем в газете «Курьер». Во всяком случае, Х. Лампль указал её как первую публикацию Ремизова в ярославской газете и перечислил ещё пять [Lampl, 1978]. Персональный круг ярославского текста может быть дополнен именами других вологодских ссыльных – Савинков, Н. А. Бердяев, П. Е. Щеголев, А. В. Луначарский. Все они печатались в «Северном крае» не без влияния Каляева.

Публикации Ремизова в «Северном крае» поддержала и журналистка, писательница, общественная деятельница, член ЦК партии кадетов Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс (1869–1962). О своём участии в публикациях Ремизова она вспоминала: «В Ярославле, где я была членом редакции местной газеты «Северный Край», я в первый раз услыхала его имя, увидала не его самого, только его причудливый почерк. Он присылал нам в редакцию свои белые стихи <…> Стихи неизвестного поэта я брала под свою защиту, чаще всего безуспешно» [Тыркова-Вильямс, 1955, с. 91]. Это были 1902–1903 годы. Там же впервые было напечатано стихотворение Ремизова «Наташе». Под названием «Над колыбелькою» оно появилось в «Северном крае» от 6 мая 1903 года [Ремизов, «Над колыбелькою», 1903]. Наташа – Елена Сергеевна Ремизова (1902–1976) – племянница Ремизова. При последующей публикации в составе цикла «Посолонь» этот текст автор переадресовал своей дочери Наташе (1904–1943). В «Северном крае» впервые опубликовано и стихотворение Ремизова «Беспокойные тучи, куда вы?» [Ремизов, «Беспокойные тучи, куда вы?», 1903]. Оно служит лирической вставкой в рассказе «Придворный ювелир», но сам рассказ в «Северном крае» не публиковался. Впервые в «Северном крае» опубликовано известное стихотворение Ремизова «Кутья-Войсы» [Ремизов, «Кутья-Войсы», 1903] с авторским примечанием: «Языческо-христианское верование зырян: под Рождество пробуждаются от проклятия «Кутьи войсы» – демонические существа и властвуют над землей до Крещения».

Когда Каляева казнили, Ремизов в том же 1905 году посетил место его казни и захоронения в Шлиссельбургской крепости. Ремизов посвятил Каляеву нерифмованное стихотворение «Иван Купал» и «Трагедию об Иуде», а Савинков, организатор убийства великого князя Сергея Александровича, увековечил фигуру друга в повести «Конь Бледный». Откликнулись также Л. Андреев, М. Пришвин, А. Куприн, А. Блок, З. Н. Гиппиус, М. Горький.

Другая ветвь ремизовского мифа литературная; хотя ветви биографическая и художественная у Ремизова переплетаются тонко и причудливо. Ремизов развивал в творчестве мотивы неправедного мира, мытарства, бесприютности, духовного очищения. Но эти самые мотивы начали воплощаться в его жизни задолго до литературы. Ярославль – как биографический, так и творческий мотив в судьбе Ремизова, чей художественный дар был многогранным, а личность развивалась в разные стороны. Творческое сознание Ремизова, осмысление и переосмысление своей биографии было в каком-то смысле мифологизировано им самим. Художник М. Добужинский считал его дарование игровым. Критики обвиняли Ремизова в нарочитом пристра-

стии к архаике (Г. Адамович), в имитации русской допетровской старины; И. Ильин оценил его как юродивого «в пределах культуры», А. Блок – наследника Достоевского, «великого жалостника». «Живой сокровищницей русской души и речи» назвала творчество Ремизова Марина Цветаева [Иванов, 2018]. А. Ремизов был одним из творцов нового художественного мышления, а искусство Серебряного века обогатил своей версией «царства небесно-земного, духовно-плотского» [Иванов, 2012]. Ремизов – оригинальный стилист, мастер сказа, один из основоположников т. н. орнаментальной прозы. Творя *по материалу*, он умел обыграть *чужое* слово: фольклор, апокрифы, демонология, заклинания, сны.

Ремизов сильно влиял на Пришвина, Леонова, Шишкова и других русских писателей. Это его, своего учителя рекомендациям следуя, М. Пришвин погружался в такие глубокие народные слои, «куда редко заглядывал глаз образованного человека». Показательно, что и первая статья о Пришвине, принадлежавшая Р. В. Иванову-Разумнику, называлась «Великий Пан» [Иванов, 2012]. В Ремизовым же навеянных неомифологизме и сказкотворчестве «просто поэт в душе» Пришвин мог отправиться на Север и раствориться в образе бродяги, примкнуть к народному мудрецу. Пантеизм Ремизова был одним из тех субъективных пантеизмов «по-своему», которые сформировали неопантеизм в русской литературе. Подспудно Ремизов влиял на сам тип творческой личности, поведения многих писателей, искавших разные способы сохранения и реализации своего духовного мира. Здесь можно указать и на мотивы странствий, бродяжества, и на внимание к архетипичным народным мудрецам, и, в целом, на погружение в стихию народной жизни. Поездки, мотив движения, вполне вписываются в общую традицию интеллигентских «духовных» путешествий и интереса к расколу.

Столь разные по тематике, тональности стихотворения, опубликованные в Ярославле, созвучны автобиографической прозе Ремизова. Лирический герой стихотворений и автобиографический повествователь совпадают зеркально. И там, и здесь развивается метаповествование о трагической судьбе, слышны называвшиеся уже мотивы мытарства, бесприютности, неправедного мира.

В 1902 г. Департамент полиции разрешил Ремизову съездить в Москву. Вот что он написал об этом в автобиографической книге «Иверень»: «Неделя до Введения конец осени. Всю дорогу, от Вологды до Ярославля и от Ярославля до Москвы, не отрываясь, у окна. Поля и лес. Пушкин и Некрасов стихами выговаривают дорогу, через их слова и вижу: „роняет лес багряный свой убор” и, вглядевшись, повторяю: „поздняя осень, грачи улетели”. Какая горькая разлука, но под сердцем я весь охвачен, перелетной птицей бьется надежда: это был мой первый литературный въезд в Москву» [Ремизов, 2000, т. 8, с. 460]. Многоговорящая запись. В Ярославле была остановка. Каляев пока ещё находился здесь, допускаем, что они встретились.

В книге «Иверень» Ремизов в своей причудливой манере вспоминал встречу с Савинковым: «И весь день Савинков смотрел устюжской тучей – вот хлынет каменный дождь и засыпет костел, собор, – Вологду, Ярославль, Нижний и Арзамас с Горьким» [Ремизов, 2000, т. 8, с. 453]. В тексте Ремизова Ярославль фигурирует исключительно по логике литературно-художественных ассоциаций и прогнозов. Обсуждая в 1902 году в Вологде с Савинковым тему чертовства, возможно, бесовщины, мог ли думать Ремизов о роли Савинкова в русской революции? Нейтральный по тону выражения, но издевательский по смыслу упрёк Горького в «чёртике неумном» Савинков воспринял болезненно. Родственным способом, боясь, комплексуя, реагировал на насмешки Ставрогин и другие колоритные предтечи революционеров в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». Ставрогин – предводитель бесов, но мелкий бес, «чёртик неумный» – Передонов у Ф. Сологуба. И в подобном контексте, смешении литературы и жизни Савинков, претендовавший на роль чёрта умного, видится демоном, ждущим своего часа. Слова Ремизова о «каменном дожде» пророческие, их нужно лишь вычленить. Савинков родился 19 (31) января 1879 года и был на полтора года моложе Каляева, но влиял на «паству» гипнотически. Результат его воспитания – решимость бросать бомбы-камни в кого угодно. В 1918 году Савинков и тучи его бесов свою роль в сотворении на Ярославль каменного дождя и выжигающего огня сыграли.

Описание полученных результатов

Подходы к материалу исследования и результат связаны, что позволило получить следующие научно значимые результаты. Конкретизация семантического поля дефиниций локальный текст, авторский миф позволила получить новое

знание, по-новому представить ярославский текст, с другой стороны, место Ремизова, ремизовского мифа в этом тексте. Достаточно полно выявлена специфика изучаемых художественных явлений, открыты широкие возможности для обновленного прочтения как отдельных произведений, так и для анализа тенденций литературы. Была предпринята попытка выявить художественную типологию этих явлений. Интерпретируются новые любопытные сведения биографического, историко-литературного характера. Локальный текст осмыслен на историко-литературном материале (миф); локальный текст представлен как многообразная, закрепленная в целях своего воспроизводства, исторически и функционально изменчивая макроединица, обладающая собственными закономерностями, что расширяет категорию «локальный текст литературы».

Заключение

Основные выводы исследования. Это перспективное научное направление: ни много, ни мало – предложена текстологическая концепция русской литературы. И тем еще, что на этом фоне дополнены и переосмыслены многие, как будто известные произведения. Избранная тема плодотворна и перспективна в плане осмысления литературного процесса начала XX века. понятие «локальный текст» раскрыто как область взаимодействия полюсов раскрыто единство локального текста как хранилища опыта литературной рефлексии и саморефлексии, матрицы, продуцирующей новые смыслы, творческой потенции в самореализации русской культуры; показано, как метатекст задает правила порождения текста, его грамматику и синтаксис; в качестве дальнейшего направления исследований обозначена проблема особого метатекстуального мышления, опирающегося на новую метатекстуальную прагматику и синтагматику культурной коммуникации. В качестве дальнейшего направления исследований обозначена проблема особого метатекстуального мышления, опирающегося на новую метатекстуальную прагматику и синтагматику культурной коммуникации.

В качестве **итогов** работы укажем на новое знание о ремизовском мифе, ярославском тексте и способах получения этого знания. Ремизовский миф характеризуется в контексте творческих поисков, систематизации, дополнения и уточнения биографических и литературных мотивов (что делается нечасто): фольклор, русская литература XIX века, библейский, христианский миф. В этой проблематике через дискурсивную и мифопоэтическую методологию устанавливались параллели, переклички с литературой русского неореализма и современной Ремизову литературой.

Библиографический список

1. Савинков Б. Воспоминания // Былое. 1917. Кн. 23.

2. Иванов Н. Н. Ярославская тема в сочинениях А. М. Ремизова // Голоса русской провинции. Ярославль, 2016. Вып. 9. С. 92–97.

3. Иванов Н. Н. Пришвин – ученик А. Ремизова // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи. Сборник трудов Международной научной конференции. Москва : МГОУ, сентябрь, 2011. Часть 1. Серебряный век. Москва : ЮНИАКС, 2012. С. 138–145.

4. Иванов Н. Н. Ремизов А. М. // Литературный энциклопедический словарь Ярославского края / сост. О. Н. Скибинская. Ярославль : Академия 76, 2018. 680 с.

5. Иванов Н. Н., Макеева С. Г. Иван Каляев и Алексей Ремизов: Ярославские встречи // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. № 3. С. 114–119.

6. Иванов Н. Н., Пупкова Н. С. Ярославская тема в сочинениях А. М. Ремизова (научная статья) // Материалы XII международной научной конференции «Голоса русской провинции» в рамках XIII ежегодных Васильевских чтений (сент. 2015). Вып. 9. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. С. 92–97.

7. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. Москва : Мысль, 1994. 920 с.

8. Ремизов А. «Беспокойные тучи, куда вы?» // «Северный Край» (Ярославль). 1903, № 83, 30 марта. С. 2.

9. Ремизов А. М. Встречи. Петербургский буерак. Париж, 1981.

10. Ремизов А. М. «Кутья-Войсы» // «Северный Край» (Ярославль). 1903, № 42, 14 февраля. С. 2.

11. Ремизов А. М. «Над колыбелькою» // «Северный Край» (Ярославль). 1903, № 118, 6 мая. С. 2.

12. Ремизов А. М. Плач девушки перед замужеством // «Северный Край» (Ярославль). 1902, № 238, 10 сент.

13. Ремизов А. М. Собрание сочинений. В 10 т. / Институт русской литературы РАН. Москва : Русская книга, 2000.

14. Тыркова-Вильямс А. Тени минувшего. Встречи с писателями // Возрождение (Париж). 1955, № 37.

15. Ярославский текст в пространстве диалога культур : материалы международной научной конференции (Ярославль, 15–16 апреля 2014) / отв. ред. О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2014. 524 с.

16. Ярославский текст в пространстве диалога культур : материалы международной научной конференции (Ярославль, апрель 2016) / отв. ред. О. Н. Ски-

бинская, Т. К. Ховрина. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2016. 384 с.

17. Ярославский текст в пространстве диалога культур : материалы Третьей Всероссийской научной конференции (Ярославль, апрель 2018) / сост. и отв. ред. О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. 372 с.

18. Ярославский текст в пространстве диалога культур : материалы Четв. Всероссийской научной конференции (Ярославль, 5–6 ноября 2020) / сост., отв. ред. О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 312 с.

19. Alexis Remizov. Bibliographie. Paris, 1978.

20. Lampl H. Bibliographie // Wiener Slawistischer Almanach. 1978, Bd. 2. S. 310, 312, 313, 315, 318.

Reference list

1. Savinkov B. Vospominanija = Reminiscences // Byloe. 1917. Kn. 23.

2. Ivanov N. N. Jaroslavskaja tema v sochinenijah A. M. Remizova = Yaroslavl theme in A.M. Remizov's works // Golosa russkoj provincii. Jaroslavl', 2016. Vyp. 9. S. 92–97.

3. Ivanov N. N. Prishvin – uchenik A. Remizova = Prishvin – a disciple of A. Remizov // Slovesnoe iskusstvo Serebrjanogo veka i Russkogo zarubezh'ja v kontekste jepohi. Sbornik trudov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva : MGOU, sentjabr', 2011. Chast' 1. Serebrjanyj vek. Moskva : JuNIAKS, 2012. S. 138–145.

4. Ivanov N. N. Remizov A. M. = Remizov A. M. // Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar' Jaroslavskogo kraja / sost. O. N. Skibinskaja. Jaroslavl' : Akademija 76, 2018. 680 s.

5. Ivanov N. N., Makeeva S. G. Ivan Kaljaev i Aleksej Remizov: Jaroslavskie vstrechi = Ivan Kalyaev and Alexei Remizov: Yaroslavl meetings // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2015. № 3. S. 114–119.

6. Ivanov N. N., Pupkova N. S. Jaroslavskaja tema v sochinenijah A. M. Remizova (nauchnaja stat'ja) = Yaroslavl theme in A.M. Remizov's works (scientific article) // Materialy XII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Golosa russkoj provincii» v ramkah XIII ezhegodnyh Vasil'evskih chtenij (sent. 2015). Vyp. 9. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2016. S. 92–97.

7. Losev A. F. Mif. Chislo. Sushhnost' = Myth. Number. Essence. Moskva : Mysl', 1994. 920 s.

8. Remizov A. «Bespokojnye tuchi, kuda vy?» = «Restless clouds, where are you going?» // «Severnyj Kraj» (Jaroslavl'). 1903, № 83, 30 marta. S. 2.

9. Remizov A. M. Vstrechi. Peterburgskij buerak = Meetings. St. Petersburg gulch. Parizh, 1981.

10. Remizov A. M. «Kut'ja-Vojsy» = «Kutya-Voysy» // «Severnyj Kraj» (Jaroslavl'). 1903, № 42, 14 fevralja. S. 2.

11. Remizov A. M. «Nad kolybel'koju» = «Over the cradle» // «Severnyj Kraj» (Jaroslavl'). 1903, № 118, 6 maja. S. 2.

12. Remizov A. M. Plach devushki pered zamuzhestvom = A girl crying before marriage // «Severnyj Kraj» (Jaroslavl'). 1902, № 238, 10 sent.

13. Remizov A. M. Sobranie sochinenij. V 10 t. = Collected works. In 10 vols. / Institut russkoj literatury RAN. Moskva : Russkaja kniga, 2000.

14. Tyrkova-Vil'jams A. Teni minuvshego. Vstrechi s pisateljami = Shadows of the past. Meetings with writers // Vozrozhdenie (Parizh). 1955, № 37.

15. Jaroslavskij tekst v prostranstve dialoga kul'tur = Yaroslavl text in the dialogue of cultures : materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Jaroslavl', 15–16 aprelja 2014) / otv. red. O. N. Skibinskaja, T. K. Hovrina. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2014. 524 s.

16. Jaroslavskij tekst v prostranstve dialoga kul'tur = Yaroslavl text in the dialogue of cultures : materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Jaroslavl', aprel' 2016) / otv. red. O. N. Skibinskaja, T. K. Hovrina. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2016. 384 s.

17. Jaroslavskij tekst v prostranstve dialoga kul'tur = Yaroslavl text in the dialogue of cultures : materialy Tret'ej Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Jaroslavl', aprel' 2018) / sost. i otv. red. O. N. Skibinskaja, T. K. Hovrina. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2018. 372 s.

18. Jaroslavskij tekst v prostranstve dialoga kul'tur = Yaroslavl text in the dialogue of cultures : materialy Chetv. Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Jaroslavl', 5–6 nojabrja 2020) / sost., otv. red. O. N. Skibinskaja, T. K. Hovrina. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. 312 s.

19. Alexis Remizov. Bibliographie. Paris, 1978.

20. Lampl N. Bibliographie // Wiener Slawistischer Almanach. 1978, Bd. 2. S. 310, 312, 313, 315, 318.

УДК 82

В. А. Галанова **https://orcid.org/0000-0003-0375-6332**

Карельская эпическая поэма Ф. Н. Глинки как историко-христианская легенда

Для цитирования: Галанова В. А. Карельская эпическая поэма Ф. Н. Глинки как историко-христианская легенда // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 24–28. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-24-28

В статье обсуждаются особенности поэзии Федора Николаевича Глинки, его творчество, нашедшее отражение в качестве историко-христианской легенды, отличительные признаки его поэм. Внимание уделяется прежде всего поэмам «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой», написанная в 1830 году, и «Дева карельских лесов», опубликованная в 1826 году. В поэме «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой» автор рассказывает о событиях, происходящих в Смутное время. Мать царевича, Марфу Иоанновну Романову, в результате заговора отправляют в карельский край. Пережить ссылку ей помогает странствующий монах. Он знакомит ее с мифологией и бытом Карелии, утешает и рассказывает о божественных чудесах, происходящих на севере. В итоге Марфа Иоанновна находит силы пережить ссылку и в финале возвращается на родину. Поэма «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой» привлекала внимание и Пушкина. Им была написана рецензия на поэму в 1830 году. В поэме «Дева карельских лесов» герои уже являются современниками автора. Молодой человек прибывает в карельский край. Там он знакомится с девушкой и с ее отцом, скрывающимся от закона. Завершается поэма возвращением из Карелии девушки и главного героя. Художественные образы Федора Глинки, в частности, образ Карелии, привлекали и других поэтов. В первую очередь это Евгений Баратынский и Владимир Бенедиктов. Поэма Евгения Баратынского «Эда» была написана в 1826 году. В ней он описывает историю любви приезжего гусара и финской девушки. Владимир Бенедиктов создаёт ряд стихотворений, посвященных самому Глинке и карельскому краю. Они опубликованы в полном собрании сочинений в 3 томах, вышедшим в 1856 году. Это стихотворения «Утес», «Озеро», «К товарищам детства». Всех трех авторов объединяет тема Карелии. При этом именно поэмы Федора Глинки отличает историческая и христианская тематика. Если Евгений Баратынский и Владимир Бенедиктов рассказывают о величественности и красоте Карельского края, то у Федора Глинки герои среди карельской природы заняты духовными исканиями и в итоге обретают настоящую внутреннюю свободу.

Ключевые слова: словесность и литература, историко-христианская легенда, эпическая поэма, поэма, поэзия, романтизм, Фёдор Глинка.

V. A. Galanova

Karelian epic poem by F. N. Glinka as a historical Christian legend

The article discusses the peculiarities of Fyodor Nikolayevich Glinka's poetry, his work, and the distinctive features of his poems. The attention is focused primarily on the poems: «Karelia, or the Imprisonment of Marfa Johannovna Romanova» (1830), «The Maiden of Karelian Forests» (1826). The poem Karelia, or the Imprisonment of Marfa Johannovna Romanova» is about the events during the Time of Troubles. The prince's mother, Marfa Ioannovna Romanovna, is exiled to Karelia as a result of a conspiracy. A traveling monk helps her survive her exile. He introduces her to the mythology and life of Karelia, comforts her and tells her about the divine miracles that occur in the north. Eventually, Marfa Ioannovna finds the strength to survive her exile and returns to her homeland. The poem also attracted the attention of A. Pushkin who wrote a review of the poem in 1830. The characters of the poem The Maiden of Karelian Forests are contemporaries of the author. A young man arrives in Karelia. There he meets a girl and her father who is hiding from the law. The poem ends with the return of the girl and the main hero from Karelia. Fyodor Glinka's artistic images, in particular the image of Karelia, attracted other poets as well, namely Eugeny Barstynsky and Vladimir Benediktov. Eugeny Barstinsky wrote his poem «Eda» in 1826. This poem is about love between a Finnish girl and a visiting hussar. The poet Vladimir Benediktov wrote several poems devoted to Glinka himself and Karelia. They were published in 1856. These poems are: The Cliff, The Lake and To the Playmates. All these poets wrote about Karelia, but only Glinka wrote in his poems about Christianity and history. Whereas Yevgeny Baratynsky and Vladimir Benediktov depict the splendor and beauty of Karelia, Fyodor Glinka's characters are engaged in spiritual quests among the Karelian nature and eventually gain true inner freedom.

© Галанова В. А., 2021

Key words: language and literature, epical poem, poem, historical Christian legend, poetry, Romantisism, Feodor Glinka.

Введение

Федор Николаевич Глинка (1896–1880) с ранних пор уделял внимание историко-христианской теме в творчестве. В поэзии Федора Глинку интересовали преимущественно патриотические («Ура!», 1854) и религиозные сюжеты, которые разрабатывал в строго православном духе. Уже в 1826 г. увидели свет «Опыты священной поэзии» и «Опыты аллегорий, или иносказательных описаний в стиха и прозе». В «Опытах священной поэзии» библейская тема наполняется гражданскими, декабристскими образами. В 1859 г. появился «Иов, свободное подражание священной книги Иова», а в 1861 г. Глинка напечатал в Берлине поэму «Таинственная капля» которая была переиздана в Москве в 1871 году и «Духовные стихотворения», увидевшие свет в Москве в 1869 году. Одним из наиболее подробных современных изданий творечества Фёдора Глинки стал сборник духовных сочинений «Молись душа!», составленный В. П. Зверевым. В статье «Небесная арфа Фёдора Глинки» автор утверждает, что «звание духовного писателя закрепилось ещё до выхода в свет его «Аллегорий» и «Опытов священной поэзии» [Зверев, 1998, с. 641–717]. В. П. Зверев подчёркивает, что «мир Ф.Н. Глинки небесный, духовный, даже если поэт говорит и о земном [Зверев, 1998, с. 647]».

Исследователь говорит о том, что «Для Ф. Н. Глинки тексты Священного Писания были именно той животворной и питательной влагой, о которой в любимой для поэта аллегорической форме говорил святой Иоанн Златоуст [Зверев, 1998, с. 690]».

Именна эта связь с библейскими текстами проследует и в дальнейшем творчестве, в том числе и в поэмах «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой», «Дева Карельских лесов» и «Таинственная капля». Творчество Г. Р. Державина, Ф. Н. Глинки сохраняет литературные традиции «северного текста». Традиции «северного текста» берут начала с творчества Ломоносова, воспевшего красоту Русского Севера ещё в первой половине XVIII века. В оде «Вечернее размышление о Божием величестве» Понятие «северный текст» включает произведения о природе Русского Севера, его истории и о жизни местных жителей. В некоторых исследованиях считается, что понятие включает дискурс не только русской, но и мировой литературы. На уровне поэтики «северный текст» включает систему мотивов и образов авторского восприятия Русского Севера. Традицию северного текста продолжают Державин, Баратынский и Глинка.

У всех троих местом действия становится территория Карелии и Финляндии, входившей в то время в состав Российской Империи. К северному тексту можно отнести оду Державина «Водопад». Ода «Водопад», написанная в 1791 году, является образцом подобного стиля. Данная ода является одним из ярких произведений, принёсших славу поэту. Она стала одной из од, написанных непривычным для эпохи языком. У Державина образ природной стихии приобретает самоценное значение. Образ природной стихии, а также его сопряжение с историко-легендарной темой станет основой поэм Глинки. Образ природы имеет корни в европейской поэме, и не менее сильно выражен в творчестве Державина, уже в сочетании с историко-легендарным жанровым началом.

В творчестве Федора Николаевича Глинки уделялось значительное внимание Карелии и карельскому краю. Его поэзия привлекла внимание прежде всего краеведов. Тем не менее, поэмы «Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой» и «Дева карельских лесов» привлекают внимание прежде всего с исторической и христианской точки зрения.

Сюжет поэмы кажется незатейливым: к знаменитой затворнице, Марфе Иоанновны Романовой, сосланной во время Смуты, приходит странствующий монах и его дочь. Они знакомят главную героиню с христианскими притчами и мифологией Карельского края. В итоге Марфа Иоанновна находит силы, чтобы достойно пережить ссылку, и в финале возвращается на родину. В поэме «Дева карельских лесов» события происходят позднее, при жизни автора. Тема ссылки присутствует и в этой поэме. Дочь главного героя знакомится с приехавших в Карелию молодым человеком, и благодаря общению с ним находит силы достойно пережить ссылку. В этой поэме Фёдор Глинка также серьезно уделяет внимание подробностями истории карельского края. При этом Федор Глинка был не первым человеком, знакомящим читателей с историей и бытом Карелии. Евгений Баратынский серьезное внимание уделил Карелии в поэме «Эда». Но, в отличие от Федора Глинки, Карелия была чужда Баратынскому. Он воспринимал ее как враждебный и опасный край. Сюжет поэмы Баратынского прост:

приезжий гусар соблазняет девушку и расстается с ней, уезжая на войну. Совсем другой мотив при схожем сюжете в поэме «Дева Карельских лесов» Федора Глинки. В этой поэме приезжий военнослужащий не бросает девушку, а, напротив, ее поддерживает. В финале она возвращается на родину. Различаются тексты Баратынского и Глинки в более глобальном смысле. Прежде всего они отличаются отношением к романтической тайне. Баратынскому чужды христианско-эпические мотивы, ему ближе лирико-сентиментальное повествование. Совсем другие впечатления у Глинки: тайна в его понимании романтически-глобальна и монументальна. Неслучайно поэма привлекла внимание Пушкина. Об этой поэме он восторженно отзывается в письме Глинке в 1828 году. Пушкин был при этом знаком с тем, как была представлена Карелия в творчестве Баратынского и Глинки. Скорее всего, именно христианская и природная сокровенность романтического текста поэмы «Дева карельских лесов» не только привлекла внимание Пушкина, но и вызвала его восторженный отклик о поэме Глинки. Пушкин написал рецензию на творчество Баратынского в 1827 году, после выхода в свет книги «Стихотворения Евгения Баратынского». В данной рецензии Пушкин уделяет большое внимание поэме Баратынского «Эда». В первых абзацах складывается образ поэта – «первоклассного», но, «(быть может) еще недовольно оцененного своими соотечественниками». В начале рецензии Глинка назван отличным и оригинальным поэтом. Затем Александр Пушкин перечисляет причины различного успеха творчества Евгения Баратынского и противоречивого отношения критиков, остановившись на поэме «Эда», которая не была принята многими критиками. Следует отметить, что несмотря на то, что издание «Эды» появилось только в начале 1826 года, полный текст ее был готов существенно раньше.

О необходимости опровергнуть утверждения критиков Пушкин говорит в начале своей рецензии. В качестве опровержения утверждения критиков, Пушкин приводит в пример два отрывка, передающих ощущения героини, её глубину чувств. Автор настойчиво повторяет о том, что он не следует путем пушкинских поэм, к которым можно приблизить «Эду», но следует иным путем и дает указания в сторону своих отклонений: 1) он изображает совершенно простое в противовес очень необыкновенному; 2) он не придерживается лирического тона, это может быть можно понимать так, что в конструктивном плане он не позволяет себе лирических отступлений и пейзаж остается замкнутым в пределах развития повествования и поэма сначала до конца остается однопланной, тогда как у Пушкина отчетливая двупланность даже в тех поэмах, в которых он пробует создать героя; 3) автор говорит о вводе мелочных подробностей – détails prosaïques – и, наконец, 4) об использовании им образа Финляндии как материала.

Строение поэмы «Эды» Баратынского, несомненно, связано с таким жанром как элегия. Но христианские мотивы в «Эде» отсутствуют. Главным эстетическим кредо при этом становится двойственность характеров. В отличие об Баратынского Глинка подобной двойственности не допускает. Если герои Баратынского переживают падение и вызывают сочувствие, то у Глинки они стремятся к свету. При этом у Глинки изначально отсутствует эротика Баратынского, а любовные чувства героев происходят из стремления к высшим идеалам – нравственной чистоте и свободе. «Финляндская повесть» «Эда» относится к типу сентиментальной повести в стихах. Сентиментализм как жанр для русской литературы открыл Карамзин. Именно Карамзин открывает новую литературу и поэзию XIX века. Если ранее природа у Державина – только на подходах к предромантической поэтике, то природа у Карамзина становится самоценной составляющей поэтики сентиментализма. Дикая и девственная природа Карелии соотносится с дикой и девственной красотой, невинностью девы. После соблазнения невинности сюжет направляется в сторону печальной развязки. Что характерно, пейзаж Карелии становится тревожным, мрачным, почти безысходным. Природа становится фоном тех или иных сюжетных линий. Концовка поэмы пафосная, как и в «Бедной Лизе». Сюжет поэмы, соблазнение невинной девушки, соотносится с подчинением Финляндии Россией, как бы подчеркивая некогда первобытную, даже дикообразную суть Карелии – Финляндии. Внешняя «легкость» сюжета, с виду схожего с любовным романом, скрывает достаточно серьезную тему, что подчеркивается автором в финале. При этом различается отношение Пушкина к творчеству Баратынского и Глинки. Если в отношении «Эды» Баратынского Пушкин в целом отозвался не только положительно отозвался, но и высказал критические замечания то в поэме Глинки никакой критики в отзыве Пушкина мы не найдём. И это не случайно: поэт сам был на пути своих христианских ис-

каний, свойственных последнему этапу его жизни.

Как и в поэме «Дева карельских лесов», Федор Глинка во введении к поэме «Карелия или заточение Марфы Иоанновны Романовой» рассказывает, о чем будет идти речь в поэме. По сюжету, в Выгозерском стане один из поселян знакомит затворницу с монахом, который открывает Марфе Иоанновне тайны карельского края и повествует о том, что пришлось ему пережить в тех местах, делится полученными впечатлениями. Затем появляется новое лицо – Маша, дочь Никанора, которая пересказывает всю мифологию Карелии, и, как отец, не только знакомит Марфу Иоанновну с особенностями Карельского края, но и помогает ей справиться с тяготами ссылки, пережить разлуку с близкими.

Поэт подчёркивает безлюдность и безмолвие края, но в этом случае заметны отсылки не только к библейским и фольклорным текстам, но и к творчеству русских поэтов. Упоминаются Жуковский, Батюшков и Пушкин: *«И чтоб Жуковского читали/В тиши нагорных сих лесов?/Еще не затвердило эхо/Здесь звонких Пушкина стихов,/И не был Батюшков утехой/Ума, возвышенной души»* [Глинка, 1939, с. 176]. Выше уже говорилось об интересе Пушкина к Глинке и его поэмам, о том, что позднее творчество Пушкина было к к историческим и христианским исканиям, которые как раз и характерны для поэм Глинки. Но важно сказать ещё об одном сходстве, сближении Пушкина и Глинки – автора эпических поэм о Русском Севере. Речь идёт о любви обоих русских поэтов к тематике и мотивам истоков, понимаемых как исторические христианские. С точки зрения эпико-романтической традиции это был наиболее выразительный материал: это подметил ещё Ломоносов в своей оде под названием «Ода, выбранная из Иова»). Ломоносов, как и Глинке-романтику, были не просто близки но и дороги и исторические, и народно-романтические черты, присущие Северу, своего рода потенциал Русского Севера. В оде Ломоносова повествуется о величии и своеобразии природы, её красоте и величии.

Говоря о связи творчества Фёдора Николаевича Глинки с произведениями других поэтов, необходимо особенно отметить влияние его творчества на творчество поэта Владимира Григорьевича Бенедиктова.

Для творчества Бенедиктова характерны ранние романтические образы, бурная ритмика. Нередко Бенедиктов прибегал к словотворчеству. Тематикой стихотворений становилась природа, любовь, балы, военные сражения. Данная тематика была близка русским поэтам-романтикам. При этом Бенедиктов вступил в творческую среду «на излете» романтизма, то есть в середине 30-х годов.

Время, проведённое в Олонецкой губерни, серьёзно отразилось на творчестве поэта. Память о годах, проведенных в Олонецкой губернии, поэт сохранил на всю жизнь. При этом творчество Федора Глинки, его образы Карелии оказали серьёзное влияние на творчество поэта. Красота Русского Севера описывается в стихотворениях «К товарищам детства», «Озеро», «Утес», «Горячий источник», «Ф. Н. Глинке».

Сам Бенедиктов был не только знаком с творчеством певца Карели Фёдора Глинки, но и посвятил ему стихотворение, написанное 12 мая 1854 года. Стихотворение называется «Ф. Н. Глинке», также известно в сборниках как «Ф. Н. Глинке (Здравствуй, деятель и зритель…). В стихотворении отмечается всё богатство творчества Фёдора Глинки. Подчёркивается, что поэт, пройдя немало сражений, достойно воспевал воинскую доблесть. В мирное время он приносил радость и утешение «песнью мирной».

Он напоминает о том, что с давних времён Глинка сохранил верность «святыне благородной старины» [Бенедиктов, 1842, с. 117]. Богатство христианских образов поэта также запомнилось юному Бенедиктову. От его слов, его поэм веял «аромат библейский», «отзыв неба самого». Вслед за христианскими мотивами поэт выделяет значимость образов Карельского края в творчестве поэта: «Ты Карелии природу/В метких ямбах очертил» [Бенедиктов, 1842, с. 118]. Финальное четверостишие стало откликом на гимн Глинки «Ура» («Ура!.. На трех ударим разом!..»), написанному в Твери 3 ноября 1853 г. и опубликованный впервые в Санкт-Петербурге 1854, 4 января. Гимн Фёдора Глинки получил широкую популярность. Особенно популярен он был в военное время.

Выводы

Система образов Фёдора Глинки оказала влияние на целый ряд произведений Бенедиктова. В отличие от своего предшественника, вместо поэмы предпочёл для выражения красоты Русского Севера применить малую форму. Стихотворение «Утёс», написанное в 1835 году, посвящено могучему гранитному утёсу. Оба автора отмечают дикость природы: «и дик и угрюм» утёс в стихотворении Бенедиктова, «дикие картины» предстают в поэме Фёдора Глинки «Дева Карельских лесов».

Романтическое противопоставление, борьба сил природы между собой привлекали обоих авторов. Именно романтическое противопоставление, восхищение карельской природой сблизило обоих авторов.

Таким образом, несмотря на различие творчества Федора Глинки, Евгения Баратынского и Владимира Бенедиктова мы можем сказать, что система образов, представленная с разных сторон, демонстрирует всю красоту и своеобразие Русского Севера.

Библиографический список

1. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. [в 3 выпусках]. Москва, 1908–1913. 2-е изд.

2. Базанов В. Г. Глинка Ф. Н. Избранное. Петрозаводск : Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1949. 449 с.

3. Базанов В. Г. Ученая республика. Москва-Ленинград : Учпедгиз, 1964, 446 с.

4. Белинский В. Г. Собрание сочинений [в 9 т] / ред. Ю. В. Манн. Москва : Изд-во Художественная литература, 1978. 614 с.

5. Бенедиктов В. Г. Стихотворения Владимира Бенедиктова. Первая книга. Санкт-Петербург : Типография Департамента внешней торговли, 1842. 128 с.

6. Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Ленинград : Советский писатель, 1939. 336 с.

7. Глинка Ф. Н. Сочинения. Петрозаводск : «Каргосиздат», 1939. 428 с.

8. Глинка Ф. Н. Иов. Свободное подражание Священной книге Иова. Москва : Тип. газ. «Русский», 1872. 368 с.

9. Глинка Ф. Г. Сочинения. Москва : «Советская Россия», 1986. 342 с.

10. Замков Н. К. Пушкин и Ф. Н. Глинка // Пушкин и его современники. Пг., 1918. Вып. 29–30. 568 с.

11. Зверев В. П. Священная поэзия в творчестве Ф. Н. Глинки. Москва : АСТ, 1998. 743 с.

12. Зверев В. П. Великодушный гражданин // Глинка Ф. Н. Письма к другу. Москва : Современник, 1990. 748 с.

13. Зверев В. П. Молись, душа! Москва : Изд-во Пашков дом, 2017. 743 с.

14. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха. О поэтах и поэзии. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1996. 846 с.

15. Орлицкий Ю. Б. Динамика стиха и прозы в русской словесности. Москва : РГГУ, 2008. 845 с.

16. Петровский М. Л. Проблемы поэтики. Ленинград, 1925. 286 с.

17. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: В 17 т. Т. 11. Москва : Воскресенье, 1996. 595 с.

18. Томашевский, Б. В. Теория литературы: Поэтика. Москва-Ленинград : Госиздат, 1925. 320 с.

19. Томашевский, Б. В. Пушкин. Москва; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1956. 743 с.

20. Gifford, Henry. The Novel in Russia: From Pushkin to Pasternak. London : Hutchinson Univ. Library, 1964. 208 p.

Reference list

1. Ajhenval'd Ju. I. Silujety russkih pisatelej = Images of Russian writers. Moskva, 1908–1913. 2-e izd.

2. Bazanov V. G. Glinka F. N. Izbrannoe = Glinka F. N. Selected works. Petrozavodsk : Gos. izd-vo Karelo-Finskoj SSR, 1949. 449 s.

3. Bazanov V. G. Uchenaja respublika = Educated republic. Moskva-Leningrad : Uchpedgiz, 1964, 446 s.

4. Belinskij V. G. Sobranie sochinenij [v 9 t] = Collected works [in 9 vols] / red. Ju. V. Mann. Moskva : Izd-vo Hudozhestvennaja literatura, 1978. 614 s.

5. Benediktov V. G. Stihotvorenija Vladimira Benediktova. Pervaja kniga = Vladimir Benedictov's poems. The first book. Sankt-Peterburg : Tipografija Departamenta vneshnej torgovli, 1842. 128 c.

6. Benediktov V. G. Stihotvorenija = Poems. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1939. 336 s.

7. Glinka F. N. Sochinenija = Works. Petrozavodsk : «Kargosizdat», 1939. 428 s.

8. Glinka F. N. Iov. Svobodnoe podrazhanie Svjashhennoj knige Iova = Job. A free imitation of the Holy Book of Job. Moskva : Tip. gaz. «Russkij», 1872. 368 s.

9. Glinka F. G. Sochinenija = Works. Moskva : «Sovetskaja Rossija», 1986. 342 s.

10. Zamkov N. K. Pushkin i F. N. Glinka = Pushkin and F.N. Glinka // Pushkin i ego sovremenniki. Pg., 1918. Vyp. 29–30. 568 s.

11. Zverev V. P. Svjashhennaja pojezija v tvorchestve F. N. Glinki = Sacred poetry in the works of F. N. Glinka. Moskva : ACT, 1998. 743 s.

12. Zverev V. P. Velikodushnyj grazhdanin = A generous citizen // Glinka F. N. Pis'ma k drugu. Moskva : Sovremennik, 1990. 748 s.

13. Zverev V. P. Molis', dusha! = Pray, soul! Moskva : Izd-vo Pashkov dom, 2017. 743 s.

14. Lotman Ju. M. Analiz pojeticheskogo teksta: Struktura stiha. O pojetah i pojezii = Poetic text analysis: The structure of verse. On poets and poetry. Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPb, 1996. 846 s.

15. Orlickij Ju. B. Dinamika stiha i prozy v russkoj slovesnosti = Dynamics of verse and prose in Russian literature. Moskva : RGGU, 2008. 845 s.

16. Petrovskij M. L. Problemy pojetiki = Problems of poetics. Leningrad, 1925. 286 s.

17. Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenij: V 17 t. T. 11 = Complete works: In 17 vols. V.11. Moskva : Voskresen'e, 1996. 595 s.

18. Tomashevskij B. V. Teorija literatury: Pojetika = Theory of literature: Poetics. Moskva-Leningrad : Gosizdat, 1925. 320 s.

19. Tomashevskij B. V. Pushkin = Pushkin. Moskva; Leningrad : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1956. 743 s.

20. Gifford, Henry. The Novel in Russia: From Pushkin to Pasternak. London : Hutchinson Univ. Library, 1964. 208 p.

УДК 82.091

К. И. Морозова **https://orcid.org/0000-0003-2911-5621**

А. К. Гольдебаев (Семёнов) и А. Р. Крандиевская: уроки писательского мастерства

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект 20-312-90040 «Творчество А. К. Гольдебаева (Семёнова). Феномен „провинциального писателя" в русской литературе конца XIX – начала XX вв.»

Для цитирования: Морозова К. И. А. К. Гольдебаев (Семёнов) и А. Р. Крандиевская: уроки писательского мастерства // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 29–36. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-29-36

В статье представлена попытка анализа творческого взаимодействия двух литераторов начала XX века – А. К. Гольдебаева (1863–1924) и А. Р. Крандиевской (1866–1938). Для этого изучена сохранившаяся переписка литераторов, а также проанализирован рассказ А. К. Гольдебаева «Иван Степанович» («Будни Ивана Степановича»), о котором идёт речь в его письмах и в письме его литературной наставницы, разделявшей общее настроение своего адресанта, но справедливо указавшей ему на ряд его художественных ошибок и просчётов. Так, если Гольдебаев считал, что качественная публицистика может обладать высокой художественной ценностью и брать на себя функции литературы, то Крандиевская выступала категорически против публицистичности литературы, убеждая в своей правоте и ученика из провинции. Кроме этого, с целью выяснения того, какие уроки мог извлечь провинциальный сочинитель у своей наставницы из столицы, в статье рассматривается рассказ А. Р. Крандиевской «Газетчица». Выбор именно этого произведения объясняется «газетной» тематикой, роднящей его с рассказом Гольдебаева. В статье делается вывод о том, что после прочтения рассказа Крандиевской Гольдебаев должен был пересмотреть повествовательную организацию своих сочинений, научившись сдерживать своё авторское «я», научиться использовать в качестве основной характеристики персонажей и движущей силы сюжета диалоги и внутренние монологи, исключать описание лишних деталей и подробностей, концентрируясь исключительно на существенных сюжетообразующих элементах, и в соответствии с этим выстраивать композицию всего произведения так, чтобы события развивались динамично. Всё это, по мнению Крандиевской, и должно было помочь её адресату и ученику создать «что-нибудь крупное».

Ключевые слова: А. К. Гольдебаев, А. Р. Крандиевская, «Будни Ивана Степановича», «Газетчица», литературное наставничество.

K. I. Morozova

A. K. Goldebaev (Semenov) and A. R. Krandievskaya: lessons in creative writing

The article presents an attempt to analyze the creative interaction of two literary figures of the early XXth century: A. K. Goldebaev (1863–1924) and A. R. Krandievskaya (1866–1938). For this, the correspondence of the writers was studied. Also, the author analyzes the story of A. K. Goldebaev «Ivan Stepanovich» («Everyday life of Ivan Stepanovich») which is discussed in his and his literary mentor's letters. Krandievskaya shared the general mood of her Samara addressee, but she rightly pointed out to him a number of his artistic and technical mistakes. If Goldebaev believed that high-quality journalism could have a high artistic value and take on the functions of literature, then Krandievskaya was strongly against publicistic literature, convincing her provincial student that she was right. In order to find out what lessons a provincial writer might have learned from his metropolitan mentor, the article examines A. R. Krandievskaya's story «The Newspaper Girl». The choice of this work is explained by the «newspaper» theme, which made it related to the story by Goldebaev. The article concludes that after reading Krandievskaya's story, Goldebaev had to revise the narrative organization of his works, having learned to restrain his author's «I», learn to use dialogues and internal monologues as the main characters' profile and the driving force of the plot, exclude the description of unnecessary details, concentrating exclusively on the essential plot-forming elements, and in accordance with this, build the composition of the entire work so that the events unfold dynamically. All this, according to Krandievskaya, was supposed to help her addressee and student to create «something big».

Key words: A. K. Goldebaev, A. R. Krandievskaya, «Everyday Life of Ivan Stepanovich», «The Newspaper Girl», literary mentoring.

© Морозова К. И., 2021

Введение

А. К. Гольдебаев (1863–1924) – писатель и журналист рубежа XIX–XX веков, значительная часть творческой жизни которого была связана с провинцией. Однако, биографический «провинциализм» А. К. Гольдебаева не мешал ему активно интересоваться литературной жизнью и делами обеих столиц и даже способствовал этому, подталкивая к знакомству со столичными литераторами, которые могли что-то подсказать, посоветовать, чему-то научить. Так произошло заочное знакомство писателя с А. П. Чеховым, отредактировавшим один из его рассказов, увидевших свет на страницах журнала «Русская мысль». Аналогичным образом сложилось знакомство А. К. Гольдебаева с А. М. Горьким, М. А. Кузминым и ещё некоторыми другими писателями, по-разному реагировавшими как на сочинения провинциала, так и на его иногда, может быть, слишком настойчивые попытки заручиться их поддержкой в поисках своего места под литературным солнцем. Далеко не последняя роль в этом ряду принадлежит и ещё одному столичному литератору, в котором А. К. Гольдебаев видел настоящего наставника, мастера пера, каждое слово которого расценивалось им как руководство к действию и рецепт литературного успеха. Речь об А. Р. Крандиевской, в отличие от многих других знакомых провинциального литератора жаждавшей наставничества, охотно взявшей на себя роль покровителя и на протяжении нескольких лет довольно успешно справлявшейся с этой ролью.

Ниже мы суммируем всё, что известно о творческих взаимоотношениях А. К. Гольдебаева и А. Р. Крандиевской, а также предпримем попытку анализа того, в чём именно заключались «уроки», данные А. Р. Крандиевской её «ученику», и скажем о том, как эти уроки были усвоены последним.

Методы исследования

Основными методами исследования в данной статье являются сравнительно-сопоставительный, структурный и биографический. Первый способствует более полному раскрытию и пониманию творчества А. К. Гольдебаева. Сопоставление его рассказа «Будни Ивана Степановича» с рассказом его наставницы А. Р. Крандиевской «Газетчица» позволяет наметить некоторые аспекты творческой эволюции самарского писателя, а также выявить отношение писателей двух разных миров – столичного и провинциального – к революционным событиям рубежа веков. Второй метод направлен на выявление особенностей организации текстовой структуры и функционирования анализируемых художественных текстов. Наконец, биографический метод предусматривает анализ произведения Гольдебаева через изучение личности писателя в контексте эпохи, в нашем случае – посредством сохранившейся, пусть и частично, переписки с А. Р. Крандиевской.

Результаты исследования

На сегодняшний день известны три письма А. К. Гольдебаева, адресованные А. Р. Крандиевской, и одно ответное письмо А. Р. Крандиевской к А. К. Гольдебаеву. При этом некоторые из писем сохранились не в полном объёме, а три из них не датированы или датированы нами приблизительно.

Достаточно откровенная переписка Гольдебаева и Крандиевской свидетельствует о том, что писатели были знакомы очно и находились в близких и доверительных отношениях. Видно, что Крандиевская общалась с Гольдебаевым не из вежливости, а в самом деле была заинтересована в том, чтобы помочь пока ещё неопытному коллеге по перу. А тот факт, что Крандиевская подарила Гольдебаеву сюжет произведения «Будни Ивана Степановича» и расписала подробный план действий по его реализации, говорит о глубокой симпатии к самарскому протеже.

Из сохранившихся писем следует, что писатели боролись за сохранение художественного слова в его классическом виде. Крандиевская выступала категорически против публицистичности литературы. А Гольдебаев считал, что качественная публицистика и даже беллетристика могут обладать высокой художественной ценностью. Главная задача писателей как «интеллигентов толпы» – «приохочивать эту толпу к острому, колючему наслаждению мышления о бедах и невзгодах человечества и родины».

Далее рассмотрим рассказ «Иван Степанович» («Будни Ивана Степановича»), о котором идёт речь в письмах Гольдебаева и в письме его литературной наставницы, разделявшей общее настроение своего самарского адресанта, но указавшей на его художественные ошибки и просчёты.

Прежде всего, скажем несколько слов о фабуле рассказа. Иван Степанович Курунов, мелкий чиновник в некоем управлении, увлёкся чтением газет либерального направления и пришёл к

мысли, что он не вправе оставаться в стороне от политической «весны», про которую писали газеты. Курунов сочинил собственную «резолюцию», в которой провозглашал, что «бюрократический строй задавил Россию» и пришло время его уничтожить. Он был уверен, что его сочинение «завтра же будет освещено сотнями подписей и получит громадную, неискупимую цену, – цену акта всенародной воли», но столкнулся с тем, что все чиновники его управления, за исключением «не имеющего чина Автонома Швабрина», отказали в подписи. Вскоре Курунов стал в своём управлении белой вороной – его называли «бунтовщиком». Финал этого «бунтарства» не заставил себя ждать: посланный начальством к Курунову сослуживец принёс ему «прошение об увольнении». «Уволили, уволили, Матрёша. Всурьёз, не шутя уволили», – этой репликой, обращённой к супруге, и завершается рассказ.

Рассказ состоит из четырёх частей. Из первой мы узнаём, как чиновник проникся любовью к печатному слову: «Это увлечение газетами явилось у него неожиданно, без подготовки; прежде, до последних дней, газет он почти и в руки не брал, находя в них вялые рассуждения о том, что далеко от живой жизни, да странные умолчания о таких событиях, которые были известны даже ему, второстепенному агенту государственного учреждения <…>» [Гольдебаев]. Как-то сослуживец показал ему рубрику «Среди газет и журналов» в «Курьере», и «чтение газет стало для него необходимостью <…> И, читая газеты, особенно „свою”, Иван Степаныч испытывал подчас такое ощущение, что как будто оторвался от земли, со всем её мелкими, набившими оскомину, делишками» [Гольдебаев].

Во второй части герой решает вмешаться в происходящее вокруг и делится планами с коллегой Гвоздевым, заговорившим после о «резолюции»: «Не жизнь была, а кошмар, – особенно в последние годы <…> Такое ненормальное состояние не может длиться вечно для общества, если оно еще не разложилось окончательно, не начало гнить заживо…» [Гольдебаев].

В третьей части герой обращается к коллегам за подписью в «резолюции», но сталкивается с их нерешительностью. Завершается она сообщением сослуживца о закрытии той самой газеты. «Так вот-с, советую подумать о том, какие явления текущей минуты способны поощрить на попытки дальнейших заявлений. Тут вот напечатано: „двадцать девятое”, и номер ещё цветёт, бьёт в нос самыми весенними запахами. А теперь у нас третье, и, судя по телеграммам, в Петербурге уже четыре дня, как установилась прекрасная российская зима, – крепкая, ядрёная, исторически сложившаяся, с бодрящими морозцами, с удобным и надёжным путём для Руси-тройки, Руси-птицы…» [Гольдебаев].

Так, отказ коллег подписать документ, воспринимавшийся их малодушием, обернулся их предусмотрительностью, а позиция Курунова – позицией непредусмотрительного глупца.

В четвёртой части рассказа наступает развязка. Герой скорбит о закрытой газете («Он старался думать о „редакции”, подвергшейся гнусному насилию, не имея возможности соприкасаться с ней более никаким путём: ему представлялись смутные очертания человеческих фигур, сидящих с опущенными головами в тёмной, замкнутой комнате и переживающих жгучее чувство обиды…» [Гольдебаев]), но потом понимает, скорбеть надо о себе и своих близких, ставших жертвами весны, о которой твердили газеты.

Сюжет рассказа развивается от вхождения героя в доселе недоступный для него мир печатного слова, либеральных лозунгов и призывов и – до того, как вновь оказывается ни с чем.

Какую позицию в изображённом жизненном крахе героя занимал сам Гольдебаев? Думается, ответа на него не знал и он сам, разрывавшийся между пониманием необходимости обновления, вестниками которого становились газеты, и – сочувствием маленькому человеку, вынужденному в любом случае становиться только щепкой в волнах исторического процесса. Именно эта непоследовательность, вероятно, осознаваемая и самим Гольдебаевым, и его первыми читателями, сбивала с толку его самого и воспринималась и им, и другими, как свидетельство творческой слабости. Однако, эта «слабость» Гольдебаева, может сегодня рассматриваться и как его настоящая сила: понимающий неизбежность исторического (социального, политического и т. д.) прогресса, писатель был не в силах закрыть глаза на отдельного человека, в любом случае становящегося жертвой истории. Сочувствие этому человеку и составляет главное содержание рассказа о внезапно начавшейся и так же внезапно завершившейся «весне», ценой внезапности которой оказался регистратор Иван Степанович Курунов. Но Крандиевская так не думала, и «слабость» героя гольдебаевского рассказа была для неё только слабостью.

Убедимся в этом, обратившись к творческому опыту Крандиевской – к рассказу «Газетчица»,

увидевшему свет на страницах журнала «Жизнь» в 1900 году.

Согласно фабуле, Нина Ивановна Колобкова, вдова, воспитывающая двух дочек, чтобы хоть как-то сводить концы с концами, трудится в газете «Балагур», куда устроилась ещё при жизни мужа, «очень маленького писателя и очень несчастного человека», мечтавшего создать «что-нибудь крупное». Редактор Николай Фомич Стебельков нещадно сокращал тексты Колобковой в то время, как её коллега Митюшкин «закатывал» одновременно по две низкопробные статьи. Отчаявшаяся Колобкова, подготовив очередное иностранное политическое обозрение, не стала оставлять взыскательного редактора наедине с текстом и завязала с ним разговор. Получив порцию критики, Колобкова перешла в наступление – начала льстить: «А ведь из вас вышел бы удивительный, прямо редкостный государственный человек и оратор». В итоге Николай Фомич подарил её своей сборник статей, пропустил без редакторской правки её обозрение и вообще перестал придираться. У женщины появилась надежда на улучшение материального положения, но газету закрыли. Читателю остаётся неизвестной дальнейшая судьба героини. Крандиевская заканчивает рассказ тем, что женщина осталась без малейшей поддержки.

Рассказ состоит из пяти глав и начинается с конфликта – редактор «Балагура» беспощадно сокращает тексты Колобковой, отдавая большую часть полосы под рубрику «Дела-делишки» «подлизы» и «прохвоста» Митюшкина. «И всё-то вас этот Митюшкин изводит... И озорник же, чтоб ему пусто!.. И охальник же! Мало ли, – и вчера зачеркнули, и третева дни, и сегодня» [Крандиевская, 1900, с. 133], – возмущалась Пашута, прислуга в доме Колобковых. Её слова свидетельствуют о том, что это не первый случай ограничения творческой свободы Колобковой. Иначе говоря, повествование начинается с развивающегося действия, то есть фабульное время опережает сюжетное. Завершается сюжетная ситуация так: старшая дочь опрокидывает кувшин молока, чем усиливает раздражение матери. Та кричит и прогоняет дочь.

Вторая часть и вторая сюжетная ситуация разворачиваются в этот же день и начинаются одновременно: часов в 12 героиня направилась в редакцию. Когда она добралась, стрелки на часах не сдвинулись. Остановка художественного времени связана с тем, что всю дорогу Колобкова была в своих мыслях, от них «всё мутилось, во рту сохло, болело сердце, и ноги с трудом передвигались по земле» – вот и потеряла счёт времени. В редакции она минут десять просидела перед газетами, потом снова задумалась. «Два детских личика, худеньких и бледненьких, вдруг встали перед нею, как живые и взглянули на неё жалобными глазами, такими печальными и сиротливыми». Женщина заплакала. Таков конец этой части рассказа, но не сюжетной ситуации.

Думы Колобковой прервали электрический звонка и сморкание Митюшкина. Она смахнула слёзы и взяла газету. Когда недруг «из одного кармана вынул пачку газетных вырезок, а из другого – свёрток чистой бумаги, изрезанной на четвертушки», она поняла, тот запланировал два текста. Колобкова принялась за работу. «Один за другим повалили сотрудники». Сколько времени прошло с момента погружения Нины Ивановны в работу – неизвестно. Крандиевская пишет, что Стебельков «вошёл или, вернее, впорхнул, как птичка» часа в два. Сотрудники поприветствовали его и приступили к работе. Часа полтора Колобкова искала иностранные новости в газетах. Ничего не обнаружив, она обратилась к редакционному секретарю. Митюшкин услышал её жалобы о тотальной редактуре и вмешался, к нему присоединилась Мария Уточкина, вырезавшая из газет «Разные разности». Когда полемика сошла на нет, все вернулись на места. Через два часа Колобкова отправила материал в типографию. Как только в 6 часов вошёл метранпаж с гранками, она пошла к редактору и разыграла «гнусную сцену лести и лицемерия». Вторая сюжетная часть и третья глава рассказа завершаются так: героиня обменялась парой фраз с Пашутой и стала ласкать дочек.

В четвёртой части располагается задержанная экспозиция. Мы узнаем, что до того, как Колобкова устроилась в «Балагур», они с мужем «ютились по плохим квартирам, питались отвратительно, одевались убого, рожали хилых детей и воспитывали их зародышами...». За неделю работы Нина Ивановна получила 48 рублей. На следующий день муж поругался с редактором еженедельника, в котором работал. Через месяц Колобкова пришла в слезах: «ни за то, ни за сё оскорбил её Стебельков, обозвал вольнодумкой, анархисткой, синим чулком, вычеркнул целых две трети её “Обозрения”». Колобков попрекнул жену тем, что «12 лет мыкался по этим вертепам». Через полгода он умер.

Неизвестно, спустя какое время после предыдущей части происходят события в пятой главе.

Но для героини наступили дни благодетельного затишья. Апрельским утром, воодушевлённая политическими событиями, она спешила на работу. Но с порога слуга Гришка ошеломил новостью о закрытии газеты. «Доканали-таки нас, матушка!.. Конец!.. Finita comedia!.. Съели-таки… Даже не остановить, а воспретить окончательно-с… изъять из употребления, – понимаете ли вы?» [Крандиевская, 1900, с. 149], – сетовал редактор «Балагура». Только на другой день героиня нашла силы «громко, неистово голосить, как голосят деревенские бабы-кликуши».

Итак, внешняя композиция не совпадает с внутренней. К тому же, она ретроспективна. Это ещё больше сбивает и без того неравномерное течение художественного времени, возвращая его назад. Причина такого способа моделирования художественной действительности – устранение длиннот, на которые сетовала в письме Гольдебаеву. Во-первых, помещение завязки конфликта в первую главу придаёт динамизм повествованию: «каждое последующее текстовое звено призвано что-то приоткрыть читателю, обогащать его какими-то сведениями, главное же – будить его воображение, чувство, мысль, не вызванные сказанным ранее» [Литературная … , 2001, с. 387].

Во-вторых, обобщённый тип изложения фабульных событий освобождает повествование от лишних деталей. Так, Крандиевская говорит, что Колобковы «рожали хилых детей и воспитывали их зародышами». Исходя из текста, известно только о существовании двух дочек. При этом автор не уточняет, что стало с остальными детьми. Остаётся лишь догадываться, они не выжили. Вычёркиванием ненужных подробностей объясняется и неравномерность художественного времени: досконально описаны лишь события, связанные напрямую с работой героини в газете.

Обращает на себя внимание и повествовательная манера Крандиевской. Описание событий выстраивается по большей части на диалогах персонажей и внутренних монологах. В центре каждой речевой ситуации находится Нина Ивановна.

Так, в первой части рассказа помещён её диалог с прислугой Пашутой, в третьей – полилог с Митюшкиным, Марией Уточкиной и «„Передовиком” по внутренним вопросам» об идейной направленности газеты, заискивающий разговор с редактором Стебельковым и краткий вечерний обмен репликами с Пашутой и дочурками, в четвёртой – ещё прижизненный диалог с мужем и, наконец, в пятой – снова разговор с Пашутой и коллегами по газете.

Вторая часть содержит внутренние монологи героини, выраженные прямой речью. Один из них от – третьего лица: «„Непременно, подлец, выживет, посадит на её место своего зятя или ещё кого из приятелей. И, быть может, уже вся редакция знает, что её, Нину Колобкову, не нынче – завтра выгонят...”» [Крандиевская, 1900, с. 134]. Прямая речь переходит в несобственно-прямую: «И от этих мыслей всё мутилось, во рту сохло, болело сердце, и ноги с трудом передвигались по земле. Не хотелось идти в редакцию, постыло было думать о новом английском законопроекте, о котором она вчера в своём „Обозрении” пообещалась поговорить „в следующий раз”, то есть сегодня. <…> Ах, скорей бы уже конец. Гнали бы, так гнали. <…>» [Крандиевская, 1900, с. 134].

Голос персонажа сливается с голосом автора, что объясняется глубоким сочувствием Крандиевской своей героине. Но чтобы не покидать выбранную позицию наблюдателя, авторская точка зрения Крандиевской сначала маркируется третьим лицом в прямой речи Колобковой, а затем слова героини перетекают в слова автора.

Вообще, обилие прямой речи объясняется тем, что Крандиевская старалась максимально исключить субъективную оценочность и создать иллюзию объективного авторского повествования.

Что касается внутренних монологов, то в них прямая речь мотивирована одиночеством Нины Ивановны. Несмотря на то, что рядом с ней были обожаемые дочки и добродушная прислуга, женщина вынуждена самостоятельно справляться со всеми и невзгодами. Думы о том, как заработать, не покидают её ни на минуту. Поэтому часто она мысленно разговаривает сама с собой. Когда в моменты отчаяния и ярости она говорила вслух, то делала это больше по причине переполняющих эмоций, а не с целью услышать слова поддержки: «<…> всё внутри у неё [Колобковой] колотилось и рвалось от обиды. И она всё говорила… говорила, скорей, самой себе, чем Пашуте, хотя и обращалась к Пашуте, как к единственному свидетелю её ежедневных, в последнее время почти непрерывных, терзаний» [Крандиевская, 1900, с. 133].

Жизнь героини, несмотря на периодические вспышки счастья, катилась в пропасть. Неспроста Крандиевская иронично наделяет её фамилией Колобкова. С персонажем русско-народной

сказки, от имени которого и происходит фамилия, «газетчицу» сближает трагический финал жизни: как колобка съела лиса, так Нину Ивановну Колобкову – обстоятельства. Читатель понимает, что героиня вряд ли выберется из бездны навалившихся на неё проблем.

К слову, работа в газете с легкомысленным названием «Балагур» изначально не пророчила ничего хорошего. Да и сами сотрудники этого издания напоминали шутов: «Рыженький и тощий хроникёр, всегда пьяненький и дурно пахнувший. Сорокапятилетняя девица, Мария Уточкина, вырезавшая из газет „Разные разности", за что получала копейку со строчки, особо грузная, мясистая, с круглыми, выпуклыми глазами, похожая на жабу. „Передовик" по внутренним вопросам с толстым, сизым носом, с бритым подбородком и со щетинистыми солдатскими усами, разбитной малый, любимец цыганских хоров и трактирных половых. Романист Самков, он же и „наш собственный корреспондент", юноша сухой и длинный, с нечистым, угреватым лицом, в пенсне и в рябой паре не по росту. Критик и библиограф Страхов, именовавший себя дворянином» [Крандиевская, 1900, с. 136–137]. Одним словом, автор рисует журналистов людьми, в той или иной степени потерявшими человеческий облик и больше напоминающими зверей. И это вряд ли случайно: согласно Библии, звери, пришедшие к власти над миром, – один из вестников приближающегося конца света.

Также обращает на себя внимание интерьер редакции «Балагура»: «Унылый вид этой убогой „залы", узенькой, длинной, с грязными, заплёванными по карнизам стенами и с единственным итальянским окном, в которое никогда не заглядывало солнце» [Крандиевская, 1900, с. 135]. Внешне и внутренне, редакция в полной мере отражала характер страны, дышащей революцией. Сотрудники разделились на два лагеря – тех, кто был категорически против освещения на страницах печатного издания событий Запада, и тех, кто не видел в этом ничего плохого. Идейно-политическое размежевание внутри редакции достаточно ярко иллюстрирует следующая сцена:

« – Ведь Николай Фомич недавно объявил себя последователем покойного Аксакова, так оно того… не ко двору теперь иностранщина-то ваша… Видите ли… <…> русская газета должна служить исключительно русским интересам, наследовать русскую действительность… В самом деле, мало ли у нас своих собственных русских вопросов, которые со всех сторон заявляют о себе и требуют внимания русских людей? <…>

– Русские вопросы! – кричала она [Мария Уткина] негодующе и страстно, – Да от ваших вопросов у читателей отрыжка скоро начнётся, тошнота…» [Крандиевская, 1900, с. 138]. Так, в стенах редакции столкнулись те же две точки зрения, которые раздирали на части и Россию: «столкнулись точки зрения универсализма теории, основанной на западном пути, и мнение об особых условиях революции в России и, соответственно, особом пути её развития» [Лысков, 2013, с. 37].

Позиция же Колобковой выражена не так чётко. Читатель может предположить, что в споре западников и славянофилов она занимает, так сказать, позицию нейтралитета. Она не является ярой противницей «иностранщины» хотя бы потому, что дома у неё был венский стул. Да и вообще она пристально следила за событиями «там», приносивших ей заработок. Скорее всего, героине «Газетчицы» была близка народническая идеология, которая унаследовала от славянофилов «горячую веру в творческие силы русского народа, не заражённого европейскими влияниями», а от западников – «идеалы передовых европейских мыслителей, сосредоточивающиеся в наше время преимущественно в сфере социальной и экономической». В последнем убеждают и политические взгляды самой Крандиевской.

Известно, что в начале XX столетия писательница примыкала к партии социалистов-революционеров – идеологических преемников народников. В октябре 1902 года она читала в Вене «доклад о современном положении в России в кружке социалистов-революционеров. Призывала слушателей к оказанию материальной помощи боевой организации и принимала участие в сборе средств» [Русские писатели, 1994, с. 127]. Однако после поражения революции 1905–1907 годов и близкого знакомства с христианскими взглядами Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского у Крандиевской появились «сомнения в перспективах социальной революции», которые отразились в романе «Тайна радости», опубликованном в 1913 году в журнале «Новая жизнь».

В любом случае, независимо от вектора общественно-политической мысли, и Колобкова, и Крандиевская понимали, что острое противоборство внутри страны неизбежно приведёт к краху. Но при этом последняя никогда бы не согласилась с тем, что фиаско, с которым остаётся её героиня, – и есть её победа, означающая разрыв с

реальностью «Балагура» – реальностью, приносившей хлеб, но убивавшей её изнутри, делавшей заложницей псевдомира Митюшкиных и Стебельковых.

Заключение

Нам неизвестно, читал ли А. К. Гольдебаев рассказ «Газетчица». Скорее всего, читал и внимательно следил за творчеством своей литературной наставницы и пытался учиться на примере её сочинений. В таком случае, какие уроки мог извлечь провинциальный сочинитель из рассмотренного рассказа? Возьмём на себя ответственность предположить, что после прочтения рассказа своей глубокоуважаемой наставницы Крандиевской начинающий писатель Гольдебаев должен был, в первую очередь, пересмотреть повествовательную организацию своих сочинений, научившись сдерживать своё авторское «я».

В максимальной степени приглушить голос автора ему помогло бы использование в качестве основной характеристики персонажей и движущей силы сюжета диалогов и внутренних монологов. Во-вторых, Гольдебаеву следовало исключать описание лишних деталей и подробностей, концентрируясь исключительно на существенных сюжетообразующих элементах, и в соответствии с этим выстраивать композицию всего произведения так, чтобы события развивались динамично. Наконец, было необходимо стремиться к более чёткой мотивной организации произведения, чтобы читателю было проще «„расшифровать” то, что не лежит на поверхности, но обладает высокой информативностью» [Андрюхина, 2013]. Всё это, по мнению Крандиевской, и должно было помочь её адресату и ученику покончить с азбучными сюжетами и создать «что-нибудь крупное».

Осознал ли Гольдебаев силу слабости своего героя Ивана Степановича Курунова? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Во всяком случае, именно к этому будут подталкивать литератора из Самары другие его учителя, и, прежде всего, А. П. Чехов. Правда, прежде чем Гольдебаев усвоит эти уроки, ему предстоит пройти большой путь увлечений и разочарований, литературного ученичества и художнического самоопределения.

Библиографический список

1. Андрюхина А. В. Символические сюжетные мотивы прозы И. С. Тургенева // Художественное произведение в современной культуре: творчество – исполнительство – гуманитарное знание: сборник материалов и научных статей международной заочной научно-практической конференции. Челябинск : Южно-Уральский государственный институт искусств им. П. И. Чайковского, 2013. С. 91–95.

2. Гольдебаев А. К. Иван Степанович. Машинопись. Самарский литературный музей. Б/н.

3. Ерохина Т. И. Личность и текст в культуре русского символизма. Ярославль : Изд-во ГОУ ВПО «ЯГПУ им. К.Д. Ушинского», 2009. 330 с.

4. Крандиевская А. Газетчица // Жизнь. 1900. № 7. С. 132–151.

5. Крандиевский Ф. Ф. По дорожкам детскосельских парков // Звезда. 1984. № 3. С. 45–73.

6. Кройчик Л. Е. Поэтика комического в произведениях А. П. Чехова. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1986. 276 с.

7. Летов Б. Д. Короленко-редактор. Ленинград : Издательство Ленинградского ун-та, 1961. 217 с.

8. Литературная энциклопедия терминов и понятий. Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2001. 220 с.

9. Лысков Д. Ю. Великая русская революция: 1905–1922. Изд. 2-е. Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 400 с.

10. Перепелкин М. А. «Небожительница» и «пентюх» // Свежая газета. Культура (Самара). 2019. Апрель. № 7 (157). С. 18–19.

11. Перепелкин М. А. В чём причина? // Самарские судьбы. 2013. № 6. С. 90–115.

12. Перепелкин М. А., Морозова К. И. А. К. Гольдебаев и А. П. Чехов (от «В чём причина?» к «Ссоре») // XXIII Чеховские чтения: Материалы региональной научной конференции. 29-30 января 2020 года. Южно-Сахалинск : ООО «Эйкон», 2020. С. 13–18.

13. Полякова С. Г. Крандиевская Анастасия Романовна // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. В 7 томах. Том 3: К – М. Москва : Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 127–128.

14. Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы. 7-е изд. Санкт-Петербург, 1909. 487 с.

15. Тарланов Е. З. Между золотым и серебряным веком. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2001. 400 с.

16. Толстая М. А. Тихая музыка памяти // Нева. 1987. № 7-8. С. 188–201.

17. Толстой Д. А. Для чего всё это было. Воспоминания. Санкт-Петербург : Библиополис Композитор, 1995. 624 с.

18. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: возникновение и утверждение. Санкт-Петербург : Азбука, 2016. 701 с.

19. Чудаков А. П. Гольдебаев Александр Кондратьевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. В 7 томах. Том 1: А – Г. Москва : Большая Российская энциклопедия, 1989. С. 620.

20. Cintula I. K problematike analýzy literárneho diela // Opera Slavica. 2020. Vol. 30, iss. 1. Pp. 73–74.

21. Dohnal J. Anton Pavlovič Čechov jako strážce hodnot // Opera Slavica. 2010. Vol. 20, iss.1. Pp. 16–22.

22. Vaysman M. A Woman's Lot: Realism and Gendered Narration in Russian Women's Writing of the 1860s // The Russian Review. 2021. Vol. 80, iss.2. Pp. 229–245.

Reference list

1. Andrjuhina A. V. Simvolicheskie sjuzhetnye motivy prozy I. S. Turgeneva = Symbolic plot motifs in the prose of I. S. Turgenev // Hudozhestvennoe proizvedenie v sovremennoj kul'ture: tvorchestvo – ispolnitel'stvo – gumanitarnoe znanie: sbornik materialov i nauchnyh statej mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Cheljabinsk : Juzhno-Ural'skij gosudarstvennyj institut iskusstv im. P. I. Chajkovskogo, 2013. C. 91–95.

2. Gol'debaev A. K. Ivan Stepanovich = Ivan Stepanovich. Mashinopis'. Samarskij literaturnyj muzej. B/n.

3. Erohina T. I. Lichnost' i tekst v kul'ture russkogo simvolizma = Personality and text in the culture of Russian symbolism. Jaroslavl' : Izd-vo GOU VPO «JaGPU im. K.D. Ushinskogo», 2009. 330 s.

4. Krandievskaja A. Gazetchica = A newspaper girl. // Zhizn'. 1900. № 7. C. 132–151.

5. Krandievskij F. F. Po dorozhkam detskosel'skih parkov = Along the paths of Detskoye selo parks // Zvezda. 1984. № 3. S. 45–73.

6. Krojchik L. E. Pojetika komicheskogo v proizvedenijah A. P. Chehova = The poetics of the comic in A. P. Chekhov's works. Voronezh : Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1986. 276 s.

7. Letov B. D. Korolenko-redaktor = The editor Korolenko. Leningrad : Izdatel'stvo Leningradskogo un-ta, 1961. 217 s.

8. Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij = Literary encyclopedia of terms and concepts. Moskva : Institut nauchnoj informacii po obshhestvennym naukam RAN, 2001. 220 s.

9. Lyskov D. Ju. Velikaja russkaja revoljucija: 1905–1922. Izd. 2-e. = The great Russian revolution: 1905-1922. 2nd ed. Moskva : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2013. 400 s.

10. Perepelkin M. A. «Nebozhitel'nica» i «pentjuh» = «The celestial woman» and «the simpleton» // Svezhaja gazeta. Kul'tura (Samara). 2019. Aprel'. № 7 (157). S. 18–19.

11. Perepelkin M. A. V chjom prichina? = What is the reason?// Samarskie sud'by. 2013. № 6. S. 90–115.

12. Perepelkin M. A., Morozova K. I. A. K. Gol'debaev i A. P. Chehov (ot «V chjom prichina?» k «Ssore») = A. K. Goldebayev and A. P. Chekhov (from "What's the reason? to "Quarrel") // HHIII Chehovskie chtenija: Materialy regional'noj nauchnoj konferencii. 29-30 janvarja 2020 goda. Juzhno-Sahalinsk : OOO «Jejkon», 2020. S. 13–18.

13. Poljakova S. G. Krandievskaja Anastasija Romanovna = Krandievskaya Anastasiya Romanovna // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskij slovar'. V 7 tomah. Tom 3: K – M. Moskva : Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1994. S. 127–128.

14. Skabichevskij A. M. Istorija novejshej russkoj literatury. 7-e izd. = History of the new Russian literature. 7th ed. Sankt-Peterburg, 1909. 487 s.

15. Tarlanov E. Z. Mezhdu zolotym i serebrjanym vekom = Between the Golden and Silver Ages. Petrozavodsk: Petrozavodskij gosudarstvennyj universitet, 2001. 400 s.

16. Tolstaja M. A. Tihaja muzyka pamjati = Quiet music of memory // Neva. 1987. № 7-8. S. 188–201.

17. Tolstoj D. A. Dlja chego vsjo jeto bylo. Vospominanija = What it was all for. Memories. Sankt-Peterburg : Bibliopolis Kompozitor, 1995. 624 s.

18. Chudakov A. P. Pojetika Chehova. Mir Chehova: vozniknovenie i utverzhdenie = Chekhov's poetics. Chekhov's world: origin and formation. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2016. 701 s.

19. Chudakov A. P. Gol'debaev Aleksandr Kondrat'evich = Goldebayev Alexandr Kondratyevich // Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskij slovar'. V 7 tomah. Tom 1: A – G. Moskva : Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1989. S. 620.

20. Cintula I. K problematike analýzy literárneho diela // Opera Slavica. 2020. Vol. 30, iss. 1. Pp. 73–74.

21. Dohnal J. Anton Pavlovič Čechov jako strážce hodnot // Opera Slavica. 2010. Vol. 20, iss.1. Pp. 16–22.

22. Vaysman M. A Woman's Lot: Realism and Gendered Narration in Russian Women's Writing of the 1860s // The Russian Review. 2021. Vol. 80, iss.2. Pp. 229–245.

УДК 821.161.1

Е. М. Болдырева **https://orcid.org/0000–0003–2977–726**

Российская лагерная проза и китайская литература «высоких стен»: один день одного заключенного в повестях А. Солженицына и Цуна Вэйси

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е. М. Российская лагерная проза и китайская литература «высоких стен»: один день одного заключенного в повестях А. Солженицына и Цуна Вэйси // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 37–49. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-37-49

В статье рассматривается система творческих перекличек Александра Солженицына и китайского писателя Цуна Вэйси, названного критиками «китайским Солженицыным». Творчество писателей анализируется в контексте типологически сходных тенденций в российском и китайском литературном процессе – отечественная лагерная проза и китайская литература «ран и шрамов» и «литература высоких стен», судьба обоих писателей рассматривается как пример сложного противостояния личности тоталитарной системе. При сопоставлении произведений Цуна Вэйси и А. Солженицына выявляется множество значимых для художественного мира писателей мотивных перекличек: жесткая временная локализация и расширение временных рамок за счет введения в повествование воспоминаний героев, описание замкнутого мира зоны, мотив физического и нравственного истощения, описание тяжелого труда и суровых реалий окружающей природы, мотив превратности судьбы и абсурдности политической системы, мотивы доноса, предательства и провокации. Наряду с этим в статье рассматриваются существенные различия в воспроизведении основных констант лагерного дискурса у Цуна Вэйси и А. Солженицына: отношения между заключенными и между начальством и заключенными, идеологическая составляющая тюремного дискурса Цуна Вэйси, когда лагерь становится микромоделью внешней политической системы, идеологические и политические приоритеты, обуславливающие редукцию предметного мира и плакатность персоносферы китайского писателя, высокая каменная стена как символ великой китайской стены, непроходимых тюремных стен и априорной обреченности попыток борьбы с абсурдностью и несправедливостью в беспрерывно изменяющейся жестокой политической реальности.

Ключевые слова: А. Солженицын, Цун Вэйси, лагерная проза, литература «ран и шрамов», «литература высоких стен», диалог культур, тюремный дискурс, персоносфера, символ, мотив.

E. M. Boldyreva

Russian prison camp prose and chinese literature of the «high walls»: one day of a prisoner in the novels by A. Solzhenitsyn and Tsun Weisi

The article examines the system of creative roll calls of Alexander Solzhenitsyn and the chinese writer Tsun Weisi, called by critics «Chinese Solzhenitsyn». The work of the writers is analyzed in the context of typologically similar trends in the russian and chinese literary process – russian prison camp prose and chinese literature of «wounds and scars» and «high walls literature», the fate of both writers is seen as an example of the complex confrontation between the individual and the totalitarian system. Comparing the works of Tsun Weisi and A. Solzhenitsyn the author reveals many motifs that are significant for the artistic world of the writers: rigid time localization and expansion of the time frame due to the introduction of heroes' memories into the narrative, description of the isolated world of the prison, the motive of physical and moral exhaustion, description of hard work and harsh realities of the surrounding nature, the motive of adversities and absurdity of the political system, motives of denunciation, betrayal and provocation. Along with this, the article considers significant differences in the reproduction of the main constants of prison camp discourse in Tsun Weisi and A. Solzhenitsyn's works: relations among prisoners and between the authorities and prisoners, the ideological component of Tsun Weisi's prison discourse, when the camp becomes a micro-model of the political system in the country, ideological and political priorities, determining the reduction of the object world and the poster character of the chinese writer, a high stone wall as a symbol of the Great Wall of China, impassable prison walls and the a priori doomed attempts to combat absurdity and injustice in an ever-changing brutal political reality.

© Болдырева Е. М., 2021

Key words: A. Solzhenitsyn, Tsun Weisi, prison camp prose, literature of «wounds and scars», «literature of high walls», dialogue of cultures, prison discourse, personosphere, symbol, motive.

Введение

«Открывая книгу китайского автора в поисках экзотики, в надежде обнаружить любопытные детали жизни „Поднебесной империи", мы перелистываем страницы, удивленные созвучием проблем, совпадением болевых точек в истории наших народов. Там, где мы привыкли искать различия, обнаруживается поразительное сходство» [Сапрыка]. Действительно, исследование российско-китайского литературного диалога позволяет выявить значительное количество культурных параллелей, демонстрирующих как влияние великой русской литературы на китайских писателей, так и уникальность преломления художественного опыта русских классиков в творчестве лучших китайских художников слова. Одной из таких параллелей является сходство двух важнейших историко-культурных тенденций – российской «лагерной прозы» и китайской литературы «ран и шрамов» или «литературы высоких стен». «Сопоставить эти два явления позволяет общность исторических событий, которые поочередно происходили в СССР и КНР – тоталитарный режим Сталина и Мао Цзэдуна. В эпоху террора в той и другой стране репрессиям подвергались все противники тоталитарного режима, и основной удар пришелся на интеллигенцию – интеллектуалов, которые были опасны для действующей власти тем, что могли повлиять на массы и привести к революции. Когда на смену культа личности в СССР пришла Хрущевская оттепель, в Китае – „Пекинская весна", в первую очередь на столь значительные события отреагировала литература. Авторы, которые не имели возможности говорить при тоталитарном режиме, постепенно получили право публиковаться. В СССР вышла в свет повесть И. Солженицына „Один день Ивана Денисовича", в Китае – рассказ Лу Синьхуа „Шрамы" [Болдырева, Асафьева, 2019, с. 204]. Китайская литература «ран и шрамов» (伤痕文学) – это исповедь униженного и оскорбленного поколения, которому просто необходимо было выговориться [Ивлев]. Одной из альтернативных терминологических номинаций данной тенденции становится в китайском литературоведении понятие «литература высоких стен» (大 墙 文学; «высокая стена» – эвфемизм для тюрьмы), в котором рассказывается о трагической жизни политических заключенных в трудовых лагерях во время антиправых кампаний и культурной революции. Китайский литературовед Ву Сунцзюй в статье «Факт, истина, правда» [仵从巨, с. 86–90], размышляя о причинах литературного успеха А. Солженицына, заявляет, что нам тоже необходим «китайский Солженицын», нужно произведение, которое фактически раскроет истинное положение вещей, как это было сделано Солженицыным в «Одном дне Ивана Денисовича». И этом «китайским Солженицыным» стал писатель Цун Вэйси, которого Ван Мэн, занимавший пост министра культуры Китая, назвал «отцом литературы о высоких стенах».

Цун Вэйси (从维熙) – китайский писатель, родился в 1933 году, во время «антиправой» кампании он был осужден как «правый» в 1957 году и провел 20 лет в лагерях лаогай («исправление посредством труда») на «трудовом перевоспитании», а после освобождения опубликовал первое в Китае произведение о лагерях лаогай – «Красная магнолия у каменной стены» (大 墙 下 的 红 玉兰), по сути став основателем жанра «литературы высоких стен». Цун Вэйси написал несколько произведений, которые стали знаковыми для китайской литературы «ран и шрамов» и «литературы высоких стен»: рассказ «Снег, тихо падающую на Желтую реку» (雪落 黄河 静 无声), роман «Беглец» (逃犯), а также мемуары Entering Chaos (走向 混沌), запечатлевшие жестокую и абсурдную систему лагерей лаогай, напоминающую систему ГУЛАГ.

Семантическое пространство лагерного дискурса А. Солженицына и Цуна Вэйси

Китайский литературовед Юй Сяовэнь в статье «Призыв к возврату человечности» [于晓雯, с. 20–21] сравнивает повесть Цуна Вэйси «Красная магнолия у каменной стены» со знаменитой повестью А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», но это, к сожалению, единственная попытка сопоставления данных произведений, несмотря на то что китайские литературоведы активно проявляют интерес к творчеству Солженицына [Белопольская, Шао; 仵从巨; 高国翠; 郭娟; 李小驹; 李小驹著; 武玉明; 胡学星; 姜微; 张冬冬; 张建华; 周文斑; 周振美; 施秀娟; 于晓雯].

Очевидное сходство произведений А. Солженицына и Цуна Вэйси заключается прежде всего в общности объекта повествования: один день одного заключенного в российском лагере или в китайском лагере лаогай на «трудовом перевоспитании». В центре повествования повести «Красная магнолия у каменной стены» бывший начальник отдела по «трудовому перевоспитанию», он же бывший сотрудник провинциального комитета государственной безопасности Гэ Лин, который в беспрерывно меняющемся политическом континууме Китая той эпохи сам оказался на месте тех, против кого раньше так яростно сражался.

Прежде всего, произведения А. Солженицына и Цуна Вэйси сближает жесткая временная локализация: действие происходит в течение одного дня и описываются события, происходящие с одним из заключенных. Правда, де-факто в рассказе Цуна Вэйси действие разворачивается в течение двух дней: утром первого для Гэ Лин прибывает в лагерь, еще до полуночи первого дня он разговаривает с Гао Синем о том, что послезавтра праздник Цинминцзе (традиционный китайский праздник поминовения усопших) и нужно почтить память премьера Чжоу, возложив венок, а поздно вечером второго дня он взбирается по лестнице на каменную стену, чтобы сорвать белые цветки магнолии для венка, где его подстреливают как бы при попытке к бегству. Но поскольку в описании второго дня актуализируется в основном поздний вечер, создается полная иллюзия, что перед нами один день. Однако временные рамки в обоих рассказах раздвигаются: Шухов вспоминает о том, как он уходил на войну 23 июня 1941 года, как жилось ему в прежнем лагере в Усть-Ижме, как он давал показания, что сдался в плен и как его били в контрразведке, а в сознании Гэ Лина тоже возникают многочисленные картинки из разновременных участков собственной прошлой жизни: вступление в партию во время освободительной борьбы с Японией, революция, война в Корее, заведование исправительно-трудовыми лагерями, борьба с бандой отца Ма Юлиня и т. д. Один день у обоих авторов становится эквивалентом не только всей жизни героя, но и истории страны.

Однако соотношение прошлого и настоящего в рассказах принципиально различны. У каждого из героев Солженицына есть своё прошлое, о нем может рассказываться подробно или бегло упоминаться, но вся прошлая жизнь, люди и события никаким образом не влияют на жизнь настоящую. В лагере формируется новый круг общения, а призраки из прошлого появляются лишь в мыслях, письмах и разговорах героев во время небольших перерывов в трудовом процессе. У Цуна Вэйси иная ситуация: при том, что прошлое безвозвратно потеряно героем, оно активно вмешивается в настоящее, обеспечивая Гэ Лину либо уважение и помощь со стороны окружающих, либо ненависть и месть: «Старый заключенный отворил калитку, и Гэ Лин словно только сейчас осознал: он – заключенный. Странная штука – жизнь. <…> Заведовал в провинциальном бюро отделом предварительного следствия и исправительно-трудовых лагерей. А теперь сам в тюрьме. Вот парадокс судьбы: он, ответственный работник, который столько раз инспектировал и проверял различные тюрьмы и лагеря, сам заключен в один из них. А командует им преступник, приговоренный когда-то к смертной казни, замененной потом пожизненным заключением, а еще позднее – длительным сроком» [Современная китайская проза, 1988, с. 19]. Староста Ма Юлинь узнает в прибывшем в тюрьму Гэ Лине организатора расправы над бандой его отца, и это воспоминание становится катализатором сюжета мести, который в финале повести обретет трагическую развязку. Тюрьма у Цуна Вэйси становится местом сведения личных счетов и давних обид. Ю Далун узнает в Гэ человека, который мучил его при расследовании: «Ю Далун был главарем „Пяти драконов”, а потом „Феникса”. Гэ помнил его хорошо, потому что сам расследовал эти дела в 60-х. Теперь у них одни носилки» [Современная китайская проза, 1988, с. 23]. Гэ не поддаётся на провокации, а Ю Далун издевательски агрессивно требует, чтобы на их носилки с Гэ наложили много земли, чтобы тот не выдержал и был опозорен и сломлен.

В обоих рассказах прошлое вторгается в повествование прежде всего в виде кратких или пространных комментариев причин, по которым люди оказались в лагере. Причём у Солженицына абсолютно все герои оказываются пассивными несчастными жертвами государственной тоталитарной машины, мотивы их заключения либо смехотворно незначимы, ибо не представляют никакой реальной опасности для системы (баптисты богу молятся, кому они мешали), либо абсурдны (бригадир Тюрин был отправлен в лагерь как сын кулака), либо вообще четко не обозначены, поскольку и по сей день непонятны для героев. У Цуна Вэйси мотивы отправки на трудовое перевоспитание становятся предметом достаточ-

но пространного повествования и рефлексии. Юноша Гао Синь, метая диск, случайно убивает девочку, оказавшуюся дочерью «каппутиста», что даёт повод товарищу Циню, заместителю начальника бюро общей безопасности провинции, радостно квалифицировать это как несчастный случай и прекратить расследование, завербовав тем самым Гао Синя в союзники с политической травле каппутистов. Однако Гао Синь отдаёт матери убитой все накопленные на свадьбу деньги, инициирует расследование против самого себя, требуя себе справедливого наказания: «Для циников и равнодушных он был самым большим дураком в Китае. Для „убежденных революционеров" – открытым представителем „буржуазного гуманизма"» [Современная китайская проза, 1988, с. 25]. Герои Солженицына хаотично и бессистемно попадают в жернова смертельной политической машины смерти, герои Цуна Вэйси могут обладать такой высокой степенью совестливости и самобичевания, что требуют себе наказания сами за этические преступления.

Заключённые в «Одном дне Ивана Денисовича» и в «Красной магнолии у каменной стены» – это «люди с номерами». В поле зрения Ивана Денисовича постоянно попадает его номер, нарисованный на шапке и телогрейке: «повыше левого колена их тоже был пришит затасканный, погрязневший лоскут, и на нем выведен черной, уже поблекшей краской номер Щ-854» [Солженицын, 1971, с. 8]. У Цуна Вэйси одинаковая серая форма заключённых контрастирует с яркой разноцветной одеждой работающих недалеко крестьян, и Гэ Лин тоже облачается в лагерную униформу с жуткой надписью, заставляющей вспомнить бухенвальдское или освенцимское объявление «Труд освобождает»: «Скоро на нем была уже лагерная форма. На груди и спине красовались крупные иероглифы: „Исправление трудом"» [Современная китайская проза, 1988, с. 22]. Действительно, биографии сотен тысяч китайцев той эпохи включают в себя одну и ту же формулировку: «Отправлен на трудовое перевоспитание»: «Гэ знал этот проект хорошо. В 1975 году, вернувшись на прежнюю работу из „школы 7-го мая" – исправительного лагеря для кадровых работников, – он предложил посылать сюда, на берег реки, заключенных. Заключенные, считал он, участвуя в настоящем деле, постепенно изменят свой взгляд на мир и на общество, почувствуют вкус к труду» [Современная китайская проза, 1988, с. 22].

Мир, где обитают заключенные у Солженицына и у Цуна Вэйси, – это замкнутое пространство, в обоих текстах постоянно актуализируется мотив границы, отделяющей мир лагеря от внешнего мира, и разного рода пространственные ограничители: «Гэ огляделся. Где-то вдали, за снежной пеленой, трепетали на ветру красные флажки. Граница для заключенных. Кое-где виднелись солдаты охраны» [Современная китайская проза, 1988, с. 24], «Два больших прожектора били по зоне наперекрест с дальних угловых вышек. Светили фонари зоны и внутренние фонари. Так много их было натыкано, что они совсем засветляли звезды» [Солженицын, 1971, с. 8]. Однако заметим, что лагерь Солженицына – это абсолютно замкнутое пространство, лишенное реального сообщения с «большой землёй». Оттуда могут приходить письма и посылки, но физический контакт с людьми с воли есть нечто совершенно нереальное и невозможное. У Цуна Вэйси эта непроходимая граница между миром зоны и внешним миром оказывается в достаточной мере проницаемой. Рядом, во всяком случае в пределах зрительной досягаемости, трудятся заключённые и вольные крестьяне, невеста приезжает к Гао Синю, и ей дают свидание с любимым, а в финале рассказа начальник лагеря Лу Вэй едет на поезде в Пекин, чтобы рассказать о царящем в тюрьме произволе. Мир за пределами зоны в рассказе Солженицына есть некое мифологическое пространство, коммуникация с которым абсолютно нарушена: «Писать теперь – что в омут дремучий камешки кидать. Что упало, что кануло – тому отзыва нет» [Солженицын, 1971, с. 25]. Информация из писем жены о том, что теперь новый председатель колхоза, у жителей урезают огороды, что «с войны с самой ни одна живая душа в колхоз не добавилась: парни все и девки все, кто как ухитрится, но уходят повально или в город на завод, или на торфоразработки» [Солженицын, 1971, с. 25] ощущается Шуховым как нечто далекое, ему непонятное и его практически не касающееся. Даже информация о невиданных красилях ковров воспринимается им как некое сказочное повествование о неведомой земле, людях и обычаях, которое ему никогда не суждено увидеть: «Хоть бы глазом одним посмотреть Шухову на те ковры…» [Солженицын, 1971, с. 26]. В повести же Цуна Вэйси то, что происходило и происходит за стенами лагеря, – это живое настоящее, а не мифологическое прошлое, оно активно вторгается в повествование, определяет ход действия и поступки героев: по-

литические дебаты о борьбе с каппутистами и новыми реставраторами, обсуждение очередной брошюры, определяющей новый вектор партийной борьбы – все политические трансформации, происходящие на «большой земле» непосредственно отражаются на судьбе как заключенных, так и лагерного начальства.

В замкнутом пространстве несвободы герои А. Солженицына и Цуна Вэйси ощущают себя по-разному. Иван Денисович и его товарищи по лагерю постоянно испытывают своего рода антиклаустрофобию. Всякий выход из барака есть дискомфорт, сдавленность, скученность людей, забившихся в свои барачные норы, воспринимается ими как спасение и, напротив, выход в открытое пространство приносит опасность – быть замеченным надзирателем, который может придраться по какому-нибудь пустячному поводу и в лучшем случае назначить очередной трудовой десант в виде помывки полов в надзирательской, в худшем – отправить в карцер: «Шухов проворно спрятался от Татарина за угол барака… Стараться надо, чтоб никакой надзиратель тебя в одиночку не видел, а в толпе только» [Солженицын, 1971, с. 15]. Герои Цуна Вэйси не испытывают такого страха перед миром вне барака: Гэ Лин спокойно выходит из душного помещения подышать свежим воздухом, когда ему не спится поздним вечером, прогуливается по улице вместе с начальником тюрьмы, взбирается по приставной лестнице на каменную стену – границу тюрьмы, чтобы сорвать цветок магнолии для ритуального венка в память о знаменитом премьере Чжоу, свободно перемещается по территории тюрьмы, в отличие от героев Солженицына, которых постоянно пересчитывают до и после работы, при выходе и входе (опоздавших отправляют в карцер), утром и вечером, и которых просто невозможно представить самовольно штурмующих неприступные заборы лагерного пространства.

Явное сходство произведений проявляется в описании обоими авторами труда заключенных. Солженицын это делает подробно, фиксируя различные мелочи процесса работы, но с каким-то внутренним ощущением абсолютной бессмысленности этой деятельности, отсутствия конечной цели каторжного труда. Работа для героев Солженицына – это суть их лагерного быта и бытия, это выматывающая и убивающая человека деятельность. Она направлена не на перевоспитание очередного врага народа и не на созидание или решение каких-то производственных проблем, она в какой-то степени онтологически бессмысленна. У Цуна Вэйси все описания работы заключенных даются с пониманием важной политической роли труда в перевоспитании личности («Заключенные, участвуя в настоящем деле, постепенно изменят свой взгляд на мир и на общество, почувствуют вкус к труду» [Современная китайская проза, 1988, с. 24]), в отличие от Солженицына, у которого ни разу нигде не звучит понятие «трудовое перевоспитание», хотя именно оно изначально подразумевается системой, отправляющей непокорных и несогласных на каторжные работы. У Цуна Вэйси заключенные выполняют вполне конкретную работу (ирригационные работы по превращению солончаков в рисовые поля), у нее есть цели и результаты. У Солженицына модус работы заключенных весьма неопределенный: Иван Денисович размышляет, «там же ли работать, где вчера, на другое ли место переходить» [Солженицын, 1971, с. 26], а Соцгородок является неким мифическим безликим местом, и не местом созидания, а каким-то местом заброшенности и разрухи: недостроенная и поздней осенью оставленная ТЭЦ, начатая каменная кладка, брошенная у фундамента, рукоять экскаватора, железный хлам, разрытые везде канавы и траншеи. 38 бригада льёт какие-то абстрактные бетонные плиты, непонятно для чего предназначенные: «Стояла ТЭЦ два месяца, как скелет серый, в снегу, покинутая» [Солженицын, 1971, с. 33].

Процесс работы описывается у Солженицына как каждодневный изматывающий процесс, где каждым движет инстинкт самосохранения не сорваться, не сломаться, выдержать и прожить ещё один день. Работе заключенных на строительстве ТЭЦ уделено значительное пространство повести, работа описывается в множестве мельчайших подробностей: кто будет колоть лед, как класть шлакоблоки, что делать, чтобы раствор не мерз в ящиках, как выровнять стену, как тяжело сбивать задубевший на морозе раствор тесачком молотка. И порой эта тяжелая работа, представленная в длительных фрагментах с несобственно-прямой речью Ивана Денисовича начинает восприниматься уже не как страшное наказание, а как привычный рабочий процесс, доставляющий герою, умело справляющемуся с трудностями, некое подобие удовольствия: «Эх, глаз – ватерпас! Ровно! Еще рука не старится» [Солженицын, 1971, с. 55]. У Цуна Вэйси при том, что перевоспитание трудом является ключевой установкой лагерей лаогай, собственно рабочий про-

цесс описывается один раз, в самом начале повести. Строительная площадка становится ареной для испытаний героя, рингом для идеологической борьбы, когда Ю Далун, решив поиздеваться над Гэ Лином, намеренно смещает тяжесть груза на носилках на его сторону, чтобы насладиться позором старинного заклятого врага: «Они не дошли еще до половины пути, а основную часть груза уже нес Гэ. Он скрипел зубами, нога, причинявшая невыносимую боль, судорожно дрожала. Но он молчал. Это был не просто спор. Для Гэ это была борьба идей» [Современная китайская проза, 1988, с. 24]. Гэ Лин теряет шапку и ботинки, невыносимо страдает от дикой боли в ране, не обращает внимания на заливающий лицо пот, чувствуя, как ломается спина и плечи. И он выигрывает этот первый раунд, пройдя своего рода обряд инициации и вызвав невольное уважение и восхищение зрителей, превращающихся по мере его восхождения на Голгофу из жаждущих хлеба и зрелищ зрителей в сочувствующих и сопереживающих товарищей. Примерно так же носят раствор на носилках кавторанг Буйновский с Фетюковым, который халтурит, пытаясь сбросить часть раствора или переложить раствор на сторону носилок напарника, вызывая тем самым взрыв гнева кавторанга, требующего поставить его с «нормальным человеком». Этим поединком-испытанием в «Красной магнолии» исчерпывается описание трудовых подвигов заключенных, складывается впечатление, что в течение второго дня, описанного в повести, они не работали, а прятали от комиссара Чжана крамольные фотографии с площади Тяньаньмэнь, плели из ивовых прутьев основу для венка в честь памяти премьера Чжоу, а Гэ Лин, изнемогая от вынужденного бездействия и невозможности достать цветы для венка, лежал на нарах («Вернулись заключенные с работы и отправились на ужин. Люди входили и выходили, а Гэ лежал и все сильнее злился на вынужденное бездействие» [Современная китайская проза, 1988, с. 45]).

Еще одно сходство произведений А. Солженицына и Цуна Вэйси – описание суровых погодных условий, от которых страдают заключенные. У Солженицына эта метеорологическая парадигма очень сильно акцентирована: он подробно описывает, какой на улице мороз, как безжалостно проникает он в тело несчастных доходяг, какая температура на улице, какими способами можно хотя бы немного спастись от пронизывающего ветра и холода, какая наледь на окне, на колодезном срубе и какая белая паутинка инея на стенах и потолке барака: «Шухов с надеждой покосился на его молочно-белую трубочку: если б он показал сорок один, не должны бы выгонять на работу. Только никак сегодня не натягивало на сорок» [Солженицын, 1971, с. 8]. У Цуна Вэйси мы встречаем всего лишь несколько упоминаний о дискомфорте, заключенных из-за климатических условий, воссоздающих те же, что и у Солженицына мотивы холода, снега, мороза, промерзлой земли: «Весна 1976 года была на редкость холодной. Даже земля по низким берегам излучины Хуанхэ – сплошные солончаки – промерзла» [Современная китайская проза, 1988, с. 22]. И у Солженицына, и у Цуна Вэйси герои страдают от боли, телесного недомогания и суровых природных испытаний. Слабость и надвигающуюся болезнь чувствует Иван Денисович, от 30 градусного мороза и пронизывающего ветра мучаются заключённые, Гэ Лин мучается от нестерпимой боли в старой ране, которую трут задубевшие штаны, превращая каждый шаг в пытку.

Еще один общий мотив «Одного дня Ивана Денисовича» и «Красной магнолии у каменной стены» – это мотив превратности судьбы, низвергающей человека с высоты былого величия в лагерный ад. У А. Солженицына он появляется в связи с кавторангом Буйновским, который никак не может привыкнуть к местным бесчеловечным законам, «залупается», как говорит глухой Сенька Клевшин, протестуя против нарушения прав заключенных, и постоянно становится «пациентом» карцера. У Цуна Вэйси этот мотив рефреном проходит через все повествование, когда староста Ма Юлинь чувствует возбужденное опьянение при мысли, что бывший хэбэйский командир отряда по земельной реформе, герой, оказался здесь в тюрьме, да еще у старика под началом. С мотивом произвола судьбы тесно сопряжен мотив произвола, бездушия и абсурдного автоматизма закона. У Солженицына рассказывается, как машина так называемого правосудия работала в одинаковом режиме для всех, чередуя лишь фазы относительного милосердия, когда все давали по 10 лет и периоды абсурдно безразмерных сроков, когда цифра десять как-то внезапно и немотивированно превратилась в 25: «Причины, по которым сажали, смехотворны: одного эстонца родители ребенком увезли в Швецию, а он решил поступать в университет и вернулся, «тут его и загребли», Сенька Клевшин пережил Бухенвальд и потому оказался в лагере,

Гопчика посадили «за то, что бендеровцам в лес молоко носил. Срок дали как взрослому» [Солженицын, 1971, с. 36]. У Цуна Вэйси также подчеркивается этот мотив абсолютного произвола закона. «Товарищ Цинь был так возмущен поступком Гао, что в корне изменил свое решение и подвел дело к пожизненному заключению. Тем более что это было нетрудно: в те времена закон подчинялся росчерку пера» [Современная китайская проза, 1988, с. 25], не случайно Гэ Лин с горечью замечает: «Сейчас закон – игрушка в руках определенных людей. Они делают все, что им только захочется. Я, например, был арестован вообще без единой процедуры» [Современная китайская проза, 1988, с. 39].

Однако при сходстве в воспроизведении обоими писателями основных констант лагерного дискурса, все же наиболее очевидными оказываются именно различия. Прежде всего, принципиально различаются отношения между заключенными, которые выстраиваются у Солженицына и Цуна Вэйси по разным законам. У Солженицына это законы национального, духовного и культурного родства. Так чуют друг друга москвичи Цезарь Маркович и очкастый интеллигент в очереди, жадно склоняющиеся над свежей «Вечеркой» из посылки, держатся вместе, как сиамские близнецы, эстонцы («Два эстонца, как два брата родных, сидели на низкой бетонной плите и вместе, по очереди, курили половинку сигареты из одного мундштука» [Солженицын, 1971, с. 28]), держатся вместе и баптисты, упорно молящиеся своему богу. У Цуна Вэйси перестают действовать законы географического родства: «Гэ Лин положил зеленое армейское одеяло на нары. Он не понимал этого человека. Вначале, услышав родной хэбэйский выговор, хотел было с ним заговорить, но взгляд старика остановил его, и он, вздохнув, принялся укладывать вещи» [Современная китайская проза, 1988, с. 18]. Заключённые в лагерном мире Солженицына не испытывают злобной ненависти и агрессии друг к другу. Максимальная степень негативной эмоции – это брезгливость и осуждающее пренебрежение к шакалящему Фетюкову, собирающему чужие окурки и выпрашивающему разрешения докурить. У Солженицына, если и возникают конфликты между заключенными, то они локальны и гасятся, едва успев возникнуть: «Фетюков по первым дням на кавторанга даже хвост поднял, покрикивал. Но кавторанг ему двинул в зубы раз, на том и поладили» [Солженицын, 1971, с. 36]. В «Красной магнолии у каменной стены» староста, благословленный лагерным начальством на карательные санкции по отношению к «реставратору и каппутисту», сознательно, с садистским удовольствием бьет тяжелым лагерным ботинком по кровоточащей ране спящего Гэ Лина.

Вследствие этого различаются и отношения между заключенными и местной властью разного масштаба (охранниками, надзирателями, бригадирами). Они явно гармоничнее складываются у Цуна Вэйси. Не случайно он в своём интервью «Я не Солженицын» говорил о добром отношении с охранниками и надзирателями [Modern Chinese Writers, 1992, с. 20]. Сопровождающий Гэ Лина в лагерь охранник демонстрирует сочувствие и уважение к конвоируемому заключенному, помогает ему нести вещи, дает чистый носовой платок. Взаимоотношения с начальниками у писателей выстраиваются по разная моделям. У Солженицына это непроходимая граница, при которой невозможны теплота и дружеское участие, максимальная степень «доброжелательности» – это замена карцера мытьем полов в комендантской. («Дверь-то притягивай, ты, падло! Дует!» [Солженицын, 1971, с. 9]), а некоторые надзиратели предстают почти что в садистской ипостаси: «Волкового не то что зэки и не то что надзиратели – сам начальник лагеря, говорят, боится. Вот Бог шельму метит, фамильицу дал! – иначе, как волк, Поперву он еще плетку таскал, как рука до локтя, кожаную, крученую. В БУРе ею сек, говорят. Или на проверке вечерней столпятся зэки у барака, а он подкрадется сзади да хлесь плетью по шее» [Солженицын, 1971, с. 21]. У Цуна Вэйси граница между местной властью и заключёнными носит формально условный характер, они могут оказаться друзьями и соратниками в прошлом, и сейчас, оказавшись в разных мирах, не малодушно отрекаются от своих друзей, оказавшихся в опале у власти, а, поражаясь абсурдности системы, пытаются им помочь. Начальник лагеря Лу Вэй вспоминает, как 20 лет назад они служили в Корее добровольцами с Гэ Лином, и не может поверить своим глазам, увидев друга в списке заключённых своего лагеря, в горестном оцепенении сидит на его нарах на зеленом арестантском одеяле: вспоминая другое такое же зеленое одеяло, простреленное автоматной очередью, которым Гэ спас ему жизнь, подняв на штыке из укрытия. Лу, рискуя своим положением, вступается за Гэ, называет его «дружище», хочет отдать ему свои ботинки взамен утопленных, но Гэ не хочет, чтобы бывший

соратник подвергал своё положение опасности, замечая, что если он сейчас наденет ботинки Лу Вэя, то уже завтра тот займет место рядом с ним на тюремных нарах.

Очевидна и значительная разница в правах заключенных в «Одном дне Ивана Денисовича» и «Красной магнолии у каменной стены». В лагерном мире герои Солженицына лишены возможности и права на свободный выбор. «Откосить от работы» можно было только законным, но практически нереальным путём: через местный лазарет с разнарядкой на освобождение два человека в день. Поэтому чувствующий недомогание и противную слабость Иван Денисович после робкой неудачной попытки получить разрешение отлежаться, покорно идёт на работу, даже и не пытаясь воспользоваться предложением остаться в лазарете на свой страх и риск. На этом фоне поведение Гэ Лина, который смертельно устал после дороги в тюрьму и, не обращая внимание на злобные оклики старосты, заснул мертвым сном, кажется запредельным и нереальным в мире солженицынской зоны. Юноше Гао Синю, прибывшему в тюрьму, выдают тёплую войлочную одежду для пребывания в холодном помещении, а новичкам обычно – немыслимая ситуация для Солженицына – разрешают отдохнуть три дня, прежде чем приступить к работам.

В отличие от политической индифферентности «Одного дня Ивана Денисовича», тюремный дискурс Цуна Вэйси ярко отличает мощнейшая идеологическая составляющая. Заместитель по политической части Чжан Лунси устраивает старосте Ма Юлиню перед ответственным заданием идеологическую проверку на знание генеральной линии партии «Вы, преступники, должны внимательно изучать политические вопросы. А ну-ка, скажи мне, какая сейчас самая главная политическая линия?» [Современная китайская проза, 1988, с. 20]. Заключённые и охранники спешат выразить благодарность правительству, изучают по вечерам политические газеты со статьями типа «Борьба с кликой, идущей по капиталистическому пути», и эти политические многочасовые занятия становятся значительно более важным делом, чем работа и трудовое перевоспитание. Если у Солженицына внешнего мира с его политической казуистикой как бы не существует, заключённые по политическим причинам оказываются в лагере вне политики, лагерь – это политически стерильная зона, то у Цуна Вэйси лагерь становится микромоделью внешней политической системы, поскольку здесь происходят те же идеологические процессы по «смене вех». Лагерную власть интересует не выполнение рабочих нормативов, не безукоснительное подчинение режиму дня, не беспрекословное подчинение и бессловесное выполнение приказов, а политический и идеологический статус заключённых. Комиссар и начальник лагеря могут до пены у рта спорить, кто из двоих Гэ или Ма является настоящим реставратором, обсуждать разницу между дореволюционными реставраторами и реставраторами 70-х годов или выяснять, причастен ли Гэ Лин к «правому поветрию».

У Солженицына мы не встретим подобных конфликтов между различными представителями местной лагерной власти – у Цуна Вэйси начальник тюрьмы и заведующий политической частью ведут бесконечный словесный, и не только словесный поединок, выясняя, кто из заключенных имеет правильную политическую ориентацию, и отстаивая друг перед другом правильность своей политической линии: «Я не оратор. Но у меня есть пара вот этих рабочих рук и сердце коммуниста. И, можешь поверить, я всегда буду бороться против несправедливости…» [Современная китайская проза, 1988, с. 36]. Герои Цуна Вэйси говорят, как ораторы с трибуны, словно выступают с речью на очередном партийном собрании, их речь изобилует идеологическими штампами той эпохи («сердце коммуниста», «партийная линия», «новый период социализма»), в то время как герои Солженицына разговаривают, как будто мужики, собравшиеся на завалинке родного села и неспешно вспоминающие «минувшие дни» и рассказывающие нехитрые байки из своей биографии, рассказывают «без жалости, как не об себе» [Солженицын, 1971, с. 45], о том, как они «загоняли барахольце», давились за кипятком на железнодорожных станциях или о том, как их укрывали в купе от кондукторов и «гепеушников» ленинградские студентки.

Однако бесконечные политические дебаты, которые ведут герои «Красной магнолии у каменной стены» далеко не всегда оказываются бездумным воспроизведением идеологических штампов эпохи. Герои Цуна Вэйси искренне и мучительно пытаются разобраться в том, что происходит в стране. Героев Солженицына это как бы вообще не интересует, сам пласт интеллектуальной рефлексии практически исключен у Солженицына. Его герои думают о быте, мелких деталях и отнюдь не терзаются экзистенциальными вопросами смысла бытия, правды и лжи,

честности и предательства: «В колонне, когда потеплей, все разговаривают – кричи не кричи на них. А сегодня пригнулись все, каждый за спину переднего хоронится, и ушли в свои думки. Дума арестантская – и та несвободная, все к тому ж возвращается, все снова ворошит: не нащупают ли пайку в матрасе? в санчасти освободят ли вечером? посадят капитана или не посадят? и как Цезарь на руки раздобыл свое белье теплое?» [Солженицын, 1971, с. 26]. У Цуна Вэйси разъедающая сознание и душу рефлексия и бессильная ярость из-за несправедливости системы свойственна не только заключённым, но и начальникам. Все понимают, что в любой момент они могут внезапно поменяться местами. Если у надзирателей Солженицына даже не возникает ни тени сомнения в собственной правоте, то некоторые представители лагерной власти у Цуна Вэйси сами себя подвергают беспощадному суду и требуют себе наказания: «В парткоме Лу коротко рассказал обо всем, признался, что ударил двух заключенных, и попросил разбора всего дела» [Современная китайская проза, 1988, с. 36].

Поэтому при всей абсурдности причин арестов и заключений героев Цуна Вэйси и Солженицына принципиально различается осмысление самими заключенными этих причин и мотивов. У Цуна Вэйси Гэ Лин мучительно пытается разобраться в собственном пути, переживая раз за разом в собственном сознании причины и последствия собственных убеждений и заблуждений, в отличие от Ивана Денисовича, подписавшего признание в собственном шпионаже даже без понимания того, в чем оно заключается: «Какое ж задание – ни Шухов сам не мог придумать, ни следователь. Так и оставили просто – задание» [Солженицын, 1971, с. 40]. Бунт и протест просто исключены в художественном мире Солженицына, нужно «отбывать срок тихо» («Будешь залупаться, говорит, пропадешь. Это верно, кряхти да гнись. А упрешься – переломишься» [Солженицын, 1971, с. 31], в противном случае героям грозит карцер, как это и произошло с непокорным пока еще кавторангом. У Цуна Вэйси Гэ Лин вспоминает, как он не хотел склоняться к портрету Мао, и вместо признания своих ошибок говорит о «Коммунистическом манифесте». При описании состояния Гэ во время его травли часто используются слова «ярость» и «бессилие» (в отличие от покорности, терпения, смирения Ивана Денисовича). Не случайно в типологически сходных ситуациях, когда героев заставляют покаяться и подписать признание, Иван Денисович покорно соглашается с тем, что он шпион и выполнял некое задание, чтобы избежать «деревянного бушлата», а Гэ Лин, напротив, в гневе отказывается подписать бумагу с раскаянием, протянутую ему заместителем начальника провинциального бюро товарищем Цинем, с треском ломает ручку своей тяжелой огрубевшей рукой: «ярость и бессилие душили его» [Современная китайская проза, 1988, с. 30].

Еще одна ощутимая разница между описанием лагерной жизни в произведениях русского и китайского писателей – это предметная детализация. У Солженицына она порой кажется избыточной, он максимально подробно описывает одежду, трудовые процессы, еду, отдаваясь эстетическому переживанию мелочей, обретающих в пространстве лагеря абсолютную ценность. Особенно подробно запечатлевается процесс еды, чуть ли не по странице занимают описания того, как Шухов трепетно вкушает лагерную, как он медленно, смакуя каждую ложку, ест горячую баланду, мнет зубами и высасывает сок из хрупких сеток рыбьих скелетов, как он ест 200 граммов хлеба. У Цуна Вэйси при том, что в ценностной системе китайцев культ еды укоренен прочно и с древнейших времен, описаний еды нет вообще. А все упоминаемые им конкретные реалии пейзажей и интерьеров вроде каменной стены, магнолии, тяньаньмэньских фотографий постоянно перерастают в символы, лишенные той зримой витальной конкретики, которая воспринимается обостренным вниманием зэка. Шухов в мельчайших подробностях эмоционально переживает, какую обувь ему оставить на зиму: новехонькие ботиночки, которые он берег и умягчал солидолом и которые при весенней раздаче к нему уже не вернутся, или более подходящие для зимних морозов валенки. Размокшие ботинки Гэ Лина, выброшенные в траншею Ю Далуном, абсолютно не заботят героя, они приобретают символический статус: начальник тюрьмы предлагает герою свои ботинки взамен промокших и вспоминает историю, связанную с этими подаренными ему ботинками во время совместной работы героев в Корее, а в речи Гэ Лина ботинки становятся знаком превратности и изменчивости судьбы: «Если я надену их сегодня, завтра ты будешь спать рядом со мной на нарах» [Современная китайская проза, 1988, с. 27].

Идеологические и политические приоритеты в повести Цуна Вэйси приводят к не только к

редукции предметного мира, но и к определенной плакатности его персоносферы. На страницах повести Солженицына с разной степенью подробности описания возникает множество героев, демонстрирующих «пестроту русской души» в лагерной жизни и различные варианты существования человека в условиях несвободы: Шухов с его крестьянской запасливостью и смекалкой, непокорный кавторанг Буйновский, шакалящий Фетюков, молчаливые неразлучные «братья»-эстонцы, Алешка-баптист, всецело поглощенный размышлениями о боге, ловкий плут Гопчик, столичный интеллигент Цезарь, имеющий на зоне привилегированное положение, надзиратели с различной «степенью опасности» для заключенных. Что качается Цуна Вэйси, то в его повести, по сути, воссоздаются не столько конкретные характеры и люди, сколько определенные модели, архетипические фигуры лагерей лаогай и социально-политического континуума современного писателю Китая. Как по линейке расчерчивая композицию персонажей, Цун Вэйси четко соблюдает пропорцию «пятьдесят на пятьдесят» в этической оценке героев. Четверо различных представителей власти, двое «хороших» и двое «плохих»: с одной стороны, товарищ Цинь как символ высшей неправедной власти, находящейся за пределами тюрьмы, и заместитель по политической части Чжан, иллюстрирующий коварство и беспредел местного начальства, с другой – честный коммунист, начальник тюрьмы Лу Вэй, противостоящий любой несправедливости, и такой же честный охранник, не желающий стрелять в Гэ Лина по приказу Чжана. Такая же ситуация и с заключенными: с одной стороны, сам Гэ Лин, бывший начальник таких же лагерей, ныне оказавшийся их узником, как символ превратности политической фортуны и юноша Гао Синь, демонстрирующий доходящую до абсурдного абсолюта честность и бескомпромиссность по отношению к себе, не желающий прощать самому себе невольное преступление и спасать свою жизнь ценой политического предательства, с другой – староста Ма Юлинь, доносчик и провокатор, одержимый местью Гэ Лину, готовый на любые подлости ради сокращения срока, и его марионетка Ю Далун, издевающийся над главным героем и впоследствии занявший место отпущенного на свободу старосты.

Наконец, еще один комплекс мотивов, устойчивых для лагерной прозы, – это мотивы предательства, провокации, доноса. В обязательный набор персонажей лагерного дискурса всегда включён такой тип, как «стукач», завербованный местным начальством осведомитель и доносчик. Заметим, что подобного рода персонаж появляется на страницах «Одного дня Ивана Денисовича», но он не актуализирован, это просто беглое упоминание о том, что кто-то в лагере лижет миски, кто-то надеется на санчасть, а кто-то «к куму ходит стучать» (имеется в виду оперуполномоченный), или о том, что «сука Пантелеев» будет стучать оперу. В тюремном контексте Цуна Вэйси мотив вербовки и доносительства обнажён в своей идеологической составляющей, когда старосте Ма Юлиню дают партийное задание контролировать вновь прибывшего заключённого, а впоследствии Ма Юлинь доносит Чжану, что Гэ Лин и Гао Синь хранят крамольные фотографии, запечатлевшие события на площади Тяньаньмэнь, и даже проявляет «творческую инициативу», предлагая коварный план, как заманить Гэ Лина в ловушку, спровоцировать на запретные действия и пристрелить его практически на законных основаниях. Узнав, что Гэ Лин и Гао Синь хотят почтить память премьера Чжоу и сделать венок в Праздник весны, Чжан распоряжается намеренно оставить приставную лестницу у высокой тюремной стены, за которой растет магнолия. Он рассчитал, что непокорные, у которых уже отобрана вся бумага для изготовления цветов, решат использовать для венка белоснежные, недавно распустившиеся цветы магнолии. Молодой охранник Сяо Ян разрешает Гэ Лину достать магнолию для венка и приходит в ужас, увидев, что Гэ взобрался по лестнице, и голова его оказалась немного выше каменной стены, что является нарушением лагерных правил. Комиссар Чжан со злобным шипением приказывает стрелять в Гэ, у Сяо Яна дрожат руки и он намеревается выстрелить вверх и предупредить Гэ Лина об опасности, тогда Чжан вырывает карабин из его рук и стреляет сам: «Гэ вздрогнул, покачнулся и упал, прижимая к себе охапку белых цветов. Гао поднял руки, чтобы подхватить его, оба они упали на землю. Глаза Гэ были закрыты, кровь лилась из раны, окрашивая хлопчатобумажную куртку и крепко прижатые к груди белоснежные цветы» [Современная китайская проза, 1988, с. 46]. Белоснежные цветы магнолии, призванные украсить памятный венок национальному герою премьеру Чжоу Эньлаю накануне великого праздника Цинминцзе, праздника поминовения усопших, в буквальном переводе «праздника чистого света», окрашиваются в красный цвет крови убитого Гэ Лина, становясь

похоронным венком не только для него, но и для всех честных коммунистов, павших в неравной борьбе с режимом за «чистый свет» свободного Китая.

Заключение

Таким образом, при общности воспроизведения двумя знаковыми текстами русской лагерной прозы и китайской литературы «великих стен» основных констант лагерного дискурса, принципы художественного моделирования тюремного универсума А. Солженицына и Цуна Вэйси принципиально различаются. Лагерный мир Солженицына – это практически бессобытийное бытие, Иван Денисович страшится любых событий, нарушающих мерно текущую жизнь, и радуется, что не заболел, не попался на шмоне, не посадили в карцер, его время течет медленно и ровно, и в этом заключается его спасительная сила. Гэ Лин, с его напряженно-эмоциональным переживанием времени, тяготится подобной бессобытийной повседневностью и невыносимо страдает от бездействия, предпочитая сам организовывать для себя эти события, не задумываясь о возможных катастрофических последствиях. Герои Солженицына стремятся жить и выжить, герои Цуна Вэйси совершенно не стремятся просто выжить – они хотят найти истину, обрести и отстоять свою политическую и нравственную правду. Герои Солженицына страшатся голода, холода, карцера, шмона – исключительно бытовых проблем, играющих в замкнутом мире зоны судьбоносную роль. Героев Цуна Вэйси не волнует теплая одежда, еда или тяжелая работа, они прежде всего боятся «потерять лицо», утратить свои идеологические координаты, не сохранить в своей душе свет коммунистических нравственных идеалов.

Один день – это одно из бесчисленных звеньев в стайерском марафоне Ивана Денисовича, цель героя Солженицына – пережить, перетерпеть, поэтому у него есть все шансы дойти до финиша этой дистанции. Один день в спринтерском забеге Гэ Лина – это разовая акция, осуществленная с максимальной эмоциональной интенсивностью, его цель – пробежать эту дистанцию на пределе духовных и физических возможностей и, финишировав, пасть смертью храбрых в неравной борьбе с системой, сознательно принеся себя в жертву высоким духовным и политическим идеалам. Один день Ивана Денисовича разомкнут в бесконечность трех тысяч шестисот пятидесяти трех дней его срока, и, несмотря на горький привкус упоминания о трех лишних днях, добавляемых к сроку из-за високосных лет, все же сохраняется общее ощущение робкой надежды на благополучный исход («Переживем все, даст Бог кончится!» [Солженицын, 1971, с. 85]). Один день Гэ Лина трагически замкнут в безнадежное кольцо каменной стены, она втягивает героя в свой смертельный круг в начале повести, и к ее подножию он падает в финале, прижимая к груди кровавые цветы магнолии. «Говорят, солнечное затмение наступает в те времена, когда небесный пес пытается проглотить солнце. Тогда хаос царит на земле: невозможно отличить людей от призраков и всякая нечисть, ничего не боясь, обделывает свои дела… В те годы, когда над Китаем затмилось солнце, за высокой каменной стеной произошла эта история…» [Современная китайская проза, 1988, с. 21]. Высокая каменная стена – это символ и великой китайской стены, и непроходимых тюремных стен, и априорной обреченности попыток борьбы с абсурдностью и несправедливостью в беспрерывно изменяющейся жестокой политической реальности.

Библиографический список

1. Белопольская Е. В., Шао Т. А. И. Солженицын в зеркале современной китайской критики // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2013. № 4. С. 8–15.

2. Болдырева Е. М., Асафьева Е. В. Литература «ран и шрамов»: Чжан Сяньлян – «китайский Шаламов» // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 1 (16), С. 204–211.

3. Ивлев Л. А. Десять абзацев о «литературе шрамов». URL: https://sanwen.ru/2012/01/04/desyat-abzacev-o-literature-shramov/ (дата обращения: 06.08.2021)

4. Сапрыка Д. От переводчика. URL: https://knigogid.ru/books/814551-zhenschina-polovinkamuzhchiny/toread (дата обращения: 06.08.2021)

5. Современная китайская проза / сост. и предисл. Н. Федоренко. Москва : Радуга, 1988. 405 с.

6. Солженицын А. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Один день Ивана Денисовича. Рассказы. Москва : Посев, 1971. 307 с.

7. Modern Chinese Writers: Self-portrayals / Edited by Helmut Martin Jeffrey C.Kinkley. New York, London M. E. Sharpe. 1992. 168 pp.

8. 仵从巨.真话·真相·真理——索尔仁尼琴与《伊凡·杰尼索维奇的一天》[J].名作欣赏, 2009 (09): 86-90.

9. 高国翠. "忏悔"的亚历山大·伊萨耶维奇·索尔仁尼琴[J].

辽宁大学学报：哲学社会科学版, 2006, 34 (6): 54-57.

10. 郭娟. 反抗与救赎——《癌症楼》中科斯托格洛托夫的生存困境[J]. 四川民族学院学报, 2011, 000(005): 75-78.

11. 李小驹.让文学为历史存照——索尔仁尼琴对中国当代文学的意义[J].理论导刊, 2006(07): 85-88.

12. 李小驹著.文学的殉道者：索尔仁尼琴[M].北京：外语教学与研究出版社. 2006.

13. 武玉明.略论索尔仁尼琴的民族性格观——以《伊凡·杰尼索维奇的一天》为个案[J]. 潍坊学院学报, 2009(05): 91-94.

14. 胡学星.现场解说作为一种叙事模式——《伊凡·杰尼索维奇的一天》 中作者与主人公的关系[J]. 名作欣赏, 2009(09): 91-95.

15. 姜微. 浅析索尔仁尼琴“集中营文学”主人公的软弱情怀[J]. 北方文学(下半月), 2012.

16. 张冬冬.《伊凡·杰尼索维奇的一天》里的时间[J].东南大学学报(哲学社会科学版), 2008, 10(S2): 249-250.

17. 张建华.索尔仁尼琴:俄罗斯作家的历史际遇与知识分子式的历史思考[J].杭州师范大学学报(社会科学版), 2010,32(06): 52-58.

18. 周文斑.是政治状子还是呼唤人性的文本——兼论《伊万·杰尼索维奇的一天》[J]. 华南师范大学学报(社会科学版), 2004(01): 84-89.

19. 周振美.生存的尊严——评索尔仁尼琴的《伊万·杰尼索维奇的一天》[J]. 山东大学学报(哲学社会科学版), 2005(02):74-77.

20. 施秀娟. 融古典与现代于一炉－－试析索尔仁尼琴创作中的继承与创新 [J]. 河池师专学报:社会科学版, 1995(01): 16-22.

21. 于晓雯.呼唤人性的复归——《伊凡·杰尼索维奇的一天》与《大墙下的红玉兰》[J]. 语文学刊(外语教育与教学), 2010 (12): 20-21.

Reference list

1. Belopol'skaja E. V., Shao T. A. I. Solzhenicyn v zerkale sovremennoj kitajskoj kritiki = A. Solzhenitsyn in the mirror of modern Chinese criticism // Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2013. № 4. S. 8–15.

2. Boldyreva E. M., Asaf'eva E. V. Literatura «ran i shramov»: Chzhan Sjan'ljan – «kitajskij Shalamov» = 'Wounds and scars' literature: Zhang Xianliang – 'Chinese Shalamov'// Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2019. № 1 (16), S. 204–211.

3. Ivlev L. A. Desjat' abzacev o «literature shramov» = Ten paragraphs on «the literature of scars». URL: https://sanwen.ru/2012/01/04/desyat-abzacev-o-literature-shramov/ (data obrashhenija: 06.08.2021)

4. Sapryka D. Ot perevodchika = From the translator. URL: https://knigogid.ru/books/814551-zhenschina-polovinkamuzhchiny/toread (data obrashhenija: 06.08.2021)

5. Sovremennaja kitajskaja proza = Modern Chinese prose / sost. i predisl. N. Fedorenko. Moskva : Raduga, 1988. 405 s.

6. Solzhenicyn A. I. Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 1: Odin den' Ivana Denisovicha. Rasskazy = Collected Works: in 6 vols. V. 1: One Day in the Life of Ivan Denisovich. Stories. Moskva : Posev, 1971. 307 s.

7. Modern Chinese Writers: Self-portrayals / Edited by Helmut Martin Jeffrey C.Kinkley. New York, London M. E. Sharpe. 1992. 168 rr.

8. 仵从巨.真话•真相•真理——索尔仁尼琴与《伊凡•杰尼索维奇的一天》[J].名作欣赏, 2009 (09): 86-90.

9. 高国翠. "忏悔"的亚历山大•伊萨耶维奇•索尔仁尼琴[J]. 辽宁大学学报：哲学社会科学版, 2006, 34 (6): 54-57.

10. 郭娟. 反抗与救赎——《癌症楼》中科斯托格洛托夫的生存困境[J]. 四川民族学院学报, 2011, 000(005): 75-78.

11. 李小驹.让文学为历史存照——索尔仁尼琴对中国当代文学的意义[J].理论导刊, 2006(07): 85-88.

12. 李小驹著.文学的殉道者：索尔仁尼琴[M].北京：外语教学与研究出版社. 2006.

13. 武玉明.略论索尔仁尼琴的民族性格观——以《伊凡•杰尼索维奇的一天》为个案[J]. 潍坊学院学报, 2009(05): 91-94.

14. 胡学星.现场解说作为一种叙事模式——«伊凡•杰尼索维奇的一天» 中作者与主人公的关系[J]. 名作欣赏, 2009(09): 91-95.

15. 姜微. 浅析索尔仁尼琴“集中营文学”主人公的软弱情怀[J]. 北方文学(下半月), 2012.

16. 张冬冬.《伊凡•杰尼索维奇的一天》里的时间[J].东南大学学报(哲学社会科学版), 2008, 10(S2): 249-250.

17. 张建华.索尔仁尼琴:俄罗斯作家的历史际遇与知识分子式的历史思考[J].杭州师范大学学报(社会科学版), 2010,32(06): 52-58.

18. 周文斑.是政治状子还是呼唤人性的文本——兼论《伊万•杰尼索维奇的一天》[J]. 华南师范大学学报(社会科学版), 2004(01): 84-89.

19. 周振美.生存的尊严——评索尔仁尼琴的《伊万•杰尼索维奇的一天》[J]. 山东大学学报(哲学社会科学版), 2005(02):74-77.

20. 施秀娟. 融古典与现代于一炉－－试析索尔仁尼琴创作中的继承与创新 [J]. 河池师专学报:社会科学版, 1995(01): 16-22.

21. 于晓雯.呼唤人性的复归——《伊凡•杰尼索维奇的一天》与《大墙下的红玉兰》[J]. 语文学刊(外语教育与教学), 2010 (12): 20-21.

УДК 82-929

М. Ю. Егоров **https://orcid.org/0000-0003-0049-1535**

Б. Ш. Окуджава в периодике третьей волны эмиграции

Для цитирования: Егоров М. Ю. Б. Ш. Окуджава в периодике третьей волны эмиграции // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 50–59. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-50-59

Задачей предлагаемого исследования является изучение материалов о творчестве и жизни Б. Ш. Окуджавы, а также всех упоминаний Б. Ш. Окуджавы на страницах периодики третьей волны эмиграции – на страницах трех эмигрантских журналов «Время и мы» (всего 118 номеров, 1975 (год выхода первого номера журнала) – 1992), «Континент» (всего 74 номера, 1974 (год выхода первого номера журнала) – 1992), «Синтаксис» (всего 33 номера, 1978 (год выхода первого номера журнала) – 1992). Для проведения исследования было изучено 225 номеров журналов русского зарубежья. Из журналов «Время и мы», «Континент», «Синтаксис» производилась фронтальная выборка сведений, касающихся Б. Ш. Окуджавы. Ни в одном из названных журналов не были опубликованы стихи или проза Б. Ш. Окуджавы. Общее количество публикаций с упоминанием Окуджавы: «Континент» – 61, «Время и мы» – 31, «Синтаксис» – 17. Примечательно, что Окуджава вошел в редакционную коллегию журнала «Континент» в 1990 году (№65), в 1994 году вышел из редколлегии (начиная с № 84). Первое упоминание Б. Ш. Окуджавы случилось на страницах «Континента» в 1975 году в № 5. Большинство указаний на Б. Ш. Окуджаву в статьях носят комплементарный характер. Образ Б. Ш. Окуджавы, сформированный в периодике третьей волны эмиграции, можно описать следующим образом: поэт-романтик, исторический беллетрист, заслуживающий, как правило, самых высоких оценок, активно оказывающий влияние на развитие «другой» литературы в СССР, несмотря на компромиссы с властными структурами, являющийся авторитетом, камертоном и в общественной жизни.

Ключевые слова: Б. Ш. Окуджава, третья волна эмиграции, «Континент», «Время и мы», «Синтаксис», русское зарубежье.

M. Yu. Egorov

B. Sh. Okudzhava in the periodicals of the third wave of emigration

The purpose of the article is to study materials on the work and life of B. Sh. Okudzhava, as well as all references to B. Sh. Okudzhava in the periodicals of the third wave of emigration – in three émigré journals, Time and Us (118 issues in total, 1975 (year of first issue) – 1992), Continent (74 issues in total, 1974 (year of first issue) – 1992), and Syntax (33 issues in total, 1978 (year of first issue) – 1992). To conduct the research, 225 issues of magazines of the Russian diaspora abroad were studied. Frontal sampling of information related to B. Sh. Okudzhava was done from the above mentioned issues. None of these magazines published B. Sh. Okudzhava's poetry or prose. The total number of publications mentioning Okudzhava is: Continent – 61, Time and Us – 31, Syntax – 17. It is worth mentioning that Okudzhava joined the editorial board of Continent in 1990 (No. 65) and left it in 1994 (starting with No. 84). The first mention of B. Sh. Okudzhava was in the Continent in 1975, in No. 5. Most of the references to B. Sh. Okudzhava in the articles are complimentary in nature. The image of B. Sh. Okudzhava formed in the periodicals of the third wave of emigration can be described as follows: a romantic poet, a historical novelist, generally deserving the highest ratings, actively influencing the development of «other» literature in the USSR, who enjoys great authority in public life despite compromises with the official structures.

Key words: B. Sh. Okudzhava, the third wave of emigration, Continent, Time and Us, Syntax, Russian diaspora abroad.

Введение

Задачей предлагаемого исследования является изучение материалов о творчестве и жизни Б. Ш. Окуджавы, а также всех упоминаний Б. Ш. Окуджавы на страницах периодики третьей волны эмиграции – на страницах трех эмигрантских журналов «Время и мы» (всего 118 номеров, 1975 (год выхода первого номера журнала) – 1992), «Континент» (всего 74 номера, 1974 (год выхода первого номера журнала) – 1992), «Синтаксис» (всего 33 номера, 1978 (год выхода первого номера журнала) – 1992). Статья посвящена выпускам названных журналов, когда они были

© Егоров М. Ю., 2021

именно изданиями третьей волны эмиграции, то есть до 1992 года.

Методы исследования

Для проведения исследования было изучено 225 номеров журналов русского зарубежья. Из журналов «Время и мы», «Континент», «Синтаксис» производилась фронтальная выборка сведений, касающихся Б. Ш. Окуджавы.

Результаты исследования

Сразу стоит сказать, что ни в одном из названных журналов не были опубликованы стихи или проза Б. Ш. Окуджавы. Общее количество публикаций с упоминанием Окуджавы таково: «Континент» – 61, «Время и мы» – 31, «Синтаксис» – 17. Примечательно, что Окуджава вошел в редакционную коллегию журнала «Континент» в 1990 году (№65), в 1994 году вышел из редколлегии (начиная с №84).

Первое упоминание Б. Ш. Окуджавы на страницах «Континента» случилось в 1975 году в номере 5 в статье Е. Эткинда, посвященной творчеству А. Галича. Уже в этой статье подчеркивается высокий статус Окуджавы, его ведущая роль в смене поэтических парадигм в конце 50-х годов 20 века: «Окуджава – это период романтизма в истории нашей песни. Он вытеснил Лебедева-Кумача, как Жуковский – Сумарокова, как романтизм пришел на смену классицизму в начале прошлого века» [Эткинд, 1975, с. 425–426]. Эту же мысль об Б. Ш. Окуджаве как романтике Е. Эткинд повторит в интервью журналу «Время и мы» в 1986 году [Эткинд, 1986, с. 183].

В журнале «Время и мы» первое упоминание Б. Ш. Окуджавы относится также к 1975 году (№2), и как уже было в «Континенте» – упоминание в статье об А. Галиче. Б.Ш. Окуджава оказывается в ряду поэтов, которых противопоставляют А. Галичу: «Но даже тогда, когда Окуджава, Матвеева, Высоцкий осуществили свое право на книжку и пластинку (каким бы куцым это право ни оказалось при реализации) – песня Галича продолжала свой путь, перематывало с магнитофона на магнитофон, минуя художественные советы и комиссии главлита. О Галиче даже не было фельетонов, как, например, об Окуджаве» [Рубинштейн, 1975, с.165–166].

Большинство указаний на Б. Ш. Окуджаву в статьях носят комплементарный характер.

В «Континенте» заметке о книге Ю. Мальцева «Вольная русская литература» (1977, №12) читаем о достоинствах Б. Ш. Окудажвы-прозаика: ««Бедный Авросимов», «Похождения Шипова» и, наконец, «Путешествие дилетантов» – три романа, которые ставят Окуджаву в ряд самых значительных прозаиков наших дней!» [Коротко…, 1977, с. 413] .

Влиятельность поэзии Б. Ш. Окуджавы связывается с появлением его эпигонов Э. Неизвестным, который в 1978 году в интервью «Континенту» отмечает: «…мой друг Булат Окуджава. Его лирические и романтические песни так и не стали официальными, но его интонации и метафоры растаскали по карманам многие из подражателей, занимающих какое-то место в официальной литературе» [Эгеланд, 1978, с. 310].

Появление переводов поэзии Б. Ш. Окуджавы связывается с угасанием на западе популярности поэзии К. Симонова: «Но вот появились в Европе и Америке стихи Окуджавы, Галича, проза Синявского и Даниэля, Белинкова, Войновича, Надежды Мандельштам, Георгия Владимова, и Симонов как писатель поблек, померк» [Поповский, 1980, с. 324].

Лирика Б. Ш. Окуджавы выступает образчиком высочайшего качества поэзии. Илья Суслов, бывший когда-то зав.отделом юмора «Литературной газеты» писал: «Конечно, я и тогда баловался литературой, писал эстрадные обозрения и репризы для клоунов в цирке, и песни, тогда еще не было Булата Окуджавы, и мы писали песни под Лебедева-Кумача. Потом появился Булат, и мы поняли, какой мусор мы писали. Булат и убил во мне песенника» [Суслов, 1980, с. 199].

Писатель Ю. Карабчиевский в статье «И вохровцы и зэки. Заметки о песнях Александра Галича» утверждал: «Да ничем она не заслужила, современная литература этого вашего пиетета, пусть сама еще попробует, дотянется до песен под гитару. Поэзия – до песен Булата Окуджавы, проза и драматургия – до песен Галича» [Карабчиевский, 1982, с. 159].

Б. Ш. Окуджава выступает в статьях как одно из лиц искусства, противостоящего официозу: «Домашнее свободомыслие, бытовая оппозиция официозу были той культурной атмосферой, в которой сгустились в историко-литературные явления поэзия Галича и Булата Окуджавы» [Рубинштейн, 1977, с. 151].

Характеризуя фрондерствующего героя, писатель Гелий Снегирев в повести «Как на духу…», опубликованной в журнале «Континент» не преминет вскользь упомянуть знание героем песен Окуджавы [Снегирев, 1979, с. 132].

На страницах журнала «Континент» Николай

Тюльпинов защищает Б. Ш. Окуджаву от нападок советского критика Михаила Лобанова, опубликовавшего в журнале «Молодая гвардия» статью «История и ее литературный вариант» (1988, №3): «Видите ли, Окуджава безнадежно болен маниакальной идеей ненависти к русской крови. Видите ли, Россия XIX века на страницах „пасквилей" Окуджавы – „не мировая держава с мировой культурой, а какая-то помойка, которую соорудил автор". Видите ли, на страницах этих „пасквилей" „ни одного нормального русского человека, все уроды, тупицы, доносчики, пьяницы". А если и имеются порядочные герои, „то кто угодно – немец, полька, француженка, грузин и т. д. – только не русский". „Очернительство!" – негодует Лобанов. … подобного рода статья – это все тот же жанр политического доноса …это и своего рода призыв к массовому читателю. Доколе, мол, будем терпеть „инородцев" и „масонов"» [Тюльпинов, 1988, с. 422–423] (см. также [Вишневская, 1988, с. 83–84]).

Авторитет Б. Ш. Окуджавы настолько высок, что ссылка на него выступает не только знаком высочайшей поэзии и прозы, его мнение важно и при взгляде на общественную жизнь. Заходит разговор о Польше, и Виктор Соколов указывает: «Россия и Польша. Польша и Россия. Совершенно уникальное, на мой взгляд, явление любви и ненависти, дружбы и соперничества. Русский поэт Булат Окуджава в одном из своих стихотворений так и поёт, что мы связаны „давно одной судьбою..."» [Соколов, 1980, с. 441].

В другой статье в вопросе об изменениях в Восточной Европе второй половины 80-х годов 20 века Окуджава назван пророком: «отношения русских и поляков определяются строками Окуджавы: Мы связаны, Агнешка, давно одной судьбою, В прощанье и в прощенье, и в смехе и в слезах, Когда трубач над Краковом возносится с трубою, Хватаюсь я за саблю с надеждою в глазах. Надежда на то, что „с Польши начнется" – висит в воздухе последнего десятилетия. Потому строки Окуджавы, написанные много ранее, воспринимаются как пророческие. А его романтически-абстрактная строчка о том, что „уходим мы привычно сражаться за свободу в свои семнадцать лет", ведет нить воспоминания к тому крылу декабристов, которое именовало себя „соединенные славяне", и чьим лозунгом были слова: „За вашу и нашу свободу"» [Коротко…, 1986, с. 403–404].

Заходит разговор о необходимости политических перемен в СССР, и Б. Ш. Окуджава будет указан, как один из ответственных за то, что эти перемены должны начаться: «Сколько я мечтал, что найдется же на Руси Великой хоть один именитый человек – Твардовский ли, Евтушенко ли, Окуджава ли, академик Капица ли, – который встанет на очередном партийном съезде, или на сессии Верховного Совета, или на съезде писателей, или на профсоюзном съезде и „врежет правду-матку" о том, что пора же кончать с диктатурой Политбюро, что пора ввести подлинную демократию, самоуправление, подлинный социализм...» [Абовин-Егидес, 1984, с. 224].

Слово Б. Ш. Окуджавы настолько важно, что оно может определить в глазах слушателей перестроечную ситуацию в СССР: «Можно ли после этого считать, что в СССР происходят качественные сдвиги? Выступивший недавно перед большой русскоязычной аудиторией Нью-Йорка известный советский поэт Булат Окуджава сказал, что в СССР происходят очень сложные процессы, результаты которых – если они вообще будут – наступят очень скоро» [Пока…, 1987, с. 119]. Или в журнале «Синтаксис» во втором абзаце статьи, посвященной перестрочным изменениям в стране: «На пресс-конференции группы советских писателей в Западном Берлине Булат Окуджава сочувственно процитировал чьи-то слова, что „в России есть революционная ситуация, но нет революционеров". Речь шла, разумеется, о горбачевской „революции сверху". Перестройки нет, потому что некому делать, – так следует толковать реплику Окуджавы» [В. П., 1987, с. 6].

Б. Ш. Окуджава будет раскритикован болгарским диссидентом Петром Маноловым за то, что в мае 1986 года, выступая в городе Пловдив, не упомянул о Чернобыльской катастрофе: «Помню, как в конце мая 1986 года в Пловдиве прошла встреча с группой писателей из „Литературной газеты". …Помню еще, что спрашивал некоторых нумерованных интеллектуалов, не обмолвились ли хоть словом Распутин или Окуджава о Чернобыльской катастрофе. И у меня не вызвало приятных чувств то, что об этом ничего не было сказано; а в то самое время, когда Окуджава теребил струны своей гитары…» [Манолов, 1990, с. 246].

В публицистических материалах журнала «Время и мы» часты обращения к Б. Ш. Окуджаве. Проиллюстрируем это цитатой из статьи Доры Штурман «Правда и ложь», в которой размышления о партократии подкрепляются цитатой из «Песенки о ночной Москве»: «Неизвест-

но, успеем ли мы найти выход из лабиринта, в центре которого поджидает нас Минотавр партократии, но ничего невозможного в отыскании этого выхода нет. И, когда вспоминаешь о существовании этого выхода, о его неисключенности (во всяком случае, о неполной его исключенности) в душе начинает тихо играть „надежды маленький оркестрик под управлением Любви" (Б. Окуджава)» [Штурман, 1981, с. 109].

Юрий Глазов в статье «Взлет и падение диссидентов», описывая сложности судьбы диссидента-предателя Виктора Красина, его раскаяние в содеянном, роль жены Надежды Емелькиной, использует строчки из песни «Три сестры»: «Без Надежды Емелькиной, вероятно, не было бы Красина в его последние годы. Было бы другое следствие и другой процесс. …И все-таки, как ни горько, не будем забывать, что Надежда – одна из трех сестер Булата Окуджавы, и вместе с Верой и Любовью „три судьи, три жены, три сестры милосердных открывают бессрочный кредит для меня"» [Глазов, 1984, с. 109].

Любопытно, что статьи о распрях в среде третьей волны эмиграции, опубликованные примерно в одно и то же время, и в «Континенте», и во «Времени и мы», и в «Синтаксисе» начинаются с цитат из Б. Ш. Окуджавы. Причем в двух случаях из трех использована «Старинная студенческая песня».

Журнал «Континент» публикует статью о спорах в периодике третьей волны В. Максимова под названием «Возьмемся за руки друзья…», заканчивающуюся так: «Поэтому я и хочу закончить эту короткую заметку обращением ко всем нашим единомышленникам в русском Зарубежье, цитируя здесь крылатые слова из песни Булата Окуджавы: – Возьмемся за руки, друзья! И тогда мы обязательно выстоим» [Максимов, 1981, с. 406].

Статье об эмигрантских спорах Александра Янова «Отчего мы молчим?» в «Синтаксисе» предпослан эпиграф: «...возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке. Булат Окуджава» [Янов, 1980, с. 110].

Н. Прат (Анатолий Парташников), размышляющий о разобщенности в эмигрантской среде, открывает свою статью «Эмигрантские комплексы в историческом аспекте» во «Времени и мы» эпиграфом из «Сентиментального марша»: «Я все равно паду На той далекой, на гражданской...» [Прат, 1980, с. 179].

Какие еще (кроме указанного выше) упреки были адресованы авторами статей в журналах Б.Ш. Окуджаве?

Николай Тюльпанов указывает на вторичность и литературность исторической прозы, не давая расшифровки того, какой смысл вкладывается в эти понятия [Тюльпинов, 1988, с. 422].

В рецензии на литературный сборник «Весть» критикуется оборванность финала опубликованной там повести Б. Окуджавы «Приключения секретного баптиста»: «Начало повести многообещающее: о попытке вербовки в МГБ в 50-е годы молодого журналиста из семьи репрессированных. Но конец, увы, как при резком торможении на красный свет: создается впечатление, будто автор хотел поскорее закончить однажды им начатое повествование» [А. К., 1990, с. 371].

Михаил Лемхин в статье «Кто же они, кумиры?» возмущен поведением Окуджавы, который оказался на обложке журнала «Огонек» в компании с Евтушенко, Вознесенским, Рождественским: «Да что же такое случилось, что все собрались на подмосковной даче Евтушенко? Кто с кем вместе теперь? Евтушенко – трубадур и пропагандист нового начальства, подпевала Вознесенский, Рождественский – номенклатурный товарищ, даже на внешность которого длительное пребывание в кабинетах наложило печать. И Окуджава? Как же это такое возможно? Братание? Волк и агнец в трогательных объятиях. Рай наступил на земле? …Неужели Булат Окуджава не понимал, направляясь на этот шабаш, что он своим авторитетом поддерживает казенных функционеров? …Почему? Нельзя было отказаться?» [Лемхин, 1987, с. 146].

В журналах «Континент» и «Время и мы» упоминается история с письмом Окуджавы в «Литературной газете» в 1972 году. Несмотря на расплывчатость формулировок в письме (как пишет Д. Быков: «Текст достойный… Ни одного имени, ни одного конкретного названия, ни малейшего раскаяния, никаких упреков – „оставляю на совести авторов", – и даже прелестная расплывчатость формулировки „во враждебном для нас духе", не уточняя, кто такие мы» [Быков, 2009, с. 635–636]), многими этот текст был воспринят как акт покаяния перед советскими властными структурами. Отголоски истории достигли эмигрантских журналов, и Окуджаву упрекали в произошедшем даже спустя несколько лет после истории с публикацией этого письма. «Люди, бросающие смелый, открытый вызов системе лжи и порабощения, не могут не вызывать восхищения. Но можно ли осуждать Окуджаву, написавшего покаянное письмо в Союз

писателей?» – читаем во «Времени и мы» в статье 1978 года В. Вишняка «Солженисты и скептики» [Вишняк, 1978, с. 165]. В журнале «Континент» в статье 1976 года: «Да любого инакомыслящего в СССР и без поездок обвиняют в связях с Западом, и нет обвинения весомее не только в глазах „правосудия", но и в представлении общества – так уж приучили. Вас напечатал „Фонд Герцена", „Посев", Гедройц – и уже Шаламов или Окуджава спешат откреститься от публикации, а то и от самих произведений» [Марченко, 1976, с. 98]. Литературоведами не раз отмечалась комбинация черт официальной литературы и «подпольной» в творчестве Б. Ш. Окуджавы (см. например [Smith, 2001, с. 203])

Особого упоминания требуют опубликованные в журналах стихи, которые посвящены Б. Ш. Окуджаве или в которых он упоминается. Всего таких публикаций девять (семь в «Континенте», две во «Времени и мы», среди них одна эпиграмма).

Среди поэтов, упоминавших Б. Ш. Окуджаву, есть такие, кто занимал абсолютно противоположные эстетические позиции, например, Э. Лимонов [Лимонов, 1980, с. 149] и И. Лиснянская [Лиснянская, 1982, с. 11].

В поэме Н. Коржавина «Поэма причастности», посвященной редкой для эмигрантской поэзии теме войны в Афганистане, предпослан эпиграф из «Песенки веселого солдата»: «Как славно быть ни в чем не виноватым – Совсем простым солдатом... Солдатом» [Коржавин, 1982, с. 135].

С именем Б. Ш. Окуджавы связаны стихи Анны Горбуновой («Континент», 1977, № 12), Льва Друскина («Континент», 1981, № 30), Бахыта Кенжеева («Континент», 1988, № 56), Александра Верника («Континент», 1988, № 57), Дмитрия Малкина («Время и мы», 1979, № 47), Владимира Вишняка («Время и мы», 1981, № 62).

Собственно литературно-критических статей, посвященных творчеству Б. Ш. Окуджавы, в журналах было опубликовано всего три, и все в журнале «Континент». Две из трех статей написаны Виолеттой Иверин.

В статье «Час милосердия (Размышления о прозе Булата Окуджавы)» [Иверни, 1977] утверждается особая позиция Окуджавы в литературной и общественной жизни: «Он не обвинял, не бичевал, не раздавал пощечин. Он ничего не отрицал и ничего не утверждал. И он не был н а д – в той самой пресловутой башне из слоновой кости… И он не был п о д – море людских страданий и людских нечистот не проглотило и не размозжило ему души – он был там же, где и все, среди, п о с р е д и, и пел свое. Свое – обо всех. И для всех» [Иверни, 1977, с. 353–354].

В отличие от советских критиков В. Иверни видит в Окуджаве «глубоко религиозного художника»: «Я не имею в виду религиозности названной, церковной, религиозности-убеждения. Я имею в виду внутреннее ощущение физической и духовной причастности ко всему, что есть мир и Вселенная» [Иверни, 1977, с. 354].

Рассматривая повесть «Похождения Шипова, или Старинный водевиль», романы «Бедный Авросимов», «Путешествие дилетантов», В. Иверни указывает на их центральные тематические комплексы – любовь и свобода. Больше всего внимания уделено именно последнему указанному роману, знакомому критику по журнальной публикации в «Дружбе народов». Произведение характеризуется весьма поэтично: «Роман Окуджавы читать – словно на святках гадать в зеркале: зрачки втягивает в глубину, а там, говорят, судьба. И свечи мечутся» (с. 361). Именно в «Путешествии дилетантов» наиболее ярко переплетаются темы свободы и любви: «И весь роман становится от этого тонкой песней о свободе-женщине, о свободе-любви, как о некоем призрачном существе, касающемся нас неощутимо-бессильно, но всюду рассыпающем дерзкие искры» [Иверни, 1977, с. 363].

Следующая статья В. Иверни «Когда двигаетесь, старайтесь никого не толкнуть...» посвящена книжному выходу из печати романа «Путешествие дилетантов» [Иверни, 1980]. В начале статьи автор сетует на маленький тираж книги (30 тысяч экземпляров): «А эта вот осторожненькая дозировка (как лекарство, что в малых дозах лечит, в больших – отравляет) – всякий раз бьет по нервам и автора, и читателя. Когда-нибудь вездесущие психоаналитики займутся интереснейшим вопросом о том, сколько сил и нервной энергии украдено у миллионов людей с помощью этого ежедневного издевательства» [Иверни, 1980, с. 358].

В безмерном восхищении «Путешествием дилетантов» особое внимание В. Иверни обращает на форму романа, подчеркивая её неразрывную связь с содержанием: «Настойчивая алогичность композиции оказывается отражением, доводом, системой доказательств той человеческой алогичности, которой Окуджава поет гимн в своем романе» [Иверни, 1980, с. 361]. Такая манера по-

строения произведения связывается с импрессионизмом, который свойственен поэзии: «Импрессионизм Окуджавы – не литературный метод, а мироощущение и мировидение, и, как результат, – поэтическое миросоздание» [Иверни, 1980, с. 362].

Финал статьи переполнен метафорами, подчеркивающими пиетет критика по отношению к Б. Окуджаве, с одной стороны, а с другой, возвращающими к ключевой для романа теме свободы: «Булат Окуджава все-таки поразительный писатель. Столь же органично и естественно, как растение, которое вбирает из воздуха углекислый газ, а выделяет кислород, он вдыхает углекислый газ несвободы, а выдыхает чистейший кислород поэзии, гармонии – свободы» [Иверни, 1980, с. 363].

Под псевдонимом Марран в журнале «Континент» была опубликована обширная статья «Булат Окуджава и его время» [Марран, 1983]. Критик настаивает на неразрывной связи авторского исполнения Окуджавы и словесного текста: Будучи прочитанными, эти строки не дают и части того эмоционального эффекта, что возникает в авторском исполнении. Но ведь и все его песенное творчество – триединство голоса, гитарной мелодии и поэтической строки. Его песни не живут в другой – актерской интерпретации, а слова блекнут на бумаге» [Марран, 1983, с. 329].

Говоря о начале шестидесятых годов двадцатого века как времени надежд и ожиданий, Марран указывает на закономерность появления в это время повести «Будь здоров, школяр» и прихода первой волны популярности поэзии Б. Ш. Окуджавы [Марран, 1983, с. 332].

Читатель статьи проходит через ряд точечных анализов отдельных лирических произведений Окуджавы. Между лирикой шестидесятых и семидесятых годов, по мнению критика, проходит граница, обозначающая радикальный перелом в творчестве Б. Ш. Окуджавы. «В это время произошел переход …к более сложному и масштабному философско-историческому осмыслению действительности, к вовлечению в его творческий мир крупных культурно-исторических пластов. При этом лиризму ощущения все более явственно сопутствовал лиризм мышления, а эмоциональное начало оплодотворяло напряженный интеллектуализм поэтического действия» [Марран, 1983, с. 340].

Также, как и В. Иверни, Марран рассуждает о религиозной составляющей лирики Б. Ш. Окуджавы (в этой связи см. также [Lewandowska, 2017; Kornacka-Sareło, 2017]). Религиозно-философские искания не только самого Б.Ш. Окуджавы, но и советского общества в целом отразились в стихотворении «Молитва»: «Появление этой песни, с такой полнотой воплощающей в поэтической форме нравственную сущность современного христианского мироощущения, – конечно, отнюдь не случайный эпизод в духовной жизни нашего общества» [Марран, 1983, с. 343].

Размышления о творчестве Б. Ш. Окуджавы невозможны без обращения к его исторической прозе. Марран пытается объяснить «странности» романа «Путешествие дилетантов», «где действие расплывчато и томительно затянуто». Он оправдывает это так: «своими истоками проза Окуджавы, как мне думается, уходит к «Петербургу» Белого с его раскованной романной стихией, многоголосьем и языковой свободой» [Марран, 1983, с. 347]. Упомянут критиком в этой связи также «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака. Надо учитывать и то, что «Путешествие дилетантов» написано поэтом с особым восприятием. Если марксистская идеология утверждает вторичность культуры по отношению к социально-экономическим обстоятельства, то «творчество Окуджавы опровергает этот постулат. Оно все идет от культуры – истории, литературы, живописи» [Марран, 1983, с. 352]. Через страницу это суждение подкрепляется другой идеей: «Это уважение к жизни, восприятие ее как самоценной данности – характерная черта мировоззрения Окуджавы» [Марран, 1983, с. 354].

Автор статьи приходит к выводу, что творчество Б. Ш. Окуджавы оказывается своеобразным убежищем для интеллигента в эпоху советского лицемерия: «И песни Булата Окуджавы, впитавшие в себя настой русской культуры в самых гуманистических, внутренне свободных ее проявлениях, создают для современного российского интеллигента, живущего в суетном и жестоком мире, некую обитель, сердцем постигаемый театр очищенных от всего мелкого, житейского страстей и облагороженных образов, дающих ему чувство духовной родины, якоря, за который хоть на время, хоть на вечер можно зацепиться в море конформизма и двоедумия. Вот почему его так просветленно любят, так сладко тоскуют слушая, и вот почему его творчество, идучи от культуры, становится фактом жизни» [Марран, 1983, с. 353].

В 1990 году в журнале «Континент» (№63) появилось интервью Б. Окуджава, которое он дал

Виталию Амурскому. Разумеется, в интервью были вопросы о самоощущении Окуджавы в ту или иную эпоху. «В последние брежневские годы я просто умирал», – признается писатель [Всё…, 1990, с. 387]. Тогда «интеллигенция оказалась не только ненужной, но и опасной» [Всё…, 1990, с. 386]. Любопытно то, что вполне откровенно Окуджава говорит о религии, о вере (буквально третий вопрос), словно бы опровергая мнения критиков, которые были описаны выше: «Я вообще по своему воспитанию человек неверующий. Так случилось в моей жизни. Но, видимо, есть что-то такое во мне высокое, во имя чего веб, и я сам... Видимо, это есть, хотя я не анализирую этого ощущения, состояния» [Всё…, 1990, с. 388].

На мой взгляд, в интервью наиболее ценными выступают замечания о собственном творчестве, о литературе, которые могли бы помочь будущим комментаторам произведений Б. Окуджавы. Скажем, в песне «Голубой шарик» интервьюер увидел необычную символику шара: «…я об этом, о символике, просто не думал. Для меня это было неважно. Вот родилась такая ситуация, такой образ – я его запечатлел. Никаких философских выражений, никаких попыток анализировать жизнь не было. Позднее, когда меня стали спрашивать: „Что это значит?" и т. д., – я придумал такое объяснение: голубой шарик символизирует нашу жизнь, жизнь вечную. Мы умираем, а жизнь продолжается. Придумано это было просто так – для успокоения особо активных вопрошателей. Сейчас же я воспринимаю эту символику как очень примитивную, случайную...» [Всё…, 1990, с. 389].

В. Амурский задет вопрос об исторических романах: «Критики считают, что самим фактом обращения к другой эпохе вы выразили некий протест по отношению к настоящим событиям». Окуджавы резко отрицает такую точку зрения: «Нет, нет! Все это не так. Может быть, там есть элемент протеста – не знаю, не мне об этом судить. …Передо мной никогда не было задачи – с помощью исторической прозы критиковать несовершенство нашего строя, нашей сегодняшней жизни» [Всё…, 1990, с. 390].

Отвечая на вопрос о повести «Приключения секретного баптиста», об истории героя этого текста Андрее Петровиче Шамине, который оказался в сетях госбезопасности, Б. Ш. Окуджава подчеркивает абсолютное совпадение с событиями собственной биографии: «Случилось все в 1954 году в Калуге, когда после учительства я начал работать в областной газете. Вспоминая, пытаясь проанализировать период, когда на меня свалилось такое „счастье" – мне стали доверять органы! – я не могу представить себя иначе, как идиотом, у которого от всего закружилась голова...» [Всё…, 1990, с. 389].

Из этого интервью узнаём, например, что к песням Б. Гребенщикова Б. Ш. Окуджава относился весьма хорошо, называет его интересным представителем рок-музыки [Всё…, 1990, с. 393]. Есть любопытное упоминание о встрече в Париже в 1967 году с французским певцом Жоржем Брассенсом, с которым Б. Ш. Окуджаву часто сравнивают [Всё…, 1990, с. 394].

Единственный большой текст об Б. Ш. Окуджаве в журнале «Время и мы» – скандальные воспоминания Давида Шраера-Петрова «Гусар с гитарой», опубликованные в 1989 году (№ 105).

Шраер-Петров рассказывает о том, как Б.Ш. Окуджава увел у него женщину по имени Ольга, обольстил её, а потом бросил. Автор воспоминаний решает отомстить за когда-то любимую женщину. Весной 1962 года во время гастролей Б. Ш. Окуджавы в Ленинграде Шраер-Петров приходит в гостиницу «Европейская» с ножом: «Он [Окуджава] отворил дверь, отпрянув, когда увидел меня. Я шагнул в комнату, пренебрегая его защитно протянутой рукой. Моя правая рука сжимала финский нож. Из окна видна была Театральная площадь в липах. И Пушкин. „Только не при нем", – сказал Булат, ужаснувшись, на что я решился. Я подумал, что он о Пушкине. Но взгляд его показывал в другую сторону. На диване спал мальчик. „Пойдем со мной на мой вечер. И ты все услышишь. Тогда решай сам. Но только не при нем"» (с. 76–77). Что же было после концерта, Шраер-Петров не уточняет, однако подчеркивает, что после этого случая неоднократно с Б. Ш. Окуджавой встречался при разных обстоятельствах, Б. Ш. Окуджава хвалил его стихи (с. 80).

У Б. Ш. Окуджавы действительно были романтические и сложные отношения с Ольгой Батраковой, но в рассматриваемых воспоминаниях можно обнаружить много нестыковок. О них писал Д. Быков в биографии Б. Ш. Окуджавы: «Летом 1962 года Окуджава приехал в Ленинград не выступать, а жить; сына он с собой не брал (мальчик вообще никогда не ездил с ним на гастроли); сама Батракова к этому моменту уже два года как была замужем за другим, и естественней было бы выяснять отношения с ним; наконец, Окуджава многократно говорил в ин-

тервью, что умеет за себя постоять («Правда, я не обязательно оказался бы победителем, но это и не важно»)» [Быков, 2009, с. 350]. В. Фрумкин находит еще несколько «ошибок»: «Окуджава в те годы обычно останавливался в более скромной гостинице – „Октябрьская" на площади Восстания возле Московского вокзала. Удивляет и то, что из окна „Европейской" автор увидел „Театральную площадь в липах". Шраер, коренной ленинградец, не мог не знать, что из гостиницы „Европейская" видна площадь Искусств, а не Театральная, где нет ни лип, ни Пушкина» [Фрумкин, 2015, с. 222–223].

Среди авторов журнальных материалов (статей, романов, пьес и т.д.), упоминавших Б. Ш. Окуджаву выделяется главный редактор журнала «Континент» В. Максимов, который чаще остальных обращается к имени поэта: всего десять публикаций в журнале «Континент» [Тревога…, 1980, с. 412; Максимов, 1981, с. 205; Максимов, 1982, с. 318; Максимов, 1985, с. 369; Максимов, 1987, с. 431; Максимов, 1989, с. 355-356; Максимов, 1990а, с.318; Максимов, 1990б, с. 333; Максимов, 1991, с. 309], кроме этого еще интервью в журнале «Время и мы» [Максимов, 1986, с. 170–171, 174].

Заключение

Суммируем вышесказанное и попробуем ответить на вопрос, какой же образ Б. Ш. Окуджавы формируется в периодике третьей волны эмиграции? Поэт-романтик, исторический беллетрист, заслуживающий, как правило, самых высоких оценок, активно оказывающий влияние на развитие «другой» литературы в СССР, несмотря на компромиссы с властными структурами, являющийся авторитетом, камертоном в общественной жизни.

Библиографический список

1. А. К. Весть. Литературный сборник // Континент. 1990. № 64. С. 371–372.
2. Абовин-Егидес П. Философ в колхозе // Континент. 1984. № 42. С. 199–239.
3. Быков Д. Л. Булат Окуджава. Москва : Молодая гвардия, 2009. 776 с.
4. В. П. «Кадры», «оттепель» и перспективы «перестройки» // Синтаксис. 1987. № 17. С. 6–18.
5. Вишневская Ю. Православные, гевалт! // Синтаксис. 1988. № 21. С. 82–101.
6. Вишняка В. Солженисты и скептики // Время и мы. 1978. № 31. С. 148–167.
7. «Всё, что я делаю – связано с моим отношением к людям…». Беседу с Булатом Окуджавой ведет журналист Виталий Амурский // Континент. 1990. № 63. С. 385–396.
8. Глазов Ю. Взлет и падение диссидентов // Время и мы. 1984. № 80. С. 91–110.
9. Иверни В. Когда двигаетесь, старайтесь никого не толкнуть... // Континент. 1980. № 24. С. 358–363.
10. Иверни В. Час милосердия (Размышления о прозе Булата Окуджавы // Континент. 1977. № 12. С. 353–364.
11. Карабчиевский Ю. И вохровцы и зэки. Заметки о песнях Александра Галича // Время и мы. 1982. № 65. С. 144–159.
12. Коржавин Н. Поэма причастности // Континент. 1982. № 33. С. 135–146.
13. [Б.а.] Коротко о книгах // Континент. 1977. № 12. С. 407–421.
14. [Б.а.] Коротко о книгах // Континент. 1986. № 48. С. 403–405.
15. Лемхин М. Кто же они, кумиры? // Время и мы. 1987. № 95. С. 136–149.
16. Лимонов Э. Эпоха бессознания // Континент. 1980. № 25. С. 148–149.
17. Лиснянская И. Проводы // Континент. 1982. № 34. С. 11–12.
18. Максимов В. Чаша ярости // Континент. 1981. № 30. С. 76–172.
19. Максимов В. Чаша ярости // Континент. 1982. № 32. С. 64–154.
20. Максимов В. Окололитературная бесовщина // Континент. 1985. № 43. С. 367–369.
21. Максимов В. Запад «перемывает портянки» нашей разночинной интеллигенции. Из цикла «Беседы в изгнании» профессора Джона Глэда // Время и мы. 1986. № 88. С. 168–187.
22. Максимов В. Племя живых // Континент. 1987. № 53. С. 429–432.
23. Максимов В. Кто боится Рэя Брэдбери? // Континент. 1989. № 59. С. 134–188.
24. Максимов В. Таланты и поклонники // Континент. 1990. № 62. С. 317–318.
25. Максимов В. В Москву за песнями // Континент. 1990. № 64. С. 331–334.
26. Максимов В. По закону кармы // Континент. 1991. № 66. С. 323–328.
27. Максимов В. «Возьмемся за руки друзья…» // Континент. 1981. № 28. С. 405–406.
28. Манолов П. Размышления с приписками // Континент. 1990. № 65. С. 243–254.
29. Марран. Булат Окуджава и его время // Континент. 1983. № 36. С. 329–354.
30. Марченко А., Тарусевич М. Tertium datur – третье дано // Континент. 1976. № 9. С. 81–122.
31. …Пока что на словах. Комментарий редакции // Время и мы. 1987. № 95. С. 118–120.
32. Поповский М. Идеальный советский писатель // Континент. 1980. № 24. С. 297–330.
33. Прат Н. Эмигрантские комплексы в историческом аспекте // Время и мы. 1980. № 56. С. 179–194.

34. Рубинштейн Н. Выключите магнитофон – поговорим о поэте // Время и мы. 1975. № 2. С. 164–177.

35. Рубинштейн Н. Сказание о земле Ибанской // Время и мы. 1977. № 16. С. 143–162.

36. Снегирев Г. Как на духу… // Континент. 1979. № 21. С. 89–145.

37. Соколов В. Разговор с Чеславом Милошем // Континент. 1980. № 26. С. 433–445.

38. Суслов И. Эссе о цензуре // Время и мы. 1980. № 56. С. 195–211.

39. Тревога. Разговор с Владимиром Максимовым // Континент. 1980. № 25. С. 389–419.

40. Тюльпинов Н. Зов крови или жажда крови? // Континент. 1988. № 57. С. 415–425.

41. Фрумкин В. Две истории, связанные с Окуджавой // Время и место. 2015. Вып. 1 (33). С. 216–227.

42. Штурман Д. Правда и ложь // Время и мы. 1981. № 61. С. 82–109.

43. Эгеланд Э. Встреча с Неизвестным // Континент. 1978. № 17. С. 299–314.

44. Эткинд Е. «Человеческая комедия» Александра Галича // Континент. 1975. № 5. С. 405–426.

45. Эткинд Е. Поэзия и облик истины // Время и мы. 1986. № 92. С. 166–185.

46. Янов А. Отчего мы молчим? // Синтаксис. 1980. № 8. С. 110–115.

47. Kornacka-Sareło K. A. Rosyjskie, żydowskie czy ludzkie? Żydowska myśl mistyczna w poezji bułata szałwowicza okudżawy // Porównania. 2017. № 2. С. 197–214.

48. Lewandowska O. M. Motywy biblijne w pieśniach Bułata Okudżawy // Przegląd Rusycystyczny. 2017. № 159. С. 31–48.

49. Smith G. S. Russian poetry since 1945 // The Routledge Companion to Russian Literature. London and New York : Routledge. 2001. С. 197–208.

Reference list

1. A. K. Vest'. Literaturnyj sbornik = News. Literary anthology. // Kontinent. 1990. № 64. S. 371–372.

2. Abovin-Egides P. Filosof v kolhoze = The philosopher in the collective farm // Kontinent. 1984. № 42. S. 199–239.

3. Bykov D. L. Bulat Okudzhava = Bulat Okudzhava. Moskva : Molodaja gvardija, 2009. 776 s.

4. V. P. «Kadry», «ottepel'» i perspektivy «perestrojki» = «Personnel», «thaw» and the prospects of «perestroika» // Sintaksis. 1987. № 17. S. 6–18.

5. Vishnevskaja Ju. Pravoslavnye, gevalt! = Christians, gewalt! // Sintaksis. 1988. № 21. S. 82–101.

6. Vishnjaka V. Solzhenisty i skeptiki = Solzhenists and skeptics // Vremja i my. 1978. № 31. S. 148–167.

7. «Vsjo, chto ja delaju – svjazano s moim otnosheniem k ljudjam…». Besedu s Bulatom Okudzhavoj vedet zhurnalist Vitalij Amurskij = «Everything I do is connected with my attitude to people...». Journalist Vitaly Amursky is interviewing Bulat Okudzhava // Kontinent. 1990. № 63. S. 385–396.

8. Glazov Ju. Vzlet i padenie dissidentov = The rise and fall of the dissidents // Vremja i my. 1984. № 80. S. 91–110.

9. Iverni V. Kogda dvigaetes', starajtes' nikogo ne tolknut'... = When you move, try not to push anyone… // Kontinent. 1980. № 24. S. 358–363.

10. Iverni V. Chas miloserdija (Razmyshlenija o proze Bulata Okudzhavy) = The hour of mercy (Reflections on Bulat Okudzhava's prose) // Kontinent. 1977. № 12. S. 353–364.

11. Karabchievskij Ju. I vohrovcy i zjeki. Zametki o pesnjah Aleksandra Galicha = Both guards and convicts. Notes on Alexander Galich's songs // Vremja i my. 1982. № 65. S. 144–159.

12. Korzhavin N. Pojema prichastnosti = A poem of belonging // Kontinent. 1982. № 33. S. 135–146.

13. [B.a.] Korotko o knigah = Books in brief // Kontinent. 1977. № 12. S. 407–421.

14. [B.a.] Korotko o knigah = Books in brief // Kontinent. 1986. № 48. S. 403–405.

15. Lemhin M. Kto zhe oni, kumiry? = Who are they, the idols? // Vremja i my. 1987. № 95. S. 136–149.

16. Limonov Je. Jepoha bessoznanija = The Age of Unconsciousness // Kontinent. 1980. № 25. S. 148–149.

17. Lisnjanskaja I. Provody = The Farewell // Kontinent. 1982. № 34. S. 11–12.

18. Maksimov V. Chasha jarosti = The cup of fury // Kontinent. 1981. № 30. S. 76–172.

19. Maksimov V. Chasha jarosti = The cup of fury // Kontinent. 1982. № 32. S. 64–154.

20. Maksimov V. Okololiteraturnaja besovshhina = Devilry surrounding literature // Kontinent. 1985. № 43. S. 367–369.

21. Maksimov V. Zapad «peremyvaet portjanki» nashej raznochinnoj intelligencii. Iz cikla «Besedy v izgnanii» professora Dzhona Gljeda = The West is «washing footcloths» of our intelligentsia. From «Conversations in exile» by Professor John Glad // Vremja i my. 1986. № 88. S. 168–187.

22. Maksimov V. Plemja zhivyh = The tribe of the living // Kontinent. 1987. № 53. S. 429–432.

23. Maksimov V. Kto boitsja Rjeja Brjedberi? = Who is afraid of Ray Bradbury? // Kontinent. 1989. № 59. S. 134–188.

24. Maksimov V. Talanty i poklonniki = Talent and admirers // Kontinent. 1990. № 62. S. 317–318.

25. Maksimov V. V Moskvu za pesnjami = To Moscow for songs // Kontinent. 1990. № 64. S. 331–334.

26. Maksimov V. Po zakonu karmy = By the law of karma // Kontinent. 1991. № 66. S. 323–328.

27. Maksimov V. «Voz'memsja za ruki druz'ja…» = «Let's hold hands friends…» // Kontinent. 1981. № 28. S. 405–406.

28. Manolov P. Razmyshlenija s pripiskami = Reflections with additions // Kontinent. 1990. № 65. S. 243–254.

29. Marran. Bulat Okudzhava i ego vremja = Bulat Okudzhava and his time // Kontinent. 1983. № 36. S. 329–354.

30. Marchenko A., Tarusevich M. Tertium datur – tret'e dano = Tertium datur – the third is given // Kontinent. 1976. № 9. S. 81–122.

31. …Poka chto na slovah. Kommentarij redakcii = ...So far, it's in words. Editorial commentary // Vremja i my. 1987. № 95. S. 118–120.

32. Popovskij M. Ideal'nyj sovetskij pisatel' = An ideal Soviet writer // Kontinent. 1980. № 24. S. 297–330.

33. Prat N. Jemigrantskie kompleksy v istoricheskom aspekte = Emigrant complexes in historical perspective // Vremja i my. 1980. № 56. S. 179–194.

34. Rubinshtejn N. Vykljuchite magnitofon – pogovorim o pojete = Turn off the tape recorder – let's talk about the poet // Vremja i my. 1975. № 2. S. 164–177.

35. Rubinshtejn N. Skazanie o zemle Ibanskoj = The tale of the Iban Land // Vremja i my. 1977. № 16. S. 143–162.

36. Snegirev G. Kak na duhu… = As if confessing… // Kontinent. 1979. № 21. S. 89–145.

37. Sokolov V. Razgovor s Cheslavom Miloshem = Talking with Czeslaw Milosz // Kontinent. 1980. № 26. S. 433–445.

38. Suslov I. Jesse o cenzure = Essays on censorship // Vremja i my. 1980. № 56. S. 195–211.

39. Trevoga. Razgovor s Vladimirom Maksimovym = Anxiety. A conversation with Vladimir Maximov // Kontinent. 1980. № 25. S. 389–419.

40. Tjul'pinov N. Zov krovi ili zhazhda krovi? = The call of blood or the thirst for blood? // Kontinent. 1988. № 57. S. 415–425.

41. Frumkin V. Dve istorii, svjazannye s Okudzhavoj = Two stories related to Okudzhava // Vremja i mesto. 2015. Vyp. 1 (33). S. 216–227.

42. Shturman D. Pravda i lozh' = The truth and lies // Vremja i my. 1981. № 61. S. 82–109.

43. Jegeland Je. Vstrecha s Neizvestnym = Meeting Neizvestny // Kontinent. 1978. № 17. S. 299–314.

44. Jetkind E. «Chelovecheskaja komedija» Aleksandra Galicha = The Human Comedy by Alexander Galich// Kontinent. 1975. № 5. S. 405–426.

45. Jetkind E. Pojezija i oblik istiny = Poetry and the image of the truth // Vremja i my. 1986. № 92. S. 166–185.

46. Janov A. Otchego my molchim? = Why are we silent? // Sintaksis. 1980. № 8. S. 110–115.

47. Kornacka-Sareło K. A. Rosyjskie, żydowskie czy ludzkie? Żydowska myśl mistyczna w poezji bułata szałwowicza okudżawy // Porównania. 2017. № 2. S. 197–214.

48. Lewandowska O. M. Motywy biblijne w pieśniach Bułata Okudżawy // Przegląd Rusycystyczny. 2017. № 159. S. 31–48.

49. Smith G. S. Russian poetry since 1945 // The Routledge Companion to Russian Literature. London and New York : Routledge. 2001. S. 197–208.

Русский язык

УДК 8.81. 47

Е. И. Беглова **https://orcid.org/0000-0002-3208-0549**

О. Г. Красикова **https://orcid.org/0000-0002-2619-9885**

Экспрессивный потенциал фразеологических единиц в заголовках современных журнальных текстов

Для цитирования: Беглова Е. И., Красикова О. Г. Экспрессивный потенциал фразеологических единиц в заголовках современных журнальных текстов // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 60–68. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-60-68

В статье произведен лингвостилистический и коммуникативно-прагматический анализ фразеологических единиц, которые использованы в заголовочных комплексах текстов журналов 2019–2021 гг., ориентированных на разные сферы общественной деятельности в России. Выявлены четыре основные фразеолого-семантические группы: «ситуация, в которой оказывается человек», «отношения между людьми», «оценка фактов, действий», «признак действия». Выявлено, что фразеологизмы, вынесенные в заголовки или подзаголовки как прецедентные единицы, являются цитатой из самого текста, так как они повторяются в тексте, как правило, в самом начале, что способствует привлечению внимания адресата, интриги его интереса к материалу статьи. Такое использование фразеологизмов в заголовочном комплексе является приёмом, способствующим воздействию на адресата с целью вызвать у него интерес к тексту. Установлено, что большая часть ФЕ, употребленных в заголовочном комплексе, служит смысловым источником для смысла текста, то есть значение ФЕ дополняется, расширяется в тексте, порождая смысл текста в целом. Редко встречаются случаи, когда фразеологизмы в заголовке концентрируют смысл текста полностью. Определены главные функции употребления фразеологических единиц в заголовочном комплексе: экспрессивная, интриги внимания адресата, прогнозирования смысла текста для адресата, оценочная. Установлено, что большая часть фразеологических единиц в заголовочном комплексе изученных журнальных текстов используется в словарной (языковой) форме и значении, значительно реже встречаются трансформированные фразеологические единицы. Доказано, что основной прагматической интенцией адресанта журнального текста является функция интриги внимания адресата.

Ключевые слова: заголовочный комплекс, заголовок, подзаголовок, прецедентный текст, фразеологическая единица, фразеолого-семантическая группа, текст, журнал, лингво-стилистический анализ, коммуникативно-прагматический анализ.

Russian language

E. I. Beglova, O. G. Krasikova

Expressive potential of phraseological units in headlines of modern magazine texts

The article makes a linguistic and communicative-pragmatic analysis of phraseological units, which are used in the headline complexes of magazine texts (2019–2021), focusing on different spheres of public activity in Russia. Four main phraseological semantic groups were identified: «situation in which people find themselves», «relations between people», «assessment of facts and actions», «action sign». It was revealed that the phraseological units used in the titles or subtitles as precedent units are quotations from the text itself since they are repeated in the text, as a rule, at the very beginning, which helps to attract the addressee's attention and get them interested in the material. The use of phraseological units in the headline complex is a method that contributes to influencing the addressee with a purpose to arouse his or her interest to the text. It was found that most of the phraseological units used in the headline complexes serve as a semantic source for the meaning of the text, i.e., the meaning of phraseological units is supplemented and expanded in the text, creating the meaning of the text as a whole. Rarely do phraseological units in the headline accumulate the meaning of the text in full. The authors determine the main functions of the use of phraseological units

© Беглова Е. И., Красикова О. Г., 2021

in the headline complex. These include: expressive, intriguing the addressee's attention, predicting the meaning of the text for the addressee, evaluative functions. It was also found that most of the phraseological units in the headline complexes of the studied magazine texts are used in the dictionary (linguistic) form and meaning; transformed phraseological units are much less common. It was proved that the main pragmatic intention of the addresser is the function of intriguing the addressee's attention.

Key words: headline complex, title, subtitle, precedent text, phraseological unit, phraseological semantic group, text, magazine, linguo-stylistic analysis, communicative-pragmatic analysis.

Введение

В данной статье предметом нашего исследования явились фразеологические единицы (далее ФЕ) заголовочного комплекса журнального текстов 2019–2021 гг., ориентированных на сведения из разных сфер деятельности человека: научные открытия (журнал «Тайны XX века»), исторические факты (журналы «Загадки истории», «Русская история», «СССР: Летопись страны»), шоу-бизнес (журнал «Тайны звезд»), нарушение законов (журнал «Криминал»). Выбор журналов, тематически ориентированных на разные сферы общественной российской жизни, позволит наиболее полно изучить экспрессивный потенциал ФЕ в современных журнальных текстах, а также уровень языковой и коммуникативной компетентности журналистов, порождающих тексты.

Цель данной статьи заключается в изучении экспрессивного потенциала фразеологических единиц в заголовочном комплексе журналов, отражающих разные стороны общественной жизни в России.

Исследования особенностей употребления фразеологических единиц в публицистическом тексте

Прежде всего, необходимо определить понятие «заголовочный комплекс». Заголовочный комплекс публицистического текста, которым является журнальный текст, включает в себя название рубрик, заголовок, лид (краткое описание содержания статьи, постановка акцента на важном вопросе), предтекст – формулировка основной идеи текста в одном или двух предложениях (предтекст отличается от лида по цели и объему), подзаголовки внутри статьи, эксплицирующие микротемы текста статьи.

Фразеологические единицы в публицистических текстах изучаются активно на протяжении XX–XXI вв. Например, роль ФЕ в создании публицистического текста исследовалась А. С. Макаровой [Макарова, 2016], ФЕ в качестве прецедентных текстов в заголовках СМИ – Т.И. Ракитиной [Ракитина, 2019], коммуникативно-прагматические функции ФЕ – А. М. Эмировой [Эмирова, 2020], особенности функционирования ФЕ в текстах разных стилей – О. В. Ломакиной [Ломакина, 2019], приемы трансформирования ФЕ в заголовках газет – Н. Н. Щербаковой и Т. Н. Шевелевой [Щербакова, Шевелева, 2020] и др.

Мы также исследовали особенности употребления ФЕ в современных журнальных текстах 2017–2018 гг., не ограничиваясь при этом заголовочным комплексом, анализируя весь массив ФЕ текста [Беглова, 2018, с. 98–104]. Продолжая изучать ФЕ в журнальных текстах последующих лет, в данной статье мы остановимся конкретно на особенностях использования фразеологических единиц в заголовочном комплексе названных выше журналов, издаваемых в 2019–2021 гг. При этом важно учитывать тот факт, что в некоторых журналах тексты пишут одни и те же авторы, следовательно, мы можем выявить уровень языковой и коммуникативной компетенций отдельных авторов журнальных текстов.

Как показывают наши наблюдения за функционированием фразеологических единиц (далее ФЕ) в заголовочном комплексе современных журнальных текстов, ФЕ по значению составляют тематические группы в соответствии с тематической направленностью журнала и описываемом событии, факте и т.д. Произведем семантический, стилистический и коммуникативно-прагматический анализ ФЕ в заголовочных комплексах статей названных выше журналов.

Фразеолого-семантические группы ФЕ и лингвостилистический, коммуникативно-прагматический анализ ФЕ, составляющих эти группы

Следует отметить тот факт, что большое количество ФЕ, входящих во фразеолого-семантические группы имеют разговорную окраску, а также содержат либо отрицательную, либо положительную оценку чего-либо.

1. Фразеолого-семантическая группа «*ситуация, в которой оказывается человек».*

Заголовок в журнале, отражающем сферу шоу-бизнеса, *«Бросивший Елену Степаненко юморист может* ***остаться у разбитого коры-***

та» [Зуева, 2019, с. 14]. Речь идет о скандальном разводе артистов-юмористов Евгения Петросяна и Елены Степаненко, который активно освещался в СМИ, особенно это касалось раздела имущества между супругами. Комплекс подзаголовков в статье уже сам по себе представляет прецедентный текст, состоящий из прецедентных фраз и ФЕ. Следует напомнить о том, что прецедентное слово, фраза или текстугадываются адресатом при наличии общих фоновых знаний, поэтому часто адресантом используются тексты художественной литературы, исторические факты, в целом – тексты массовой культуры [Валгина, 2004, с. 152]. Названный выше заголовочный комплекс является, по сути, источником интертекстуальности, что сформировало интригу внимания адресата на начальном этапе восприятия текста. Интертекстуальность текста мы понимаем как выявление «чужих» текстов в составе другого текста, порождаемого адресантом, который сознательно создает эту интертекстуальность. Соотнесённость одного текста с другим, определяющая его смысловую полноту и семантическую вариантность, называется интертекстуальностью [Николина, 2003, с. 225]. Произведем лингвистический и коммуникативно-прагматический анализ заголовочного комплекса, который, по нашему мнению, являет собой образец интертекстуального текста, созданного с определенной авторской интенцией. Он состоит из видеоряда (фотографий) и вербального ряда, соотносимого с каждым объектом видеоряда. Так, фотография Татьяны Брухуновой – новой избранницы Е. Петросяна – сопровождается вербальным рядом: «*Татьяна Брухунова сейчас – успешная, богатая и знаменитая»;«Бывшая провинциалка из Тулы красиво одевается»;* фотография Т. Брухуновой с модельером А. Васильевым: *«Женщина вместе с Александром Васильевым теперь ведёт «Модный приговор»»;* фотография Елены Степаненко – супруги Е. Петросяна: *«Елена Степаненко была рядом с мужем-юмористом 25 лет»;* фотография Е. Петросяна*: «Ожидал ли такого поворота события Евгений Петросян?»*Фотография обложки одного из номеров журнала «Тайны звезд» с фотографией Е. Петросяна с женой: ***«Любовь прошла – завяли помидоры?»***; на самой обложке расположен заголовок*«Петросян должен уйти с одной зубной щеткой!»* [Зуева, 2019, с. 14]. Прецедентными являются имена и фамилии известных юмористов, модельера, название телепередачи «Модный приговор» а также ФЕ. Подзаголовок «*Бросивший Елену Степаненко юморист может остаться* ***у разбитого корыта»***.Текст после этого первого подзаголовка как продолжение заголовочного комплекса начинается с использования прецедентных текстов: пословицы (*Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше)*; ФЕ: ***светлое будущее, попасть в сети, на старости лет, у разбитого корыта***: «*Но те и другие в поисках* ***светлого будущего*** *порой* ***попадают*** *в ловко расставленные* ***сети****. Евгений Петросян* ***на старости лет*** *решил кардинально изменить личную жизнь. И закрутил роман с молодой, умной и, надо признать, весьма очаровательной барышней. 73-летний артист был уверен: он нашел свое новое счастье. И ловко обменял его на привычное, уже поднадоевшее старое. И что в итоге? Бросивший Елену Степаненко юморист может остаться* ***у разбитого корыта*** [Зуева, 2019, с. 14]. Как видим, ФЕ, включенная в подзаголовок, повторяется в тексте. ФЕ ***у разбитого корыта*** фиксируется в словарях в значении «оказаться ни с чем, потерять всё имевшееся» [ФСФ, с. 257], в аналогичном значении и языковой форме (словарной, начальной), то есть без изменения как словарная единица. Ситуация оценивается отрицательно ФЕ, данной в заголовке *«Любовь прошла – завяли помидоры?»*, сменившей целевую установку с утверждения на вопрос, заставляющую адресата рефлексировать, этой же ФЕ заканчивается текст под первым заголовком. Данная ФЕ является калькой французского выражения La pomme de l′amour. Во Франции *помидор* считался символом любви за его красный насыщенный цвет; на французском языке он имеет название *«яблоко любви»*.. В русской речи ФЕ имеет значение «утратились любовные чувства, необходимо разойтись и идти разными путями». Повтор ФЕ *у разбитого корыта* и *«Любовь прошла – завяли помидоры?»* создает иронию текста, отрицательную оценку возникшей ситуации, касающейся известных артистов.

В журнале «Криминал», освещаемом события сферы законодательства, соблюдения законов и выполнения обязанностей (правонарушения в разных областях, совершение преступлений разными лицами и др.), отмечается частотное употребление ФЕ как в заголовках, так и внутри текстов. Например, в рубрике журнала «Дело №» в заголовке «*Магический обман: сходить к чародею и* ***не остаться без штанов***» Лид: *Тысячи россиян в трудных жизненных ситуациях обращаются к многочисленным колдунам, гадалкам и*

магам. В лучшем случае они просто тратят время и деньги, не получая взамен ничего. Но нередко клиенты попадают в настоящую зависимость от магических шарлатанов [Паренко, 2021, с. 17]. ФЕ используется в словарной форме и значении: *остаться без штанов* – «просторечное, шутливое; разоряться, оказываться без средств к существованию» [ФСФ, с. 353]. ФЕ, употребленная в заголовке направляет внимание адресата на предостережение от того, о чем пойдет речь в тексте. Следует особо заметить, исходя из наших наблюдений за текстами адресантов данного журнала, что стиль текстов журнала приближен к разговорному, так как адресанты прогнозируют интенцию на откровения с адресатом, посвящая его в подробности правонарушений, преступлений, освещая ситуации с мошенниками разного рода, в которые могут попасть граждане. Таким способом адресант предостерегает адресата текста от совершения подобных поступков. Проанализируем еще один заголовочный комплекс журнала. В рубрике «1991 – последний год страны Советов» дается подзаголовок, в котором смысл всей рубрики определяется включением ФЕ *ложка дёгтя,* трансформированной путем замены лексического компонента «***Ложка меда:*** *цена водки не изменилась»* [Окунев, 2021, с. 34]. Речь идет о повышении цен в 1991 году, когда цены на товары, услуги повысились на 160 % .В словаре пословиц и поговорок [Жуков, 1993, с. 168] и фразеологическом словаре фиксируется пословица *Ложка дегтю в бочку меда / Ложка дёгтя портит бочку меда*в значении «незначительная, но досадная мелочь способна испортить хорошее, доброе начинание, приятное впечатление, веселое настроение» [ФСБМС, с. 398] .Во фразеологическом словаре отдельно отмечается ФЕ *ложка дёгтя* в значении «небольшое зло, недостаток, портящие даже самую лучшую ситуацию» [ФСБМС, с. 398]. Заголовок ориентирует адресанта на положительную информацию, интригуя его внимание.

2. Фразеолого-семантическая группа «*отношения между людьми».*

В рубрике «Царская жизнь» в статье под заголовком «Папины дочки» наблюдается подзаголовок ***«****С Гёте* ***на дружеской ноге»***. Речь идет о судьбах дочерей российских императоров, которые редко были счастливы в жизни: *Мария Павловна* (дочь Павла I – Е. Б.) *была любимицей отца.<…>была выдана за принца Саксен-Веймарского Карла Фридриха. В 1828 году принц стал герцогом, а Мария, соответственно, герцогиней. <…> Дочери Павла I пришлось променять блистательный Санкт-Петербург на маленький Веймар, население которого в то время составляло всего восемь тысяч человек. Правда, среди этих восьми тысяч были два гения – Фридрих Шиллер и Иоганн Вольфганг Гёте. Мария Павловна всячески поддерживала местную науку и культуру. Благо, деньги у нее водились – Павел I создал для своих дочерей специальный денежный фонд. Так что, по свидетельству современников, «золотой русский дождь, лившийся на Веймар, стал практически беспрерывным»* [Скабичевский, 2020, с. 28]. ФЕ *на дружеской ноге*отмечается в словарях в аналогичных форме и значении « в близких отношениях» [ФСМ, с. 282]. В данном случае ФЕ в подзаголовке определяет смысловое ядро текста, не повторяясь в тексте. Продемонстрируем еще один заголовочный комплекс. В рубрике «Народы» в статье под заголовком «Лесные люди» речь идет о малочисленной этнической группе (карелах), занимающей определенную территорию, по поводу которой идет спор между разными народами, претендующими на нее. *Лид. Карелы – малочисленная этническая группа, относящаяся к финно-угорским народам. В мире на сегодняшний день насчитывается порядка 90 тысяч карелов. Более 60 тысяч живут в России, из них 45 тысяч – в республике Карелии.*Первым подзаголовком дается следующий: *«Карелия –* ***яблоко раздора»****/ Предки карелов мигрировали на Карельский перешеек с южного Приладожья в эпоху Средневековья, обособившись от племени весь, которое занимало территорию от Белого озера до Ладоги. Они пришли в места, где до них уже жили саамы, промышлявшие охотой и собирательством. Карелы, в отличие от них, занимались скотоводством и земледелием. Не отсюда ли происходит и само название этого народа? Некоторые ученые переводят слово «карья» как «стадо» или «скот»* [Медведев, 2021, с. 46]. Словарная ФЕ *яблоко раздора* употребляется в значении «причина ссоры, спора, разногласия» [ФСМ, с. 539], в контексте статьи она выражает отношения между представителями разных народов: саамами, весями и карелами. Благодаря употреблению данной ФЕ, прогнозируется смысл текста в целом для адресата, что соответствует замыслу адресанта, то есть ФЕ концентрирует в себе смысл всего текста.

3. Фразеолого-семантическая группа *«оценка фактов, действий».*

В рубрике «Легендарное место» в статье под

заголовком «Загадочная Тмутаракань» один из подзаголовков статьи включает ФЕ *белые пятна «**Белые пятна** истории»*, далее текст начинается предложением с повтором данной ФЕ: *История Тмутараканского княжества имеет своего рода **белые пятна**. Речь идет о не известном многим Тмутараканском княжестве, которое, по мнению ученых, было образовано в 988 году, когда киевский князь Владимир Святославович заключил с Византией договор, согласно которому Русь получила часть Крыма и приазовских земель* [Фролов, 2021, с. 12].

ФЕ *белые пятна* в значении «неисследованная часть проблемы или чего-либо» [ФСМ, с. 374] в тексте используется в словарной форме и значении, повторяясь для усиления значения «неизученность», вызывая у адресата желание узнать об этом малоизвестном явлении, факте.

Еще один текст в рубрике журнала, ориентированного на историю, «Заговоры и мятежи», отражающем исторические факты, в статье «Наказание без преступления» дан подзаголовок, включающий ФЕ: *«Обвинение было **шито белыми нитками**. Это признала даже следственная комиссия»* [Сташков, 2020, с. 15]. Внутри теста ФЕ ***шито белыми нитками*** повторяется, как и весь подзаголовок: *В апреле 1849 года последовали аресты* (петрашевцев – Е. Б.). *Более 40 человек оказались в Петропавловской крепости. Началось следствие.**Обвинение было шито белыми нитками. Это признала даже Следственная комиссия**: «Организованного общества пропаганды не обнаружено». Нет «ни доказательств, ни даже достоверных улик», лишь «гадательные предположения». Общества не было, но разговоры-то были. И Николай I наложил резолюцию: «Дело важно, ибо ежели было только одно вранье, то и оно в высшей степени преступно и нестерпимо».21 человека, в том числе Достоевского, приговорили к смертной казни. При этом суд ходатайствовал о смягчении наказания. И оно последовало, но осужденным это не сообщили.<…>Казнь заменили: кому – каторгой, кому – ссылкой, кому – отдачей в солдаты* [Сташков, 2020, с. 15]. ФЕ *шито белыми нитками*используется в языковой форме и в аналогичном словарном значении «неумело скрыто, сделано что-либо» [ФСМ, с. 534]. Данная ФЕ служит для интриги внимания адресата и прогнозирования восприятия им смысла текста. Ее значение усиливается в предтексте употреблением ФЕ *высосать из пальца*, что обусловливает градацию смысла в сторону усиления нереальности явления*: «Дело петрашевцев» едва не стоило жизни великому писателю Федору Достоевскому. Проблема в том, что все это дело было просто-таки **высосано из пальца**»; высосать из пальца – «*утверждать что-либо без оснований, не опираясь на факты; выдумывать что-либо» [ФСМ, с. 96]. Таким образом, с помощью двух ФЕ с синонимичными значениями в заголовочном комплексе создается градация: употребление в предтексте и подзаголовке для оценки «дела петрашевцев», то есть в отношении одного и того же исторического факта. ФЕ в подзаголовке является цитатой из самого текста.

Еще один заголовочный комплекс статьи в журнале, ориентированном на историю, состоит из рубрики «Трудности выживания», заголовка статьи *«Помгол» – **лебединая песня Горького»*** и трёх подзаголовков, выделяющих микротемы текста: «Насытить животы глиной», «Рывок «Буревестника», «Заграница поможет» и лида [Пуртова, 2021, с. 12–13]. В статье речь идет о голоде в России в 1921–1922 гг. и о том, как известный русский писатель А. М. Горький принимал участие в спасении голодающих (в том числе просил денег у Запада – Е. Б.). Сложносокращенное слово «помгол» означает «помощь голодающим», оно появилось одновременно с образованием Всесоюзного комитета помощи голодающим. *Лид*статьи: *Голод 1921–1922 гг. стал одной из трагических страниц в истории Советского государства. Для спасения людей в Москве был создан Всесоюзный комитет помощи голодающим, в который вошли представители интеллигенции, вызвавшиеся собирать средства для нуждающихся соотечественников<….>* ФЕ *лебединая песня* употребляется в языковой форме (словарной), он фиксируется во фразеологических словарях в аналогичном значении«последнее проявление способностей, таланта» [ФСМ, с. 318]. В данном контексте эксплицируется оценка действий известного на весь мир писателя. А. М. Горький оценивается*прежде всего как общественный деятель, к которому прислушивалось руководство страны (он был личным другом вождя революции В. И. Ленина, его называли «буревестником революции»), но и отказывало ему в некоторых прошениях, касающихся конкретных лиц. Так, А. М. Горький: выступил в защиту поэта Н. Гумилёва, которого расстреляли; ходатайствовал за А. Блока, чтобы ему разрешили выехать за границу на лечение, но Блок умер, не дождавшись разрешения.Борьба против голода народа очень расстраивала писателя, который

сделал всё, что мог, лучшего его поступка уже не было. Этот смысл концентрирует ФЕ *лебединая песня* в заголовке, проецирующем восприятие данного смысла адресатом на основе общих фоновых знаний. Данная ФЕ сконцентрировала смысл текста, который разворачивался постепенно адресантом в каждой микротеме статьи, выраженной в подзаголовках.

С помощью употребления ФЕ в заголовочном комплексе оцениваются не только факты и явления, но и действия разных лиц. Например, в заголовках и подзаголовках статей встречаются ФЕ со значением действия. Произведем лингвостилистический анализ нескольких подобного рода ФЕ. Так, в рубрике «Историческое расследование» в статье под заголовком «Бунт за царя» в одном из подзаголовков используется усеченная ФЕ «***Шило на мыло»***: *В 1608 году киевляне восстали против князя Изяслава. На это имелись объективные причины: недовольство повышением налогов и судебными сборами. <…> Киевляне освободили из темницы Всеслава Полоцкого и посадили его на трон, думая, что тот в благодарность пойдет на уступки. Однако Всеславу пришлось взвинтить налоги еще больше. В общем, киевляне, как говорится,* ***поменяли шило на мыло*** [Шаров, 2021, с. 5]. Речь идет об историческом факте, требующем использования книжной лексики и фразеологии, однако чтобы дать оценку действиям киевлян в 1608 г., адресант статьи использует ФЕ с разговорной окраской *менять шило на мыло*, которая имплицирует пренебрежительную, отрицательную оценку действий киевлян по отношению к царю Изяславу, хотя адресант использует выражение-оговорку (вводное слово) «как говорится». ФЕ используется в языковой форме в значении, фиксирующемся во фразеологических словарях русского языка: *менять шило на мыло* – «разговорное; выбирать из плохого худшее» [ФСБМС, 2007, с. 768]; данная ФЕ не отмечается в более раннем словаре под редакцией А. И. Молоткова, в котором находим синонимичный фразеологизм *менять кукушку на ястреба* [ФСМ, 1986, с. 241]. В подзаголовке наблюдается редукция компонента ФЕ *менять / поменять*, но внутри текста ФЕ употребляется в полной словарной форме. В данном случае ФЕ является прецедентным выражением – цитатой из самого текста, которая проецирует адресата на смысл текста, интригует его внимание.

В рубрике журнала «Историческая драма» в статье под заголовком «Бунтарский дух Кронштадта» в подзаголовке используется ФЕ ***карта бита*** – «*Кронштадтская* ***карта бита»*** [Александров, 2021, с. 11]. Речь идет о штурме большевиками в 1921 году города-крепости Кронштадта. Кронштадт штурмовали два раза: 8 марта, когда крепость устояла, и 16 марта, когда сопротивление к утру 17 марта было сломлено. ФЕ *карта бита* используется в языковой форме. Следует особо отметить тот факт, что во фразеологическом словаре русского языка фиксируется целый ряд ФЕ с компонентом *«карта / карты»*, которые этимологически связаны с речью картежников, но данная ФЕ не отмечается: *поставить на карту, раскрывать карты* [ФСБМС, с. 292]. Однако выражение стало крылатым, и его можно причислить к фразеологизированным словосочетаниям*: карта бита* – «из речи картежников; победить кого-либо, взять верх над кем-либо». Событие – штурм крепости – в статье демонстрируется как игра, в которой многое поставлено «на кон», кто-то должен взять верх, победить, поэтому лексика и терминология карточной игры позволила адресанту текста передать напряженность действий враждующих сторон, выразив при этом положительную оценку.

В рубрике «Военная тайна» в статье «Эскадрон гусар летучих» имеется подзаголовок с ФЕ ***«Не в ногу со временем»*** [Шухман, 2021, с. 21]. Имеется в виду существовать, жить, служить не так, как требует время. В первом предложении текста используются и другие ФЕ: *Однако уже к концу XIX столетия гусары, как говорится,* ***остались не у дел.*** *Прогресс двигался вперед* ***семимильными шагами****, принося с собой нарезные винтовки, скорострельное оружие, шрапнельные снаряды.* ФЕ *в ногу со временем* в значении «соответствовать ситуации, времени» [ФСБМС, с. 126] трансформирована добавлением отрицательной частицы ***не*** (приём расширения компонентного состава ФЕ). ФЕ *остаться не у дел* – «разговорное; остаться без работы, без занятий по какой-либо причине»и *семимильными шагами* – «очень быстро; о развитии чего-либо» [ФСФ, с. 326, 531] являются словарными ФЕ.

4. Фразеолого-семантическая группа *«признак действия».*

В рубрике «Свободный мир» наблюдается заголовок статьи *«НЭП –* ***всерьёз, надолго,*** *но не навсегда»* [Малякин, 2021, с. 1]. ФЕ подверглась адресантом трансформации, произведена замена компонента союза **и**запятой, в результатечего смысл изменился, о чем свидетельствует вторая часть фразы «но не навсегда». ФЕ *всерьёз и*

надолго – «публицистическое; о каком-либо важном действии, рассчитанном на длительный срок; выражение, ставшее фразеологизмом, принадлежит В. И. Ленину, который произнес его на IXВсероссийском съезде Советов (1921 г.), посвященном НЭП» [ФСБМС, с. 128]. Такое использование ФЕ изначально формирует у адресата мнение о временности явления НЭП. В этой же статье отмечается еще один подзаголовок, равный ФЕ, ***«И вашим, и нашим»*** [Малякин, 2021, с. 2]. ФЕ *и нашим и вашим имеет значение* «одним и другим одновременно угождать» [ФСМ, с. 271]. Речь идет о целях и стратегии НЭП, согласно которой необходимо было наладить почти полностью разрушенную международную торговлю на рыночных условиях, так как по-другому с буржуазными странами торговать было невозможно. Однако границы новой большевистской свободы были очерчены В. И. Лениным, согласно которым вольная торговля для большевиков расценивалась как опасность, исключалась легализация частного предпринимательства. *«Такая стратегия по принципу* ***«и вашим, и нашим»*** *привела к тому, что необходимые для экономики меры принимались не кардинально-рыночные, а осторожно-половинчатые»* [Малякин, 2021, с. 3]. Словарная ФЕ *и нашим и вашим,* вынесенная как цитата из текста в подзаголовок, не только интригует внимание адресата, но и создает отрицательную оценку действий правительства 1920-х гг., проводившего новую экономическую политику (НЭП).

Особо следует отметить тот факт, что в заголовках частотны ФЕ, пограничные с пословицей, как уже было сказано выше(пример с пословицей *Ложка дегтя в бочке меда*). Продемонстрируем сказанное: рубрика «Осторожно, мошенники не дремлют!», заголовок ***«Любви и глупости все возрасты покорны****!»* [Федотов, 2021, с. 25]. Речь идет о 81-летней женщине, у которой путем обмана полковник в отставке из Америки (как оказалось, это лицо вымышленное) выманил четыре миллиона рублей под предлогом жениться на ней, для чегоему необходимо было приехать в Россию, но из-за недостатка денег он не может этого сделать. Заголовок концентрирует смысл текста в целом и создает интригу внимания адресата. ФЕ *«Любви все возрасты покорны»* означает «любовь приходит к человеку в любом возрасте; крылатое выражение является цитатой из произведения А. С. Пушкина «Евгений Онегин» [ФСБМС, с. 406]; в тексте это выражение изменяется путем вставки дополнительного лексического компонента «глупости», в результате чего создается отрицательная оценка и ирония, которая отсутствует в словарной ФЕ, имеющей положительную окраску.

Мы описали лишь небольшое количество заголовочных комплексов, включающих фразеологические единицы, но в нашей картотеке отмечается большое число аналогичных употреблений ФЕ.

Выводы

Исходя из результатов проведенных нами лингвостилистического и коммуникативно-прагматического анализа собранного нами фразеологического материала в заголовочных комплексах журнальных текстов разной тематической направленности, мы пришли к следующим выводам:

1) выделенные нами четыре фразеолого-семантические группы *«ситуация, в которой оказывается человек», «отношения между людьми», «оценка фактов, действий», «признак действия»* показали, что семантика ФЕ непосредственно связана с тематической направленностью журнала и текста адресанта. В этом случае можно говорить о языковой и коммуникативной компетентности адресанта текста, который мотивированно и уместно использует выразительные средства языка, в частности фразеологические единицы;

2) ФЕ, вынесенные в заголовки или подзаголовки как прецедентные единицы, по сути, являются цитатой из самого текста, так как они повторяются в тексте как правило в самом начале, что способствует привлечению внимания адресата, интриги его интереса к материалу. Такое использование ФЕ в заголовочном комплексе является приёмом, способствующим воздействию на адресата с целью вызвать у него интерес к тексту: *остаться у разбитого корыта, белые пятна, шито белыми нитками, менять шило на мыло*;

3) часть ФЕ, употребленных в заголовочном комплексе, служит смысловым источником для смысла текста в целом, то есть значение ФЕ дополняется, расширяется в тексте, порождая смысл текста в целом: *не остаться без штанов, на дружеской ноге, ложка меда, лебединая песня*;

4) редко встречаются случаи, когда ФЕ в заголовке концентрирует смысл текста полностью, в нашем материале это следующие заголовки с ФЕ: *«Помгол» –* ***лебединая песня*** *Горького», «Карелия –* ***яблоко раздора», «Любви*** *и глупости* ***все возрасты покорны***!»;

5) в некоторых случаях в заголовочном ком-

плексе используются две ФЕ с синонимичными значениями при характеристике одного и того же явления, создавая градацию в сторону усиления смысла, что способствует интриге внимания адресата, например, в изученных нами текстах использование в предтексте и в подзаголовке ФЕ *высосать из пальца* и *шито белыми нитками*при оценке адресантом «дела петрашевцев» как исторического факта;

6) большая часть ФЕ в заголовочном комплексе изученных нами текстов названных выше журналов используется в словарной форме и значении: *белые пятна, остаться без штанов, на дружеской ноге, шито белыми нитками, лебединая песня, менять шило на мыло* и др.

7) реже встречаются трансформированные ФЕ: *ложка меда*,*всерьез, надолго* (редукция союза **и**, замена его запятой), *не в ногу со временем*(расширение компонентного состава путем добавления отрицательной частицы ***не***), *«Любовь прошла, завяли помидоры?»* (смена цели высказывания путем замены знака препинания);

8) коммуникативно-прагматической функциями ФЕ в заголовочных комплексов текстов изучаемых журналов являются: экспрессивная, интриги внимания адресата, прогнозирования смысла текста для адресата, оценочная.

Заключение

Таким образом, современные адресанты заголовочных комплексов и статей журналов, отражающих разные стороны общественной жизни, демонстрируют должный уровень языковой и коммуникативной компетентности, представляя мотивированное включение в тексты выразительных средств языка, в частности фразеологических единиц с разной стилевой и эмоционально-оценочной окраской, репрезентируя сочетание стандарта и экспрессивности в публицистическом тексте. Отмечаются как языковые (словарные) фразеологические единицы, так и в трансформированномвиде, последние связаны непосредственно с неологическим смыслом текста. Основная коммуникативно-прагматическая интенция адресанта текста – функция воздействия на адресата с целью интриги его внимания и вызова рефлексирования.

Библиографический список

1. Александров Е. Бунтарский дух Кронштадта // СССР: летопись страны. 2021. № 5. С. 10–11.

2. Беглова Е. И. Фразеологические единицы как смысловое и эмоциональное ядро в современном журнальном тексте // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4 (15). С. 98–104.

3. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд. испр. и доп. Москва : Астрель : АСТ: Хранитель, 2007. 926 с.

4. Валгина Н. С. Теория текста. Москва : Логос, 2004. 280 с.

5. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. Москва : Русский язык, 1993. 537 с.

6. Зуева Т. До развода любовница клялась в верности, а сейчас кричит: «Не таскайся за мной!» // Тайны звезд. 2019. № 32. С. 14–15.

7. Ломакина О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль. Монография / под ред. В. М. Мокиенко. Москва : Изд-во РУДН, 2019. 344 с.

8. Макарова А. С. Роль фразеологических средств в построении публицистических текстов // Вестник РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 3. С. 77–82. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-frazeologicheskih-sredstv-v-postroenii-publitsisticheskih-tekstov(дата обращения: 29.05.2021).

9. Малякин Е. НЭП – Всерьёз, надолго, но не навсегда // СССР: Летопись страны. 2021. № 5. С. 1–5.

10. Медведев Н. Лесные люди // Русская история. 2021. № 3. С. 46–47.

11. Николина Н. А. Филологический анализ текста. Москва : Академия, 2003. 256 с.

12. Окунев Д. «Было шесть, а стало восемь…» – как в 1991 году в СССР взлетели цены // Криминал. 2021. № 11. С. 33–34.

13. Паренко Ю. Магический обман: сходить к чародею и не остаться без штанов //Криминал. 2021. № 6. С. 17–19.

14. Пуртова Н. «Помгол» – лебединая песня Горького // СССР: Летопись страны. 2021. № 5. С. 12–13.

15. Ракитина Т. И. Фразеологизмы в качестве прецедентных текстов в заголовках СМИ // Наука в мегаполисе. 2019. № 8 (16). С. 81–114. URL: https://mgpu-media.ru/issues/issue-16/speechwriting-and-literary-editing/phraseologisms-as-case-texts-in-media-eadlines.html?showall=1&limitstart (дата обращения: 30.05.2021).

16. Сташков Г. Наказание без преступления // Русская история. 2020. № 2. С. 14–15.

17. Скабичевский А. Папины дочки // Русская история. 2020. № 2. С. 28–29.

18. Фразеологический словарь русского языка / под. ред. А. И. Молоткова. Москва : Русский язык, 1986. 543 с.

19. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. / под ред. А. И. Фёдорова. Москва : Топикал, 1995. 608 с.

20. Федотов Г. Рубрика «Осторожно, мошенники не дремлют!» Любви и глупости все возрасты покорны! // Криминал. 2021. № 11. С. 24–25.

21. Фролов А. Загадочная Тмутаракань // Русская

история. 2021. № 3. С. 12–14.

22. Шаров Б. Бунт за царя // Русская история. 2021. № 3. С. 4–7.

23. Шухман Д. Эскадрон гусар летучих // Русская история. 2021. № 3. С. 20–21.

24. Щербакова Н. Н., Шевелева Т. Н. Фразеологизм в газетном заголовке: трансформация языкового стереотипа // Гуманитарные исследования. 2020. №. 4 (29). С. 90–93. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologizm-v-gazetnom-zagolovke-transformatsiya-yazykovogo-stereotipa/viewer (дата обращения: 28.05.2021).

25. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении. Монография. Симферополь : Научный мир, 2020. 228 с.

Reference list

1. Aleksandrov E. Buntarskij duh Kronshtadta = Rebellious spirit of Kronstadt // SSSR: letopis' strany. 2021. № 5. S. 10–11.

2. Beglova E. I. Frazeologicheskie edinicy kak smyslovoe i jemocional'noe jadro v sovremennom zhurnal'nom tekste = Phraseological units as a semantic and emotional core in a modern magazine text // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2018. № 4 (15). S. 98–104.

3. Birih A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Russkaja frazeologija. Istoriko-jetimologicheskij slovar' = Russian phraseology. Historical and etymological dictionary / pod red. V. M. Mokienko. 3-e izd. ispr. i dop. Moskva : Astrel' : AST: Hranitel', 2007. 926 s.

4. Valgina N. S. Teorija teksta = Theory of text. Moskva : Logos, 2004. 280 s.

5. Zhukov V. P. Slovar' russkih poslovic i pogovorok = Dictionary of Russian proverbs and sayings. Moskva : Russkij jazyk, 1993. 537 s.

6. Zueva T. Do razvoda ljubovnica kljalas' v vernosti, a sejchas krichit: «Ne taskajsja za mnoj!» = Before the divorce, the mistress swore fidelity, but now she's screaming: «Don't follow me!» // Tajny zvezd. 2019. № 32. S. 14–15.

7. Lomakina O. V. Frazeologija v tekste: funkcionirovanie i idiostil'. Monografija = Phraseology in the text: functioning and idiostyle. Monograph / pod red. V. M. Mokienko. Moskva : Izd-vo RUDN, 2019. 344 s.

8. Makarova A. S. Rol' frazeologicheskih sredstv v postroenii publicisticheskih tekstov = The role of phraseological devices in constructing journalistic texts // Vestnik RUDN. Ser. Teorija jazyka. Semiotika. Semantika. 2016. № 3. S. 77–82. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-frazeologicheskih-sredstv-v-postroenii-publitsisticheskih-tekstov(data obrashhenija: 29.05.2021).

9. Maljakin E. NJeP – Vser'joz, nadolgo, no ne navsegda = NEP – Seriously, for long, but not forever // SSSR: Letopis' strany. 2021. № 5. S. 1–5.

10. Medvedev N. Lesnye ljudi = Forest people // Russkaja istorija. 2021. № 3. S. 46–47.

11. Nikolina N. A. Filologicheskij analiz teksta = Philological text analysis. Moskva : Akademija, 2003. 256 s.

12. Okunev D. «Bylo shest', a stalo vosem'…» – kak v 1991 godu v SSSR vzleteli ceny = «It was six and now it's eight...» – how prices skyrocketed in the USSR in 1991 // Kriminal. 2021. № 11. S. 33–34.

13. Parenko Ju. Magicheskij obman: shodit' k charodeju i ne ostat'sja bez shtanov = Magical deception: going to a magician and not losing your money // Kriminal. 2021. № 6. S. 17–19.

14. Purtova N. «Pomgol» – lebedinaja pesnja Gor'kogo = «Pomgol» – the swan song of Gorky // SSSR: Letopis' strany. 2021. № 5. S. 12–13.

15. Rakitina T. I. Frazeologizmy v kachestve precedentnyh tekstov v zagolovkah SMI = Phraseological units as precedent texts in media headlines // Nauka v megapolise. 2019. № 8 (16). S. 81–114. URL: https://mgpu-media.ru/issues/issue-16/speechwriting-and-literary-editing/phraseologisms-as-case-texts-in-media-eadlines.html?showall=1&limitstart (data obrashhenija: 30.05.2021).

16. Stashkov G. Nakazanie bez prestuplenija = Punishment without crime // Russkaja istorija. 2020. № 2. S. 14–15.

17. Skabichevskij A. Papiny dochki = Father“s daughters // Russkaja istorija. 2020. № 2. S. 28–29.

18. Frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka Phraseological dictionary of the Russian language / pod. red. A. I. Molotkova. Moskva : Russkij jazyk, 1986. 543 s.

19. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka konca XVIII–XX vv. = Phraseological dictionary of the Russian literary language of the late XVIII-XX centuries / pod red. A. I. Fjodorova. Moskva : Topikal, 1995. 608 s.

20. Fedotov G. Rubrika «Ostorozhno, moshenniki ne dremljut!» Ljubvi i gluposti vse vozrasty pokorny! = «Beware, the scammers do not sleep!» Love and silliness are for all ages! // Kriminal. 2021. № 11. S. 24–25.

21. Frolov A. Zagadochnaja Tmutarakan' = Mysterious Tmutarakan // Russkaja istorija. 2021. № 3. S. 12–14.

22. Sharov B. Bunt za carja = Rebellion for the Tsar // Russkaja istorija. 2021. № 3. S. 4–7.

23. Shuhman D. Jeskadron gusar letuchih = Hussar flying squadron // Russkaja istorija. 2021. № 3. S. 20–21.

24. Shherbakova N. N., Sheveleva T. N. Frazeologizm v gazetnom zagolovke: transformacija jazykovogo stereotipa = Phraseology in a newspaper headline: linguistic stereotype transformation // Gumanitarnye issledovanija. 2020. №. 4 (29). S. 90–93. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/frazeologizm-v-gazetnom-zagolovke-transformatsiya-yazykovogo-stereotipa/viewer (data obrashhenija: 28.05.2021).

25. Jemirova A. M. Russkaja frazeologija v kommunikativno-pragmaticheskom osveshhenii. Monografija = Russian phraseology in communicative and pragmatic aspects. Monograph. Simferopol' : Nauchnyj mir, 2020. 228 s.

УДК 81

А. А. Акулова **https://orcid.org/0000-0002-2947-1389**

Влияние комментария на текст (на примере художественной литературы)

Для цитирования: Акулова А. А. Влияние комментария на текст (на примере художественной литературы) // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 69–75. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-69-75

В данной статье проанализировано влияние комментария на комментируемый художественный текст. Несмотря на то что к традиционному жанру комментария, книжному, академическому, общество утрачивает интерес в силу доступности любой уточняющей информации по запросу в Интернете, потребность в его функционировании и, как следствие, совершенствовании, сохраняется: возникают новые технологии комментирования, а комментарий привлекает все больший интерес как самостоятельный культурный феномен. Это обусловливает актуальность и практическую значимость настоящего исследования. Выдвигаем гипотезу, согласно которой актуализация внимания к комментарию обусловлена развитием антропоцентрической парадигмы в филологии, интересом к различным рефлексиям, ассоциациям, пресуппозиции текста. Она указывает на новизну работы.

Методология исследования. Изучением комментария и его созданием занимались в разное время известнейшие филологи, поэтому мы опираемся на труды теоретиков и практиков комментария (Виноградов В. В., Лотман Ю. М. и др.), используя методы анализа, синтеза и систематизации, а также сравнительный. Материалом статьи послужили примеры комментирования художественной литературы в различных изданиях. Рассматривается комментарий в совокупности признаков, анализируются с лингвистических позиций его определения, осмыслена основная функция – обеспечение и оптимизация понимания текста. Цель – проанализировать влияние комментария на комментируемый текст в свете теории интертекстуальности.

Результаты. Автор выявил восемь аспектов влияния комментария на текст; эти аспекты представлены – номинированы и описаны, чем отражается круг решенных задач. Выделены основные и сопутствующие аспекты влияния комментария, в том числе деструктивный. О новизне и теоретической значимости исследования свидетельствует описание перемены в восприятии текста при развитии комментария как общекультурного феномена. В работе использован методологически важный новый ракурс анализа взаимодействия текста и комментария к нему. Показано, как изменяется текст и его восприятие адресатом, если он прокомментирован.

Ключевые слова: комментарий, текст, метатекст, интертекстуальность, актуализация, понимание, восприятие, читатель.

A. A. Akulova

The influence of commentary on literary text

This article analyzes the impact of the commentary on the commented literary text. Despite the fact that society is losing interest in the traditional genre of commentary – book or academic – due to the availability of any clarifying information on the Internet on request, the need for its functioning and, as a consequence, for its improvement, remains. New commentary technologies are emerging, and commentary is attracting increasing attention as a cultural phenomenon in its own right. This is probably due to the development of the anthropocentric paradigm in philology, interest in literary and cultural reflections, and the expansion of information opportunities, which determines the relevance of the study.

The study of the commentary and its creation were carried out at different times by the most famous philologists, and the author of the article relies on the works of theorists and practitioners of the commentary, their opinions on this issue, which were generalized and systematized, as well as on examples of commenting on fiction in various publications. The commentary is considered in a totality of features, its definitions are analyzed from the linguistic viewpoint, the main function is described as providing and optimizing the understanding of the text, as well as aspects of its influence on the text. The goal is to analyze the impact of commentary on the text being commented on. The author identified eight aspects of the influence of commentary on the text; these aspects were presented, nominated and described, which indicates the range of tasks solved. The main and related aspects of the influence of commentary, including a destructive one, are highlighted. The novelty and theoretical significance of the study is demonstrated by the description of the change in text perception with the development of the commentary as a general cultural phenomenon. This paper uses a methodologically important new perspective for analyzing the interaction of text and commentary to it. As a result, the study shows how the text and its perception by the addressee change , if it is commented on.

© Акулова А. А., 2021

Key words: commentary, influence, text, intertextuality, actualization, understanding, perception, reader, author, metatext.

Введение

Комментарий к тексту (речи) как явление, возникшее ещё в античности [Философская энциклопедия], непрерывно эволюционирует, а за последние десятилетия комментарий как результат работы с текстом, комментирование как деятельность и специфический феномен приобрели общекультурное значение. Возросшее внимание к комментированию обусловлено развитием интереса к литературным рефлексиям, ассоциативному плану и пресуппозиции текста и формированием более глубокого герменевтического сознания как самостоятельного культурного феномена [Коробейникова, 2006, с. 202]. Возникают новые технологии комментирования, меняется даже такой традиционный жанр комментария, как книжный, например, усиливается роль интерактивного комментария в изданиях со сложной полиграфической структурой. Актуальность приобрел и скрытый комментарий в электронных книгах.

Изучением комментария и его созданием занимались в разное время известнейшие специалисты: текстологи, литературоведы и лингвисты – среди них Б. В. Томашевский, Н. М. Сикорский, К. А. Баршт, Д. С. Лихачев, В. В. Виноградов, Ю. М. Лотман и др.

Толковые и энциклопедические словари дают несколько определений комментария. Например, в узуальном значении характеризуется полисемант: «КОММЕНТА́РИЙ (лат. commentarium) – 1) объяснение или толкование какого-либо текста или книги; объяснительные примечания к ней; 2) рассуждение, пояснительное или критическое замечание по поводу чего-либо» [Толковый словарь Ушакова]. Большой энциклопедический словарь расширяет объем толкования специальным значением: «2) В системе средств массовой информации – разновидность оперативного аналитического материала, разъясняющего смысл актуального общественно-политические события, документа и т. п.» [Большой Энциклопедический словарь]. Отметим, что последний источник конкретизирует значение комментария как «критического замечания» в отличие от жанра журналистского комментария.

Философский словарь определяет *комментарий* как «жанр филос. литературы, наиболее интенсивно разрабатываемый в эпоху господства авторитарного знания, основанного на истинах, данных в „откровении" и зафиксированных в „священном" тексте» [Философский словарь]. Здесь отражено сужение значения до репрезентации словом конкретного жанра; кроме того подчеркивается, что комментарий ориентирован на окрашенный идейно текст или текст, несущий сакральный смысл, например, комментарии Корана или комментарии к Евангелию.

Однако в условиях современного полиаспектного использования термина его семантический объем прирастил в различных дискурсах значимые семы, вследствие чего назрела необходимость оценить с лингвистических позиций содержание термина *комментарий* в рамках антропоцентрической парадигмы изучения текстов разных типов и жанров. В ходе анализа нами была выявлена проблема различий семантизации этого термина текстологами и филологами [Акулова, 2019, с. 173].

В этой статье рассматривается комментарий книжный, главная функция которого – обеспечить понимание текста, который комментарием разъясняется, углубляется. Под пониманием мы имеем в виду не только декодирование единиц языка, а когнитивную деятельность, результатом которой является установление смысла некоторого объекта [Демьянков, 1996, с. 124]. Эта деятельность обусловлена фоновым знанием человека. Знание, в нашем понимании, включает не только «обобщённые представления о свойствах объективного мира» [Большой Энциклопедический словарь], но и опыт – опыт бытовой и опыт читательский, то есть фоновые знания различного типа.

Цель данной статьи – проанализировать влияние комментария на комментируемый текст. Перед собой мы поставили следующие задачи:

1) выявить уровни, на которых комментарий влияет на текст;

2) проанализировать характер влияния;

3) дать оценку этому влиянию, ориентируясь на труды текстологов, филологов.

Актуальность статьи связана с возникновением новых техник комментирования. Новизна работы обусловлена новым ракурсом анализа взаимодействия текста и комментария к нему, осмыслением того, как изменяется текст и его восприятие в результате комментирования.

Методология исследования

Изучением комментария и его созданием занимались в разное время известнейшие филологи, поэтому мы опираемся на труды теоретиков и

практиков комментария (В. В. Виноградов, Ю. М. Лотман и др.), используя методы анализа, синтеза и систематизации, а также сравнительный метод исследования.

Исходим из того, что существует некий текст, к которому появляется комментарий, призванный «оптимизировать его понимание» [Баршт, 2009, с. 279], оказывающий влияние на исходный текст и его последующее восприятие. Они составляют сверхтекстовый комплекс, скрепленный интертекстуальными связями. Проанализировав влияние комментария в рамках указанного комплекса, мы выявили восемь основных аспектов его проявления, воздействия.

Результаты исследования

Восемь аспектов влияния комментария на текст

Первым считаем формальный аспект: комментарий оказывает структурное влияние на текст и, соединяясь с ним, превращает его в гипертекст. Текст перестает быть линейным, и, как только появляется гипертекст «текст – комментарий», читатель получает возможность выбирать порядок чтения частей комплекса.

Вторым аспектом считаем когнитивное влияние комментария. Оно ощутимо как эффект, ради которого комментарий создаётся. Читатель получает новую информацию, которая позволяет ему лучше понимать основной текст. «Цель всех пояснений, которые может сделать по поводу художественного произведения любой специалист, – объяснить читателю его смысл и значение, сделать понятным» [Лотман, 1983, с. 8]. У данного основного действия есть сопутствующие эффекты, которые мы рассмотрим далее.

Третьим аспектом считаем эстетическое влияние комментария. Оно имеет два направления – деструктивное и конструктивное. Деструктивное, например, проявляется в частичном разрушении художественного мира произведения. К. А. Баршт пишет об этом: «Окруженный еще одним „чужим словом" комментария, текст получает четвертую структурную инстанцию, участвующую – одновременно – и в научной, и в эстетической коммуникации. Прибавка этой четвертой точки зрения и системы ценностей к трем предыдущим, обеспечивающим нормальную эстетическую конструкцию, может разрушить художественный мир произведения» [Баршт, 2009, с. 297]. Речь идет в первую очередь о комментарии к художественному тексту, в котором эмоциональная и эстетическая составляющая могут оказаться значительнее информационной, особенно в поэтическом дискурсе. Комментарий должен быть стилистически нейтральным [Лихачев, 2006, с. 157], но, тем не менее, в силу авторских интенций создается текст, обладающий собственным стилистическим потенциалом, эмоциональным фоном, который взаимодействует с эмоциональным фоном текста произведения, нередко снижая степень суггестивности основного текста, потому что читатель отвлекается от него для чтения комментария. Однако, как неоднократно указывали исследователи, комментарий помогает понять идейно-художественную сторону произведения [Лихачев, 2006, с. 156]. Без её понимания адресатом не осуществится необходимое для решения эстетических задач воздействие, значит, не будет достигнута авторская цель. С комментарием это становится возможным для адресата, пусть и не в той степени эмоционально, ярко, как для обладателя фоновых знаний, обусловивших пропозицию текста и верное его понимание. В этом смысле влияние комментария может быть названо конструктивным для эстетики произведения.

Эстетическое влияние комментария также может быть конструктивным, когда его особенности обусловливают оформление издания. Например, серия «Книга+эпоха» [Книга+эпоха, 2010–2019] издательства «Лабиринт Пресс» или серия «Книга в книге» [Книга в книге, 2018–2019] издательства «Проспект». Креолизация текста, введение маргинального комментария (на полях), иллюстрирование формируют эстетическое чувство у читателя, влияют на восприятие содержания. Так, на 27-й странице издания «Евгения Онегина» А. С. Пушкина с комментарием Л. Рожникова помещен и реальный, и биографический комментарий, сформировался креолизованный текст, содержащий иконический компонент – иллюстрацию. А на 56-й странице комментированного издания «Острова Сокровищ» Р. Л. Стивенсона издательства «Лабиринт Пресс» даны два комментария, поясняющие реалии изображаемого времени, и один из них креолизованный, при этом иллюстрация становится общим элементом для всего текста.

Четвертым аспектом влияния комментария мы считаем актуализацию текста, под которой понимаем «перевод единицы языка в единицы речи, включение лексической единицы в контекст, присвоение ей ситуативных связей, переход от значения языковых средств к смыслу» [Толковый переводоведческий словарь]. Комментарий актуализирует текст – переводит его из долговременной или кратковременной памяти общества в сферу об-

суждаемого, а потому актуального для последующего использования.

Пятым аспектом является пантеонизация (сакрализация). Как было упомянуто выше, комментарий изначально создавался для особо значимых текстов – священных или законодательных (юридических). Впоследствии комментаторы обращались к корпусу классических текстов, включающему образцовые, наиболее значимые произведения, которые, по общему мнению, необходимо знать культурному человеку. Следовательно, текст, удостоенный комментария, в глазах читателей приобретает большую значимость, становится в один ряд с «Одиссеей», Каббалой и «Энхиридионом», «Евгением Онегиным», Трудовым кодексом и т. п.

Переадресация – **шестой** аспект влияния комментария на текст из круга выявленных, обусловленный прагматикой текста в его направленности на адресата. «Тип комментария определяется прежде всего читательским назначением издания» [Рейсер, 1978, с. 292]. Комментарий тогда и необходим, когда изменяется (в том числе расширяется) читательский адрес, приходят новые поколения с иными фоновыми знаниями. «Поскольку язык и культура эволюционируют, комментарий оказывается необходим любой книге, дата написания которой отстоит от нас на время жизни одного поколения» [Баршт, 2009, с. 285].

Переадресация происходит не только из-за исторической ретроспективы, когда необходимо актуализировать текст. Ценный результат даёт сравнение читателя комментария и читателя, которого определил для себя автор, допустим, пушкинского читателя «Евгения Онегина» и читателя «Комментария к „Евгению Онегину"» Ю. М. Лотмана. Так, Ю. М. Лотман, нацеливая адресата-современника, пишет, что «настоящее издание является пособием для учителя-словесника» [Лотман, 1983, с. 7]. А пушкинского читателя ученый определяет как неоднородного, учитывая авторское видение: «Это и интимные друзья, и отдаленные потомки» [Лотман, 1983, с. 15]. Но благодаря комментарию можно извлечь и понять и те смыслы, которые автор оставлял для близких друзей, и те смыслы, которые вложило время: они появились, когда текст вошел в культуру.

Седьмой аспект – интертекстуальное влияние. Комментарий «встраивает» текст в общекультурную систему текстов. Исследователи указывают, что текст всегда обладает интертекстуальностью [Фатеева, 2006], однако наш анализ позволяет уточнить, что комментарий проявляет, раскрывает его интертекстуальные связи. Важно, что комментатор актуализирует не только те связи, которые установил автор, но и связи, которые возникли с последующими текстами, если их создатели сослались на комментируемый текст. Например, Ю. М. Лотман в комментарии к строке «Когда простой продукт имеет…» [Пушкин, 2018, с. 14] пишет: «*Стихи эти привлекли внимание К. Маркса, который в работе „К критике политической экономии" писал: „В поэме Пушкина отец героя никак не может понять, что товар – деньги"*» [Лотман, 1983, с. 139]. Культурно значимые тексты, например, произведения классиков, могут нести сегодняшнему читателю бо́льшую информацию, чем современникам, ведь они испытали взаимодействие со всем культурным и историческим опытом общества, который возник уже после написания произведения. Этот опыт и знания взаимодействуют с текстом либо непосредственно, через цитаты и реминисценции [Леденёва, 2008], либо возбуждаются в сознании читателя как ассоциации, поскольку тот, обладая теми или иными фоновыми знаниями, создает свои личные ментальные связи, которые могут быть сколь угодно причудливыми.

И, наконец, **восьмой** аспект – архивация смысла. «Каждое время дает свою оценку слову, событию или фабульному факту, выпрямляя смыслы в том направлении, в каком само развивается» [Баршт, 2009, с. 282].

Комментарий, как документ, фиксирует, сохраняет те смыслы, которые вложил в текст автор. Нужно понимать, что комментарий сам по себе является продуктом того времени, когда он составлялся, документом эпохи, и он может донести многие смыслы, в том числе устаревших слов и фразеологизмов, которые были утеряны к моменту, когда комментарий создавался, и те смыслы которые были приобретены впоследствии. Нельзя не согласиться с положением: «Комментарий – это ответ культуры в определенной точке своего исторического развития на вызов той оригинальной модели мира, которую несет художественный текст» [Баршт, 2009, с. 286]. Связь поясняемого текста и комментария во времени динамична. Комментарий, даже самый полный, устаревает, потому что появляются новые исследования и культурно-исторические знания, достойные привлечения составителем. Создаются иные комментарии, которые начинают спорить со старыми, как, например, комментарий Ю. М. Лотмана спорит с комментарием Н. Л. Бродского. Так, Н. Л. Бродский писал, что «*дуэль – порожденный фео-*

дально-рыцарским обществом обычай кровавой расправы-мести, сохранялся в дворянской среде» [Бродский, 1932, с. 248], а Лотман указывал на то, что дуэлей в быту русской старой знати не было, поэтому она не пережиток, а новомодная, маргинальная практика, не одобряемая консервативным ортодоксальным обществом [Лотман, 1983, с. 97].

Комментарий устаревает не только потому, что в нем обнаруживаются неточности и ошибки, но и потому, что развивается русский литературный язык, уходят одни смыслы и возникают новые в структуре семем лексических единиц, рождаются иные лексико-семантические варианты (ЛСВ) у полисемантов. Спустя несколько поколений текст комментария сам может потребовать комментирования, так как, вероятно, не будет до конца понятен следующему поколению читателей. Например, в издании стихов Г. А. Державина 1851 года к стихотворению «Приношение красавицам» есть комментарий: «*Державин, шутя отвечал ей, чтоб она не скучала, потому что денег дадут ему музы: вскоре за сим начал он писать анакреонтическия песни, и поднес их своей жене и другим красавицам*» [Державин, 1851, с. 10]. Очевидно, что современному читателю понадобится дополнительное разъяснение формы и семантики прилагательного «*анакреонтическия*», однако нужно будет пояснить и словоформу «*скучала*», так как сейчас в этом значении (*скука* – «досада» [Толковый словарь Ушакова; ср.: Леденёва, Цзян Юань, 2018]) слово не употребляется.

Заключение

В статье проанализировано влияние содержания, формы, прагматики комментария на комментируемый текст, с тем чтобы показать, как это метатекстуальное образование, присоединяясь к основному тексту, меняет последний в различных аспектах. Раскрыто, что комментарий оказывает влияние формальное, изменяя форму и структуру текста, образуя своеобразный сверхтекстовый комплекс с ним, а также когнитивное, сообщая читателю информацию, которая помогает лучше понять основной текст с информативно-содержательной стороны. Кроме этих двух аспектов, наиболее прямо и непосредственно выражающих задачи комментирования, по итогам анализа мы посчитали возможным выделить еще шесть сопутствующих: эстетическое влияние, актуализацию, пантеонизацию, переадресацию, проявление интертекстуальности и архивацию смыслов. Можно утверждать, что охарактеризованные нами в статье аспекты, по-видимому, универсальны и относятся к любому книжному комментарию произведения. Предполагаем, что со временем некоторые аспекты могут добавиться или перестать учитываться при осмыслении материала. Так, например, в связи с распространением комментирования по Интернету, девальвироваться аспект пантеонизации.

Но на сегодняшний день, по нашим мнению, любой комментарий влияет на текст сразу во всех восьми аспектах. Наблюдения подтверждаются теорией и практикой комментария таких выдающихся специалистов в этой области, как Ю. М. Лотман, К. А. Баршт, Д. С. Лихачев, С. А. Рейсер, А. И. Рейтблат и др., наличием лингвистических работ, рассматривающих историю слов, процессы архаизации, трактующих новые понятия [Виноградов, 1999, Дергачева, 2011, Иванова 2013], чтобы филологически обеспечить функционирование текста в современном социуме.

Библиографический список

1. Актуализация // Толковый переводоведческий словарь. URL: https://perevodovedcheskiy.academic.ru/58/актуализация.

2. Акулова А. А. Содержание термина «комментарий» в научном тексте и в узуальном употреблении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. №12(2). С. 171–175.

3. Баршт К. А. О направлениях и пределах комментирования художественного текста. По поводу статьи К. Г. Исупова // Вопросы литературы. 2009. № 5. С. 279–303.

4. Бродский Н. Л. Комментарий к роману А. С. Пушкина Евгений Онегин. Москва : Кооперативное издательство «Мир», 1932. 247 с.

5. Виноградов В. В. История слов : Ок.1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связ. Москва : Рос. акад. наук. Отд-ние лит. и яз. Науч. совет «Рус. яз.». Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 1138 с.

6. Демьянков В. З. Понимание // Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. Москва : Изд-во МГУ, 1996. С. 124–126.

7. Дергачева И. В. Древнерусский Синодик: исследования и тексты: научная монография // Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VI. Москва : Кругъ, 2011. 398 с.

8. Державин Г. Р. Сочинения Державина. Т. 2 : [в 2 т.]. 2-е изд. Санкт-Петербург : Изд. А. Смирдина, 1851. 798 с.

9. Знание // Большой толковый словарь. URL: http://gramota.ru/slovari/info/bts/ (дата обращения: 12.12.2018).

10. Иванова М. В. Разговорные компоненты в структуре древнерусских литературных текстов середины XV века // Вестник Российского университета

дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2013. № 2. С. 5–11.

11. Книга в книге: Подробный иллюстрированный комментарий. Москва : Проспект, 2018–2019.

12. Книга+эпоха. Москва : Лабиринт Пресс, 2010–2019.

13. Комментарий // Большой Энциклопедический словарь. URL: https://gufo.me/dict/bes/комментарий (дата обращения: 02.02.2019)

14. Комментарий // Толковый словарь Ушакова. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/837782 (дата обращения: 12.12.2018).

15. Комментарий // Философская энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/541/КОММЕНТАРИЙ (дата обращения: 12.12.2018).

16. Комментарий // Философский словарь. URL: http://www.terminy.info/philosophy/philosophical-dictionary/kommentariy (дата обращения: 17.01.2019).

17. Коробейникова Н. Н. Онтология комментария и его роль в понимании иноязычного художественного текста. Барнаул, 2006. 202 с.

18. Леденёва В. В. Цитаты // Розановская энциклопедия / сост. и гл. ред. А. Н Николюкин. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 2291.

19. Леденёва В. В., Цзян Юань О стилистическом потенциале слова скука // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сб. научных трудов по итогам международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Войловой К. А. (г. Москва, 1 марта 2018 г.) / отв. ред. О. В. Шаталова; ред. колл. В. В. Леденёва, Т. М. Фадеева, Е. Д. Звукова. Москва : ИИУ МГОУ, 2018. С. 175–182.

20. Лихачев Д. С. Текстология: краткий очерк. Москва : Наука, 2006. 174 с.

21. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителя. Ленинград : Просвещение, 1983. 416 с.

22. Пушкин А. С. Евгений Онегин. Москва : Проспект, 2018. 432 с.

23. Рейсер С. А. Основы текстологии : учебное пособие для студентов педагогических институтов. Изд-е 2-е. Ленинград : Просвещение, 1978. 176 с.

24. Скука // Толковый словарь Даля. URL: https://gufo.me/dict/dal/скука (дата обращения: 02.02.2019).

25. Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. Москва : Комкнига, 2006. 280 с.

Reference list

1. Aktualizacija = Actualization // Tolkovyj perevodovedcheskij slovar'. URL: https://perevodovedcheskiy.academic.ru/58/aktualizacija.

2. Akulova A. A. Soderzhanie termina «kommentarij» v nauchnom tekste i v uzual'nom upotreblenii = The content of the term «commentary» in scientific text and in common use // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. №12(2). S. 171–175.

3. Barsht K. A. O napravlenijah i predelah kommentirovanija hudozhestvennogo teksta. Po povodu stat'i K. G. Isupova On directions and limits of commenting on a literary text. Regarding the article by K. G. Isupov // Voprosy literatury. 2009. № 5. S. 279–303.

4. Brodskij N. L. Kommentarij k romanu A. S. Pushkina Evgenij Onegin.= Commentary on the novel Eugene Onegin by A.S. Pushkin. Moskva : Kooperativnoe izdatel'stvo «Mir», 1932. 247 s.

5. Vinogradov V. V. Istorija slov : Ok.1500 slov i vyrazhenij i bolee 5000 slov, s nimi svjaz. = History of words : About 1500 words and expressions and more than 5000 words related to them. Moskva : Ros. akad. nauk. Otd-nie lit. i jaz. Nauch. sovet «Rus. jaz.». In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova. 1138 s.

6. Dem'jankov V. Z. Ponimanie = Understanding // Kubrjakova E. S., Dem'jankov V. Z., Pankrac Ju. G., Luzina L. G. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov. Moskva : Izd-vo MGU, 1996. S. 124–126.

7. Dergacheva I. V. Drevnerusskij Sinodik: issledovanija i teksty: nauchnaja monografija = Ancient Russian commemoration book: studies and texts: scientific monograph // Pamjatniki drevnerusskoj mysli: issledovanija i teksty. Vyp. VI. Moskva : Krug#, 2011. 398 s.

8. Derzhavin G. R. Sochinenija Derzhavina = Derzhavin's works. T. 2 : [v 2 t.]. 2-e izd. Sankt-Peterburg : Izd. A. Smirdina, 1851. 798 s.

9. Znanie = Knowledge // Bol'shoj tolkovyj slovar'. URL: http://gramota.ru/slovari/info/bts/ (data obrashhenija: 12.12.2018).

10. Ivanova M. V. Razgovornye komponenty v strukture drevnerusskih literaturnyh tekstov serediny XV veka = Conversational components in the structure of Old Russian literary texts of the mid-15th century // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Lingvistika. 2013. № 2. S. 5–11.

11. Kniga v knige: Podrobnyj illjustrirovannyj kommentarij = Book in book: Detailed illustrated commentaryju Moskva : Prospekt, 2018–2019.

12. Kniga+jepoha = Book+epoch. Moskva : Labirint Press, 2010–2019.

13. Kommentarij = Commentary // Bol'shoj Jenciklopedicheskij slovar'. URL: https://gufo.me/dict/bes/kommentarij (data obrashhenija: 02.02.2019)

14. Kommentarij = Commentary // Tolkovyj slovar' Ushakova. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/837782 (data obrashhenija: 12.12.2018).

15. Kommentarij = Commentary // Filosofskaja jenciklopedija. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/541/KOMMENTARIJ (data obrashhenija: 12.12.2018).

16. Kommentarij = Commentary// Filosofskij slovar'. URL: http://www.terminy.info/philosophy/philosophical-dictionary/kommentariy (data obrashhenija: 17.01.2019).

17. Korobejnikova H. N. Ontologija kommentarija i ego rol' v ponimanii inojazychnogo hudozhestvennogo teksta. = Ontology of commentary and its role in understanding a literary text in a foreign language. Barnaul, 2006. 202 s.

18. Ledenjova V. V. Citaty = Quotes // Rozanovskaja jenciklopedija / sost. i gl. red. A. N Nikoljukin. Moskva : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2008. S. 2291.

19. Ledenjova V. V., Czjan Juan' O stilisticheskom potenciale slova skuka = On stylistic potential of the word boredom // Russkij jazyk v slavjanskoj mezhkul'turnoj kommunikacii: sb. nauchnyh trudov po itogam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 75-letiju so dnja rozhdenija doktora filologicheskih nauk, professora Vojlovoj K. A. (g. Moskva, 1 marta 2018 g.) / otv. red. O. V. Shatalova; red. koll. V. V. Ledenjova, T. M. Fadeeva, E. D. Zvukova. Moskva : IIU MGOU, 2018. S. 175–182.

20. Lihachev D. S. Tekstologija: kratkij ocherk = Textology: a brief outline. Moskva : Nauka, 2006. 174 s.

21. Lotman Ju. M. Roman A. S. Pushkina «Evgenij Onegin». Kommentarij: posobie dlja uchitelja = A.S. Pushkin's novel Eugene Onegin. Commentary: teacher's guide. Leningrad : Prosveshhenie, 1983. 416 s.

22. Pushkin A. S. Evgenij Onegin = Eugene Onegin. Moskva : Prospekt, 2018. 432 s.

23. Rejser S. A. Osnovy tekstologii : uchebnoe posobie dlja studentov pedagogicheskih institutov = Basic textology: a textbook for students of pedagogical institutes. Izd-e 2-e. Leningrad : Prosveshhenie, 1978. 176 s.

24. Skuka = Boredom // Tolkovyj slovar' Dalja. URL: https://gufo.me/dict/dal/skuka (data obrashhenija: 02.02.2019).

25. Fateeva N. A. Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti = Intertext in the world of texts: Counterpoint of intertextuality. Moskva : Komkniga, 2006. 280 s.

УДК 81-139

Ю. А. Южакова **https://orcid.org/0000-0002-5050-582X**

Флоронимы в лирике С. А. Есенина

Для цитирования: Южакова Ю. А. Флоронимы в лирике С. А. Есенина // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 76–82. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-76-82

Лексемы тематической группы «Номинации растительного мира» в поэтическом творчестве С. А. Есенина весьма употребительны, что определяет значимость для автора данного тематического компонента. В статье предпринята попытка классификации и анализа флоронимов, выбранных из лирических стихотворений поэта 1 тома полного собрания сочинений. Цель данной статьи – проанализировать частотность и особенности использования флоронимов в лирических произведениях, а также проследить закономерности развития идиостиля С. А. Есенина. В работе прослеживается употребление лексем следующих подгрупп: названия деревьев, кустарников, цветов, трав, зерновых и овощных культур. Их основные функции в поэтическом тексте: создание пейзажа, причём флоронимы чаще всего вызывают воспоминания о родном крае, а также изображение душевных переживаний лирического героя. Центральный природный образ – береза – для поэта имела прямую истинную связь с Родиной, и вся Русь была для С. А. Есенина «березовой». Береза С. А. Есенина становится «героиней» большинства стихотворений как символ любви к своему краю, к своей родине, к отеческому дому. Особенности словоупотребления: метафорический перенос значений, художественное олицетворение, нарушение лексической сочетаемости – создают индивидуальный стиль поэта Сергея Есенина. Кроме того, через употребление лексем данной тематической группы прослеживается близость автора к природе и народной среде, заложенные в детстве мифологические представления о травах и деревьях, фольклорные традиции в представлении русской природы и души человека, что расширяет наше представление о языковой и поэтической картине мира С. А. Есенина.

Ключевые слова: лирика С. А. Есенина, тематические группы, лексемы, флоронимы, номинации растительного мира, авторская манера, идиостиль.

Y. A. Yuzhakova

Floronyms in S. A. Yesenin's lyrics

The lexemes of the thematic group «Nominations of the plant world» are very common in the poetry of S. A. Yesenin, which determines the significance of this thematic component for the author. The article attempts to classify and analyze the floronyms selected from the lyrical poems of the poet in volume 1 of the complete works. The purpose of this article is to analyze the frequency and features of using floronyms in lyrics, as well as to trace the patterns of development of S. A. Yesenin's idiostyle. The paper shows the use of lexemes from the following subgroups: names of trees, shrubs, flowers, herbs, grains and vegetables. Their main functions in the poetic text are to create a landscape, with floronyms most often evoking memories of one's native land, as well as to portray the lyrical hero's inner suffering. The central image of nature – the birch tree – had a direct true connection with the poet's homeland, and the whole of Russia was «birch-like» for S.A. Yesenin. Yesenin's birch tree becomes the "heroine" of most of his poems as a symbol of love for his country, his homeland, his father's home. The peculiarities of word usage, such as metaphorical transfer of meanings, artistic personification, violation of lexical compatibility, create the individual style of the poet Sergey Yesenin. In addition, the use of lexemes of this thematic group shows the poet's closeness to nature and people, the mythological ideas of herbs and trees from his childhood, folklore traditions representing the Russian nature and soul, which expands our understanding of the linguistic and poetic picture of S. Yesenin's world.

Key words: S. A. Yesenin's lyrics, thematic groups, lexemes, floronyms, plant world nominations, author's manner, idiostyle.

Введение

Близость С. А. Есенина к природе, его крестьянское происхождение объясняют частое использование поэтом лексем тематической группы «Растительный мир» в стихах. Цель данной статьи – проанализировать частотность и особенности использования флоронимов в лириче-

© Южакова Ю. А., 2021

ских произведениях, а также проследить закономерности развития илиостиля поэта.

Методы исследования

Нами были выбраны и классифицированы флоронимы из лирических стихотворений поэта, собранных в 1 томе полного собрания сочинений поэта [Есенин, 1995].

Результаты исследования

С точки зрения принадлежности к грамматическим классам, самыми распространёнными являются имена существительные – 325 лексем из 339. Наиболее частотны лексемы *береза, трава, рожь, клен, тополь.*

Вторым по продуктивности выступает класс прилагательных, в данной группе он представлен только лексемами: *березовый* (3 раза); *овсяный* (3); *маковый* (1); *рябиновый* (1), *травной* (1), а также *деревянный* (3) в значении «сделанный из дерева». Деепричастия представлены в 2 окказиональных употреблениях:

Мудростью пухнет слово,
Вязью ***колося*** *поля.* [Есенин, 1995, II, с. 49]
Но ведь дуб молодой, ***не разжелудясь***
Также гнётся, как в поле трава [Есенин, 1995, I, с. 162].

С точки зрения тематической, флоронимы распределяются по следующим группам: ***деревья, кустарники, цветы, травы, зерновые и овощные культуры.*** К наиболее многочисленной тематической группе «Деревья» относятся следующие наименования: *дерево* (ядро ТГ), береза (32 употребления), клен (21), тополь(19), черемуха (18), ель (13), сосна (12), осина (11), рябина (9), яблоня (6). Полученные данные соответствуют данным «Словаря языка Есенина» Г. И. Шипулиной [Шипулина, 2013]. Из 339 стихотворений С. А. Есенина в 199 стихах упоминается конкретное дерево. Образы природы у С. А. Есенина находятся в тесной связи с фольклором. В древности дерево связывали с духовными силами, с жизнью и смертью. У разных национальностей было свое дерево, которое считали священным [Дмитриева, 2014, 2015, 2016; Юрков, 2012]. Деревья у Есенина – одушевленные существа. Они играют важную роль в раскрытии мира лирического героя и самого поэта. [Камаль Зейнаб, 2011; Охлопкова, 2016]. Эти образы мы исследуем в данной работе.

«Не я выдумал образ березы, он был и есть основа русского духа и глаза, но я первый развил его и положил основным камнем в своих стихах», – писал поэт. [Цит. по: Воронова, 2014, с. 28]. По словам М. Эпштейна, «береза во многом именно благодаря Есенину стала национальным поэтическим символом России» [Цит. по: Смирнова, 1999, с. 92–95].

Образ дерева в стихах С. Есенина восходит к народной поэзии славян [Самоделова, 2018], которые видели в образе «древа жизни» символ гармонии, поэтому дерево символизирует жизнь и смерть (цветение или сухость), представления о мире (низ – царство под землей, середина – земля, а верх – небо над головой), дерево в целом можно сравнить с человеком (верхняя часть, поднимающаяся к небу, – голова, ноги – корни, которые чувствуют силу на земле, руки вытянуты как ветви, обнимающие окружающий мир). [Чжан Сяоцинь]. Однако для Есенина сравнение человека с деревом – это не просто «религия мысли»: он не только верил в существование связи человека с миром природы, но и чувствовал себя частью этой природы [Воронова, 2014]. Мотив сравнения человека с природой прослеживается в наделении деревьев «портретными» деталями: *береза* – «*стан, бедра, грудь, ноги, прическа, подол, косы*», *клен* – «*голова*».

Береза чаще всего становится героиней произведений Есенина. Это невеста, девушка. Цвета, употребляемые в сочетании с лексемой, светлые, нежные [Герасименко, 2019]. Береза ассоциируется с молодостью, юностью: «страна березового ситца». В поэтическом мировосприятии С. Есенина образ берёзы занимает центральное место [Чернецкая, 2018]. Не случайно он появляется в самом первом написанном стихотворении:

Хорошо и тепло,
Как у зимней печки.
И ***березы*** *стоят,*
Как большие свечки [Есенин, 1995, I, с. 15];

и в первом опубликованном стихотворении поэта. Берёза в художественной картине мира С. Есенина является символом России и малой родины [Банерджи Ранджана, 2018].

Белая ***береза***
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром [Есенин, 1995, IV, с. 38].

Любовь поэта к России настолько сильна, что стоит любых жертв: «*За березовую Русь С нелюбимой помирюсь»* [Есенин, 1995, I, с. 224].

В более поздних стихах береза символизирует воспоминания о беззаботной юности:

И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком [Есенин, 1995, I, с. 120].

Два основных ассоциативных образа, связанных с берёзой, прослеживаются в поэтическом творчестве С. А. Есенина: образ девушки и образ малой родины.

Женские образы реализуются через непосредственное сравнение: «*Как жену чужую, обнимал берёзку…*»; а также путём создания авторских метафор: *«На березке пообъедена кора, – Выживают мыши девушку с двора*» [Есенин, 1995, I, с. 30].

Ассоциации с женской фигурой порождают наделение деталями портрета: «*Так и хочется к телу прижать Обнаженные груди берез»* [Есенин, 1995, I, с. 125];

Зеленая прическа,
Девическая грудь.
О тонкая березка,
Что загляделась в пруд? [Есенин, 1995, I, с. 123];

Я навек за туманы и росы
Полюбил у березки стан,
И ее золотистые косы,
И холщовый ее сарафан [Есенин, 1995, I, с. 245].

Образ берёзы как символ малой родины также неоднозначен. С одной стороны, это примета любимой рязанщины, вызывающая в памяти мать, дом: «*На бугре береза-свечка // В лунных перьях серебра*» [Есенин, 1995, I, с. 20]; «*Отражаясь, березы ломались в пруду»* [Есенин, 1995, I, с. 27];

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть [Есенин, 1995, I, с. 105].

С другой стороны, берёзовая роща – это храм, поэтому в природных зарисовках появляются религиозные мотивы: *«За прощальной стою обедней // Кадящих листвой берез*» [Есенин, 1995, I, с. 136]; *«Троицыно утро, утренний канон, В роще по березкам белый перезвон*» [Есенин, 1995, I, с. 31];

Здравствуй, златое затишье
С тенью березы в воде!
Галочья стая на крыше
Служит вечерню звезде [Есенин, 1995, I, с. 131].

Олицетворение берёзы приводит к созданию авторских метафор:

И золотеющая осень,
В березах убавляя сок,
За всех, кого любил и бросил,
Листвою плачет на песок [Есенин, 1995, I, с. 237].

Таким образом, береза для поэта имела прямую истинную связь с Родиной, и вся Русь была для С. А. Есенина «березовой». Береза С. А. Есенина становится «героиней» большинства стихотворений как символ любви к своему краю, к своей родине, к отеческому дому.

Есть у С. А. Есенина стихотворение, в котором он вспоминает сразу четыре дерева: клен, сосну, вербу, березку:

Там вон встретил вербу, там сосну приметил,
Распевал им песни под метель о лете.
Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а вовсю зеленым.
И, утратив скромность, одуревши в доску,
Как жену чужую, обнимал березку [Есенин, 1995, IV, с. 172].

Клён – любимое с детства дерево, с ним связаны воспоминания о юности:

В те края, где я рос под кленом,
Где резвился на желтой траве, –
Шлю привет воробьям, и воронам,
И рыдающей в ночь сове [Есенин, 1995, I, с. 181];

и анализ пройденного жизненного пути: «*Нынче – юность моя отшумела, // Как подгнивший под окнами клен*» [Есенин, 1995, I, с. 207]. Так клён становится символом увядания: «*Все мы, все мы в этом мире тленны, // Тихо льется с кленов листьев медь...* » [Есенин, 1995, I, с. 161] и несёт в себе образ лирического героя:

И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого, что тот старый клен
Головой на меня похож [Есенин, 1995, I, с. 143].

Из хвойных деревьев – ели и сосны – преимущественно первое связано с художественным видением поэта [Скороходов, 2019, с. 21]. Часто возникают женские образы: *«Пригорюнились девушки-ели...»* [Есенин, 1995, I, с. 32]; или религиозные мотивы:

И может быть, пройду я мимо
И не замечу в тайный час,
Что в елях – крылья херувима,
А под пеньком – голодный Спас [Есенин, 1995, I, с. 41].

Сосна в большей мере вызывает чувственное восприятие и воспоминания о милой родине: «*Никнут шелковые травы, Пахнет смолистой сосной*» [Есенин, 1995, I, с. 34].

Образ рябины у С. А. Есенина тесно связан с проявлениями эмоций человека и воплощается в метафоричных образах и сравнениях: «*В саду горит костер рябины красной, Но никого не может он согреть»* [Есенин, 1995, I, с. 157];

О красном вечере задумалась дорога,
Кусты рябин туманней глубины.
Изба-старуха челюстью порога
Жует пахучий мякиш тишины [Есенин, 1995, I, с.59].

Тополь также связан с воспоминаниями о доме детства: «*А у низеньких околиц Звонно чахнут тополя*» [Есенин, 1995, I, с.59]. Посаженный Сергеем Есениным у дома родителей в селе Константиново Рязанской области тополь удостоен общефедерального статуса «Дерево – памятник живой природы» [Никольский, 2020].

Еще один любимый Есениным образ – образ черёмухи. Её цветение, особенно бурное по берегам Оки, поэт сравнивает со снегом, метелью, вьюгой: «*Сыплет черемуха снегом, Зелень в цвету и росе*» [Есенин, 1995, I, с. 34]; «*Хорошо в черемуховой вьюге Думать так, что эта жизнь – стезя*» [Есенин, 1995, I, с. 179];

В окна бьют без промаха
Вороны крылом,
Как метель, черемуха
Машет рукавом [Есенин, 1995, I, с .50].

Красота черёмухи недолговечна, поэтому становится символом проходящего: «*Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха – Все равно любимая отцветет черемухой*» [Есенин, 1995, I, с. 164], но дорогого, память о чём надо сохранить: «*Я учусь, я учусь моим сердцем Цвет черемух в глазах беречь...*» [Есенин, 1995, I, с. 106]. Тот же мотив невозвратно ушедшего связан в стихах Есенина с цветением яблонь:

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым [Есенин, 1995, I, с. 164].

Особая метафоричная манера С.А. Есенина проявляется в художественном олицетворении деревьев: «*Тёмным* ***елям снится*** *гомон косарей*» [Есенин, 1995, I, с. 53]; «*Запах ладана от рощи* ***ели льют****, Звонки ветры панихидную поют*» [Есенин, 1995, I, с. 31]; «***Спит черемуха*** *в белой накидке*» [Есенин, 1995, I, с. 158]; «***Держат липы в*** *зеленых* ***лапах*** *Птичий гомон и щебетню*» [Есенин, 1995, I, с. 175]; «*Мир* ***осинам****, что, раскинув ветви,* ***Загляделись*** *в розовую водь!* » [Есенин, 1995, I, с. 201]; а также смешении чувственных восприятий: наряду со зрительными образами возникают звуковые: «*О мед воспоминаний! О* ***звон*** *далеких* ***лип****!* » [Есенин, 1995, I, с. 134]; «*И* ***вызванивают*** *в четки* ***Ивы****, кроткие монашки*» [Есенин, 1995, I, с. 38]; «***Не шуми, осина****, не пыли, дорога. Пусть несется песня к милой до порога*» [Есенин, 1995, I, с. 241];

Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни *дождей и* ***черемух****,*
Чем здоровый живет человек [Есенин, 1995, I, с. 149].

Основной чертой идиостиля поэта при описании природы становится одушевление её объектов и прямое их использования для описания душевного состояния человека: «*Эх, любовь-калинушка, кровь – заря вишневая*» [Есенин, 1995, I, с. 217];

Хорошо под осеннюю свежесть
Душу-яблоню ветром стряхать
И смотреть, как над речкою режет
Воду синюю солнца соха [Есенин, 1995, I, с. 144].

Вторая условная группа флоронимов – цветы и травы – также обширно представлена в лирике С. А. Есенина. О себе поэт писал: «*Родился я с песнями в травном одеяле*» [Есенин, 1995, I, с. 29]. Анализируя использование лексем данного значения, мы, с одной стороны, констатируем их обилие и разнообразие: трава (56), рожь (41), роза (32), колокольчик (10), мак (7), ковыль (5), крапива (5) и др.; с другой стороны, специфическую сочетаемость флоронимов в речи, что характеризует идиостиль поэта. Стоит отметить две основные функции флоронимов в художественном тексте: для характеристики душевного состояния лирического героя и как часть пейзажа. Поэтический манифест С. А. Есенина, пожа-

луй, содержится в строках: «*Из трав мы вяжем книги, Слова трясем с двух пол*» [Есенин, 1995, I, с. 110]. Таким образом, природа – это и источник вдохновения, и материал для поэзии, и средство создания художественных образов. Близость состояния души и состояния природы отражена в строках: «*И душа моя – поле безбрежное – Дышит запахом меда и роз*» [Есенин, 1995, I, с. 161]; «*В незримых пашнях растут слова, Смешалась с думой ковыль-трава*» [Есенин, 1995, I, с. 102]. При описании пейзажа травы и цветы, в первую очередь, являются отправной точкой воспоминаний о малой родине: *«Вижу лес и вечернее полымя, И обвитый крапивой плетень»* [Есенин, 1995, I, с. 24]; «*Под венком лесной ромашки Я строгал, чинил челны...»* [Есенин, 1995, I, с. 19]; «*От вихлистого приволья Гнутся травы, мнется лист»* [Есенин, 1995, I, с. 35];

В том краю, где желтая крапива
И сухой плетень,
Приютились к вербам сиротливо
Избы деревень [Есенин, 1995, I, с. 24];

И часто я в вечерней мгле,
Под звон надломленной осоки,
Молюсь дымящейся земле
О невозвратных и далеких [Есенин, 1995, I, с. 70].

Особую поэтическую манеру создаёт использование С. Есениным флоронимов не в предметном, а в признаковом значении [Титова, 2005], например, для характеристики цвета глаз:

Васильками сердце светится, горит в нем бирюза.
Я играю на тальяночке про синие глаза [Есенин, 1995, I, с. 26].

Еще одной особенностью является намеренное игнорирование коннотации и, следовательно, сочетаемости. Так, не имеющее возвышенно-поэтической семантики слово *сучья* сочетается с лексемами *теплятся, золотой, тайна:*

То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной. [Есенин, 1995, I, с. 138].

Будучи по происхождению крестьянским сыном, С. Есенин не обошёл в своём творчестве слова тематической группы «зерновые и овощные культуры»: *рожь, овес, хлеб, злак, греча, капуста, картофель, горох, огурец.* Традиционно народное ценностное отношение к хлебным культурам находит специфическое выражение в творчестве С. Есенина:

Я хожу в цилиндре не для женщин.
В глупой страсти сердце жить не в силе.
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Золото овса давать кобыле [Есенин, 1995, I, с. 165].

Метафора *золото овса* перерождается в цветовой эпитет *овсяный: «Овсяным ликом питаю дух, Помощник жизни и тихий друг»* [Есенин, 1995, I, с. 79].

С. А. Есенин часто использует названия овощей, показывая местную специфику и колорит: «*Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость хлеба И с хрустом мысленно кусаю огурцы»* [Есенин, 1995, I, с. 64]; вспоминая родные места: «*На грядки серые капусты волноватой Рожок луны по капле масло льет»* [Есенин, 1995, I, с. 79]; а также гиперболизируя свою простонародность:

Провоняю я редькой и луком
И, тревожа вечернюю гладь,
Буду громко сморкаться в руку
И во всем дурака валять [Есенин, 1995, I, с. 161].

Заключение

Таким образом, значимость для автора тематического компонента определяется большим количеством словоупотреблений. Номинации растительного мира частотны в лирике С. А. Есенина. Их основные функции в поэтическом тексте: создание пейзажа, причём флоронимы чаще всего вызывают воспоминания о родном крае, а также изображение душевных переживаний лирического героя путём метафорического переноса значений, художественного олицетворения и нарушения лексической сочетаемости. Все названные особенности словоупотребления создают индивидуальный стиль поэта Сергея Есенина. Кроме того, через употребление лексем данной тематической группы прослеживается близость автора к природе и народной среде, заложенные в детстве мифологические представления о травах и деревьях, фольклорные традиции в представлении русской природы и души человека, что расширяет наше представление о языковой и поэтической картине мира С. А. Есенина.

Исследование флоронимов в художественной речи имеет большие перспективы, так как знание закономерностей словоупотребления важно для

понимания русской культуры, обрядов, традиций. Исследование лексем тематической группы «Номинации растительного мира» как единицы культуры должно быть многоаспектным и комплексным, что предполагает опору на широкий круг библейских, фольклорных и этнографических источников, только при таком подходе могут быть раскрыты их семантические особенности, сакральная и мифологическая символика.

Библиографический список

1. Банерджи Ранджана. Тема «малой» и «большой» родины в лирике Сергея Есенина и Рабиндраната Тагора // Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. Ч. III: Сб. науч. трудов. Москва – Константиново – Рязань : Государственный музей-заповедник С. А. Есенина, 2018. Сер. «Есенин в XXI веке». Вып. 6. С. 168–182.

2. Воронова О. Е. Поэтический космос С. А. Есенина в контексте традиций православной храмовой культуры // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2016. Вып. 2. С. 81–90.

3. Воронова О. Е. «За берёзовую Русь…»: поэтика есенинского эпитета // Современное есениноведение. 2014, № 30. С. 24–47.

4. Герасименко И. А. Семантика цветообозначений в поэтике С. А. Есенина // «Современное есениноведение». 2019, № 3 (50). С. 59–62.

5. Дмитриева Ю. Л. Образ мирового дерева сквозь призму русской лингвокультуры / Ю. Л. Дмитриева, И. А. Герасименко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». Москва : Изд-во РУДН, 2015. №4. С. 16–22.

6. Дмитриева Ю. Л. Образно-ассоциативный компонент концепта ‘БЕРЕЗА’ (на материале произведений С. Есенина) // Лингвистический вестник: сб. науч. тр.; [науч. ред. И. А. Герасименко]. Киев : Издательский дом Дмитрия Бураго, 2014. Вып. 1. С. 64–69.

7. Дмитриева Ю. Л. Образно-ассоциативный компонент концепта ‘ВЕРБА’ // Східнослов’янськафілологія. Мовознавство. Вип. 25. / Горлівськийін.-т іноземнихмов; Донецький нац. ун-т. Горлівка : Видавництво ГІІМ ДВНЗ «ДДПУ», 2013. С. 89–96.

8. Дмитриева Ю. Л. Языковое воплощение образа дерева (на материале произведений С. Есенина, М. Кузмина, Н. Клюева) // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: Сборник статей XVI Всероссийской научно-практической конференции. Москва : Изд-во РУДН, 2016. С. 129–132.

9. Есенин С. А. Полное собрание сочинений в семи томах. Т. 1, 2, 4. Москва : «Наука» – «Голос», 1995.

10. Камаль Зейнаб А. Роль фитонимов в репрезетации художественной картины мира С.А. Есенина / Камаль Зейнаб А., Чарыкова О. Н. // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж, 2011. № 1. С. 78–80.

11. Никольский А. А. Словарь диалектной лексики в поэзии С.А. Есенина // «Современное есениноведение», 2020, № 1 (52). С. 43–48.

12. Охлопкова Е. А. Лексика природы в лирике С. А. Есенина // Молодой ученый. 2016. № 6.4 (110.4). С. 30–32. URL: https://moluch.ru/archive/110/27271/ (дата обращения: 17.03.2021).

13. Самоделова Е. А. Фольклорные комментарии к произведениям Есенина: по материалам Этнологического архива Рязанской области // Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. Ч. III: Сб. науч. трудов. Москва – Константиново – Рязань : Государственный музей-заповедник С.А. Есенина, 2018. Сер. «Есенин в XXI веке». Вып. 6. С. 335–360.

14. Скороходов М. В. «Задымился вечер, дремлет кот на брусе...» (1912). Проект статьи для «Есенинской энциклопедии» // «Современное есениноведение», 2019, № 3 (50). С. 20–21.

15. Смирнова Л. А. Русская литература XX века. Москва : Просвещение, 1999. 334 с.

16. Титова В. С. Мир душистых растений в поэзии С. А. Есенина. Москва : Советский писатель, 2005. 167 с.

17. Чернецкая А. А. Образ берёзы в русской лингвокультуре (на материале произведений С. А. Есенина) // «Современное есениноведение», 2018, № 3 (46). С. 101–105.

18. Чжан Сяоцинь. Поэтическая номинация растительного мира в лирике С. Есенина (на фоне поэтической номинации китайской поэзии начала XX века) // Иностранные языки и языкознание. URL: https://otherreferats.allbest.ru/languages/00842680_2.html (дата обращения: 17.03.2021).

19. Шипулина Г. И. Словарь языка Есенина. Имя существительное. Баку : Мутарджим, 2013. 588 с.

20. Юрков Е. Е. Метафора лингвокультурного кода «растения» в аспекте лингвокультурологии // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2012. № 1. С. 137–141.

Reference list

1. Banerdzhi Randzhana. Tema «maloj» i «bol'shoj» rodiny v lirike Sergeja Esenina i Rabindranata Tagora = «Small» and «big» homeland in the lyrics of Sergei Yesenin and Rabindranath Tagore // Sergej Esenin. Lichnost'. Tvorchestvo. Jepoha. Ch. III: Sb. nauch. trudov. Moskva – Konstantinovo – Rjazan' : Gosudarstvennyj muzej-zapovednik S. A. Esenina, 2018. Ser. «Esenin v XXI veke». Vyp. 6. S. 168–182.

2. Voronova O. E. Pojeticheskij kosmos S. A. Esenina v kontekste tradicij pravoslavnoj hramovoj kul'tury = Yesenin's poetic cosmos in the context of the Orthodox temple culture traditions // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly. 2016. Vyp. 2. S. 81–90.

3. Voronova O. E. «Za berjozovuju Rus'…»: pojetika eseninskogo jepiteta = «For the birch-tree of Russia...»: poetics of the Yesenin's epithet // Sovremennoe esenino vedenie. 2014, № 30. S. 24–47.

4. Gerasimenko I. A. Semantika cvetooboznachenij v pojetike S. A. Esenina = Semantics of color signifiers in S. A. Esenin's poetics. // «Sovremennoe eseninovedenie». 2019, № 3 (50). S. 59–62.

5. Dmitrieva Ju. L. Obraz mirovogo dereva skvoz' prizmu russkoj lingvokul'tury = The image of the world tree through the prism of Russian linguistic culture / Ju. L. Dmitrieva, I. A. Gerasimenko // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija «Russkij i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavanija». Moskva : Izd-vo RUDN, 2015. №4. S. 16–22.

6. Dmitrieva Ju. L. Obrazno-associativnyj komponent koncepta 'BEREZA' (na materiale proizvedenij S. Esenina) = Imaginative and associative component of the concept BIRCH-TREE (based on the works of S. Yesenin) // Lingvisticheskij vestnik: sb. nauch. tr.; [nauch. red. I. A. Gerasimenko]. Kiev : Izdatel'skij dom Dmitrija Burago, 2014. Vyp. 1. S. 64–69.

7. Dmitrieva Ju. L. Obrazno-associativnyj komponent koncepta 'VERBA' = Imaginative-associative component of the 'WILLOW' concept // Shidnoslov'jans'kafilologija. Movoznavstvo. Vip. 25. / Gorlivs'kijin.-t inozemnihmov; Donec'kij nac. un-t. Gorlivka : Vidavnictvo GIIM DVNZ «DDPU», 2013. S. 89–96.

8. Dmitrieva Ju. L. Jazykovoe voploshhenie obraza dereva (na materiale proizvedenij S. Esenina, M. Kuzmina, N. Kljueva) = Linguistic embodiment of the tree image (in the works of S. Yesenin, M. Kuzmin, N. Klyuev) // Aktual'nye problemy russkogo jazyka i metodiki ego prepodavanija: Sbornik statej XVI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moskva : Izd-vo RUDN, 2016. S. 129–132.

9. Esenin S. A. Polnoe sobranie sochinenij v semi tomah. T. 1, 2, 4 = Complete works in seven volumes. V. 1, 2, 4. Moskva : «Nauka» – «Golos», 1995.

10. Kamal' Zejnab A. Rol' fitonimov v reprezetacii hudozhestvennoj kartiny mira S.A. Esenina = The role of phytonyms in representing Yesenin's picture of the world / Kamal' Zejnab A., Charykova O. N. // Vestnik VGU. Serija Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. Voronezh, 2011. № 1. S. 78–80.

11. Nikol'skij A. A. Slovar' dialektnoj leksiki v pojezii S.A. Esenina = Dialect vocabulary in the poetry of S.A. Yesenin // «Sovremennoe eseninovedenie», 2020, № 1 (52). S. 43–48.

12. Ohlopkova E. A. Leksika prirody v lirike S. A. Esenina = The lexicon of nature in the lyrics of S. A. Yesenin // Molodoj uchenyj. 2016. № 6.4 (110.4). S. 30–32. URL: https://moluch.ru/archive/110/27271/ (data obrashhenija: 17.03.2021).

13. Samodelova E. A. Fol'klornye kommentarii k proizvedenijam Esenina: po materialam Jetnologicheskogo arhiva Rjazanskoj oblasti = Folklore commentaries on Yesenin's works: based on materials of the Ryazan Regional Ethnological Archive // Sergej Esenin. Lichnost'. Tvorchestvo. Jepoha. Ch. III: Sb. nauch. trudov. Moskva – Konstantinovo – Rjazan' : Gosudarstvennyj muzej-zapovednik S.A. Esenina, 2018. Ser. «Esenin v XXI veke». Vyp. 6. S. 335–360.

14. Skorohodov M. V. «Zadymilsja vecher, dremlet kot na bruse...» (1912). Proekt stat'i dlja «Eseninskoj jenciklopedii» = « Smoky evening, a cat is dozing on the beam...» (1912). Draft article for the «Yesenin encyclopedia» // «Sovremennoe eseninovedenie», 2019, № 3 (50). S. 20–21.

15. Smirnova L. A. Russkaja literatura XX veka = Russian literature of the XX century. Moskva : Prosveshhenie, 1999. 334 s.

16. Titova V. S. Mir dushistyh rastenij v pojezii S. A. Esenina = The world of fragrant plants in Yesenin's poetry. Moskva : Sovetskij pisatel', 2005. 167 s.

17. Cherneckaja A. A. Obraz berjozy v russkoj lingvokul'ture (na materiale proizvedenij S. A. Esenina) = The image of the birch-tree in Russian linguistic culture (on S. A. Yesenin' works) // «Sovremennoe eseninovedenie», 2018, № 3 (46). S. 101–105.

18. Chzhan Sjaocin'. Pojeticheskaja nominacija rastitel'nogo mira v lirike S. Esenina (na fone pojeticheskoj nominacii kitajskoj pojezii nachala HH veka) = Poetic naming of the plant world in S. Esenin's lyrics (against the background of the poetic names in Chinese poetry of the early XX century) // Inostrannye jazyki i jazykoznanie. URL: https://otherreferats.allbest.ru/languages/00842680_2.html (data obrashhenija: 17.03.2021).

19. Shipulina G. I. Slovar' jazyka Esenina. Imja sushhestvitel'noe = A Lexicon of Yesenin's language. Noun. Baku : Mutardzhim, 2013. 588 s.

20. Jurkov E. E. Metafora lingvokul'turnogo koda «rastenija» v aspekte lingvokul'turologii = Metaphor of the linguocultural code «plants» in the aspect of linguoculturology // Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2012. № 1. S. 137–141.

УДК 811.161.1

Н. П. Галкина **https://orcid.org/0000-0001-7019-2413**

Текстовые характеристики многокомпонентных конструкций, построенных по параллельным моделям и моделям последовательного подчинения

Для цитирования: Галкина Н. П. Текстовые характеристики многокомпонентных конструкций, построенных по параллельным моделям и моделям последовательного подчинения // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 83–90. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-83-90

Объектом исследования являются сложные предложения, имеющие в своём составе две и более придаточных части со значением условия, причины, цели, уступки, относящихся к общей категории обусловленности. Многокомпонентные предложения, выражающие тесную взаимосвязь такого рода отношений, сами по себе представляют микротекст, на примере которого можно рассмотреть проявление различных текстовых характеристик. На материале многокомпонентных сложных предложений, построенных по моделям последовательного подчинения и параллельным моделям, рассмотрены универсальные текстовые категории, свойственные любому тексту, и факультативные, присущие лишь определенным видам текста. Показано, как в пределах микротекста-предложения реализуются такие ведущие категории текста как связность, когезия, процессуальность, цельность, континуум. Анализ многокомпонентных конструкций осуществлён в триедином ключе: с учётом взаимосвязи их формы, значения и функции. Подчёркивается взаимообусловленность структурного оформления многокомпонентных сложных предложений, их содержания и коммуникативной задачи высказывания. На примере контаминированных конструкций с различными типами связи (сочинительной, подчинительной, бессоюзной) описаны разнообразные способы и приёмы, составляющие тектонические средства текстообразования. Показано, что в контексте структурно-смыслового целого главные номинативные и коммуникативные единицы системы языка слово и предложение обретают приращения смысла и превращаются в «текстослова» и «текстопредложения». Сделан вывод, что многокомпонентные сложные предложения с придаточными последовательного подчинения представляют собой микротекст, обладающий более или менее целостным смыслом. Сочетание различных типов синтаксической связи, разного рода включения, повтор, параллелизм, обеспечивающие чёткое структурное оформление сложных построений, с одной стороны, являются средствами рассредоточения смыслов, а с другой стороны, скрепляют отдельные структурно-смысловые компоненты высказывания в единое целое, создавая основу текстообразующих отношений.

Ключевые слова: лингвистика текста, текстопорождение, интенциональность, связность, придаточное предложение, парцелляция, параллелизм, обусловленность, контекстуальность.

N. P. Galkina

Textual characteristics of multicomponent structures built according to sequential subordination and parallel models

The object of the analysis is complex sentences including two or more subordinate clauses with the meaning of condition, cause, purpose, concession, which in general constitute the category of conditionality. Multicomponent sentences expressing the close interconnection of these relations represent a microtext, making it possible to study various textual characteristics. The analysis is based on the multicomponent complex sentences built according to models of sequential subordination and parallel models, and is devoted to their textual characteristics. The latter include both universal text categories inherent in any text, and optional, inherent only in certain types of text. It is shown how the main text categories such as cohesion, processuality, integrity, continuum are realized within the microtext-sentence. The interrelation of the structure of multicomponent complex sentences, their content and the communicative task of the statement is emphasized. On the example of contaminated structures with various types of connection (compositional, subordinate, asyndetic), it is shown that the combination of multiple methods and techniques constitutes tectonic means of text formation. It is confirmed that in the structural-semantic context, the main nominative and communicative units of the language system, a word and a sentence, acquire meaning increments and turn into “text words” and “text sentences”. It is concluded that multicomponent complex sentences with subordinate clauses are microtext with more or less integral meaning. The combination of various types of syntactic link, various types of inclusions, repetition,

© Галкина Н. П., 2021

parallelism, providing a clear structural form of complex constructions, on the one hand, are means of dispersing meanings, and on the other hand, they unite separate structural and semantic components of the statement into a single whole, creating the basis of text-forming relations.

Key words: text linguistics, text generation, intentionality, coherence, subordinate clause, parceling, parallelism, conditionality, contextuality.

Введение

Данная публикация продолжает серию исследований, посвящённых анализу текстовых характеристик и текстообразующих свойств сложноподчинённых предложений со значением обусловленности. Обусловленность, объединяя в себе такие значения, как условие, основание, обоснование, доказательство, целевую мотивировку, довод, стимул, аргумент, представляет тот круг отношений, который является чрезвычайно актуальным в книжных стилях (научном, публицистическом) и языке художественной литературы [Галкина, 2019; Евтюхин, 1997; Зима, 2012; Прилуцкая, 2012]. Помимо простого изложения фактов, авторам необходимо описать условия, указать причины, дать обоснование, учесть противоречия, рассмотреть нюансы, выделить главное, взвесить варианты, оценить последствия. В любом тексте эти отношения тесно связаны друг с другом, каждый последующий вытекает из предыдущего или является следующим звеном в описании и рассуждений, поэтому текстообразующие свойства предложений со значением обусловленности чрезвычайно велики [Евтюхин, 1997, с. 28]. Здесь уместно процитировать замечание М. В. Ляпон: «Если считать, что сложное предложение есть результат осмысленного соединения двух или более относительно завершенных (коммуникативно-значимых) отрезков информации, в его структуре следует искать отражение существенных характеристик текста как особой лингвистической категории» [Ляпон, 1986, с. 8].

Объектом исследования являются многокомпонентные сложные предложения (далее МСП), именуемые также полипредикативными (ПСП), усложнёнными предложениями/конструкциями. Являясь переходной структурой между сложным предложением и текстом, МСП характеризуются наличием текстовых признаков, что позволяет их рассматривать и анализировать в качестве микротекста. «Многие предложения с несколькими придаточными в произведениях художественной литературы и публицистики можно рассматривать как текст в миниатюре» [Ганцовская, 1992, с. 45]. См., исследования в этом плане Г. Ф. Калашниковой, Н. С. Ганцовской, Л. Д. Беднарской, Е. Ю. Ивковой и др. [Калашникова, 2012; Ганцовская, 1990; Ганцовская, 1992; Беднарская, 2015; Ивкова, 2018].

Следует обратить внимание на разнообразие терминологии, используемой авторами работ в области лингвистики текста, что, очевидно, связано с широтой и многоаспектностью проводимых исследований и свидетельствует об актуальности данной проблематики [Акимова, 2016; Жаббарова, 2011; Прохорова, 2007; Чернявская, 2005]. Как отмечает Т. М. Николаева, «размытость терминов и понятий лингвистики текста – не только показатель её современности, но и её онтологическая черта» [Николаева, 1978, с. 37]. Учитывая синонимичность терминов как для обозначения самого понятия «категория текста» (то же, что признак, свойство, критерий, характеристика), так и для наименования составляющих этого понятия, считаем целесообразным при описании той или иной категории отмечать синонимичные названия, указывая при этом ссылку на источник используемого термина. Одним из дискуссионных вопросов современной теории текста является вопрос о количестве и составе текстовых категорий, набор которых может варьироваться от одного (О. И. Москальская) [Москальская, 1981] до десяти (И. Р. Гальперин) [Гальперин, 1981; Гальперин, 2005] или двенадцати (В. А. Кухаренко) [Кухаренко, 1988]. В зарубежной лингвистике доминирующей признана модель текстуальности по Р. Де Богранду и В. Дресслеру, включающая семь критериев: когезию, когерентность, интенциональность, воспринимаемость, информативность, ситуативность, интертекстуальность (cohesion, coherence, intentionality, acceptability, informativity, situationality, intertextuality) [De Beaugrande, Dressler, 1981]. Отечественная наука изначально тяготела к грамматике текста, или текстообразованию, считающейся специфической отраслью именно русской версии лингвистики текста. И. Р. Гальперин в качестве текстообразующих категорий называет информативность, членимость, когезию, континуум, автосемантию, ретроспекцию, проспекцию, модальность, интеграцию и завершенность текста [Гальперин 2005, с. 22]. Несмотря на существующие разногласия, большинство лингвистов важнейшим признаком текста называют связность. Для характеристики связности текста

используются термины «когезия», «когерентность», «целостность». Отметим также, что можно выделить универсальные текстовые категории, обнаруживающиеся в любом речевом произведении, и факультативные, свойственные лишь определенным видам текста [Таюпова, 2009, с. 163; Чернявская, 2005, С. 79–82].

При анализе МСП важно иметь в виду, что синтаксическая и семантическая связь в них функционирует как связь комплексная, не между отдельными предикативными единицами, а между структурно-смысловыми частями – элементами или блоками предикативных единиц. В зависимости от сочетания различных типов синтаксической связи МСП обладают иерархией и глубиной разного уровня, в которой выделяются ведущая/доминирующая и второстепенные связи [Беднарская, 2015; Ганцовская, 1967; Калашникова, 1981; Уханов, 1984]. Следуя интегрированному подходу к изучению лингвистических явлений, мы исследуем МСП в тройственном ключе, объединяющем его семантическую природу, структурное оформление и функциональное/коммуникативное предназначение. «Характеристика каждой единицы определяется взаимообусловленностью её формы, значения и функции» [Золотова, 2001, с. 108].

Результаты исследования

В более ранней работе мы исследовали полипредикативные конструкции с двумя и более придаточными со значением обусловленности (условия, причины, цели, уступки), находящимися в отношении соподчинения к главной части. Здесь же проанализируем МСП, содержащие последовательное подчинение придаточных цели, причины, условия, а также комплексы МСП, построенные по параллельным моделям.

Рассмотрим полипредикативную конструкцию, включающую два целевых придаточных: *Стихи чрезвычайно редко и скорее ради развлечения. Или* ***для того, чтоб*** *продемонстрировать своим англоязычным коллегам,* ***что*** *я способен на это, –* ***чтобы*** *не особенно гордились* [Полухина]. В аспекте тектообразования данный микротекст содержит сложную цепочку взаимосвязанных фрагментов речи в процессе их развёртывания – реализуется признак текстуальности континуум, который И. Р. Гальперин трактует как «логическую последовательность, взаимозависимость фактов, событий, развертывающихся во времени и пространстве» [Гальперин, 1981, с. 74] (то же – процессуальность в терминах зарубежной лингвистики текста [Feilke, 2000]). Связность, цельность в содержательном плане обеспечивается различными формально-грамматическими средствами: предложное сочетание со значением цели в главном предложении (*ради развлечения*); парцеллированное придаточное, вводимое целевым союзом *для того, чтоб* в сочетании с разделительным союзом *или.* В свою очередь это придаточное последовательно включает сначала зависимую часть изъяснительного типа (второй уровень глубины), и затем к этому двухкомпонентному болку/элементу выстраивается в зависимость целевой компонент «***чтобы*** *не особенно гордились»* (третий уровень глубины). Таким образом, «мы имеем дело не с нанизыванием предикативных частей, а их «включением, инклюзивом» [Беднарская, 2015, с. 38], что обеспечивается серией построений последовательного подчинения. Г. Ф. Калашникова приводит обоснование такой структуры МСП в аспекте когнитивной лингвистики: «Структурная схема ПСП (полипредикативного сложного предложения – Н. Г.) с последовательным подчинением вербально репрезентирует смоделированный нашим сознанием фрагмент внеязыковой действительности, представляющий собой логическую цепочку связанных друг с другом иерархических явлений или ситуаций» [Калашникова, 2012б, с. 258].

Следующее предложение демонстрирует широкий текстообразующий потенциал МСП. См.: ***Поскольку*** *большинство государств упоминалось* ***только потому, что*** *там кто-то погиб или была катастрофа,* ***то*** *для новостей 2009 г. (525 новостей) построим рейтинг государств, упомянутых свыше 5 раз: США (хозяин), Украина (газ), Грузия (воевали), Иран (не любят – сами понимаете кто), КНДР (бомбу сделали), Израиль (сами понимаете почему), Сомали (пираты), Молдавия (выборы)* [Мухин, с. 27]. В формально-грамматическом плане это – многокомпонентное предложение контаминированного типа, включающее компоненты последовательного подчинения (причинные придаточные, оформленные союзами *поскольку* и *потому, что* в сочетании с частицей *только*), сочинительной связи (с союзом *или*), обособления в скобках, в целом с доминирующей бессоюзной связью. «Если МСП включает разнотипную связь или все три типа связи сразу, то доминирующей связью является

чаще всего наиболее семантически абстрактная связь» [Беднарская, 2015, с. 28]. В аспекте текстового анализа отметим в данном построении сочетание разнообразных способов и приёмов использования языковых, параязыковых, тематических, графических средств, которые, следуя терминологии Ф. Данеша и К. Гаузенбласа, можно квалифицировать как «тектонические средства текстообразования» [Цит. по: Жаббарова, 2011, с. 760]. Несомненно, эта конструкция – микротекст, обладающий процессуальностью, связностью, цельностью, информативностью. Принимая во внимание тезис немецкого учёного Г. Фатера о том, что текст, содержащий известное, не является информативным так же, как и текст, сообщающий только неизвестное [Фатер, 1994, с. 55], подчеркнём, что информативность как признак текстуальности обеспечивается не просто изложением какой-то информации, а соответствующим коммуникативной ситуации отражением (явно или не явно, прямо или косвенно) степени её новизны, важности для адресата. Как видно, в данном примере включения в скобках способствуют расстановке акцентов и приоритетов в излагаемой информации. Здесь также реализуется интенциональность, т.е. обусловленность содержания высказывания коммуникативной задачей, поскольку ясно транслируется авторский посыл (*построим рейтинг государств)*. Данный фрагмент интересен ещё и тем, что демонстрирует текстовые характеристики, которые не всегда встречаются на уровне микротекста, и даже на уровне текста. Он позволяет, например, прокомментировать тезис о том, что «входя в структурно-смысловое текстовое целое, главные номинативные и коммуникативные единицы системы языка слово и предложение превращаются в «текстослова» и «текстопредложения» [Гончарова, 2003, с. 12]. Семантика «текстослов» может значительно отличаться от семантики изолированных слов: даже у самой нейтральной единицы, включенной в высказывание/текст, возможны семантические приращения [Чернявская, 2005, с. 79]. Как видится, в анализируемом МСП слова, обособляемые в скобках, действительно имеют такие приращения, являясь в данном случае ключевыми словами авторского комментария (по поводу включённых в рейтинг стран), не высказанного полностью, а позволяющего читателю самому «домыслить» рассуждение автора. Аналогично, именно в контексте всего сложного построения и в экстралингвистическом контексте, предполагающем фоновые знания читателя, обретают смысл неполнооформленные, обращённые к читателю предложения, заключённые в скобки (*не любят – сами понимаете кто; бомбу сделали; сами понимаете почему).* Тем самым достигаются функционально-прагматические (коммуникативные) свойства текста, особенно важные для публицистического произведения: адресность (обращение к читателю), диалогичность (включение читателя в акт коммуникации), эмотивность (экспрессивное воздействие на читателя). Приведём высказывания и выводы исследователей по данному вопросу: «Интенциональность как обусловленность текстового целого коммуникативной целью тесно связана с адресованностью, т.е. коммуникативно-прагматической направленностью на адресата» [Чернявская, 2005, с.78]. У других авторов свойство текста, учитывающее фактор адресата трактуется как «приемлемость/ воспринимаемость» [Жаббарова, 2011, с. 760] (в переводе с английского «acceptability» [De Beaugrande, Dressler, 1981]. В. Е. Чернявская рассматривает текстопорождение и текстовосприятие как двусторонний диалектический процесс, в котором «именно текст является тем механизмом, который запускает в действие когнитивные процессы его восприятия и декодирования», и заключает при этом: «Ни адресантоцентричная позиция в анализе («важно только то, что хотел сказать в тексте автор»), ни адресатоцентричный подход («важно, что и как может увидеть в тексте адресат»), взятые изолированно, не дали бы ответ на многие поставленные вопросы» [Чернявская, 2005, с. 83].

Наконец, рассмотрим МСП и комплексы МСП, построенные по параллельным моделям. Вот, например, конструкции, состоящие из двух или более СПП одинакового типа (в данном случае целевого) в составе МСП. См.: *Да, преступнику порой нужно пошевелить мозгами,* ***чтобы*** *совершить преступление, нужно иметь дерзость,* ***чтобы*** *пойти на него* [Мухин, с. 30]. *Но разве меньше ума требуется воину,* ***чтобы*** *задумать подвиг, мало того, еще и в условиях ограничения времени и неясности ситуации боя, и разве меньше ему требуется храбрости,* ***чтобы*** *подвиг совершить?* [Мухин, с. 30]. Параллелизм, лексико-грамматический повтор являются средствами структурной организации текста, средствами рассредоточения смыслов. «Некоторая последовательность знаков на том основании может расцениваться как связная, что имеет место повторяемость различных знаков, их форм, а

также смыслов; повторяясь, они скрепляют, «сшивают» такую последовательность в отдельное целое» [Лукин, 1999, с. 22]. О разнообразных видах повтора, как средства когезии в МСП на материале художественного текста пишет Н. С. Ганцовская [Ганцовская, 1992, с. 40–45]. В последнем из приведённых примеров вопросительная форма всего построения обеспечивает также высказыванию адресность и диалогичность.

Далее приводим МСП контаминированного типа, содержащее параллелизм условных СПП, которые в свою очередь имеют в составе параллельные изъяснительные придаточные: *Видимо, с ней дело обстояло так:* ***если*** *она имеет какой-то документ с сайта «kompromat.ru» или ей документ принесут и скажут, что это компромат,* ***то тогда*** *и ей будет понятно, что это такое, но* ***если*** *она получила сведения без указания, что это компромат,* ***то*** *сама не способна понять их компрометирующий смысл* [Мухин, с. 58]. Как мы уже говорили выше, рассматривая связь не между отдельными предикативными единицами, а между структурно-смысловыми частями (элементами или блоками предикативных единиц), определяем доминирующую связь, которая является наиболее абстрактной. В данном случае это сочинительная связь (одноуровневая) между двумя поставленными в противительные отношения (соединяются союзом *но)* условно-следственными предложениями, которые в свою очередь составляют блоки/элементы первого уровня глубины и включают изъяснительные придаточные второго уровня глубины (подчинения). Как отмечает Н. С. Ганцовская, «сложную перекличку предикативных единиц можно считать доминантой смысловых отношений, доминантой текстообразующих отношений» [Ганцовская, 1992, с. 42].

См. ещё более отчетливо структурированный микротекст, состоящий из нескольких условных предложений, связанных воедино одинаковым типом построения: *Сейчас же зададимся вопросом по главе.* ***Если*** *тебе поставляют для размышления информацию, на основании которой ты не способен принять полезное тебе решение, – это тирания?* ***Если*** *ты на основании этой информации сам принимаешь решение, положим на «свободных» выборах, нужное паразитирующему на тебе тирану, – это тирания? И* ***если*** *тебе эту губительную для тебя информацию поставляет по своей глупости дурак, – это тирания глупости?* [Мухин, с. 64]. Синтаксический повтор и параллелизм однотипных (условных) сложноподчинённых предложений, развёртывание и градация заложенных в них смыслов *(не способен принять решение – принимаешь решение – губительную для тебя информацию)* способствуют реализации общего требования упорядоченности и иерархичности структуры, которая «является безусловной доминантой процесса текстообразования» [Акимова, 2016, с. 8]. Как и в случае, указанном выше (с. 9), автор прибегает к форме риторических вопросов, чем обеспечивает диалогичность, адресность, эмотивность.

В контексте данного исследования представляет интерес следующая конструкция: *Люди придумали телескопы, посмотрели на Юпитер, и вот оно, Большое красное пятно. Большое –* ***потому что*** *оно больше Земли. Красное –* ***потому что*** *оно красное. Пятно –* ***потому что*** *пятно* [Арсюхин]. С точки зрения текстообразования отметим здесь процессуальность, развертывание мысли, которое сопровождается лексическим и грамматическим повтором и параллельными конструкциями причинных СПП. «В высказываниях, расчленённых на три и большее количество фраз, гораздо чаще, чем в парцеллированных высказываниях с однократным членением, используются дополнительные средства связи между частями: повторы, синтаксический параллелизм и др.» [Зима, 2012, с. 143]. В то же время, чтобы понять мотивацию такого построения, на наш взгляд, следует обратиться к более широкому контексту. Действительно, такое обращение раскрывает иронический стиль автора данного текста, заключающийся в противопоставлении очевидных, известных явлений их «апокалиптической» интерпретации. Таким образом, обнаруживается контекстуальность (в других терминах – ситуативность), показывающая, что текст функционирует не как чисто языковая, но как социально-языковая структура, обусловленная экстралингвистическими факторами [Жаббарова, 2011, с. 759–760]. «Целостность текста может и должна быть объяснена только при учёте его контекстуальных связей и зависимостей, социокультурного, психологического, исторического и прочих факторов, сплетенных с собственно лингвистическими» [Чернявская, 2005, с. 81].

Заключение

Многокомпонентные сложноподчинённые предложения с придаточными последовательного подчинения, выражающими различные значения обусловленности, представляют собой мик-

ротекст, обладающий более или менее целостным смыслом. Сочетание различных типов синтаксической связи, разного рода включения, повтор, параллелизм, обеспечивающие чёткое структурное оформление сложных построений, с одной стороны, являются средствами рассредоточения смыслов, а с другой стороны, скрепляют отдельные структурно-смысловые компоненты высказывания в единое целое, создавая основу текстообразующих отношений.

Библиографический список

1. Акимова Э. Н. Лингвистика текста в диахронии и синхронии // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер.2. Языкознание. 2016. Т. 15. №2. С. 7–17.
2. Арсюхин Е. Юпитер как бы намекает, что наше время истекает // Комсомольская правда. URL: https://www.ural.kp.ru/daily/26980/4039183/ (дата обращения 25.04.2021).
3. Беднарская Л. Д. Закономерности грамматического членения многокомпонентных сложных предложений : монография. 2-е изд., стер. Москва : ФЛИНТА, 2015. 152 с.
4. Галкина Н. П. Сложноподчиненные предложения со значением обусловленности в современной публицистике // Верхневолжский филологический вестник. 2019. №4 (19). С. 100–104.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва : Наука, 1981. 138 с.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 3-е изд. Москва : УРСС Эдиториал, 2005. 144 с.
7. Ганцовская Н. С. О типах содержательной информации в композиционной структуре усложнённых сложноподчинённых предложений // Исследования по семантике русского языка: Межвузовский сб. науч. работ. Кострома, 1990. С. 130–137.
8. Ганцовская Н. С. Текстообразующая роль репризы как средства когезии в усложненном сложноподчиненном предложении в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // Язык и стиль Л. Н. Толстого: Межвузовский сб. науч. трудов. Тула, 1992. С. 40-45.
9. Ганцовская Н. С. Многокомпонентные сложноподчинённые предложения в научном стиле современного русского языка. Москва, 1967. 19 с.
10. Гончарова Е. А. Еще раз о стиле как объекте современного языкознания // Текст – Дискурс – Стиль. Санкт-Петербург, 2003.
11. Евтюхин В. Б. Категория обусловленности в современном русском языке. Санкт-Петербург, 1997. 198 с.
12. Жаббарова Ф. У. Категории текста // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16 № 3. С. 759–762.
13. Зима Е. В. Функционирование придаточных детерминантных в полипредика-тивном сложном предложении // Развитие теории ПСП в русле традиций Харьковской лингвистической школы: Коллективная монография. Выпуск III. Харьков : ХНПУ им. Г. С. Сковороды, 2012. С. 144–150.
14. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Москва, 2001. 368 с.
15. Ивкова Е. Ю. Текст как фактор композиционного развёртывания усложнённых сложноподчинённых предложений в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» // Наследие Л. Н. Толстого в парадигмах современной гуманитарной науки. Сборник материалов XXXVI Международных Толстовских чтений, посвященных 190-летию со дня рождения Л. Н. Толстого. Тула, 2018. С. 240–244.
16. Калашникова Г. Ф. История изучения полипредикативных (многокомпонентных) сложных предложений // Развитие теории ПСП в русле традиций Харьковской лингвистической школы: Коллективная монография. Выпуск III. Харьков : ХНПУ им. Г. С. Сковороды, 2012а. С. 9–19.
17. Калашникова Г. Ф., Палатовская Е. В. Репрезентация внеязыковой действительности в структурной схеме полипредикативного сложного предложения // Развитие теории ПСП в русле традиций Харьковской лингвистической школы: Коллективная монография. Выпуск III. Харьков : ХНПУ им. Г. С. Сковороды, 2012б. С. 253–258.
18. Калашникова Г. Ф. Многокомпонентные сложные предложения с союзной связью в современном русском языке. Днепропетровск, 1981. 43 с.
19. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. Москва : Высшая школа, 1988. 190 с.
20. Лукин В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. Москва : Ось-89, 1999. 192 с.
21. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. Москва : Наука, 1986. 200 с.
22. Москальская О. И. Грамматика текста. Москва : Высшая школа, 1981. 183 с.
23. Мухин Ю. И. Тирания глупости. URL: https://www.libfox.ru/310970-yuriy-muhin-tiraniya-gluposti.html#book (дата обращения: 19.06. 2019).
24. Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. Москва : Прогресс, 1978. Вып. 8. С. 5–39.
25. Полухина В. Иосиф Бродский. Большая книга интервью. URL: http://rubooks.net/book.php?book=7351 (дата обращения: 20.04. 2019).
26. Прилуцкая Я. Н. Сложные предложения с разноскрепным подчинением в современном русском языке // Развитие теории ПСП в русле традиций Харьковской лингвистической школы: Коллективная монография. Выпуск III. Харьков : ХНПУ им. Г. С. Сковороды, 2012. С. 75–92.
27. Прохорова А. А. Теоретические проблемы текста и текстообразования // Вестник ИГЭУ. 2007. Вып. 1.

28. Таюпова О. И. Текст как система категорий // Немецкий язык в Башкортостане: проблемы и перспективы: Материалы 4-ой научно-практической конференции. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. С. 163–165.

29. Уханов Г. П. Синтаксические связи в сложных полипредикативных предложениях // Предложение как многоаспектная единица языка. Москва, 1984. С. 77–88.

30. Чернявская В. Е. Когнитивная лингвистика и текст: необходимо ли новое определение текстуальности? // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. №2 (005). С. 77–83.

31. De Beaugrande R. A., Dressler W. Introduction to text linguistics. London: Longman, 1981.

32. Feilke H. Die pragmatische Wende in der Linguistik // Text- und Gesprächslinguistik, Hg, K.Brinker etc. Berlin, N.Y., 2000.

33. Vater H. Einführung in die Textlinguistik. 2., überab. Aufl. München: Fink, 1994. 203 S.

Reference list

1. Akimova Je. N. Lingvistika teksta v diahronii i sinhronii = Text linguistics in diachrony and synchrony // Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser.2. Jazykoznanie. 2016. T. 15. №2. S. 7–17.

2. Arsjuhin E. Jupiter kak by namekaet, chto nashe vremja istekaet = Jupiter is kind of hinting that our time is running out // Komsomol'skaja pravda. URL: https://www.ural.kp.ru/daily/26980/4039183/ (data obrashhenija 25.04.2021).

3. Bednarskaja L. D. Zakonomernosti grammaticheskogo chlenenija mnogokomponentnyh slozhnyh predlozhenij = Grammatical segmentation of multicomponent complex sentences: monografija. 2-e izd., ster. Moskva : FLINTA, 2015. 152 s.

4. Galkina N. P. Slozhnopodchinennye predlozhenija so znacheniem obuslovlennosti v sovremennoj publicistike = Complex sentences with the meaning of conditionality in modern journalism // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2019. №4 (19). S. 100–104.

5. Gal'perin I. R. Tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovanija = Text as a subject of linguistic research. Moskva : Nauka, 1981. 138 s.

6. Gal'perin I. R. Tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovanija = Text as a subject of linguistic research. 3-e izd. Moskva : URSS Jeditorial, 2005. 144 s.

7. Gancovskaja N. S. O tipah soderzhatel'noj informacii v kompozicionnoj strukture uslozhnjonnyh slozhnopodchinjonnyh predlozhenij = On the types of meaningful information in the composition of complex subordinate sentences // Issledovanija po semantike russkogo jazyka: Mezhvuzovskij sb. nauch. rabot. Kostroma, 1990. S. 130–137.

8. Gancovskaja N. S. Tekstoobrazujushhaja rol' reprizy kak sredstva kogezii v uslozhnennom slozhnopodchinennom predlozhenii v romane L. N. Tolstogo «Voskresenie» = The text-forming role of reprise as a means of cohesion in complex subordinate sentences in Leo Tolstoy's novel Resurrection // Jazyk i stil' L. N. Tolstogo: Mezhvuzovskij sb. nauch. trudov. Tula, 1992. S. 40-45.

9. Gancovskaja N. S. Mnogokomponentnye slozhnopodchinjonnye predlozhenija v nauchnom stile sovremennogo russkogo jazyka = Multicomponent complex sentences in the scientific style of modern Russian. Moskva, 1967. 19 s.

10. Goncharova E. A. Eshhe raz o stile kak ob#ekte sovremennogo jazykoznanija = Once again about style as an object of modern linguistics // Tekst – Diskurs – Stil'. Sankt-Peterburg, 2003.

11. Evtjuhin V. B. Kategorija obuslovlennosti v sovremennom russkom jazyke = The category of conditionality in modern Russian. Sankt-Peterburg, 1997. 198 s.

12. Zhabbarova F. U. Kategorii teksta = Text categories // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2011. T. 16 № 3. S. 759–762.

13. Zima E. V. Funkcionirovanie pridatochnyh determinantnyh v polipredika-tivnom slozhnom predlozhenii = Functioning of determinative clauses in a polypredicative complex sentence // Razvitie teorii PSP v rusle tradicij Har'kovskoj lingvisticheskoj shkoly: Kollektivnaja monografija. Vypusk III. Har'kov : HNPU im. G. S. Skovorody, 2012. S. 144–150.

14. Zolotova G. A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa = Communicative aspects of the Russian syntax. Moskva, 2001. 368 s.

15. Ivkova E. Ju. Tekst kak faktor kompozicionnogo razvjortyvanija uslozhnjonnyh slozhnopodchinjonnyh predlozhenij v romane-jepopee L. N. Tolstogo «Vojna i mir» = Text as a factor in the compositional development of complex subordinate sentences in Leo Tolstoy's epic novel War and Peace // Nasledie L. N. Tolstogo v paradigmah sovremennoj gumanitarnoj nauki. Sbornik materialov XXXVI Mezhdunarodnyh Tolstovskih chtenij, posvjashhennyh 190-letiju so dnja rozhdenija L. N. Tolstogo. Tula, 2018. S. 240–244.

16. Kalashnikova G. F. Istorija izuchenija polipredikativnyh (mnogokomponentnyh) slozhnyh predlozhenij = History of studying poly-predicative (multi-component) complex sentences // Razvitie teorii PSP v rusle tradicij Har'kovskoj lingvisticheskoj shkoly: Kollektivnaja monografija. Vypusk III. Har'kov : HNPU im. G. S. Skovorody, 2012a. S. 9–19.

17. Kalashnikova G. F., Palatovskaja E. V. Reprezentacija vnejazykovoj dejstvitel'nosti v strukturnoj sheme polipredikativnogo slozhnogo predlozhenija = Representation of extra-linguistic reality in the structural scheme of a poly-predicative complex sentence // Razvitie teorii PSP v rusle tradicij Har'kovskoj lingvisticheskoj shkoly: Kollektivnaja monografija. Vypusk III. Har'kov : HNPU im. G. S. Skovorody, 2012b. S. 253–258.

18. Kalashnikova G. F. Mnogokomponentnye slozhnye predlozhenija s sojuznoj svjaz'ju v sovremennom russkom jazyke = Multi-component compound sentences with conjunctions in modern Russian. Dnepropetrovsk, 1981. 43 s.

19. Kuharenko V. A. Interpretacija teksta = Text in-

terpretation. Moskva : Vysshaja shkola, 1988. 190 s.

20. Lukin V. A. Hudozhestvennyj tekst: Osnovy lingvisticheskoj teorii i jelementy analiza = Literary text: Basic linguistic theory and elements of analysis. Moskva : Os'-89, 1999. 192 s.

21. Ljapon M. V. Smyslovaja struktura slozhnogo predlozhenija i tekst. K tipologii vnutritekstovyh otnoshenij = The semantic structure of a complex sentence and the text. On the typology of intratextual relations. Moskva : Nauka, 1986. 200 s.

22. Moskal'skaja O. I. Grammatika teksta = Grammar of the text. Moskva : Vysshaja shkola, 1981. 183 s.

23. Muhin Ju. I. Tiranija gluposti = Tyranny of Stupidity. URL: https://www.libfox.ru/310970-yuriy-muhin-tiraniya-gluposti.html#book (data obrashhenija: 19.06. 2019).

24. Nikolaeva T. M. Lingvistika teksta. Sovremennoe sostojanie i perspektivy = Text Linguistics. Modern condition and perspectives // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Moskva : Progress, 1978. Vyp. 8. S. 5–39.

25. Poluhina V. Iosif Brodskij. Bol'shaja kniga interv'ju = Joseph Brodsky. The big book of interviews. URL: http://rubooks.net/book.php?book=7351 (data obrashhenija: 20.04. 2019).

26. Priluckaja Ja. N. Slozhnye predlozhenija s raznoskrepnym podchineniem v sovremennom russkom jazyke = Complex sentences with multiple-subordinate clauses in modern Russian // Razvitie teorii PSP v rusle tradicij Har'kovskoj lingvisticheskoj shkoly: Kollektivnaja monografija. Vypusk III. Har'kov : HNPU im. G. S. Skovorody, 2012. S. 75–92.

27. Prohorova A. A. Teoreticheskie problemy teksta i tekstoobrazovanija = Theoretical problems of text and text formation // Vestnik IGJeU. 2007. Vyp. 1.

28. Tajupova O. I. Tekst kak sistema kategorij = Text as the system of categories // Nemeckij jazyk v Bashkortostane: problemy i perspektivy: Materialy 4-oj nauchno-prakticheskoj konferencii. Ufa: RIC BashGU, 2009. S. 163–165.

29. Uhanov G. P. Sintaksicheskie svjazi v slozhnyh polipredikativnyh predlozhenijah = Syntactic relations in complex poly-predicative sentences // Predlozhenie kak mnogoaspektnaja edinica jazyka. Moskva, 1984. S. 77–88.

30. Chernjavskaja V. E. Kognitivnaja lingvistika i tekst: neobhodimo li novoe opredelenie tekstual'nosti? = Cognitive linguistics and text: is a new definition of textuality necessary? // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2005. №2 (005). S. 77–83.

31. De Beaugrande R. A., Dressler W. Introduction to text linguistics. London: Longman, 1981.

32. Feilke H. Die pragmatische Wende in der Linguistik // Text- und Gesprächslinguistik, Hg, K.Brinker etc. Berlin, N.Y., 2000.

33. Vater H. Einführung in die Textlinguistik. 2., überab. Aufl. München: Fink, 1994. 203 S.

УДК 81-1

И. Г. Родионова **https://orcid.org/0000-0002-8735-0040**

Предложения со значением ирреального условия в «Повести о жизни» К. Г. Паустовского

Для цитирования: Родионова И. Г. Предложения со значением ирреального условия в «Повести о жизни» К. Г. Паустовского // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 91–100. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-91-100

Цель статьи состоит в выявлении и описании структурно-семантических и функциональных особенностей ирреально-условных сложноподчинённых предложений с союзом *если* в автобиографической «Повести о жизни» К. Г. Паустовского.

Во введении отмечается важная роль синтаксических единиц в выражении авторского замысла в автобиографическом тексте, а также говорится о неослабевающем научном интересе грамматистов к изучению особенностей функционирования сложноподчинённых предложений со значением условия в текстах разных стилей как в синхронном, так и в диахронном аспектах.

В основной части статьи даётся определение ирреального условия, отмечается, что формальным показателем его семантики в сложноподчинённом предложении является наличие в главной и придаточной частях формы с частицей *бы*. Обращается внимание на осложнение значения ирреального условия разнообразными оттенками: желательности, предположения, возможности, уступки, сравнения, а также фатическим оттенком. Каждый структурно-семантический тип предложений анализируется с точки зрения особенностей семантики, структуры, способов выражения главных членов, лексической наполняемости. Названы средства усиления семантики ирреального условия, среди которых частицы, междометия, восклицательная интонация и др.

Делается вывод о том, что использование предложений данного типа в автобиографическом тексте, с одной стороны, позволяет автору максимально точно передать идейный замысел произведения, отразить своё восприятие событий и ход мыслей персонажей при выражении их интенций. С другой стороны, употребление предложений с союзом *если* со значением ирреального условия, осложнённого различными семантическими оттенками, показывает возможности грамматической системы современного русского языка, позволяющей говорящему или пишущему передать тончайшие оттенки смысла при отражении объективной действительности.

Ключевые слова: сложноподчинённое предложение, семантика, ирреальное условие, желательность, предположение, возможность, союз, частица, автобиографический текст.

I. G. Rodionova

Sentences with the meaning of irreal condition in K. G. Paustovsky's The Tale of Life

The purpose of the article is to identify and describe structural, semantic and functional features of irreal-conditional complex sentences with the conjunction «если» (if) in the autobiographical Tale of Life by K. G. Paustovsky.

In the introduction, the author notes the important role of syntactic units in expressing the author's intention in autobiographical text, and points out the constant scientific interest in studying the functioning of complex subordinate sentences with conditional meaning in texts of different styles in both synchronic and diachronic aspects.

The main part of the article defines the irreal condition and notes that a formal indicator of its semantics in a complex sentence is the presence of the form with the particle «бы» (would) in the main and subordinate clauses. Attention is drawn to the complication of the irreal condition meaning with various connotations: desirability, supposition, possibility, concession, comparison, as well as a phatic aspect. Each structural-semantic type of sentences is analyzed in terms of specific semantics, structure, ways of expressing the main sentence parts, and lexical content. The author names the means of strengthening the semantics of the irreal condition, including particles, interjections, exclamatory intonation, etc.

The conclusion is made that the use of sentences of this type in an autobiographical text, on the one hand, allows the author to convey the message of the work as accurately as possible, to express his perception of events and the

© Родионова И. Г., 2021

characters' thoughts and intentions. On the other hand, the use of sentences with the conjunction «если» (if) with the meaning of irreal condition, with different semantic connotations, shows the capacity of the modern Russian grammar system, which allows the speaker or writer to convey the finest shades of meaning in portraying objective reality.

Key words: complex sentence, semantics, irreal condition, desirability, assumption, possibility, conjunction, particle, autobiographical text.

Введение

Для передачи коммуникативного замысла автор любого текста из богатого арсенала средств русского языка отбирает те, которые могут наиболее точно выразить его интенции. Немалая роль при этом принадлежит средствам синтаксиса. «Синтаксические единицы текста отбираются и выстраиваются автором в соответствии с основной задачей – обеспечить максимальное понимание со стороны читателя, донести до него не только фактуальное содержание текста, но и субъективное отношение к этому содержанию», – считает А. В. Канафьева [Канафьева, 2012, с. 218].

Особое значение выбор той или иной синтаксической единицы приобретает в художественном автобиографическом произведении, в котором ярко выражено личностное начало и описываемые события показаны через призму авторского восприятия.

Особенности использования синтаксических единиц в автобиографических текстах разных стилей и жанров находятся в центре внимания ряда исследователей. Так, Н. А. Герасименко, говоря об особой роли языка в сохранении мыслей, ощущений, впечатлений, отмечает: «Синтаксическая конструкция как форма существования смысла ограняет его, делает возможным его понимание» [Герасименко, 2020, с. 10]. По мнению Ю. В. Шведовой, в автобиографическом тексте «именно синтаксис является наиболее показательным аспектом <…> для характеристики языковых установок автора и его уровня владения книжной грамматической нормой» [Шведова, 2005, с. 71]. А. М. Зотьева утверждает, что при выражении образа автора в автобиографическом произведении особенно велика роль синтаксического уровня, поскольку «именно этот уровень наиболее тесно связан с процессом мышления» [Зотьева, 2012, с. 189]. К. А. Лыков отмечает, что в тексте автобиографии «способность размышлять, логически выстраивать монолог и диалог так, чтобы решать поставленные прагматические задачи, то есть быть понятым большинством читателей, во многом зависят от синтаксиса текста» [Лыков, 2013, с. 114].

Таким образом, важная роль синтаксических единиц в выражении авторских интенций в автобиографическом тексте неоднократно подчёркивалась лингвистами.

С другой стороны, научный интерес учёных направлен на изучение особенностей функционирования сложноподчинённых предложений со значением условия в текстах разных стилей как в синхронном, так и в диахронном аспектах. Например, в работе И. Ю. Куксы делается вывод о том, что в условных сложноподчинённых предложениях «неизбежны и очевидны модальные пересечения, наслоения, «переливы», причина которых кроется в структурно-смысловых особенностях синтаксических конструкций в рамках газетного текста» [Кукса, 2012, с. 23]. Об активном использовании сложноподчинённых предложений со значением условия в современной публицистике говорит Н. П. Галкина. По её подсчётам, из 1100 сложноподчинённых предложений со значением обусловленности, извлечённых из произведений публицистического стиля различных жанров, 42 % занимают условные конструкции [Галкина, 2019, с. 101]. И. Б. Грузнова в ходе исследования структурно-семантического своеобразия и функций сложных предложений с условными придаточными в художественной речи Е. Гришковца отмечает, что «обращение автора к отдельным конструкциям отражает особенности его художественной манеры, способствует более полной и точной передаче замысла произведения» [Грузнова, 2017, с. 235].

Анализ синтаксиса автобиографического произведения К. Г. Паустовского «Повесть о жизни» показал активное использование в нём сложноподчинённых предложений с союзом *если*, выражающих общую семантику условия, которая может осложняться различными смысловыми оттенками. При необходимости усилить акцент на главной части, называющей следствие, используется вторая часть составного союза – *то*: *Кто знает,* ***если бы*** *они* ***не были пропитаны*** *с детства морем, солнцем, причудливым бытом и южным весельем,* ***то****, может быть, из них не вышли бы писатели*.

Одним из значений сложноподчинённых предложений с союзом *если* является значение ирреального условия.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении и описании структурно-семантических и функциональных особенностей ирреально-условных сложноподчинённых предложений с союзом *если* в «Повести о жизни» К. Г. Паустовского.

Актуальность выбора предмета исследования объясняется, во-первых, частотностью употребления названных предложений в рассматриваемом произведении; во-вторых, многообразием их значений при передаче тончайших оттенков смысла; в-третьих, особой ролью предложений данного типа в автобиографическом тексте: в речи автора-рассказчика они передают особенности его восприятия действительности, позволяют его глазами увидеть и проследить условно-следственную связь между событиями, фактами, явлениями, действиями; в-четвёртых, возможностью дополнить авторское видение ситуации при употреблении в речи персонажей. Классификация названных предложений, основанная на их структуре и семантике, позволит «вскрыть и показать более глубоко и разносторонне явления языка с учётом многоаспектности и многомерности» [Бабайцева, 1975, с. 127] данной синтаксической единицы.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) выделить в тексте «Повести о жизни» К. Г. Паустовского сложноподчинённые предложения с союзом *если* со значением ирреального условия;

2) описать оттенки значения сложноподчинённых ирреально-условных предложений с союзом *если*;

3) охарактеризовать структурно-семантические типы рассматриваемых предложений с учётом способа выражения главных членов и лексического наполнения;

4) выявить средства усиления семантики ирреального условия.

Значение ирреального условия в системе значений сложноподчинённых предложений с союзом *если*

Значение ирреального условия сложноподчинённых предложений с союзом *если* противопоставлено значению реального условия, которое способны выражать предложения данного типа. **Ирреальное условие** – это условие, о возможности реализации которого говорящий или пишущий не может с уверенностью заявить; «и то, о чём говорится в главной части, не имеет места, оно лишь возможно, желательно» [Крючков, Максимов, 1977, с. 101]. По словам А. А. Шахматова, в сложноподчинённом предложении с ирреально-условным придаточным «наступление возможности осуществить то или иное предположение ставится в зависимость от другой мысли» [Шахматов, 2006, с. 103].

Формальным показателем семантики ирреального условия является наличие в главной и придаточной частях формы с частицей *бы*. «В этом типе условных предложений употребляется сослагательное наклонение как в главном, так и в придаточном», – отмечает А. Н. Гвоздев [Гвоздев, 1973, с. 283].

Сложноподчинённые предложения с придаточным ирреально-условным широко представлены в автобиографическом произведении К. Г. Паустовского «Повесть о жизни»: ***Если бы*** *вещи* ***могли ожить, то*** *какой кавардак они* ***бы внесли*** *в наши отношения и как* ***бы могла обогатиться*** *история*; ***Если бы можно****, я* ***поселился бы*** *в уголке любого товарного вагона и* ***странствовал бы*** *с ним*; ***Если бы не было*** *памяти, мы* ***бы жили****, как слепые кроты*.

В ходе исследования предложений данного типа применялись следующие **методы**: сплошной выборки, лингвистического наблюдения и описания, семантического анализа, трансформационного анализа.

Значение ирреального условия в сложноподчинённых предложениях может осложняться различными смысловыми оттенками. Данный факт находит отражение в тексте «Повести о жизни» К. Г. Паустовского и подкрепляется теоретическими сведениями в научных источниках: «Указанное отношение между главным и придаточным предложениями может осложняться рядом дополнительных оттенков» [Грамматика русского языка, 1954, с. 323]; «Развитие добавочных смысловых компонентов в условном предложении связано с изменением модальных характеристик придаточной части» [Синтаксис современного русского языка, 2013, с. 305]. В «Грамматике русского языка» (1954) отмечается, что ирреальным является условие, «которое отсутствует и представляется лишь желательным, предполагаемым или возможным» [Грамматика русского языка, 1954, с. 328].

В ходе анализа языкового материала были выделены ирреально-условные сложноподчинённые предложения с основными оттенками, названными в «Грамматике русского языка» (1954): желательности, предположения и возможности, а также с дополнительными оттенка-

ми: уступительным, сравнительным и фатическим.

Ирреально-условные сложноподчинённые предложения с оттенком желательности

Вслед за Е. В. Алтабаевой мы понимаем желательность как «находящее то или иное языковое выражение эмоционально-волевое проявление потребности субъекта в осуществлении той или иной потенциальной ситуации, предпочитаемой прочим» [Алтабаева, 2019а, с. 40]. В «Повести о жизни» К. Г. Паустовского предпочтение желаемой потенциальной ситуации прочим выражается лексемами, репрезентирующими положительную оценку: ***Хорошо было бы***, ***если бы*** *я, человек, как видно, литературный,* ***написал*** *листовку, а они, рабочие,* ***проверили бы*** *её и* ***«пустили в ход»***. Такие лексемы находятся в главной части, называющей потенциальное следствие при реализации желаемого условия, которое описано в придаточной части. Ср.: «Оптативные суждения – это суждения о фрагментах возможного, иного мира как желаемых для субъекта и позитивно им оцениваемых» [Алтабаева, 2019б, с. 206]. Придаточное со значением ирреального условия с оттенком желательности может занимать любую позицию по отношению к главной части: *Мама писала, что они с Галей очень довольны жизнью в Копани, много возятся с землёй и хозяйством, и* ***было бы*** *хорошо,* ***если бы*** *я к ним* ***приехал***; *В этом морском доме никто не жил.* ***Если бы*** *мне* ***разрешили*** *поселиться в нём,* ***то*** *я, конечно,* ***счёл бы*** *себя* ***счастливейшим человеком***.

Оттенок желательности ирреально-условных сложноподчинённых предложений в «Повести о жизни» К. Г. Паустовского усиливают следующие грамматические средства экспрессивности в речи автора-повествователя и в речи персонажей:

а) оформление предложения как риторического восклицания. «Очевидно, что кроме глагольной категории наклонения и модальных слов в передаче ирреальных наклонений участвуют союз *если*, частица *бы* и, конечно, интонация», – считает Г. А. Золотова [Золотова, 2008, с. 20]. По словам П. А. Леканта, восклицательная интонация «даёт говорящему возможность выразить не только общую эмоциональную окраску, но и все оттенки, все детали личного отношения» [Лекант, 2012, с. 299], предъявление которого особенно заметно в автобиографическом произведении: *Боже мой,* ***если бы*** *кто-нибудь* ***догадался подарить*** *мне хотя бы кусок окаменелой ржавчины, отбитой от старого якоря! Я* ***бы хранил*** *его, как драгоценность*. Приём парцелляции, используемый К. Г. Паустовским, передаёт особенности разговорной речи, акцентируя внимание на главной и придаточной частях предложения, которые трансформируются в самостоятельные высказывания. Для говорящего важно как само желание, так и потенциальный результат его реализации;

б) использование фигуры умолчания – исключение из сложноподчинённого предложения главной части, в которой должна называться ситуация как результат потенциально исполненного желания. По мнению Б. Ю. Нормана, молчание «часто нуждается в контекстуальном (словесном) разъяснении, иначе собеседники могут по-разному это молчание расценить» [Норман, 2017, с. 123]. Однако в случае использования конструкции со значением желательности как выражения не индивидуального, а общечеловеческого желания коммуникация не нарушается, поскольку возможный результат прогнозируется коммуникантами, а само высказывание приобретает афористичный характер: ***О, если бы*** *человеку* ***дано было*** *понимать эти ошибки не задним числом, когда ничто уже не поможет!*;

в) междометия и частицы-интенсификаторы, которые передают эмоциональное напряжение говорящего: ***Как бы хорошо было****, Костик,* ***если бы*** *ты* ***остался*** *с нами совсем*.

Ирреально-условные сложноподчинённые предложения с оттенком предположения

О возможности реализации ирреально-условными предложениями оттенка предположения, или гипотетичности, говорят разные учёные: «Гипотетические условные предложения устанавливают обусловленность одного действия (или явления, или суждения) другим в виде предположения; его осуществление невозможно из-за отсутствия указываемого в придаточном условия» [Гвоздев, 1973, с. 283]; «В условных отношениях есть доля предположения» [Лекант, 2010, с. 212].

В «Повести о жизни» К. Г. Паустовского нами выделены две группы предложений с семантикой предположения.

Первую группу составляют предложения с **потенциальным** предположением, которое соотносится с планом будущего и может быть реализовано: ***Если бы*** *мне* ***было дано*** *в будущем много свободного времени, я* ***бы*** *наверняка* ***напи-***

сал *историю многих книг* – на возможность реализации предположения указывают темпоральная лексема *в будущем* и модальная лексема с семантикой уверенности *наверняка*. Ср.: *Если у меня будет много свободного времени, я наверняка напишу историю многих книг*. В предложении ***Если бы*** *я* ***захотел****, я* ***мог бы вырыть*** *в обрыве замечательную пещеру* возможность реализации предположения зависит исключительно от действия субъекта, влияние стихийных сил на ситуацию исключено, поэтому предположение может быть реализовано. Ср.: *Если я захочу, я вырою в обрыве замечательную пещеру*.

Предложения второй группы содержат **нереальное** предположение, которое не может реализоваться в силу разных причин, главным образом из-за того, что ситуация свершилась и больше не повторится: ***Если бы*** *я* ***знал****, что вы соблаговолите явиться,* ***то вызвал бы*** *военный оркестр*. Ср.: *Я не знал, что вы соблаговолите явиться, поэтому не вызвал военный оркестр*. Часто придаточная часть таких предложений содержит отрицание *не*: ***Если бы*** *мы* ***не спорили****,* ***то могли бы*** *вовремя* ***скрыться***. Предположение не может реализоваться, если ситуация не зависит от воли говорящего: ***Если бы*** *нас* ***не обманывали****, мы* ***бы захватили*** *всё, что нужно для оспы*.

Особую группу ирреально-условных предложений с союзом *если* с оттенком предположения составляют сложноподчинённые предложения, придаточная часть которых построена по модели «*если бы не* + существительное в именительном падеже». Такие придаточные представляют собой безглагольные конструкции. О возможности частицы *бы* выражать модальность высказывания вне связи с глаголом говорил академик В. В. Виноградов: «…Частица *бы* и не зависимо от связи с глаголом и категорией состояния может выражать модальность высказывания» [Виноградов, 1972, с. 473]. Придаточные ирреально-условные называют предположительное отрицание уже состоявшейся ситуации, благодаря которой «ситуация, представленная в главной части, оказывается нереальной» [Ван Жучжэнь, Стародумова, 2018, с. 34]: ***Если бы не часовой*** *около моста,* ***то могло бы показаться****, что мы стоим на отдыхе в глубоком польском тылу*; *Врач, установивший смерть, сказал, что* ***если бы не «испанка»****,* ***то*** *Рахиль* ***могла бы выжить***.

Высказывания подобного типа приобретают характер несвободных синтаксических построений, включающих постоянный компонент (*если бы не*) и переменный компонент (существительное в именительном падеже), который включается в синтаксическую конструкцию «только для конкретного, единичного речевого акта» [Лекант, 2007, с. 180] и обладает способностью «менять содержание в определённой речевой ситуации» [Синтаксис русского языка, 2020, с. 86]. Переменный компонент не имеет семантических ограничений, поэтому смысловое наполнение предложения является потенциально бесконечным. По утверждению Н. Р. Добрушиной, придаточные части рассматриваемых конструкций «не имеют обязательной желательной интерпретации. Они понимаются как желательные или нежелательные ситуации в зависимости от контекста» [Добрушина, 2016, с. 127].

Существительное в предложениях рассматриваемого типа может быть как одиночным, так и распространённым: ***Если бы не Севастополь****,* ***то*** *вряд ли так остро и, пожалуй, безошибочно я* ***видел бы*** *выдуманные, но безусловно существующие в пределах вселенной гриновские города, такие, как шумный Зурбаган и зарастающий травами Лисс*; ***Если бы не затемнение*** *и* ***не лучи*** *прожекторов, шарившие вдалеке,* ***то*** *ничто* ***бы не говорило*** *о войне*. В любом случае существительное не ограничивается только реализацией присущего ему лексического значения – оно «вмещает» целую ситуацию, которая известна из предшествующего контекста: *…В чём* ***бы*** *я* ***держал*** *пресную воду из ключа, чуть сочившегося под кустом тамариска на обрыве,* ***если бы не*** *жестяная* ***банка****?*

Безглагольность не делает такие предложения эллиптическими, поскольку в них невозможно восстановить глагол-сказуемое, в силу того что он (в отличие от сказуемого в эллипсисе) не соотносится с определённой семантической группой: ***Если бы не мама*** (*пришла, позвала, заболела* и т. п. – И. Р.)*, я* ***пошла бы*** *с рыбаками на боте*. Кроме того, для эллиптических предложений «характерна смысловая полнота и определённость независимо от контекста» [Лекант, 2004, с. 232], в то время как для понимания рассматриваемых конструкций контекст необходим.

Главная часть в предложениях данного типа чаще занимает постпозицию, результат предположительного отрицания состоявшейся ситуации как бы отодвигается на второй план, а смысловым центром высказывания является ирреальное условие: *Может быть,* ***если бы не*** *густая* ***вуаль****,* ***я бы*** *и* ***узнал*** *её, бабочку с острова Борнео*. В «Повести о жизни» выявлены единичные случаи использования предложений рассматриваемого

типа с препозитивной главной частью, на содержании которой автор акцентирует внимание: *Жить ему* ***было бы трудно, если бы не любовь*** *к нему из-за его песенок всей портовой и окраинной Одессы*.

Включение сложноподчинённых предложений с безглагольными ирреально-условными придаточными в автобиографический текст делает повествование лаконичным, сжатым, но в то же время ёмким и содержательным: *И* ***если бы не*** *густое, фиолетовое, свежее* ***пространство*** *морской воды, омывающей эту сухую страну,* ***то*** *вид её* ***вызвал бы*** *у нас* ***содрогание****, как преддверие ада*.

Ирреально-условные сложноподчинённые предложения с оттенком возможности

По словам В. С. Храковского, «в условной конструкции условие, выражаемое в зависимой части, и следствие, выражаемое в главной части, рассматриваются говорящим по отношению к миру не как действительные, а как возможные или невозможные» [Храковский, 1998, с. 34]. В тексте «Повести о жизни» К. Г. Паустовского семантика возможности ирреально-условных сложноподчинённых предложений оформлена двумя способами: инфинитивом с частицей *бы* и категорией состояния *можно* со связкой в форме сослагательного наклонения в придаточной части. Рассмотрим эти способы.

«Как неспрягаемая форма, инфинитив характеризуется и внеличностью, и вневременностью, и внемодальностью. Эти грамматические признаки определяются категориальным значением инфинитива – потенциальностью», – отмечает П. А. Лекант [Лекант, 2011, с. 4]. В сочетании с частицей *бы* потенциальность инфинитива воплощается в возможность реализовать модальное значение ирреального условия: «Сочетание инфинитива с частицей *бы* часто упоминается в грамматике русского языка как нечто примыкающее к сослагательному наклонению» [Гехтляр, 1996, с. 135]. В «Грамматике русского языка» (1954) отмечается, что придаточное ирреально-условное инфинитивное «всегда ставится на первое место; за ним следует предложение, содержащее в себе указание на следствие, результат» [Грамматика русского языка, 1954, с. 333]: *Я уверен, что* ***если бы восстановить*** *во всей полноте историю какого-нибудь дома,* ***проследить*** *жизнь всех его обитателей,* ***узнать*** *их характеры,* ***описать*** *события, какие в этом доме происходили,* ***то получился бы*** *социальный роман, может быть, более значительный, чем романы Бальзака*.

Ван Жучжэнь и Е. А. Стародумова считают, что в предложениях с союзом *если* и инфинитивом «частица *бы* в придаточной части может восприниматься как избыточная, поскольку инфинитивное предложение уже выражает ирреальность» [Ван Жучжэнь, Стародумова, 2018, с. 33]. Таким образом, значение ирреальности в предложениях подобного типа, включающих и инфинитив, и частицу *бы*, возведено в высшую степень. В «Повести о жизни» они часто используются с целью показать читателю окружающую обстановку и произвести на него впечатление: *Фанерный лабиринт из одного какого-нибудь учреждения,* ***если бы*** *его* ***вытянуть*** *в одну линию,* ***мог бы****, пожалуй,* ***опоясать*** *стеной всю Одессу по окружавшей город Портофранковской улице*.

Помимо инфинитива с частицей *бы*, семантика возможности в сложноподчинённых ирреально-условных предложениях с союзом *если* в «Повести о жизни» К. Г. Паустовского оформляется категорией состояния *можно* со связкой в сослагательном наклонении: ***Если бы было можно, то*** *я* ***позвал бы*** *маму,* ***попросил*** *у неё помощи и защиты*. Динамизм повествованию придаёт пропуск основной части связки и включение в структуру предложения только частицы *бы*: ***Если бы можно****, я* ***подарил бы*** *ей весь этот собор, где столетиями не было слышно человеческого голоса, а сейчас ласточки сердито щебетали вокруг нас, требуя, чтобы мы поскорее ушли*, а также пропуск инфинитива, который должен примыкать к категории состояния. Поскольку инфинитив восстанавливается из главной части предложения, его пропуск не нарушает коммуникацию, однако позволяет избежать излишнего повторения: ***Если бы можно, то*** *я* ***писал бы*** *только китайской тушью на плотной бумаге*. Ср.: *Если бы можно было писать…* В придаточных ирреально-условных, включённых в «Повесть о жизни», названные возможные действия не всегда квалифицируются как целесообразные, поскольку задача автора в таких случаях состоит не в передаче последовательности событий, а в описании обстановки, в которой происходит действие: ***Если бы*** *с этих учреждений, заполненных перегородками,* ***можно было снять*** *крыши или сделать вертикальный разрез дома от чердака до подвала,* ***то*** *перед поражёнными зрителями* ***открылась бы*** *картина запутанного человеческого муравейника*.

Помимо трёх основных оттенков (желательности, предположения и возможности), сложноподчинённые предложения с союзом *если* со значением ирреального условия могут осложняться уступительным, сравнительным и фатическим оттенками.

Ирреально-условные сложноподчинённые предложения с уступительным, сравнительным и фатическим оттенками

Возможность осложнения ирреально-условных сложноподчинённых предложений **уступительным** оттенком Т. В. Нерушева связывает с тем, что «данные значения входят вместе со значением условия в один семантический класс, то есть являются разновидностями обобщённого значения обусловленности» [Нерушева, 2010, с. 194]. Оттенок уступки предложение приобретает в том случае, когда в его придаточной части называется ирреальное условие, недостаточное для осуществления действия, описанного в главной части. По мнению Л. Д. Беднарской, предложения данного типа «занимают промежуточную позицию между условными и уступительными» [Беднарская, 2012, с. 255]. Уступительный оттенок подкрепляется частицами *даже*, *и* в придаточной части. В тексте «Повести о жизни» предложения данного типа позволяют проследить ход мыслей рассказчика и персонажей, не принимающих сложившуюся ситуацию, которая даже при увеличении усилий, необходимых для её осуществления, не могла бы реализоваться: ***Даже если бы*** *я очень* ***захотел, то не мог бы уничтожить*** *в себе это свойство, ставшее, как я понял потом, одной из основ писательской работы*; *Отлучек в город не было. Но* ***даже если бы*** *нас* ***и пускали*** *в город,* ***то*** *нам некому было рассказать обо всём, что творилось в полку*; *О чём она могла спросить? Выходить ли ей замуж? Я бы начал её отговаривать и наговорил бы, наверное, много такого, чего бы она не поняла. А* ***если бы и поняла, то*** *испугалась*.

В главной части предложений с союзом *если* со значением ирреального условия и оттенком **сравнения** содержится форма компаратива, а в придаточной, занимающей постпозицию, – сравнительный союз *чем*. Придаточная часть совмещает семантику объекта сравнения и ирреального условия, делая высказывание многоплановым: *Делал я это из тех соображений, что даже небольшое предварительное знание тех мест, где мы собираемся жить, заставляет нас относиться к ним гораздо* ***внимательнее, чем если бы*** *ничего о них* ***не знали***; *Но нас не пугала ни серая бумага, ни плохая краска. Из-за этого мы любили свою газету* ***больше, чем если бы*** *она* ***была прилизанной*** *и* ***нарядной***.

Употребление предложений со значением ирреального условия с **фатическим** оттенком направлено на установление контакта говорящего с собеседником или собеседниками и, по словам А. В. Канафьевой, «обусловлено намерением говорящего расположить к себе адресата, получить его поддержку, понимание, сочувствие, сделать союзником» [Канафьева, 2019, с. 54]. В рассматриваемом произведении предложения данного типа включены в речь персонажей и характеризуются повышенной экспрессивностью.

Условная придаточная часть предложений с фатическим оттенком содержит сочетания *если бы ты знал* или *если бы вы знали* и присоединяет изъяснительно-объектное придаточное со значением риторического восклицания. Экспрессивный характер высказывания усиливается включением в изъяснительно-объектную часть лексики, называющей состояние говорящего, с интенсификаторами *как*, *какой*. Личностный характер высказывания оформляется дативом: ***Если бы ты знал, как мне тяжело*** *за всех и особенно за тебя!*; *– Дитя моё, сын мой! – сказал Гронский, взял меня за плечи, встряхнул и проникновенно посмотрел в глаза. –* ***Если бы вы знали, как мне жаль*** *каждого юношу, который попадает в этот сумасшедший дом, в этот бедлам, этот кабак во время пожара, в эту вошебойку, в эту чёртову мясорубку, в эту свистопляску, что зовётся войной*.

Воздействие на собеседника усиливается использованием обращений: *–* ***Если бы ты знал****, – сказала она, – какие вещи я сейчас прочитала! Спасибо тебе,* ***Костик***; ***Мужички вы мои дорогие! Если бы вы знали****, как мне легко на сердце*; *Ой, какая там сходится богема,* ***если бы ты знал, Костик!***

Главная часть в сложноподчинённых предложениях данного типа опущена, она лишь мыслится говорящим и слушающим.

Выводы

Семантика ирреального условия сложноподчинённых предложений с союзом *если*, включённых в автобиографическую «Повесть о жизни» К. Г. Паустовского, осложняется разнообразными оттенками: желательности, предположения, возможности,

уступки, сравнения, а также фатическим оттенком. Выделенные на основании оттенков ирреального условия типы предложений характеризуются особенностями структуры, способов выражения главных членов, лексического наполнения. Семантика предложений каждого типа может усиливаться частицами, междометиями, восклицательной интонацией, парцелляцией и другими средствами.

Использование ирреально-условных предложений, осложнённых различными семантическими оттенками, с одной стороны, позволяет автору максимально точно передать идейный замысел произведения, отразить своё восприятие событий и ход мыслей персонажей при выражении их интенций. С другой стороны, употребление таких предложений показывает возможности грамматической системы современного русского языка, позволяющей говорящему или пишущему передать тончайшие оттенки смысла при отражении объективной действительности.

Библиографический список

1. Алтабаева Е. В. Русское оптативное предложение в парадигматическом аспекте // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект : материалы XIII Международной научной конференции, посвящённой 90-летию проф. А. Б. Копелиовича и 100-летию педагогического образования во Владимирской области. Владимир : Транзит-ИКС, 2019а. С. 40–44.

2. Алтабаева Е. В. Концептуальная ситуация желания в логическом аспекте // Русистика и компаративистика : сборник научных трудов по филологии. Москва, 2019б. С. 199–210.

3. Бабайцева В. В. О синтаксических единицах // Русская речь. 1975. № 1. С. 127–135.

4. Беднарская Л. Д. Сложное предложение в языке русской лирики XIX–XX столетий : монография. Орёл : ФГБОУ ВПО «ОГУ», 2012. 393 с.

5. Ван Жучжэнь. Частица *бы* в предложениях с условными отношениями / Ван Жучжэнь, Стародумова Е. А. // Научный диалог. 2018. № 5. С. 30–40.

6. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Изд-е 2-е. Москва : Высшая школа, 1972. 616 с.

7. Галкина Н. П. Сложноподчинённые предложения со значением обусловленности в современной публицистике // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 4 (19). С. 100–104.

8. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык, ч. II. Синтаксис : учебн. для студентов фак. рус. яз. и лит. пед. ин-тов. Изд. 4-е. Москва : Просвещение, 1973. 350 с.

9. Герасименко Н. А. Синтаксис дневниковых записей И. А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 4. С. 7–14.

10. Гехтляр С. Я. Русский инфинитив: категориальная характеристика, функционирование. Санкт-Петербург – Брянск, 1996. 258 с.

11. Грамматика русского языка. Том II. Синтаксис. Часть вторая. Москва : Изд-во АН СССР, 1954. 444 с.

12. Грузнова И. Б. Структурно-семантическое своеобразие и функции сложных предложений с условными придаточными в художественной речи Е. Гришковца // Успехи современной науки и образования. 2017. № 8. С. 235–238.

13. Добрушина Н. Р. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики : монография. Прага : Animedia Company, 2016. 426 с.

14. Золотова Г. А. О категории модальности // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению : сборник научных трудов конференции. Калининград : Изд-во Балтийского федерального ун-та им. И. Канта, 2008. С. 16–20.

15. Зотьева А. М. Фрагмент речевого портрета Владимира Войновича (на материале синтаксиса автобиографии «Автопортрет: Роман моей жизни») // Речь. Речевая деятельность : сборник материалов Всерос. межувз. науч. конф., посвящённой памяти профессора Г. Г. Инфантовой. Таганрог : Изд-во ТГПИ им. А. П. Чехова, 2012. С. 188–192.

16. Канафьева А. В. Риторическое высказывание как содержательно-концептуальная единица художественного текста // Рациональное и эмоциональное в русском языке : международный сборник научных трудов. Москва : МГОУ, 2012. С. 217–223.

17. Канафьева А. В. Семантика и прагматика конструкций с *если* // Семантика языковых единиц в разных типах речи : сборник статей международной научной конференции. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. 50–54.

18. Крючков С. Е. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2101 «Рус. яз. и литература». Изд. 2-е, перераб. / Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. Москва : Просвещение, 1977. 191 с.

19. Кукса И. Ю. Сложноподчинённые предложения со значением условия как репрезентанты модальности в газетном тексте (на материале газеты «Санкт-Петербургские ведомости») // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 8. С. 18–24.

20. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке : учеб. пособие. 3-е изд., испр. и дополн. Москва : Высш. шк., 2004. 247 с.

21. Лекант П. А. Эллипсис как проблема синтаксиса и фразеологии // Грамматические категории слова и предложения. Москва : Издательство МГОУ, 2007. С. 180–187.

22. Лекант П. А. Современный русский язык. Синтаксис : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Москва : Издательский центр «Академия», 2010. 256 с.

23. Лекант П. А. Загадочная по своему современному значению форма глагола // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи : сборник статей по материалам международной научной конференции, посвященной 1000-летию г. Ярославля. В 2 ч. Ч. 1. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2011. С. 3–9.

24. Лекант П. А. Рациональный и эмоциональный потенциал русской грамматической системы // Рациональное и эмоциональное в русском языке : международный сборник научных трудов. Москва : МГОУ, 2012. С. 296–301.

25. Лыков К. А. О некоторых синтаксических особенностях публицистического произведения (на примере автобиографии В. Познера «Прощание с иллюзиями») // Научная мысль Кавказа. 2013. № 2 (74). С. 114–118.

26. Нерушева Т. В. О категории условия и значении союза *если* // Вестник Чувашского университета. 2010. № 2. С. 194–201.

27. Норман Б. Ю. Прагматический потенциал русской лексики и грамматики : монография. Екатеринбург ; Москва : Кабинетный учёный, 2017. 464 с.

28. Синтаксис русского языка : Традиционное и новое : монография / М. Н. Кулаковский, Е. Н. Лагузова, М. А. Смирнова, А. П. Ушакова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 159 с.

29. Синтаксис современного русского языка : учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков и др.; под ред. С. В. Вяткиной. 2-е изд. Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2013. 432 с.

30. Храковский В. С. Типология условных конструкций. Санкт-Петербург, 1998. 625 с.

31. Шахматов А. А. Учение о частях речи. Изд-е 2-е, стереотипное. Москва : КомКнига, 2006. 272 с.

32. Шведова Ю. В. О синтаксисе автобиографического жития Елеазара Анзерского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 2 (20). С. 65–72.

Reference list

1. Altabaeva E. V. Russkoe optativnoe predlozhenie v paradigmaticheskom aspekte = Russian optative sentences in the paradigmatic aspect // Jazykovye kategorii i edinicy: sintagmaticheskij aspekt : materialy HIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 90-letiju prof. A. B. Kopeliovicha i 100-letiju pedagogicheskogo obrazovanija vo Vladimirskoj oblasti. Vladimir : Tranzit-IKS, 2019a. S. 40–44.

2. Altabaeva E. V. Konceptual'naja situacija zhelanija v logicheskom aspekte = The conceptual situation of desire in the logical aspect // Rusistika i komparativistika : sbornik nauchnyh trudov po filologii. Moskva, 2019b. S. 199–210.

3. Babajceva V. V. O sintaksicheskih edinicah = On syntactic units // Russkaja rech'. 1975. № 1. S. 127–135.

4. Bednarskaja L. D. Slozhnoe predlozhenie v jazyke russkoj liriki HIH–HH stoletij = Complex sentence in the Russian poetry of XIX-XX centuries: monografija. Orjol : FGBOU VPO «OGU», 2012. 393 s.

5. Van Zhuchzhjen'. Chastica by v predlozhenijah s uslovnymi otnoshenijami = The particle by in conditional sentences / Van Zhuchzhjen', Starodumova E. A. // Nauchnyj dialog. 2018. № 5. S. 30–40.

6. Vinogradov V. V. Russkij jazyk (grammaticheskoe uchenie o slove) = The Russian language (grammar study of the word). Izd-e 2-e. Moskva : Vysshaja shkola, 1972. 616 s.

7. Galkina N. P. Slozhnopodchinjonnye predlozhenija so znacheniem obuslovlennosti v sovremennoj publicistike = Complex sentences with the meaning of conditionality in modern journalism // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2019. № 4 (19). S. 100–104.

8. Gvozdev A. N. Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk, ch. II. Sintaksis : uchebn. dlja studentov fak. rus. jaz. i lit. ped. In-tov = Modern Russian literary language, part. II. Syntax : textbook for students of Russian language and literature faculties of pedagogical institutes. Izd. 4-e. Moskva : Prosveshhenie, 1973. 350 s.

9. Gerasimenko N. A. Sintaksis dnevnikovyh zapisej I. A. Bunina = Syntax of Bunin's diaries // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2020. № 4. S. 7–14.

10. Gehtljar S. Ja. Russkij infinitiv: kategorial'naja harakteristika, funkcionirovanie = Russian infinitive: category characteristics, functioning. Sankt-Peterburg – Brjansk, 1996. 258 s.

11. Grammatika russkogo jazyka. Tom II. Sintaksis. Chast' vtoraja = Grammar of the Russian Language. Vol. II. Syntax. Part Two. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1954. 444 s.

12. Gruznova I. B. Strukturno-semanticheskoe svoeobrazie i funkcii slozhnyh predlozhenij s uslovnymi pridatochnymi v hudozhestvennoj rechi E. Grishkovca = Structural and semantic features and functions of complex sentences with conditional clauses in E. Grishkovets' narrative // Uspehi sovremennoj nauki i obrazovanija. 2017. № 8. S. 235–238.

13. Dobrushina N. R. Soslagatel'noe naklonenie v russkom jazyke: opyt issledovanija grammaticheskoj semantiki = The conjunctive mood in Russian: a study of grammatical semantics : monografija. Praga : Animedia Company, 2016. 426 s.

14. Zolotova G. A. O kategorii modal'nosti = On the category of modality // Modal'nost' v jazyke i rechi: novye podhody k izucheniju : sbornik nauchnyh trudov konferencii. Kaliningrad : Izd-vo Baltijskogo federal'nogo un-ta im. I. Kanta, 2008. S. 16–20.

15. Zot'eva A. M. Fragment rechevogo portreta Vladimira Vojnovicha (na materiale sintaksisa avtobiografii «Avtoportret: Roman moej zhizni») = A part of Vladimir Voinovich's speech portrait (based on the

autobiography Self-Portrait: the Novel of My Life) // Rech'. Rechevaja dejatel'nost' : sbornik materialov Vseros. mezhuvz. nauch. konf., posvjashhjonnoj pamjati professora G. G. Infantovoj. Taganrog : Izd-vo TGPI im. A. P. Chehova, 2012. S. 188–192.

16. Kanaf'eva A. V. Ritoricheskoe vyskazyvanie kak soderzhatel'no-konceptual'naja edinica hudozhestvennogo teksta = Rhetorical utterance as a content-conceptual unit of a literary text // Racional'noe i jemocional'noe v russkom jazyke : mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh trudov. Moskva : MGOU, 2012. S. 217–223.

17. Kanaf'eva A. V. Semantika i pragmatika konstrukcij s esli = Semantics and pragmatics of constructions with if // Semantika jazykovyh edinic v raznyh tipah rechi : sbornik statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. 50–54.

18. Krjuchkov S. E. Sovremennyj russkij jazyk. Sintaksis slozhnogo predlozhenija = Modern Russian. Syntax of a complex sentence : ucheb. posobie dlja studentov ped. in-tov po special'nosti № 2101 «Rus. jaz. i literatura». Izd. 2-e, pererab. / Krjuchkov S. E., Maksimov L. Ju. Moskva : Prosveshhenie, 1977. 191 s.

19. Kuksa I. Ju. Slozhnopodchinjonnye predlozhenija so znacheniem uslovija kak reprezentanty modal'nosti v gazetnom tekste (na materiale gazety «Sankt-Peterburgskie vedomosti») = Complex sentences with the meaning of condition as a representation of modality in a newspaper text (based on the St.- Petersburg Bulletin) // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. 2012. Vyp. 8. S. 18–24.

20. Lekant P. A. Sintaksis prostogo predlozhenija v sovremennom russkom jazyke = Syntax of a simple sentence in modern Russian : ucheb. posobie. 3-e izd., ispr. i dopoln. Moskva : Vyssh. shk., 2004. 247 s.

21. Lekant P. A. Jellipsis kak problema sintaksisa i frazeologii = Ellipsis as a problem of syntax and phraseology // Grammaticheskie kategorii slova i predlozhenija. Moskva : Izdatel'stvo MGOU, 2007. S. 180–187.

22. Lekant P. A. Sovremennyj russkij jazyk. Sintaksis = Modern Russian language. Syntax : ucheb. posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij. Moskva : Izdatel'skij centr «Akademija», 2010. 256 s.

23. Lekant P. A. Zagadochnaja po svoemu sovremennomu znacheniju forma glagola = The verb form mysterious in its modern meaning // Semantika i funkcionirovanie jazykovyh edinic v raznyh tipah rechi : sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 1000-letiju g. Jaroslavlja. V 2 ch. Ch. 1. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2011. S. 3–9.

24. Lekant P. A. Racional'nyj i jemocional'nyj potencial russkoj grammaticheskoj sistemy = Rational and emotional potential of the Russian grammatical system // Racional'noe i jemocional'noe v russkom jazyke : mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh trudov. Moskva : MGOU, 2012. S. 296–301.

25. Lykov K. A. O nekotoryh sintaksicheskih osobennostjah publicisticheskogo proizvedenija (na primere avtobiografii V. Poznera «Proshhanie s illjuzijami») = On syntactic peculiarities of a journalistic work (based on V. Pozner's autobiography «Farewell to Illusions») // Nauchnaja mysl' Kavkaza. 2013. № 2 (74). S. 114–118.

26. Nerusheva T. V. O kategorii uslovija i znachenii sojuza esli = On the category of condition and the meaning of the conjunction if // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2010. № 2. S. 194–201.

27. Norman B. Ju. Pragmaticheskij potencial russkoj leksiki i grammatiki = Pragmatic potential of Russian vocabulary and grammar : monografija. Ekaterinburg ; Moskva : Kabinetnyj uchjonyj, 2017. 464 s.

28. Sintaksis russkogo jazyka : Tradicionnoe i novoe = The Russian language syntax : traditional and new : monografija / M. N. Kulakovskij, E. N. Laguzova, M. A. Smirnova, A. P. Ushakova. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. 159 s.

29. Sintaksis sovremennogo russkogo jazyka = Modern Russian syntax : uchebnik dlja vysshih uchebnyh zavedenij Rossijskoj Federacii / G. N. Akimova, S. V. Vjatkina, V. P. Kazakov i dr.; pod red. S. V. Vjatkinoj. 2-e izd. Sankt-Peterburg : Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2013. 432 s.

30. Hrakovskij V. S. Tipologija uslovnyh konstrukcij = Typology of conditional constructions. Sankt-Peterburg, 1998. 625 s.

31. Shahmatov A. A. Uchenie o chastjah rechi = Studying parts of speech. Izd-e 2-e, stereotipnoe. Moskva : KomKniga, 2006. 272 s.

32. Shvedova Ju. V. O sintaksise avtobiograficheskogo zhitija Eleazara Anzerskogo = On the syntax of Eleazar Anzersky's autobiographical hagiography // Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. 2005. № 2 (20). S. 65–72.

УДК 070+811.161.1

М. Э. Авакян **https://orcid.org/0000-0001-8648-6918**

Функционирование русского языка за пределами России: особенности употребления «национального» вида языка

Для цитирования: Авакян М. Э. Функционирование русского языка за пределами России: особенности употребления «национального» вида языка // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 101–106. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-101-106

В данной научной статье рассматривается функционирование русского языка за пределами РФ: особенности «национального» русского языка в Республике Армения, само понятие этого термина, значимость употребления русского языка в СМИ, наложение национальных особенностей. Основными свойствами «национального» русского языка за пределами России считается то, что язык представляется «проводником» необходимых национальных идей и реальной возможностью передачи национальных идей, мыслей, сообщений и информации на языке международного общения. И на каком уровне в перспективе будет развиваться данный социальный институт «национального языка» во многом зависит сохранение национального культурно-образовательного и политико-экономического единства с Россией.

Не стоит забывать, что профессиональная журналистская деятельность – это, прежде всего, речевая деятельность. И профессиональная культура журналистов зависит от того, насколько хорошо они владеют словом. Языковые особенности русскоязычных СМИ в РА представляют довольно обшрный спектр вопросов, возможных и актуальных для рассмотрения. Национальный вариант является своеобразной формой приспособления классического литературного языка к традициям и культурным ценностям, к насущным потребностям определенной нации, становясь при этом особой формой функционирования единого для нации языка.

Ключевые слова: «национальный» русский язык, профессиональная культура журналистов, язык СМИ, русскоязычная пресса Армении.

M. E. Avakyan

The Russian language functioning outside Russia: specifics of using the «national» type of language

The article examines functioning of the Russian language outside the Russian Federation: the peculiarities of the «national» Russian language in the Republic of Armenia, the concept of this term itself, the significance of using Russian in the media, overlapping national features.

The main characteristics of the «national» Russian language outside Russia are considered to be as follows: the language is seen as an «advocate» of necessary national ideas and a real opportunity to transmit national ideas, thoughts, messages and information in a language of international communication. The development of the social institution of the «national language» in the future will largely determine the preservation of national cultural, educational as well as political and economic unity with Russia. We should not forget that professional journalistic activity is, first and foremost, a verbal activity. And the professional culture of journalists depends on how well they master the language. The linguistic features of the Russian-language media in Armenia present a rather broad spectrum of issues possible and relevant for consideration. The national variant is a certain form of adapting the classical literary language to the traditions and cultural values, to the urgent needs of a particular nation, thus becoming a special form of functioning of the language common for the nation.

Key words: «national» Russian language, professional culture of journalists, language of mass media, Russian-language press in Armenia.

Введение

Впервые в качестве объекта исследования рассматривается сегмент русского языка в русскоязычной прессе Армении, а также его новых форм в сфере медиа как формирующегося типа современных изданий, который, изменяя функциональные и стилистические характеристики всего коммуникативного процесса, его создателей и потребителей, изменяет и структурно-содержательные характеристики средств массо-

© Авакян М. Э., 2021

вой коммуникации относительно коммуникативного взаимодействия в «сетевой» журналистике, пришедшей на смену классическим средствам массовой информации.

Поставив перед собой цель показать, что массовая коммуникация по-прежнему – процесс довольно сложный, и что СМИ должны способствовать достижению своих прямых целей, согласно определенным приоритетам и потребностям развития общества в целом, нами было показано, что слово и культура речи в журналистике являются важными показатели культуры.

Эволюция изменений средств и предмета средств массовой коммуникации в условиях «информационного общества» подчеркивает роль своеобразной модели транснационального языка, которая сегодня активно воздействует на литературную норму, языковые вкусы и предпочтения [см.: Словарь-справочник, 1984].

В языковом плане сегодня можно говорить об уменьшении «зоны» распространения русского языка не только в Армении, но и во всем мире. Произошли заметные изменения функциональной значимости русского языка межличностного и иного общения, языка науки, а также альтернативного языка интернет-пространства. При этом пропали и стимул, и логическое стремление к изучению орфографии языка, стилистики языка, разговорных особенностей и т. д.

Материалы и методы

Предметом исследования являются функциональные и структурно-образовательные модели средств массовой коммуникации, их предметная реализация и сферы распространения [Основы теории коммуникации, 2004, с. 8]. Вопросы, связанные с этими задачами, не раз в той или иной мере затрагивались в работах ученых-языковедов и коммуникативистов. Реализации поставленной цели и подчинен выбор комплексной методики анализа, включающей следующие методы и приемы: метод мониторинга и комплексного анализа современного информационного поля; метод концептуального анализа; метод жанрово-стилистического исследования; метод сопоставительного анализа; метод фокусированного анализа контекста.

В Республике Армения политические и социальные процессы привели к тому, что за прошедший период времени, а именно: за последние тридцать лет, разительно снизился общий уровень знания и употребления русского языка в стране. Но, одновременно, данные процессы были обусловлены и другими, не менее важными для общей характиристики языковой ситуации в Армении (речь идет о русском языке), среди которых основными, на наш взгляд, являются: 1) возвращение на родину тех мигрантов (или их детей, родственников и пр.), которые уехали в Россию в 1990-х годах; 2) приток армянского по происхождению русскоязычного населения из некоторых стран СНГ; 3) усиление и взаимовлияние военнополитических и культурно-образовательных позиций России и Армении, наблюдающиеся в последние десятилетия и т. д.

По мнению многих ученых-лингвистов, положение русского языка в Армении, хоть и претерпело множество изменений и трудностей, но по-прежнему не сдает своих позиций, оставаясь средством международного общения. Так, д. филол. н., профессор Л. Б. Матевосян пишет: «Русский язык – средство общения не только между специалистами, но и людьми разных стран. Сегодня все чаще говорят о консолидирующей роли русского языка в развитии межкультурных отношений не только между Российской Федерацией и странами ближнего и дальнего зарубежья, но и во всем евразийском пространстве, – так что реальный статус русского языка в Армении гораздо выше его правового статуса» [Матевосян, 2016, с. 19]. Известно, что русский язык является одним из наиболее распростаненным в мире: на шкале фактической распространенности языков на земном шаре русский язык занимает третье место в мире (после английского и китайского). Понятие распространенности применительно к мировому языку определяется не количеством владеющих этим языком как родным или официальным, а максимальным использованием его за пределами стран, для которых он является государственным языком [Борисоглебская, Гурченкова, Курбыко и др., 1998, с. 3]. Некоторые из ученых-лингвистов считают, что и после распада Советского Союза постсоветское пространство всегда было и остается зоной исторической ответственности России. «Примитивный экономический детерминизм не позволяет видеть гораздо более устойчивый, чем экономика, фактор интеграции – большое языковое пространство русского языка, не дающее окончательно распасться раздробленному экономическому, оборонному и политическому пространству. Для всех народов СССР русский язык был языком классики, науки, образования. И в этом отношении русский литературный и научный язык – такое же достояние всех этносов,

входивших в имперское и советское пространство. Чем был распад СССР? Это было дробление большого и конкурентоспособного на глобальном уровне языкового и экономического пространства на диалекты и локальные рынки, заведомо не имеющие будущего» [Орлов, 2009, с. 396].

Безусловно, в сложившейся ситуации значение средств массовой информации на русском языке трудно недооценить, так как именно они являются и некой объединяющей силой и поддерживающей языковые знания фактором, а также «проводником» необходимых национальных идей и реальной возможностью передачи своих мыслей, сообщений и информации на языке международного общения и т. д. И от того, какие реальные обстоятельства влияют на то, на каком уровне в дальнейшем будет развиваться данный социальный институт зависит во многом сохранение национального культурно-образовательного и политико-экономического единства с Россией (это особенно актуально после произошедшей в сентябре 2020 года армяно-азербайджанской войны и поствоенных событий, непосредственно касающихся отношений России и Армении).

Как тема исследования, языковые особенности русскоязычных СМИ за пределами РФ представляют довольно обширный спектр вопросов, возможных и актуальных для рассмотрения. Присущи и общие характеристики для всех существующих в мире подобных средств массовой информации, есть и специфические особенности русскоязычных СМИ в странах постсоветского пространства, особняком стоят и особые показатели национальных русскоязычных СМИ, в частности, армянских [см.: Постсоветские СМИ: от пропаганды к журналистике, 2005]. В связи с этим можно отметить ставшие уже популярными в современной лингвистике положения о языковых особенностях национальных вариантов того или иного языка. Отличительными особенностями языка СМИ можно назвать в первую очередь диалогичность представляемых материалов, усиление личностного ореала; ярко выраженный стилистический динамизм, проявления «переименований», сочетание резких/контрастных стилистических элементов, используемых не только в текстах, но даже в сочетаниях слов и словосочетаний, когда сталкиваются стилистические и семантические контрасты, которые практически изменяют значение слов и выражений. Налицо также вариативность средств выражения [см.: Кузьминова и др.] на всех уровнях своего действия, особенно ярко она проявляется в словообразовании / фразообразовании, в действующих семантических и синомических сдвигах, в заимствованиях – внутренних (к примеру, из жаргонной лексики, диалекта, слэнга) и внешних (из родного языка, национальной терминологии). «Новые стилистические градации требуют прежде всего отхода от высокого языка (особенно в СМИ) при изложении серьезных материй, по крайней мере введения в речь личностного человеческого момента, некоторого облегчения, упрощения средств выражения» [Костомаров, 1999, с. 64]. Но не стоит забывать, что профессиональная журналистская деятельность – это, прежде всего, речевая деятельность. И профессиональная культура журналистов зависит от того, насколько хорошо они владеют словом. Н. А. Ипполитова констатирует: «Культура предполагает высокую степень мастерства, поэтому культура речи должна оцениваться с точки зрения мастерства как устной, так и письменной речи с учетом их особенностей» [Ипполитова, Князева, Саввова, 2005]. Проблема ответственности журналистов перед своим читателем сейчас чрезвычайно актуальна. Как мы уже отмечали, и речевая культура журналиста, и профессиональная, предполагает мастерское владение словом. Даже известные журналисты порой грешат своевесной «неудобоваримостью»: «Теперь выключаем „Машину времени" и включаем мозги. Все названные господа и еще многие другие остались в истории человечества не потому, что входили в конфликт с налоговыми службами, а потому как следовали Библейской заповеди: „Богат не тот, кто имеет, а тот, кто отдает"» [Баблумян, 2019]. Можно сказать, что сегодня язык современных СМИ относится к одной из основных форм языкового существования, и по этой причине анализ текстов массовой коммуникации позволяет сделать выводы относительно языковой компетенции говорящих и тех тенденций в развитии литературных стилей, которые наблюдаются в данный период [Кусова, Иваненко, 2015, с. 109].

Как известно, термин «национальный вариант языка» был введен в научный обиход довольно давно и касался в основном формирования американского варианта классического английского языка [см.: Kenyon, Knott, 1953]. Этот термин представляет собой довольно сложное понятие, несущее в себе элементы, общие для национального языка, но и особенности, указывающие на

отличие одного национального языка от другого [Термины и понятия лингвистики, 2013]. Проблема языковой вариативности сегодня является одной из актуальных тем современной социолингвистики [Ervin-Tripp, Ruen, 1969]. Так, в Большом энциклопедическом словаре мы находим следующее определение: «Национальный вариант – термин, характеризующий способ существования и функционирования единиц национального языка и языковой системы в целом. Под этим термином понимаются особые социолингвистические объекты (или разновидности), в виде которых существует реально единый язык» [Большой энциклопедический словарь, 1998, с. 32]. Основываясь на определении национального языка как высшей формы функционирования языка нации, понятие «национальный вариант» языка можно охарактеризовать как форму существования единого национального языка в различных социальных образованиях, который, при этом, выполняет те же функции, что и сам национальный язык, от которого данный вариант произошел [см.: Общее языкознание, 1970]. Как правило, национальный вариант языка вбирает в себя весь спектр социально-культурного колорита или национального менталитета, в рамках которого он функционирует. На сегодня в лингвистической науке выделяют несколько вариантов языка. Так, Т. В. Жеребило в «Словаре лингвистических терминов» выделяет четыре типа вариантов языка: 1) национальные, появившиеся в результате территориального обособления носителей языка; 2) этнические (этнолекты), возникшие в зонах контактирования данного языка с другими языками в результате появления различий под воздействием интерференции; 3) территориальные (территориальные диалекты), появившиеся в связи с территориальным обособлением части его носителей; 4) социальные (социальные диалекты, социолекты), возникшие в связи с функционированием языка в разных социальных слоях» [Жеребило, 2010]. По мнению ученого, под воздействием экстралингвистических факторов подобные варианты появляются в результате проявления тех или иных особенностей. В связи с этим особый интерес представляет описание характерных черт армянского «варианта русского языка», представляющий из себя наложение действующих средств армянского языка, мышления и менталитета, национальных культурных ценностей, образа жизни и многого другого на российский «стандарт» языка. Сравнительно новый термин «информационный универсум» [см.: Философский энциклопедический словарь, 2003], который отличается особой неоднородностью, противоречивостью, влияет на современное развитие языка и лингвистической науки. «Для устранения неопределенности и многозначности указанных категорий представляется необходимым первоначально выявить причины, вызвавшие две противоположные тенденции в отечественных исследованиях СМИ – параллелизм и вариативность в использовании понятий „массовая информация" / „массовая коммуникация", „средства массовой информации" / „средства массовой коммуникации" / „масс-медиа", а также систематизировать и обобщить разные подходы и позиции российских ученых по данному вопросу» [Ануфриенко, 2017, с. 8].

Издаваемая наряду с национальными СМИ русскоязычная «массовая» пресса Армении способна наглядно продемонстрировать особенности, имеющиеся в каждом национальном варианте русского языка, поскольку является одной из форм воплощения такого варианта русского языка. Конечно, пресса использует стандартные языковые средства русского языка и потому имеет много общих многоуровневых признаков соприкосновения с российскими СМИ, но в то же время во многом отличается, так как на формирование языка русскоязычной массовой прессы РА влияют различные обстоятельства: особенности родного языка, специфические термины и названия, национальные традиции, экстралингвистические факторы и т. д. Основным экстралингвистическим фактором, определяющим особенности армянской русскоязычной прессы, конечно, является геополитическое положение Армении в мире. Территориальные характеристики и национальное своеобразие, предполагая древность нации и несклонность к адаптации, определяют особенности выбора тематики прессы, векторность оценочности происходящих событий или явлений, содержание принимаемых или резко отвергаемых категорий, нежелание использования невербальных средств, даже размеры статей и другие показатели. Исследование языковых средств, используемых в современных армянских русскоязычных изданиях, свидетельствует о спонтанном размежевании материалов, как информационных, так других жанров – в четкой реализации двух основных функций прессы – информационной и воздействующей, так как в них значительно меньше внимания уделяется точности и четкости информации, о чем

свидетельствуют и рубрикации изданий, и постоянная тематика, и жанровое однообразие. Наблюдается процесс игнорирования второй функции – воздействия, которая не является основной для национальных русскоязычных газет. Данное обусловлено отсутствием конкретного (то есть по возрасту, социальной прослойке, образовательной принадлежности, интересам и другим показателям) адресатов публикаций, что было характерным признаком армянских СМИ советского периода. Как известно, тогда было множество многопрофильных изданий, однако почти всех подцензурных. Сегодня наблюдается стремление к универсализации языка изданий, когда элементы материалов современного языкового наполнения подчас сочетаются со сложными и насыщенными терминами текстами, когда исторический анализ перемежается армянскими или латинскими специфическими вставками и пр. На наш взгляд, основной функцией армянских русскоязычных газет является функция самовыражения авторов, то есть демонстрации уровня своих языковых и фоновых знаний, осуществляемых при помощи публичной «языковой плоскости», выражающей интересы довольно ограниченной аудитории. Однако язык попрежнему продолжает выполнять главную роль в общении, в приобретении и передаче знаний. Сформировался новый языковой стиль информационной эпохи, характерными чертами которого являются расширение социальных функций профессиональной, специальной, терминологической лексики, специализированность знания [Клушина, 2014, с. 6]. Но беспрерывное наращивание информации, частичная потеря над ней контроля, хаос перед осознанием всех ее смыслов и, наоборот, постоянная коммуницируемость сообщества [см.: Мальковская, 2017, с. 4] на пределе потребления погружает людей в беспрерывный поток информации, препятствуя осознанию информационных смыслов и выводов.

Заключение

Таким образом, национальный вариант является своеобразной формой приспособления классического литературного языка к традициям и культурным ценностям, к насущным потребностям определенной нации, становясь при этом особой формой функционирования единого для нации языка. В лингвистическом понимании такая ситуация соответствует обычному для многих лингвистических теорий положением, при котором одна общая терминологическая единица языка (имеется ввиду фонемический, морфологический составы языка и т. д.) существует как некая абстракция, но практически реализуемая в виде отдельных, в частности, национальных вариантов. В нашем случае, касающемся армянского «русского языка» полинациональный литературный язык обозначает определенную совокупность некоторых частных языковых подсистем, в реальности каким-либо образом отличающихся друг от друга.

Библиографический список

1. Ануфриенко С. В. Понятие «средства массовой информации»: сущность и функции / Актуальные вопросы массовой информации и политических коммуникаций: коллективная монография. Ереван : Изд-во Ереванского государственного университета, 2017. 214 с.
2. Баблумян С. Как вытряхнуть карманы крутых армян // «Новое время», 04.04.2019 г.
3. Борисоглебская Э. И., Гурченкова В. П., Курбыко А. Е. и др. Русский язык: Пособие для поступающих в вузы. 4-е изд., перераб. и доп. Минск : Выш. шк., 1998. 445 с.
4. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998.
5. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
6. Ипполитова Н. А., Князева О. Ю., Савова М. Р. Русский язык и культура речи. Москва : Проспект, 2005.
7. Клушина Н. И. Медиастилистика / Эконлогия языка и коммуникативная практика. 2014, № 2. С. 6.
8. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Санкт-Петербург : «Златоуст», 1999. С. 64.
9. Кузьминова И. Я. Приемы развития вариативности иноязычной речи при обучении студентов-лингвистов. URL: https://pgu.ru/upload/iblock/85a/ch_05_sim_1_sektsii_11_14-i.ya.-kuzminova-7.pdf
10. Кусова М. Л., Иваненко Д. О. Речевое развитие ребенка в современном образовательном пространстве. Екатеринбург : ФБГОУ ВО «Урал. гос.пед. ун-т.», 2015. 150 с.
11. Мальковская И. А. Зрелищная арена социальных практик // Художественная культура»: Art&Culture Studies, 2017 № 1 (19).
12. Матевосян Л. Б. Русский язык в образовательном пространстве Армении: вчера, сегодня, завтра // «Русский язык в Армении», 2016, № 3 (100). С. 19.
13. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / отв. ред. Б. А. Серебренников. Москва : Наука, 1970. 597 с.
14. Основы теории коммуникации. Учебно-методическое пособие для студентов специальности «Связи с общественностью» / сост. Ж. В. Николаева.

Улан-Удэ : ВСГТУ, 2004. 274 с.

15. Орлов А. Д. Интеграционный потенциал русского языкового пространства // Постсоветское пространство: реалии и перспективы. РАН, Отделение международных экономических и политических исследований ИЭ РАН, Москва, 2009. С. 396.

16. Постсоветские СМИ: от пропаганды к журналистике. Ереван : Кавказский институт СМИ, 2005. 192 с.

17. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / под ред. Н. З. Котеловой. Москва : Русский язык, 1984. 280 с.

18. Термины и понятия лингвистики. Общее языкознание. Социолингвистика. Словарь-справочник. URL: https://voluntary.ru/termin/nacionalnyi-variant-jazyka.html]

19. Философский энциклопедический словарь: Универсум / ред.-сост. Е. Ф. Губский и др. Москва : ИНФРА-М, 2009. 569 с.

20. Ervin-Tripp, Ruen, S.M. (May, 1969). Communicative competence. Items, 22–26. New York: Social Science Research Council.

21. Kenyon Knott, Pronouncing dictionary of American English, Merriam-Webster Inc., Springfield, 1953.

Reference list

1. Anufrienko S. V. Ponjatie «sredstva massovoj informacii»: sushhnost' i funkcii = The concept of «mass media»: nature and functions / Aktual'nye voprosy massovoj informacii i politicheskih kommunikacij: kollektivnaja monografija. Erevan : Izd-vo Erevanskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017. 214 s.

2. Bablumjan S. Kak vytrjahnut' karmany krutyh armjan = How to empty the pockets of tough Armenians // «Novoe vremja», 04.04.2019 g.

3. Borisoglebskaja Je. I., Gurchenkova V. P., Kurbyko A. E. i dr. Russkij jazyk: Posobie dlja postupajushhih v vuzy = The Russian language: Handbook for applicants to universities. 4-e izd., pererab. i dop. Minsk : Vysh. shk., 1998. 445 s.

4. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'. Jazykoznanie = Big encyclopedic dictionary. Linguistics / gl. red. V. N. Jarceva Moskva : Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1998.

5. Zherebilo T. V. Slovar' lingvisticheskih terminov = Dictionary of linguistic terms. 5-e izd., ispr. i dop. Nazran' : OOO «Piligrim», 2010. 486 s.

6. Ippolitova N. A., Knjazeva O. Ju., Savova M. R. Russkij jazyk i kul'tura rechi.= The Russian language and the culture of speech. Moskva : Prospekt, 2005.

7. Klushina N. I. Mediastilistika = Media stylistics / Jekonlogija jazyka i kommunikativnaja praktika. 2014, № 2. S. 6.

8. Kostomarov V. G. Jazykovoj vkus jepohi: Iz nabljudenij nad rechevoj praktikoj mass-media = Language taste of the time: Observing speech practices of the mass media. Sankt-Peterburg : «Zlatoust», 1999. S. 64.

9. Kuz'minova I. Ja. Priemy razvitija variativnosti inojazychnoj rechi pri obuchenii studentov-lingvistov = Techniques for developing variability in foreign speech when teaching language students. URL: https://pgu.ru/upload/iblock/85a/ch_05_sim_1_sektsii_11_14-i.ya.-kuzminova-7.pdf

10. Kusova M. L., Ivanenko D. O. Rechevoe razvitie rebenka v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve = Children's speech development in today's educational space. Ekaterinburg : FBGOU VO «Ural. gos.ped. un-t.», 2015. 150 s.

11. Mal'kovskaja I. A. Zrelishhnaja arena social'nyh praktik = A spectacular arena of social practices // Hudozhestvennaja kul'tura»: Art&Culture Studies, 2017 № 1 (19).

12. Matevosjan L. B. Russkij jazyk v obrazovatel'nom prostranstve Armenii: vchera, segodnja, zavtra = The Russian language in Armenian educational space: yesterday, today, tomorrow // «Russkij jazyk v Armenii», 2016, № 3 (100). S. 19.

13. Obshhee jazykoznanie. Formy sushhestvovanija, funkcii, istorija jazyka = General linguistics. Forms of existence, functions, language history / otv. red. B. A. Serebrennikov. Moskva : Nauka, 1970. 597 s.

14. Osnovy teorii kommunikacii. Uchebno-metodicheskoe posobie dlja studentov special'nosti «Svjazi s obshhestvennost'ju» = Basic theory of communication. Textbook for Public Relations students / sost. Zh. V. Nikolaeva. Ulan-Udje : VSGTU, 2004. 274 s.

15. Orlov A. D. Integracionnyj potencial russkogo jazykovogo prostranstva = The integration potential of the Russian language space // Postsovetskoe prostranstvo: realii i perspektivy. RAN, Otdelenie mezhdunarodnyh jekonomicheskih i politicheskih issledovanij IJe RAN, Moskva, 2009. S. 396.

16. Postsovetskie SMI: ot propagandy k zhurnalistike = Post Soviet mass media: from propaganda to journalism. Erevan : Kavkazskij institut SMI, 2005. 192 s.

17. Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 70-h godov = Reference dictionary based on the press and literature of the 1970s / pod red. N. Z. Kotelovoj. Moskva : Russkij jazyk, 1984. 280 s.

18. Terminy i ponjatija lingvistiki. Obshhee jazykoznanie. Sociolingvistika. Slovar'-spravochnik = Terms and concepts of linguistics. General linguistics. Sociolinguistics. Reference dictionary. URL: https://voluntary.ru/termin/nacionalnyi-variant-jazyka.html]

19. Filosofskij jenciklopedicheskij slovar': Universum = Encyclopedic dictionary of philosophy: Universum / red.-sost. E. F. Gubskij i dr. Moskva : INFRA-M, 2009. 569 s.

20. Ervin-Tripp, Ruen, S.M. (May, 1969). Communicative competence. Items, 22–26. New York: Social Science Research Council.

21. Kenyon Knott, Pronouncing dictionary of American English, Merriam-Webster Inc., Springfield, 1953.

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 81

Е. И. Бойчук **http://orcid.org/0000-0001-6600-2971**

Лексико-грамматические особенности интернет-отзывов (на материале русского и английского языков)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-07-00243

Для цитирования: Бойчук Е. И. Лексико-грамматические особенности интернет-отзывов (на материале русского и английского языков) // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 107–115. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-107-115

В статье представлен анализ англоязычных и русскоязычных отзывов, размещенных в сети Интернет, на отели в разных странах и городах. Основной целью исследования является выявление специфических черт отзывов в двух языках для формулирования четких критериев автоматического определения тональности текста. На основе анализа существующих в данной области работ лингвистов были выявлены основные направления исследований различных вопросов, связанных со спецификой интернет-отзывов. Среди прочих отмечалась гендерная специфика, языковая специфика отзывов безотносительно сравнения их характеристик в двух неродственных языках. Предпринятое исследование сосредоточено на основных средствах проявления положительной, отрицательной или нейтральной тональностей отзывов в двух языках, что представляет собой междисциплинарную проблему, объединяющую работу над вопросами выделения критериев тональности для автоматической обработки текстов, а также лингвистические проблемы языковой специфики отзывов, позволяющие на основе наиболее частотных специфических черт выявить основные параметры для автоматического определения тональности. Основными результатами исследования стали конкретные отличительные черты англоязычных и русскоязычных отзывов, общее и частное в их характеристиках. Наиболее активными средствами, участвующими в формировании отзыва, являются частотное употребление специфических для данного жанра лексем, в особенности с положительной или отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской, сочетаемость слов в предложении, роль отрицания, грамматических форм глаголов, употребление количественных наречий, прилагательных в превосходной степени и т. д.

Ключевые слова: интернет-дискурс, интернет-коммуникация, интернет-отзыв, отзыв об отеле, языковая специфика отзыва

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

E. I. Boichuk

Lexical and grammatical features of Internet reviews in the russian and english languages

The article presents an analysis of english and russian-language Internet reviews of hotels in different countries and cities. The main purpose of the study is to identify the specific features of reviews in two languages in order to formulate clear criteria for automatic determining the tone of the text. On the basis of the existing works of linguists in this field, the author has identified the main directions of research on various issues related to the specifics of Internet reviews. Among others, gender and language specificity of reviews were noted, regardless of comparing their characteristics in two unrelated languages. The research undertaken focuses on the basic means of expressing positive, negative, or neutral tones in two languages, which is an interdisciplinary problem that combines work on the issues of selecting tone criteria for automatic text processing, as well as linguistic problems of language specificity of reviews, allowing to identify the main parameters for automatic tone detection on the basis of the most frequent specific features. The main results of the study are specific distinguishing features of english- and russian-language reviews, the general and the particular in their characteristics. The most active means involved in the formation of a review are the frequent use of genre-specific lexemes, especially with positive or negative emotional and expressive coloring, combining words in a sentence, the role of negation, grammatical forms of verbs, the use of quantitative adverbs, adjectives in the superlative degree, etc.

© Бойчук Е. И., 2021

Key words: Internet discourse, Internet communication, Internet review, hotel review, language specificity of the review.

Интернет-отзыв как один из жанров Интернет-дискурса

Коммуникативный процесс в сети Интернет представляет собой объект исследования киберстадиз – междисциплинарной отрасли знания, вот уже на протяжении нескольких десятилетий изучающей воздействие сети Интернет на человеческое общество и культуру [Шейгал, 1996; Галичкина, 1998; Бергельсон, 1999; Gauntlett 2000; Атабекова, 2003; Burnett, Marshall 2003; Смирнов, 2003; Донскова, 2004; Трофимова, 2004; Горошко, 2007; Dahlström, 2012 и др.]. При этом особо значимой, безусловно, является роль текстового компонента, который в настоящее время отличается широким спектром средств выразительности на различных языковых уровнях. Интернет-коммуникация и исследование языковой специфики текстов различных типов привлекают внимание большого количества современных лингвистов, исследующих такие вопросы, как жанровая специфика интернет-дискурса, его системообразующие признаки, метаязыковые модели, коммуникационная специфика, соотношение с другими видами коммуникации, структурная и функциональная, языковая специфика, лингвистический и паралингвистический аспекты интернет-дискурса и многие другие [Нелюбина, Амитрова, Гусарова, 2014; Баркович, 2015; Букина, 2016; Жирков, 2016; Бекетова, 2017 и др.].

Целью данной статьи является лингвистический анализ интернет-отзывов как особого жанра интернет-коммуникации туристов, выражающих свое мнение по поводу услуг, предоставляемых отелями в разных странах. Необходимость данного исследования обусловлена определенными задачами анализа тональности текста, когда лексико-грамматическая структура предложения в отзыве не позволяет однозначно определить, положителен данный отзыв или нет. На основе данного анализа представляется возможной автоматизация процесса определения тональности отзыва. Необходимость изучения интернет-отзыва и его автоматического анализа, обусловлена также предполагаемой возможностью фильтрации товара, услуги, продукта или туристического маршрута, который является неблагоприятным, неблагонадежным, на который не стоит ориентироваться при выборе.

Понятие отзыва тесно связано с понятием оценки. Под термином «оценка», вслед за Е.М. Вольф, будем понимать «ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший / плохой» [Вольф, 2002, с. 5]. В зависимости от эмотивного компонента оценки, опираясь на тональность отзыва, реципиент составляет положительное или отрицательное суждение о продукте или услуге. Таким образом, интернет-отзыв можно в полной мере отнести к оценочному дискурсу, который подробно рассмотрен в работах Н. Н. Мироновой [Миронова, 1997]. Автор рассматривает соотношение оценочного дискурса и других его типов на основе разграничения макро- и микроуровней, первый из которых включает совокупность субдискурсов (критического, политического юридического, рекламного), а второй представляет собой оценочный сегмент, в котором реализуются разные виды общих и частных оценок, обусловленные определенными микростратегиями [Миронова, 1997, с. 4].

Основными свойствами текстов данного типа согласно исследованиям Л. Ю. Говоруновой являются полифункциональность, аргументированность, эмоциональность, полиадресность, индивидуальность, стилистическая гибридность [Говорунова, 2013].

Основные средства анализа интернет-отзывов, представленные в современных исследованиях

В работах лингвистов представлены разнообразные подходы к изучению понятия интернет-отзыва, в частности в работах Е. В. Головиной определены их основные свойства и характеристики, рассмотрены их виды и функции [Головина, 2019]. Кроме того, в других своих исследованиях автор рассматривает лексико-стилистические характеристики интернет-отзыва туриста с точки зрения гендерного аспекта и положительной или отрицательной коннотации [Тулупова, Головина, 2019]. Авторы приходят к выводу о том, что наиболее яркими стилистическими средствами являются эпитет и метафора. В соотношении мужских и женских отзывов по количеству женских оказалось несколько больше (88 к 62 из 150), при этом в женских отзывах отмечается наличие существительных с уменьшительно-ласкательными

суффиксами. Среди женщин и мужчин преобладают отзывы благодарности.

Существуют работы, в которых в качестве основного инструмента выражения языковой специфики выступают тропы, в частности ирония, метафора, а также такие средства, как эллипсис, рифма, употребление фразеологизмов [Егорова, 2017].

М. В. Терских предлагает результаты исследования интернет-отзывов посетителей музеев с опорой на метод контент-анализа на базе психолингвистического метода ключевых слов, что позволило определить соотношение положительных и отрицательных отзывов посетителей музеев на основе выделения языковых репрезентантов в рамках различных дискурс-категорий (идентификация, деятельность аудитория, пространство, атрибутивность, интерсбытийность и т. д.). Негативные отзывы представлены в различных репрезентатантах в рамках категорий сотрудники, клиенты, инструментарий, функция [Терских, 2014].

М. А. Еремина в своей работе рассматривает особенности композиционных частей отзыва на парфюмерную продукцию. Автор приходит к выводу о том, что формат поста о парфюмерной продукции включает в себя следующие компоненты: общая фотография всех описываемых продуктов, полное название каждого вида продукта на английском языке в тексте поста, год выпуска, создатель, описание от производителя, категория и пирамида каждого продукта, развернутое мнение о каждом виде продукта, ориентировочная цена. При этом формат является не жестким, допустимы различные комбинации компонентов. Что касается лексического наполнения отзывов, то наиболее распространенной лексикой является лексемы, обозначающие основные характеристики парфюмерной продукции, а также лексемы, называющие растительные компоненты аромата. Среди стилистических средств автор отмечает метафору, сравнение, эпитеты и фразеологизмы [Еремина, 2016].

Большинство исследований представляют результаты стилистического анализа текстов интернет-отзывов, однако наиболее значимой для автоматизации поиска и эмотивной оценки отзыва является их лексико-грамматическая специфика. В данном исследовании мы предлагаем более подробно остановиться на частотности употребления специфических для данного жанра лексем, сочетаемости слов в предложении, роли отрицания, грамматических форм глаголов, употребление количественных наречий, прилагательных в превосходной степени и т. д.

В данной статье анализируются интернет-отзывы туристов на русском и английском языках, размещенных в сети Интернет на специализированных сайтах: www.tripadvisor.com, www.otzovik.com, www.tophotels.ru, booking.com. Объем исследованных текстов составляет 80 тыс. знаков с пробелами на каждый язык, всего 160 тыс. знаков. Стиль и орфография отзывов сохранены.

Лексико-грамматический анализ русскоязычных интернет-отзывов туристов

Анализ языковой структуры отзывов на русском языке показал, что существуют определенные лексико-грамматические признаки положительных и отрицательных отзывов, а также существуют некоторые пограничные формулировки, которые не позволяют отнести тот или иной отзыв к положительному или отрицательному.

Русскоязычные отзывы имеют общую синтаксическую специфику, которая выражается в первую очередь в частом отсутствии подлежащего в предложении, то есть большую часть отзывов составляют ситуативные неполные предложения (*Отдыхала в гостевом доме. Ездили с ребенком. Убирают номер каждый день и меняют полотенца*), а также в наличии парцелляции (*Хорошая добрая хозяйка. Все расскажет, все покажет*.).

Признаками **положительного** отзыва являются:

- Положительная эмоционально-экспрессивная окраска слов (*отзывчивый, приветливый, вкусный, опрятный, удачный, шикарный, гостеприимство, понравился, советую, рекомендую, плюс, преимущество*) и сочетаний слов с положительной эмоционально-экспрессивной окраской (*белоснежное белье, достаточно полотенец, с мягкой кроватью, Wi-Fi бесплатный, ежедневная влажная уборка, низкие цены, с красивым видом на море, хорошее соотношение цена-качество*).
- Наличие количественных наречий разной степени интенсивности *очень, много, довольно, достаточно, вполне* (некоторые из них могут также употребляться и в отрицательных отзывах): *Внутри номера* ***достаточно*** *чистые, хорошие кровати и постельные принадлежности. Соседи по отелю* ***очень*** *приятные люди. Парковались на улице, мест* ***много****. Общее впечатление –* ***довольно*** *позитивно. Завтрак был* ***вполне*** *приемлемым.*

• Наличие прилагательных положительной эмоционально-экспрессивной окраски, употребленных в форме превосходной степени сравнения: *Месторасположение* ***самый*** *большой его плюс.* ***Самый, самый*** *лучший отель.*

• Частотной является лексема *выбор* (*на выбор, выбрать*) в различных формах и функциях, как положительный маркер альтернативы и богатства сервиса: *Утром бесплатно сауна, хороший завтрак* ***на выбор****, готовится при вас. Замечательные разнообразные завтраки (можно* ***выбрать*** *блинчики, сырники, а можно и плов с курицей), вкусный чай и кофе, есть фрукты* ***на выбор****.*

• В положительных отзывах часто присутствуют слова благодарности, выраженные лексемами *благодарность, спасибо.* Второе гораздо более частотное: *Огромная* ***благодарность*** *от нас за прекрасные условия проживания и умеренные цены.* ***Спасибо*** *за вашу работу и гостеприимство. Отдых прошел супер,* ***спасибо*** *хозяйке, приедем еще.*

• Особо следует отметить глагол *есть (3 л., ед.ч., глагола быть)* в значении *существовать, иметься, находиться,* выполняющий функцию составного именного сказуемого*: В отеле* ***есть*** *гладильная доска с утюгом. На этажах установлены кулеры,* ***есть*** *чай и кофе.* Наиболее активными сочетаниями данной лексемы с другими являются такие, как *есть + существительное*, обозначающее то или иное удобство (кровать, кулер, wi-fi и т.д.), *есть свой собственный … , есть все необходимое*.

• Отрицательное местоимение в сочетании с отрицательной эмоционально-окрашенной лексикой: *Чисто и красиво на набережной,* ***никаких жутких шашлычных запахов, орущих людей****, продавцов и прочего, всё культурно. Тишина, комфорт, чистота,* ***никаких посторонних и отвлекающих запахов*** *в отеле. Все очень понравилось* ***никаких претензий*** *к персоналу и к руководству, все очень вежливые и гостеприимные.*

• Также следует отметить лексему *плюс* в значении преимущество, выгода: *Особый* ***плюс*** *– безопасность и удобное расположение.* ***Плюсы****: просторные номера с собственной кухней, чисто, красиво.* Однако в некоторых контекстах данная лексема встречается для того, чтобы подчеркнуть единственный плюс того или иного отеля, что формирует в целом отрицательный или нейтральный отзыв, но количество таких случаев в разы меньше: *Отличное местоположение, из* ***плюсов*** *всё.*

Наиболее частотными согласно результатам, полученным при помощи инструмента PRD (ProseRhythmDetector), являются следующие лексемы, выражающие определенную эмоционально-экспрессивную окраску, а также свидетельствующие об интересе туристов к тем или иным удобствам в отеле: *очень (164), отель (163), завтрак (85), номер (82), персонал (79), чисто(чистый, чистота) (72), отличный, отлично (48+9), хороший (45), расположение (41), нет (38), рядом (34), уютный, уютно (34), приветливый (26), рекомендую (25), минус (22), спасибо (18), вежливый (18), полотенца (17), понравилось (17), телевизор (16), плюс (14), вкусный (14), ресторан (14), сервис (14), отзывчивый (13), бассейн (13), уборка (13), приятный, приятно (22), прекрасный (12), внимательный (9) и др.* Бóльшая часть слов имеет положительную эмоциональную окраску, однако это не является показателем того, что преобладают положительные отзывы, поскольку важна сочетаемость приведенных слов, которые довольно часто могут употребляться с глаголами в отрицательной форме или в составе безличного предложения с отрицанием (*В номере не очень чисто*).

Основными характеристиками **отрицательного** отзыва являются:

• Употребление наречия *очень* с отрицанием (*не очень)* в сочетании с лексемами, имеющими положительную эмоционально-экспрессивную окраску: *В ванной комнате слышно, о чем шепотом говорят соседи, да и вид из окон* ***не очень радует****, хотя для меня это было не принципиально.*

• Употребление лексем *минус, недостаток*: *Единственный* ***минус*** *– запах канализации, который иногда проявлялся (не критичный).*

• Глаголы в форме с отрицанием: *Минус – если* ***не нравится*** *шум самолетов – лишний раз* ***не открыть*** *окно. В этот раз был сломан переключатель в душе и кондиционер* ***не регулировался*** *на нужную температуру. Единственный минус, почему-то* ***не дают*** *одноразовый комплект для чистки зубов.* Отрицание может способствовать также выражению нейтрального или даже положительного значения: *Останавливаюсь* ***не в первый раз****, и как всегда все на высшем уровне.* Положительное значение, как правило, проявляется в сочетании с другими лексемами, имеющими отрицательное эмоциональное значение (недостаток): *Это* ***не является недостатком*** *отеля, скорее зависит от коммунальных служб или*

местной котельной. Всё хорошо, ***недостатков не обнаружено****.*

• Употребление частицы *нет*, выступающей в значении сказуемого в безличном предложении, неизменяемой глагольной формы от устаревшей инфинитивной формы *несть*) [Ожегов, 1986, с. 353]: ***Нет*** *кондиционера. Из минусов –* ***нет*** *лифта, так что на 3 этаж пешком. Единственное, в номере было очень душно,* ***нет*** *свежего воздуха, т.к. окна не открывались и выходили во внутренний холл отеля.*

• Употребление лексемы *далеко* в разных формах (*далековато*): *До моря* ***далеко*** *– брать такси или любой другой транспорт. Метро* ***далековато****.*

• Встречаются сочетания лексем, имеющих крайне положительную окраску, вместе со словами либо нейтральными, либо в целом выражающими отрицательное значение: *Снизила 1 бал исключительно за то, что* ***фантастическая слышимость*** *в номерах.*

Нейтральную тональность имеют отзывы, которые не содержат перечисленных выше признаков. При этом можно разделить данные примеры на три категории:

1) отзыв, который не включает лексем с эмоционально-экспрессивной окраской (положительной или отрицательной): *Отдыхали в отеле этим летом всей семьёй, с двумя маленькими детьми.*

2) отзыв, который включает «двойное» мнение, когда в первой половине предложения положительная окраска, а во второй – отрицательная или наоборот: *Сейчас появилась некоторая запущенность, требует косметического ремонта,* ***а в остальном*** *все хорошо и достойно. Номер маленький,* ***но*** *уютный.* В этом случае часто части предложения соединяются при помощи противительных союзов *а* или *но.* Также слова *кроме, хотя, в остальном* часто сопровождают отзывы с нейтральной тональностью, при этом обязательным является употребление лексемы с положительной окраской: ***Супер*** *всё,* ***кроме*** *погоды.* ***Хотя*** *оформление довольно простое, номер выглядит* ***стильно****. Стандартный номер чуть маловат для отеля такого уровня,* ***в остальном*** *– на 5 баллов.*

3) отзывы, которые могут быть ошибочно определены как нейтральные, поскольку некоторые нейтральные лексемы с точки зрения отзыва об отеле, не употребленные в отрицательной форме, имеют положительную окраску: *Завтрак у нас был* ***бесплатный****, входила в стоимость отеля (бесплатно на отдыхе – это хорошо). Также в номере* ***была гладильная доска, утюг, а на балконе – сушилка для вещей*** *(наличие электробытовых приборов – это плюс). При желании* ***можно*** *спуститься* ***покушать*** *в столовую. Весь комплекс состоит из двух отелей, Наташа Ростова и Поручик Ржевский,* ***ходить по территории можно*** *по карточке и там и там.* ***Рядом магазины, кафе, рестораны и аптека****.*

Лексико-грамматический анализ англоязычных интернет-отзывов туристов

Англоязычные интернет-отзывы выглядят намного более благожелательными по сравнению с русскоязычными. В каждом предложении отзыва, если он положительный присутствует прилагательное или наречие с ярко выраженной положительной эмоциональной окраской. При этом, даже если гость обнаруживает некоторые недочеты в работе персонала, то в большинстве отзывов во второй части предложения или в следующем предложении будет фраза, которая в целом создаст положительное впечатление об отеле: *Mother Nature was/is not kind to this beach at times. The seaweed is massive and a daily problem.* ***HOWEVER****, the staff at the resort work tirelessly to clean it up; seems like a loosing battle but I thank them for their efforts.*

Общими специфическими признаками можно назвать наличие неполных предложений, однако их частотность в разы ниже, чем в русских отзывах. Предложения распространенные, часто используются условные конструкции. С точки зрения употребления грамматических форм следует также отметить наиболее частотное употребление формы глагола be в Past Simple (was, were): *The hotel stay* ***was*** *very pleasant and comfortable. The staff* ***was*** *very polite and helpful, the location* ***was*** *very convenient for getting around and many activities. If we* ***were*** *to travel to Prague again, we would definitely stay there again!*

В англоязычных отзывах доминирующую функцию выполняют слова с положительной эмоционально-экспрессивной окраской, подчеркивающие достоинства отеля, выражающие как правило положительную оценку работы персонала, тогда как в русскоязычных отзывах большую часть составляют предложения, перечисляющие наличие удобств в номерах и характеризующие благоустройство отеля (есть утюг, балкон, кондиционер и т. д.).

Языковые признаки **положительных** англоязычных отзывов:

• Большое количество лексем с положительной эмоционально-экспрессивной окраской (в большей степени прилагательные, наречия): *extremely, beautiful, amazing, absolutely, perfectly, wonderful, lovely, excellent, friendly, helpful etc*., а также устойчивых сочетаний, выражающих положительное отношение гостей к персоналу и условия проживания: *Helpful, friendly staff, great location, must visit location, beautiful beach etc.: My stay was* ***extremely comfortable****. A* ***beautiful*** *hotel surrounded by* ***wonderful*** *staff in a* ***great*** *location.*

• Наличие положительной оценки в каждом предложении по всем описываемым позициям: ***Absolutely*** *outstanding hotel* ***perfectly*** *located.* ***Helpful****,* ***friendly*** *staff who go above and beyond to make sure you have the best time. It was a* ***lovely suprise*** *when they left a bottle of champagne in the room! Also an* ***excellent*** *breakfast buffet.*

• Устойчивые формулировки, которыми часто завершается положительный отзыв: *We will* ***definetely*** *come back with friends and I would* ***highly*** *recommend this hotel.*

• Неполные конструкции также относятся к выражению положительного отношения, но не к наличию каких-либо удобств: ***Lovely*** *hotel.* ***Very*** *comfortable. 10 minute walk to the old town. Would* ***definitely*** *stay again.*

• Если в отзыве отмечается интерьер или экстерьер отеля, то, как правило, отмечается не наличие, а дается их оценка: *The suite was* ***very good*** *with* ***comfortable furniture*** *and the bed was* ***comfortable too****.*

• Часто в отзывах называются имена официантов и служащих отеля, отмечается их положительная работа: ***Jose and Mary*** *make everything perfect in this island getaway.* ***Mary*** *makes amazing meals – fresh salads, pork with plum sauce, roasted potatoes ... and* ***Jose*** *will make sure that your every dream & wish comes true.*

• Большое количество восклицательных предложений, но редко слова благодарности (thank, thanks): *We stayed for two nights this past weekend and would highly recommend this property to anyone vacationing in Punta Cana!! This amazing villa was large and absolutely beautiful, the pool was great with plenty of privacy, and the rooms were large enough to accommodate all eight of us!! The villa is very close to the beach, club house, and golf course!! The staff took very good care of us and management made sure we had everything we needed from transportation, maps, directions, internet, food, etc. We had a great trip, thanks again for everything!!!*

• В разделе *Negative section of review* часто указывается отсутствие замечаний: *Nothing! Can't think of anything that could make it better! All details have been thought*.

Языковые признаки **отрицательных** англоязычных отзывов:

• Довольно подробное описание проблемных ситуаций, некоторые из которых заканчиваются формулировкой, выражающей надежду на то, что это больше не повторится, либо персонал учтет ошибки, либо это было случайностью, то есть присутствует некоторое стремление оправдать появление негативной ситуации: *After my complain I've got a call from manager and they fixed shower room. Also they told me the story about staff, who took my chair. Absolutely strange situation* ***but I hope they learned from it****,* ***and never again will take anything without asking****.*

We found the staff not very friendly at the beginning when we arrived but maybe I think they were so busy as there were many people and then one day before the end of our stay we found a tiny cockroach in the bathroom and then showed the pictures to the reception ***and the manager got us upgraded and changed our room and she was so nice in dealing with the situation. She called us many times to see if we like the new room and offered us a fruit basket to apologize :) Thank you we really appreciated that****!*

• Наличие большего по сравнению с положительными отзывами количества неполных предложений: ***No side door in the shower room*** *and all water goes on the floor, walls and door to the room.* ***A lot of mosquitoes, no net on the windows****.* ***Very loud at nights*** *as people throwing the bottles on the backyard (wakes me up every hours from the scared noise). Also* ***the sounds from night club downstairs very loud*** *at 2-3am and bed shakes.* ***Very noisy! No ocean view*** *from the property. But very very close to ocean though.* (Последнее предложение – компенсация отрицательного мнения).

• Часто отрицательные моменты представлены в форме условного наклонения как предлагаемый вариант для того, чтобы избежать проблемы: *The hotel is in a great location however you need to be aware that there are a lot of mosques in Sharjah and the call to prayer is very loud.* ***If you're a light sleeper it can be a bit of a problem.***

• Полностью отрицательные отзывы включают отрицательные частицы not, no с лексемами с положительным значением, а также отрицательную эмоционально окрашенную лексику *bad, worse, dirty, broken, old, below average* и др.:

Staff was ***not friendly****.* ***Cleanliness*** *was* ***very bad****! Booking directly we had a much* ***worse*** *room when booked via booking.com – shower hoses were* ***broken****, and the room overall looked* ***older****. When we arrived at the hotel, we asked to clear the tube, since it was* ***dirty****. After cleaning it* ***didn't become cleaner****! A lot of pieces of the mop, such as threads, were left on the tube. Under the washstand, we found some* ***dirty clothes****, left after previous visitors. The staff washes dirty dishes just with hands!* ***Without any sponge*** *and dishwashing liquid. So during the whole 2 weeks +- stay, sometimes we even refused from cleaning since it was* ***useless****. Food line in the restaurant was* ***below average****, we ate there three times during the whole stay.*

• Наиболее распространенная формулировка для выражения негативного мнения – *be (pretty, very, highly) disappointed*: *The hotel is totally overpriced! We were* ***very disappointed****!* Однако форма *disappointed* в сочетании с наречием времени *never* дает противоположное значение: *This was my fourth time and* ***never disappointed****.*

В англоязычных отзывах наиболее распространенными лексемами, в состав которых входят лексемы, наиболее тесно связанные с отельным бизнесом, а также эмоционально-окрашенная лексика, являются следующие: *very (144), hotel (100), beach (91), staff (70), great (65), good (59), no (52), nice (47), clean (45), beautiful (40), well (40), service (36), ocean (34), food (33) friendly (31), view (31), small (29), comfortable (27), thank (27), helpful (25), breakfast (23), recommend (22), kids (22), restaurant (21), kitchen (20), water (18), perfect (18), bedroom (18), super (17), wonderful (16), loved (15), property (15), highly (14), spacious (14), enjoyed (13), pools (13), lovely (12), negative (12), free (12), coffee (11), balcony (11), sand (11), special (11), excellent (10), crowded (9), dirty (8), terrible (8), problem (7), disappointed (7), unfortunately (6), expensive (6) etc.*

Частотность определенных слов свидетельствует об интересе гостей именно к данным элементам отдыха: отель, пляж, персонал, услуги, океан, питание, вид. Также в большом количестве отзывов отмечается пригодность или непригодность отеля для детей. В русскоязычных отзывах в большей степени наблюдается констатация факта о путешествии с детьми и лишь в некоторых случаях отмечается пригодность или непригодность для совместного путешествия.

Нейтральная тональность может выражаться в тех предложениях отзывов, которые представляют собой простую констатацию факта без выражения определенного мнения о чем либо: *We are already planning on coming back next summer. Bavaro beach is not on the Caribbean Sea, it is on the Atlantic. Cana means sugar cane in Dominican.* Хотя первое предложение вполне может быть рассмотрено как предложение с положительной тональностью, поскольку компонент *coming back* может быть включен в сочетания с положительной коннотацией, возвращение (без отрицательной частицы) свидетельствует о том, что отель гостям понравился.

Заключение

Таким образом, русскоязычные и англоязычные интернет-отзывы туристов об отелях имеют определенные общие характеристики, в частности употребление неполных предложений, а также часто в русском языке и гораздо реже в английском – отсутствие подлежащего, выраженного местоимением. Что касается лексем с положительной эмоционально-экспрессивной окраской, то в англоязычных отзывах их употребление более интенсивно по сравнению с русскими отзывами, в которых преобладают конструкции, подчеркивающие наличие удобств, услуг, информация о дальности-близости какого-либо объекта по отношению к отелю. Англоязычные отзывы в целом являются более позитивными с эмоциональной точки зрения. Несмотря на некоторые недостатки, которые довольно редко отмечаются в отзывах, авторы стараются найти положительные моменты и завершить отзыв на позитивной ноте.

Библиографический список

1. Атабекова А. А. Лингвистический дизайн WEB-страниц (сопоставительный анализ языкового оформления англо- и русскоязычных WEB-страниц). Москва : Изд-во РУДН, 2003. 202 с.

2. Баркович А. А. Интернет-дискурс: метаязыковые модели практики // Вестник Волгоградского государственного университета, 2015. Т. 14, №5(2). С. 171–183.

3. Бекетова А. А. Системообразующие признаки интернет-дискурса и ценностная картина мира // Вестник АГУ». Выпуск 2 (197). 2017. С. 32–37.

4. Бергельсон М. Б. Языковые аспекты виртуальной коммуникации. 1999. URL: http://www.rik.ru/vculture/seminar/ index.html (дата обращения: 14.05.2021)

5. Букина Л. М. Лингвистический и паралингвистический аспекты интернет-дискурса (на примере французских пользователей) // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 4. С. 125–134.

6. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Москва : Едиториал УРСС, 2002. 280 с.

7. Галичкина Е. Н. Жанровые характеристики компьютерного дискурса // Языковая личность: жанровая речевая деятельность: Тез. докл. науч. конф. Волгоград, 6-8 окт. 1998 г. ВГПУ. Волгоград : Перемена, 1998. С. 26–27.

8. Говорунова Л. Ю. Отзыв туриста как новый речевой жанр Интернет-дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 73. № 1. С. 198–203.

9. Головина Е. В. Лексико-стилистические характеристики англоязычного интернет-отзыва туриста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 9. С. 302–306.

10. Горошко Е. И. Лингвистика Интернета: формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе межвузовский сборник научных трудов. Орел : Орловский государственный институт культуры. 2007. С. 223–237. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/343952107.pdf (дата обращения: 21.05.2021)

11. Донскова О. А. Тенденции становления паравербальной графемики в системе интернет. 2004. URL: http://pn.pglu.ru/index (дата обращения: 12.05.2021)

12. Егорова Д. И. Стилистические особенности англоязычных интернет-отзывов туристов // Сборник статей лауреатов XIX Межрегиональной конференции-фестиваля научного творчества учащейся молодежи. Изд-во: Бюджетное образовательное учреждение Чувашской Республики дополнительного образования «Центр молодежных инициатив» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики (Чебоксары). 2017. С. 213–217.

13. Еремина М. А. Речевой жанр отзыва в коммуникативном пространстве Интернета // Научный диалог. 2016. № 5 (53). С. 34–45.

14. Жирков М. И. Интернет-дискурс и проблема его соотношения с другими видами интернет-коммуникации // Современная наука: тенденции развития. 2016. № 16. С. 26–29.

15. Миронова Н. Н. Оценочный дискурс: проблемы семантического анализа // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1997. Том 56. № 4. С. 52–59.

16. Нелюбина Е. А., Амитрова М. В., Гусарова Ю. В. Языковые особенности Интернет-дискурса // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. №4. С. 21–23.

17. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Москва : Русский язык, 1986. 797 с.

18. Смирнов Ф. О. Национально-культурные особенности лингвистического дизайна веб-страниц // Языковое сознание: устоявшееся и спорное. XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 29-31 мая 2003 г. Москва, 2003. С. 251–252.

19. Терских М. В. Жанр интернет-отзыва в туристическом дискурсе (маркетинговый потенциал) // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 274–283.

20. Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. Москва : Изд-во РУДН, 2004. 300 с.

21. Тулупова Е. Н., Головина Е. В. Лексико-стилистические особенности интернет-отзыва туриста // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов : Грамота, 2019. Том 12. Вып. 5. С. 257–261. URL: www.gramota.net/materials/2/2019/5/55.html (дата обращения: 23.05.2021)

22. Шейгал Е. И., Карасик В. И. Компьютерный жаргон как лингвокультурный феномен // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград : Перемена, 1996. С. 223–237.

23. Burnett R., Marshall D. Web Theory: An Introduction. London – New York : Routledge, 2003. 256 p.

24. Dahlström J. Internet language in user-generated comments. Rarlstads Universitet, 2012.

25. Gauntlett D. Web. Studies: Rewriting Media Studies for the Digital Age. London : Arnold, 2000. 264 p.

26. Sun Hong-mei A Study of the Features of Internet English from the Linguistic Perspective // Studies in Literature and Language Vol. 1. No. 7, 2010. P. 98–103.

Reference list

1. Atabekova A. A. Lingvisticheskij dizajn WEB-stranic (sopostavitel'nyj analiz jazykovogo oformlenija anglo- i russkojazychnyh WEB-stranic) = Linguistic design of WEB-pages (comparative analysis of linguistic design of English and Russian WEB-pages). Moskva : Izd-vo RUDN, 2003. 202 s.

2. Barkovich A. A. Internet-diskurs: metajazykovye modeli praktiki = Internet discourse: meta-linguistic practice models // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 2015. T. 14, №5(2). S. 171–183.

3. Beketova A. A. Sistemoobrazujushhie priznaki internet-diskursa i cennostnaja kartina mira = System-forming features of Internet discourse and the value picture of the world // Vestnik AGU». Vypusk 2 (197). 2017. S. 32–37.

4. Bergel'son M. B. Jazykovye aspekty virtual'noj kommunikacii = Linguistic aspects of virtual communication. 1999. URL: http://www.rik.ru/vculture/seminar/ index.html (data obrashhenija: 14.05.2021)

5. Bukina L. M. Lingvisticheskij i paralingvisticheskij aspekty internet-diskursa (na primere francuzskih pol'zovatelej) = Linguistic and paralinguistic aspects of Internet discourse (on the example of French users) // Vestnik RUDN, serija Teorija jazyka. Semiotika. Semantika. 2016. № 4. S. 125–134.

6. Vol'f E. M. Funkcional'naja semantika ocenki = Functional semantics of evaluation. Moskva : Editorial URSS, 2002. 280 s.

7. Galichkina E. N. Zhanrovye harakteristiki komp'juternogo diskursa = Genre characteristics of computer discourse // Jazykovaja lichnost': zhanrovaja re-

chevaja dejatel'nost': Tez. dokl. nauch. konf. Volgograd, 6-8 okt. 1998 g. VGPU. Volgograd : Peremena, 1998. S. 26–27.

8. Govorunova L. Ju. Otzyv turista kak novyj rechevoj zhanr Internet-diskursa = Tourist feedback as a new speech genre of Internet discourse // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Iskusstvovedenie. 2013. Vyp. 73. № 1. S. 198–203.

9. Golovina E. V. Leksiko-stilisticheskie harakteristiki anglojazychnogo internet-otzyva turista = Lexical and stylistic characteristics of Internet tourist feedback in English // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2019. T. 12. Vyp. 9. S. 302–306.

10. Goroshko E. I. Lingvistika Interneta: formirovanie disciplinarnoj paradigmy = Internet linguistics: forming a discipline paradigm // Zhanry i tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Orel : Orlovskij gosudarstvennyj institut kul'tury. 2007. S. 223–237. URL: https://core.ac.uk/download/pdf/343952107.pdf (data obrashhenija: 21.05.2021)

11. Donskova O. A. Tendencii stanovlenija para-verbal'noj grafemiki v sisteme internet = Trends in the formation of para-verbal grammar in the Internet system. 2004. URL: http://pn.pglu.ru/index (data obrashhenija: 12.05.2021)

12. Egorova D. I. Stilisticheskie osobennosti anglojazychnyh internet-otzyvov turistov = Stylistic characteristics of Internet tourist feedback in English // Sbornik statej laureatov XIH Mezhregional'noj konferencii-festivalja nauchnogo tvorchestva uchashhejsja molodezhi. Izd-vo: Bjudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie Chuvashskoj Respubliki dopolnitel'nogo obrazovanija «Centr molodezhnyh iniciativ» Ministerstva obrazovanija i molodezhnoj politiki Chuvashskoj Respubliki (Cheboksary). 2017. S. 213–217.

13. Eremina M. A. Rechevoj zhanr otzyva v kommunikativnom prostranstve Interneta = The genre of feedback in the Internet communicative space // Nauchnyj dialog. 2016. № 5 (53). S. 34–45.

14. Zhirkov M. I. Internet-diskurs i problema ego sootnoshenija s drugimi vidami internet-kommunikacii = Internet discourse and the problem of its relation to other types of Internet communication // Sovremennaja nauka: tendencii razvitija. 2016. № 16. S. 26–29.

15. Mironova N. N. Ocenochnyj diskurs: problemy semanticheskogo analiza = Evaluative discourse: problems of semantic analysis // Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija literatury i jazyka. 1997. Tom 56. № 4. S. 52–59.

16. Neljubina E. A., Amitrova M. V., Gusarova Ju. V. Jazykovye osobennosti Internet-diskursa = Linguistic features of Internet discourse // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2014. №4. S. 21–23.

17. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka = The Russian language dictionary. Moskva : Russkij jazyk, 1986. 797 s.

18. Smirnov F. O. Nacional'no-kul'turnye osobennosti lingvisticheskogo dizajna veb-stranic = National and cultural characteristics of web page linguistic design // Jazykovoe soznanie: ustojavsheesja i spornoe. XIV Mezhdunarodnyj simpozium po psiholingvistike i teorii kommunikacii. Tezisy dokladov. Moskva, 29-31 maja 2003 g. Moskva, 2003. S. 251–252.

19. Terskih M. V. Zhanr internet-otzyva v turisticheskom diskurse (marketingovyj potencial) = Internet review genre in tourist discourse (marketing potential) // Politicheskaja lingvistika. 2014. № 4 (50). S. 274–283.

20. Trofimova G. N. Jazykovoj vkus internet-jepohi v Rossii: Funkcionirovanie russkogo jazyka v Internete: konceptual'no-sushhnostnye dominanty = Linguistic taste of the Internet age in Russia: Internet functioning of the Russian language: conceptual and essential dominants. Moskva : Izd-vo RUDN, 2004. 300 s.

21. Tulupova E. N., Golovina E. V. Leksiko-stilisticheskie osobennosti internet-otzyva turista = Lexical and stylistic features of online tourist reviews // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Tambov : Gramota, 2019. Tom 12. Vyp. 5. C. 257–261. URL: www.gramota.net/materials/2/2019/5/55.html (data obrashhenija: 23.05.2021)

22. Shejgal E. I., Karasik V. I. Komp'juternyj zhargon kak lingvokul'turnyj fenomen = Computer jargon as a linguistic and cultural phenomenon // Jazykovaja lichnost': kul'turnye koncepty. Volgograd : Peremena, 1996. S. 223–237.

23. Burnett R., Marshall D. Web Theory: An Introduction. London – New York : Routledge, 2003. 256 p.

24. Dahlström J. Internet language in user-generated comments. Rarlstads Universitet, 2012.

25. Gauntlett D. Web. Studies: Rewriting Media Studies for the Digital Age. London : Arnold, 2000. 264 p.

26. Sun Hong-mei A Study of the Features of Internet English from the Linguistic Perspective // Studies in Literature and Language Vol. 1. No. 7, 2010. R. 98–103.

УДК 81’373.49

Л. А. Тюкина **https://orcid.org/0000-0002-5676-2325**

Двуплановость текста анекдота (на материале русско-, немецко- и англоязычного бытового анекдота)

Для цитирования: Тюкина Л. А. Двуплановость текста анекдота (на материале русско-, немецко- и англоязычного бытового анекдота) // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 116–124. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-116-124

Цель исследования – выявление общих черт и различий в структурных характеристиках малого фольклорного жанра «анекдот» с использованием животных в тексте анекдота в русской, немецкой и английской лингвокультурах на основе теории В. Раскина об амбивалентности сценариев. В статье исследуются анекдоты, представляющие собой юмористический диалогический дискурс. Дается определение дискурса и юмористического диалогического дискурса, раскрываются его характерные черты. Затрагиваются вопросы композиционно-структурных особенностей анекдота. Выявляется процесс создания комического эффекта в анекдоте. Методом сплошной выборки собрана база анекдотов на трех языках исследуемых лингвокультур, которые представляют собой диалог. Для данного исследования отобраны только анекдоты, содержащие в себе диалоги «животное – человек» или «животное – животное». Рассматривается текст анекдота с точки зрения его структурно-композиционных особенностей. Автор проводит анализ анекдотов с точки зрения переплетения двух и более сценариев. Лингвистическое исследование проводится прежде всего на корпусе анекдотов, представленных в письменной форме. В центре исследования находится кульминационный момент анекдота – пуанта. Для подтверждения теории бинарных сценариев из корпуса анекдотов выбраны только те, которые относятся к анекдотам о животных и с животными, поскольку участие в диалоге животных указывает на нереальность происходящего как один из сценариев. Выявлено, что центральные скриптовые оппозиции, составляющие кульминационную строку, более специфичны и располагаются на совершенно простых и не столь важных элементах. Научная новизна заключается в обобщении и систематизации основных проявлений закона амбивалетности сценариев в анекдоте трех лингвокультур.

Ключевые слова: юмористический диалогический дискурс, бытовой анекдот, структурно-композиционные особенности, амбивалентность, пуанта, интродукция, оппозиция скриптов.

L. A. Tyukina

Twofold character of a joke (on russian, german, and english jokes)

The aim of the study is to identify common features or differences in the structural characteristics of a small folklore genre of «joke» using animals in the text of the joke in the russian, german and english linguocultures based on B. Raskin’s theory on the ambivalence of the scenarios. The article studies the jokes which represent a humorous dialogic discourse. The author defines discourse and humorous dialogic discourse, reveals its characteristic features, touches upon the compositional and structural characteristics of a joke and describes the process of creating a comic effect in a joke. Only jokes containing «animal-to-man» or «animal-to-animal» dialogues have been selected for this study. Jokes representing dialogues in three languages are collected by the continuous sampling method. The text of a joke is considered in terms of its structural and compositional features. The author analyzes the jokes in terms of two or more scenarios intertwining. Linguistic research is conducted primarily on written jokes. At the center of the study is the culmination of the joke, a pointe. To confirm the theory of binary scenarios only jokes related to animals have been selected, since the animal participation in the dialogue indicates the unreality of what is happening as one of the scenarios. It was found that the central scripting oppositions that make up the culmination line are more specific and simply placed on completely unimportant elements. The scientific novelty of the article is presented in summarizing and systematizing the main manifestations of the ambivalence law of scenarios in a joke.

Key words: humorous dialogical discourse; everyday joke; structural and compositional features, ambivalence, pointe, introduction, opposition of scripts.

© Тюкина Л. А., 2021

Введение

Анекдоты представляют собой универсальный объект лингвистического исследования. Достаточно давно проводятся различные исследования и ведутся дискуссии о том, что на самом деле характеризует анекдот как жанр, и что в целом характеризует юмористический дискурс. В отечественной лингвистике этим вопросом активно занимаются такие известные ученые, как Е. Я. Шмелева и А. Д. Шмелев, В. В. Химик, В. И. Карасик, Н. Д. Миловская и др., в зарубежной лингвистике эту тему исследуют Бернгард Марфурт (Bernhard Marfurt), Хельга Коттхоф (Helga Kotthoff), Виктор Раскин (Victor Raskin) и др. Тема анекдота, шутки интересует исследователей достаточно давно, например, сюда же можно отнести и Фрейда (1905/1972), который занимался изучением психодинамики шутки, прежде всего грязных шуток или анекдотов, приписывая юмору и смеху общую разгрузочную функцию [Freud, 1985].

В лингвистической литературе об анекдотах основная дискуссия велась по поводу их семантической структуры текста (Хоккет 1977, Марфурт 1977, Раскин 1985, Аттардо 1993, Рух/Аттардо/Раскин 1993). В исследованиях юмористического дискурса «всегда фигурирует, в той или иной языковой форме, понятие сценария и двойственности/амбивалентности. Данные понятия используются как средства представления сценариев в неожиданном ракурсе и создания условий для неоднозначной, двусмысленной трактовки одного и того же контекста, что, в конечном итоге ведет к созданию комического эффекта» [Наговицына, 2015, с. 99]. В центре этих исследований анекдота, представленного в письменной форме, находилась конструкция пуанты (Pointe). Лингвистическое исследование анекдота во многом основано на анализе текста анекдота, переданного в письменной форме [Kotthoff, 1995]. Для анализа анекдота многие зарубежные исследователи, в частности, Хельга Коттхоф, опираются на «семантическую теорию на основе сценария», разработанную Раскиным [Raskin, 1985, с. 81].

Методы исследования

В настоящей работе предпринимается попытка выявить универсальные и национально-специфические особенности анекдотов трех лингвокультур (русской, немецкой и английской), передаваемых как устно, так и письменно, с точки зрения пересечения сценариев, поскольку именно этот аспект представляется недостаточно изученным. Для проведения анализа собран корпус анекдотов на русском, немецком и английском языках, при этом фокус сделан только на анекдотах в форме диалога. Таким образом, в работе анализу подверглись анекдоты, представляющие собой **юмористический диалогический дискурс**. Для проведения данного исследования методом сплошной выборки было отобрано 150 анекдотов (по 50 анекдотов на русском, английском и немецком языках). Исследованию подверглись анекдоты из российских, немецких и британских Интернет-ресурсов. Следует подчеркнуть, что для данной статьи были отобраны только анекдоты, содержащие в себе диалоги в паре «животное – животное» или «животное – человек». Не принимались во внимание анекдоты в форме монолога, а также анекдоты, в которых не два, а три и более участника. Следует отметить, что все виды анекдотов встречаются довольно часто, и по завершении отбора исследуемого материала автор пришел к выводу о том, что в процентном соотношении количество анекдотов, представленных в форме монолога, диалога и полилога, приблизительно равно. Цель такого отбора состоит в получении достоверных результатов в исследовании и выявлении общих и отличительных характеристик композиционной структуры анекдота в русской, немецкой и английской лингвокультурах.

Прежде чем перейти к анализу самих текстов русско-, немецко- и англоязычных анекдотов, считаем целесообразным уточнить, что в настоящей работе понимается под юмористическим диалогическим дискурсом. **Юмористический дискурс**, по мнению В. И. Карасика, представляет собой «текст, погруженный в ситуацию смехового общения». Ситуация смехового общения с точки зрения коммуникации, по В. И. Карасику, характеризуется такими признаками, как намерение участников избежать серьезного разговора, придать общению юмористическую тональность, наличие сложившихся моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре [Карасик, 2002, с. 252]. Поскольку анекдот чаще всего представляет собой процесс живого речевого общения, то в нем «наблюдаются всевозможные от-

© Тюкина Л. А., 2021

клонения от стандартной и общепринятой устной и письменной речи» [Мельникова, 2019, с. 99].

Такие же характерные признаки находим и в работах отечественного лингвиста В. Д. Девкина, где, помимо того, отмечается, что эффект комического достигается двумя способами, то есть существует комизм слова и комизм ситуаций [Девкин, 1998, с. 6].

Анекдот представляет собой связный фольклорный текст – речевое (монологическое или диалогическое) произведение, относящееся к жанру коротких рассказов с неожиданной остроумной заключительной частью и характеризующееся такими признаками, как *краткость, цельность, ситуативность, легкая воспроизводимость и воспринимаемость, юмористический или шуточный эффект* (*воздействие*). Все перечисленные характеристики анекдота как связного текста, погруженного в ситуацию общения, позволяют отнести его к **юмористическому дискурсу**. «Понятие диалога (дискурса), как правило, подразумевает наличие двух сторон, даже если каждая из них представлена более чем одним говорящим» [Бабаян, 2010, с. 90]. Следует отметить, что авторы рассматривают *бытовой* анекдот в трех исследуемых лингвокультурах. Термин «бытовой анекдот» был введен исследователем Н. Д. Миловской [Миловская, 2009, с. 82].

Текст анекдота, представленного в форме диалогического дискурса, с точки зрения структурно-композиционных особенностей представляется как набор фразовых рядов со своей тематикой и информационным посылом, построение же этих рядов зависит от прагматической установки самого рассказчика. Рассказчик может реализовать целевую установку, подобрав соответствующие тематические ряды. Текст анекдота имеет структурно-композиционную организацию и предопределяется специфическими условиями передачи и восприятия: установкой на аудиторию. Кроме этого, текст анекдота с точки зрения структурной организации подчинен его прагматике – рассказчику необходимо воздействовать на слушателя, выполняя при этом функции разряжения обстановки или подведения какого-либо итога разговора. Текст анекдота демонстрирует свою цельность, которая прослеживается в единстве коммуникативной задачи рассказывающего: в первую очередь, это единство тематики, поскольку анекдот всегда рассказывается «в тему». В анекдоте можно выявить наличие смысловых блоков, которые характерны для этого вида текстов. В большинстве случаев текст анекдота содержит клишированные фразы начала (вступления) и (иногда) заключения. С позиции текста анекдот – это единство двух (иногда трех) базовых структурно-композиционных компонентов (тематических рядов): вступления (интродукции), основной части и заключения (остроты, Pointe). Соединение этих структурных компонентов выполняет важную текстообразующую функцию – обеспечение восприятия текста анекдота как единого целого. Отметим, что вступление в текстах анекдота несет в себе большую структурно-композиционную нагрузку. Во вступлении актуализируется тема, определяется проблематика [Тюкина, Бабаян, 2020].

Исследователь лингвистического юмора и основатель теории семантических сценариев В. Раскин считает, что можно предполагать наличие комической коммуникации, если есть два сценария, которые находятся в отношениях оппозиции. «Переход от одного сценария к другому осуществляется с помощью некоего структурного элемента, который может быть эксплицитно выражен в тексте анекдота» [Raskin, 1985]. Важно отметить, что такой смысловой элемент или группа элементов являются структурными компонентами обоих сценариев, находящихся в отношениях оппозиции, то есть находятся на пересечении информационных полей участников коммуникации. Опираясь на теорию юмора В. Раскина, можно сказать, что в представленных анекдотах есть некое «двоичное противопоставление», составляющее кульминацию, потому что в этих анекдотах есть совершенно разные возможности для противопоставления реального и нереального. Согласно В. Раскину, комический эффект проявляется в комбинации двух семантических сценариев при помощи определенного переключателя (*англ.* trigger). Переключатель представляет собой структурный элемент, как правило, эксплицитно выраженный в тексте анекдота или шутки. Переключатель бывает как неоднозначным, основанным на многозначности (лексем, слов, явлений), что приводит к непереводимости комического, или контрадикторным, то есть основанным на противоречии одной ситуации другой, что позволяет перевести комическое на другой язык, не теряя при этом юмористического смысла. Сценарий анекдота несет в себе семантическую информацию и, по мнению Раскина, моделирует лингвистическую и экстралингвистическую компетенцию человека. «Соположение сценариев вызывает в сознании человека **одну из оппозиций**: реальное / нереальное, истинное /

ложное, возможное/невозможное, нормальное/ненормальное и т. д., которые касаются важных категорий человеческого существования» [Матвеева, 2015]. Теория В. Раскина оказывается при ближайшем рассмотрении произвольной конструкцией, которая в общих чертах правильна, но оставляет без ответа вопрос, какое из множества двоичных оппозиций в анекдоте подходит для запуска пусковой строки. Если бы существовал клишированный набор таких скриптов, которые переходили бы от анекдота к анекдоту, то слушатели анекдотов легко могли бы построить «кульминационный момент».

Совместимость двух сценариев наблюдаем в работе Х. Коттхоф на примере простого немецкоязычного анекдота:

- *«Ist der Doktor zu Hause?» fragt der Patient mit flüsternder Erkältungsstimme.*

- *«Nein», haucht die junge, hübsche Frau zurück, «kommen Sie doch schnell herein»* [Kotthoff, 1995, s. 29]. //

«Доктор дома?» – простуженно ***шепчет пациент****.*

«Нет», – ***вздыхает молодая, красивая женщина*** *в ответ, – «быстро заходите»* (перевод здесь и далее наш. – Л. Т.).

Как видим, анализируемый текст анекдота совмещает в себе два сценария: первый – сценарий «визит пациента к врачу» и второй – сценарий соблазнения. Такой атрибут одного из участников диалога, как «шепот» вводит возможность подключения двоичного сценария. В тексте анекдота отмечается, что женщина молодая и красивая – *haucht die junge, hübsche Frau zurück,* – и это, очевидно, не имеет никакого отношения к докторскому сценарию. Как видим, анализируемый анекдот содержит очень много дополнительной информации. Слушатели этого диалогического речевого произведения понимают, что к «визиту к доктору» этот анекдот уже не имеет отношения, и поэтому переключаются на другой сценарий, то есть ищут смысл в другом сценарии, сценарии соблазнения. Два сценария перекрываются [Kotthoff, 1995, s. 29].

Можно утверждать, что причина смешного кроется не только в построении кульминационной линии, так называемой “Pointe”, но и в соответствующем стилистическом оформлении шутливых персонажей, их жизненных миров и диалогов. Например,

(1) (рус.) «Маленький верблюжонок подходит к маме:

– Мама, зачем нам нужны такие ***страшные большие перепончатые ноги****?*

– Ну как же, мы ведь живем в пустыне, ходим по пескам, на таких ногах гораздо удобнее ходить по пескам.

– Мама, а зачем нам ***эти уродливые два горба*** *на спине?*

– Дитятко, мы ведь – корабли пустыни, мы можем долго, долго ходить по пескам без воды, она у нас хранится в горбах на спине. Это наши запасы, которые спасают нас от смерти в пустыне.

– Мама, а ***зачем нам все это в зоопарке?»*** [https://myanekdot.ru/anekdoty-pro-zhivotnyh-samye-smeshnye].

Как видим, в приведенном русскоязычном анекдоте переплетаются различные дуализмы сценария. Анекдот начинается с дуализма реальных не говорящих верблюдов и тех, кто говорит в мире юмора. Верблюжонок также задает вопросы, которые в вымышленном мире шуток кажутся такими же абсурдными, как и в реальном мире. Однако отметим, что кульминационная линия строится на неожиданном противопоставлении вопроса верблюжонка рассказу его мамы о том, зачем верблюду горбы и перепончатые ноги. Опираясь на теорию В. Раскина, можем сказать, что «двоичную оппозицию», составляющую кульминацию, в первую очередь можно определить по началу вопроса *«а зачем…?»*.

В анализируемом тексте анекдота, представляющем диалог двух верблюдов, есть совершенно разные возможности для противостояния реального / нереального. Как уже упоминалось, оппозиция центрального сценария основывается на неожиданном элементе. До последней фразы анекдота-диалога – *Мама, а* ***зачем нам все это в зоопарке?*** – слушатель не понимает, что не так: верблюду действительно нужны эти перепончатые лапы и *«два уродливых»,* по словам верблюжонка, горба, чтобы выживать в пустыне, но, в то же время без них можно прекрасно обойтись в условиях зоопарка. Можно предположить, что именно неожиданность оппозиции семантических сценариев и порождает комическое. Аналогичный анекдот мы находим и в подборке немецких анекдотов:

(2) (нем.) Ein Kamelkind fragt seinen Papa: «Wieso haben Kamele zwei Höcker auf dem Rücken?» Der Papa antwortet: «In den Höckern speichern wir Wasser und Nahrung, für unsere Zeit in der Sahara». Kamelkind: «Mh, und warum sind meine Wim-

pern so lang?» Kamelvater: «Die schützen deine Augen vor dem Sand, wenn wir in der Sahara unterwegs sind» Kamelkind: «Verstehe, aber warum leben wir im Zoo?» [https://witze.woxikon.de/tierwitze]

Эту же теорию двоичной оппозиции можно подтвердить и другим анекдотом:

(3) (рус.) «Разговаривают две охотничьи собаки:

- Вчера идем с хозяином по лесу, вдруг из кустов выскакивает медведь! А хозяин, блин, склеротик, патроны дома забыл. Ну, я как брошусь на него, как заору!

- Какая ты смелая! Бросилась на зверя!

- Да на какого зверя?! На хозяина бросилась, обняла его лапами и кричу: «Бежим, придурок!» [https://bipbap.ru/anekdoty/anekdoty-pro-zhivotnyh.html].

В исследуемом русскоязычном анекдоте, как видим, также наблюдаются два сценария: нереальность происходящего – две собаки общаются между собой и неожиданная кульминация их диалога: собака не защищает хозяина, она уговаривает его бежать (*«Бежим, придурок!»*). Ожидаемый, конвенциональный сценарий развития диалога в данном анекдоте подразумевает обмен репликами-высказываниями восхищения смелостью собаки и ответную гордость второго пса, сформированные коммуникативной целью: обмен мнениями. Однако информация в последней ответной реплике «ломает» исходный ожидаемый сценарий, создавая условие комической амбивалентности. Комическая амбивалентность создается за счет оппозиции устойчивого сценария (собака – защитник человека, тем более охотничья собака) и текущего ситуативного сценария (*«Бежим, придурок!»*).

Далее считаем целесообразным рассмотреть похожие диалогические ситуации в немецкой и английской лингвокультурах. Продолжая тему нереальности происходящего, проанализируем анекдоты, основанные так же на диалогах животных в этих двух лингвокультурах.

(4) (нем.) Ein Wolfshund und ein Ameisenbär begegnen sich. Fragt der Ameisenbär: «Was bist du denn für ein Tier?» – «Ich bin ein Wolfshund. Mein Vater ist ein Wolf und meine Mutter ist ein Hund. Und du?» – «Ich bin ein Ameisenbär.» – «Ach komm, das glaubst du doch selbst nicht!» [http://witze.net/tier-witze] // *Волкодав и муравьед встречаются. Муравьед спрашивает: «Что ты за животное?» – «Я волкодав. Мой отец – волк, а мать – собака. А ты?» – «Я муравьед». – «Да ладно, ты сам не веришь в это!»*

В представленном немецкоязычном анекдоте юмор основан на игре слов *Wolfshund* = *Wolf* + *Hund* (волк + собака = волкодав или волкособ), при этом *Ameisenbär* = *Ameise* + *Bär* (муравей + медведь = муравьед). В данном примере для усиления комического смысла анекдота используется гипербола. Гипербола – стилистическое средство, на основе количества или качества превышающее некоторое значение явления или сущности. Лингвистический контраст здесь обыгрывается через *размер,* то есть через использование двух фреймов «муравей» / «медведь», поскольку данные значения находятся в отношениях противопоставления *(маленький / большой).* Перекрытие двух сценариев происходит не только по причине нереальности происходящего, но и по причине рассогласованности в голове волкодава, который видит перед собой достаточного небольшого зверька муравьеда, но при этом не понимает, что должно произойти с крошечным муравьем и огромным медведем, чтобы получился такой зверь. Как отмечает исследовательница юмора Х. Коттхофф, анекдот может иметь успех лишь в том случае, когда шутка, содержащаяся в нем, базируется на общих знаниях (*нем.* geteiltes Wissen) коммуникантов [Kotthoff, 1995]. Поэтому данный анекдот *(4)*, переведенный на русский язык, теряет всякий смысл, поскольку в русском языке значение этого зверька вполне понятно и объяснимо: «поедающий муравьев». Отметим, что анализируемый анекдот относится к категории *языковых* анекдотов, основанных на игре слов и не подлежащих переводу, поскольку при переводе исчезает «соль» анекдота. «Языковые анекдоты, являющиеся порождением индивидуального или «народного» речетворчества, опираются на лингвокреативный тип мышления их создателей, когда языковой потенциал используется для творческого отступления от стандарта, интересны для изучения и будут понятны читателям или слушателям в том случае, если последние, как и творцы языковой игры, будут обладать лингвокреативным мышлением» [Сосой, 2018, с. 155].

(5) (нем.) Eine Giraffe und ein Häschen unterhalten sich. Sagt die Giraffe: «Häschen, wenn du wüsstest, wie schön das ist, einen langen Hals zu haben. Das ist sooo toll! Jedes leckere Blatt, das ich esse wandert langsam meinen langen Hals hinunter und ich genieße diese Köstlichkeit soo lange.» – Das Häschen guckt die Giraffe ausdruckslos an. – «Und erst im Sommer, Häschen, ich sag dir, das kühle Wasser ist so köstlich erfrischend, wenn es langsam meinen langen Hals hinuntergleitet. Das ist soooo schön, einfach toll einen so langen Hals zu haben. Häschen,

kannst du dir das vorstellen!?» – Häschen ohne Regungen: «Schon mal gekotzt?» [http://witze.net/tierwitze] // *Разговаривают жираф и заяц. Жираф говорит: «Заяц, если бы ты только знал, как приятно иметь длинную шею. Это так здорово! Каждый вкусный лист, который я ем, медленно движется вниз по моему длинному горлу, и я наслаждаюсь этим деликатесом так долго». – Заяц смотрит на жирафа без какого-либо выражения. – «А летом, заяц, прохладная вода так вкусно освежает, медленно скользя по длинному горлу. Это так классно, просто здорово иметь такую длинную шею. Заяц, можешь себе представить?» – Заяц без эмоций: «Тебя когда-нибудь рвало?»*

В приведенном примере немецкоязычного анекдота продолжается всё та же нереальность ситуации, но при этом возникает абсолютно неожиданная кульминация. Вся речь жирафа завораживает своим рассказом о том, как же здорово иметь длинную шею, и, предполагая, что заяц вроде бы должен провести какие-то сравнения с тем, как плохо зайцам живется с заячьей шеей, слушатель вдруг получает весьма ощутимый негативный ответ зайца: *«Schon mal gekotzt?» – «Тебя когда-нибудь рвало?».* Комизм данной ситуации создается благодаря эффекту обманутого ожидания.

Следующий англоязычный анекдот представляет собой интерес тем, что в нем перекрываются не два, а три сценария:

(6) (англ.) A snake goes in to see the optometrist because his eyesight is failing. «It's actually affecting my life. I can't hunt anymore because I can't see.» The doctor fits the snake for glasses and the snake immediately notices an improvement in his eyesight. A week later, the doctor calls the snake to check how the glasses are holding up. «They're fine,» the snake answers. «But now I'm being treated for depression.» «Depression?» the doctor asks. «Yeah, my eyesight cleared up, but it made me realize I've been dating a garden hose.» [Donohue, 2014, p. 154] // *Змея заходит к офтальмологу, потому что у нее портится зрение. «Это на самом деле* ***негативно*** *влияет на мою жизнь. Я больше не могу охотиться, потому что не вижу». Доктор подбирает змее очки, и змея сразу замечает улучшение зрения. Неделю спустя доктор звонит змее, чтобы проверить, как держатся очки. «Они в порядке», – отвечает змея. «Но сейчас меня лечат от депрессии». «Депрессия?» – спрашивает доктор. «Да, мое зрение стало лучше, но это заставило меня понять, что я встречаюсь с садовым шлангом».*

Проанализируем наличие трех сценариев: 1) Змея приходит к доктору – *A snake* ***goes in to see the optometrist*** *because* ***his eyesight is failing***. Из курса биологии мы знаем, что змеи не отличаются хорошим зрением, они видят всё через некую дымку или пленку. 2) Доктор подбирает змее очки: *The doctor fits the snake for glasses* – данное занятие абсурдно по своей сути, но при этом есть вид змей «очковая змея», возможно автор анекдота хотел выразить комический эффект и через этот факт; и 3) змея начинает анализировать свою жизнь (вначале это звучит так: *It's actually affecting my life. I can't hunt anymore because I can't see)*, а при **повторном** посещении доктора анализ жизненной ситуации змеи служит кульминацией данного анекдота: *Yeah, my eyesight cleared up, but it made me realize I've been dating a garden hose.*

Иногда «адекватная интерпретация высказывания, выступающего в дискурсе, требует знания предшествующего контекста» [Бабаян, 2017, с. 79], что мы видим в следующем англоязычном анекдоте:

(7) A grasshopper walks into a crowded bar. He sits down on a stool and orders a glass of beer. The bartender says, «That's funny. I figured you'd order something different, especially since we've got a drink named after you.» The grasshopper looks at the bartender baffled and says, «You've got a drink named Stan?» [Donohue, 2014, p. 161] // *Кузнечик заходит в переполненный бар. Он садится на табурет и заказывает бокал пива. Бармен говорит: «Забавно. Я думал, что ты закажешь что-нибудь другое, тем более, у нас есть напиток, названный в твою честь». Кузнечик* ***озадаченно*** *смотрит на бармена и говорит: «У тебя есть напиток по имени Стэн?»*

В данном анекдоте *(7)* также перекрываются два сценария: первый – нереальность ситуации, кузнечик заходит в бар и заказывает пиво; второй сценарий – бармен вступает в диалог с кузнечиком. Бармен не удивлен появлению кузнечика, вполне возможно потому, что бармен обязан быть вежливым и дружелюбным в общении со всеми клиентами, будь то человек или кузнечик. И его не удивляет, что кузнечик заказывает пиво, его удивляет другое: *Я думал, что ты закажешь что-нибудь другое, тем более, у нас есть напиток, названный в твою честь.* При этом в анекдоте упоминается, что кузнечик *озадачен* ответом бармена. Кроме того, в данном анекдоте наблюдаем и игру слов. Дело в том, что *grasshopper* – это не только «кузнечик» в английском языке, но и «алкогольный коктейль,

смешиваемый из сливок, мятного и шоколадного ликера в равных количествах. Обладает сладким мятным вкусом, подают в качестве дижестива. Своё название коктейль получил из-за своего зелёного цвета, который ему придаёт один из ингредиентов – мятный ликёр. Коктейль входит в число официальных коктейлей Международной ассоциации барменов (IBA), категория «Современная классика» (англ. *Contemporary classics*)» [https://therumdiary.ru/koktejli/klassika-mba/koktejl-kuznechik-grasshopper.html]. Этот коктейль оказался настолько популярным, что появились разного рода шутки, отличающиеся в разных языках только именем кузнечика: иногда его называют Карл, Стив или другим именем, в зависимости от географического места, где его рассказывают.

Действующие лица в приведенных выше анекдотах изображаются через различные вербальные и просодические средства прямого воспроизведения речи и через детали жизненного мира. Для исследования такого типа анекдотов следует учесть более тесную связь между семантическим и интерактивным анализом. В представленных выше анекдотах, действительно, переплетаются различные дуализмы сценария. Комичность текста анекдота начинается с дуализма реальных не говорящих зверей и тех, кто говорит в мире юмора. Вся выборка анекдотов для данного исследования подтверждает теорию В. Раскина, по крайней мере, в одной из оппозиций – реальное / нереальное. В работе предпринимается попытка выявить общее и различия в текстах анекдота трех лингвокультур. Если опираться на более раннее исследование о наличии интродуктивной строки [Тюкина, Бабаян, 2020], то можем прийти к следующему выводу: в анекдотах, где встроены диалоги по типу «человек – животное» или «животное – животное» обязательно присутствует интродукция, в противном случае (если интродуктивная строка будет отсутствовать) такого рода анекдот не «встроить» плавно и уместно в речь партнеров по коммуникации. Невозможно вырвать диалог «человек – животное» или «животное – животное» из контекста анекдота, не нарушив закона амбивалентности. Такой диалог сразу теряет всякий смысл, и искажается когнитивное восприятие шутки.

Результаты исследования

Таким образом, можем заключить, что анекдот, представляющий собой юмористический диалогический дискурс в русской, немецкой и английской лингвокультурах обладает рядом универсальных структурно-композиционных особенностей, в них могут переплетаться два и более сценария. Текст, являясь главной единицей общения, обладает способностью отражать реальность, а именно, определенную ситуацию. Особенностью семантики анекдота является то, что в ней сказывается, по крайней мере, два обстоятельства. В конвенциональном общении адекватное восприятие речи обеспечивается тем, что коммуниканты настроены на стереотипные наборы скриптов, благодаря чему потенциально амбивалентные высказывания воспринимаются как однозначные. Отступление от этих конвенций приводит к коммуникативным «неудачам», что касается и анекдота. Закон амбивалентности предписывает разночтение комического сообщения. Комическая тональность предполагает создание амбивалентного текста с задуманными иллокутивной задачей и перлокутивным эффектом. В иллокутивной части анекдот предстает перед нами как новая информация, а в перлокутивной функции он выделяется как средство воздействия.

Еще раз обратившись к теории В. Раскина, можно с уверенностью утверждать, что в представленных анекдотах есть «двоичное противопоставление», составляющее кульминацию, потому что в этих анекдотах есть совершенно разные возможности для противопоставления реального и нереального. Вообще, очевидно, что в обычной беседе нет необходимости комментировать анекдот, объяснять, почему он смешон, в повседневной жизни редко кто обращается к интерпретации анекдота, иначе теряется вся его «соль». Однако с точки зрения лингвистики – это довольно интересная и полезная процедура, поскольку каждый анекдот таит в себе пласт скрытой, имплицитной информации. И для филолога представляет интерес не только сама эта информация, но и те способы и приемы, при помощи которых она «упаковывается» говорящим и распознается, дешифруется слушающим. В когнитивной лингвистике обстоятельства реальности, лежащие в базе текста анекдота или шутки, описываются при помощи скриптов, под которыми понимаются ментальные образования, соответствующие человеческим представлениям о том или другом положении вещей. Речевое произведение, представленное в виде юмористического диалогического дискурса, можно считать анекдотом, если текст полностью или частично совместим с двумя различными перекрывающимися сценариями или два сценария, с которыми текст совместим, находятся в фунда-

ментальном противоречии друг к другу.

Выводы

Анализ анекдотов трех лингвокультур показал, что в плане пересечения скриптов они идентичны, во всех анекдотах исследуемых лингвокультур наблюдается пересечение как минимум двух скриптов (в данной статье это анекдоты *1, 2, 3, 4, 5, 7*), что и способствует созданию юмористического эффекта. В нашей выборке материалов таковыми оказались англо-, немецко- и русскоязычные анекдоты, при этом в 150 текстах анекдотов в 149 наблюдается пересечение двух скриптов. Однако крайне редко находим и пересечение трех скриптов (анекдот *6*). В корпусе анекдотов из трех лингвокультур только один анекдот оказался таковым. Однако отметим, что различия между анекдотами исследуемых лингвокультур выявлены в языковом отношении. В исследуемых лингвокультурах различны языковые средства и приемы создания юмористического эффекта: в английских анекдотах – это видоизменение и деформация явлений (поразительное сходство между будничными ситуациями и нелепостью); в немецких анекдотах – несоразмерность в отношениях и связях между явлениями; в русскоязычных анекдотах – ошибки в умозаключениях и неверные ассоциации, отсутствие логической связи между предложениями и частями предложений, неожиданные вставки и повороты темы, парадоксальные высказывания и т. д. [Дземидок, 1974].

Проанализировав корпус анекдотов о животных, наблюдаем различия в *национальной специфике представления* анекдотов: достаточно эмоциональные русские высказывания верблюжонка *(1)* – ***страшные большие перепончатые ноги; эти уродливые два горба***. При этом заметим, что в немецкоязычном варианте того же анекдота *(2)* такая экспрессивность высказывания отсутствует, в данном немецком анекдоте вообще не используются определения. В русскоязычных анекдотах почти везде присутствует избыточная экспрессивность речи: *На хозяина бросилась, обняла его лапами и кричу: «Бежим, придурок!» (3).* Тот же эффект можем наблюдать во всей подборке русскоязычных анекдотов, отобранных для анализа. Немецкоязычные и англоязычные анекдоты гораздо сдержаннее в языковом и эмоциональном выражении, что хорошо иллюстрирует анекдот *(5)*: *Häschen* ***ohne Regungen****: «Schon mal gekotzt?» – Заяц* ***без эмоций****: «Тебя когда-нибудь рвало?».* Вопрос задан практически в официально-деловом стиле. В англоязычных анекдотах также прослеживается сдержанность в речи, комический эффект здесь достигается пониманием тонкости английского юмора: *Кузнечик* ***озадаченно*** *смотрит на бармена… (7).*

Таким образом, исследовав анекдоты трех – английской, немецкой и русской – лингвокультур, приходим к выводу о том, что универсальными для всех исследуемых анекдотов являются аспекты наличия скриптов, а национально-специфическими являются языковые средства создания юмористического эффекта.

Библиографический список

1. Бабаян В. Н. Молчащий наблюдатель в диалогическом пространстве терциарной речи // Иностранные языки в высшей школе. 2010. № 4 (15). С. 90–98.
2. Бабаян В. Н. Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль, 2017. № 1. С. 76–81.
3. Девкин В. Д. Занимательная лексикология: Worthumor = Язык и юмор: пособие для развлекательного чтения и лингвистического анализа. Москва : ВЛАДОС, 1998. 311 с.
4. Дземидок Б. О комическом. Москва : Прогресс, 1974. 224 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 477 с.
6. Матвеева Г. Г., Голосова Н. В. Лингвокогнитивный подход к категории комического // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. Ростов-на-Дону : ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», 2015. № 5 (43). С. 180–183.
7. Мельникова К. А. Дискурс с точки зрения корпусной лингвистики // Лингводидактика в неязыковом вузе: традиционные и инновационные подходы: сб. научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, г. Ярославль, 17–18 мая 2019 г. Ярославль : Изд-во ЯГТУ, 2019. С. 94–99.
8. Миловская Н. Д. К проблеме вариативности языкового бытового анекдота // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Иваново, 2009. №3 (2). С. 82–91.
9. Наговицына И. А. Информационное преимущество как фактор восприятия комического в кинотексте и передача юмора в ситуативной модели перевода // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2015. Вып. 1. С. 99–113.
10. Сосой О. А. Средства языковой объективации комического эффекта в немецких анекдотах // Верхневолжский филологический вестник. Ярославль, 2018. №4 (15). С. 150–156.
11. Тюкина Л. А., Бабаян В. Н. Структурно-композиционный анализ бытового анекдота на немецком, английском и русском языках как объекта юмористического диалогического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 9. С. 286–292.

12. Bipbap.ru. URL: https://bipbap.ru/anekdoty/anekdoty-pro-zhivotnyh.html (дата обращения: 14.10.2020).

13. Donohue W. The Best Joke Book (Period): Hundreds of the Funniest, Silliest, Most Ridiculous Jokes Ever. Kindle Edition, Published October 3rd 2014 by Adams Media. November 1, 2014. 210 p.

14. Freud S. Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten. Frankfurt, 1985. 156 S.

15. Kotthoff H. Erzählstile von mündlichen Witzen: zur Erzielung von Komikeffekten durch Dialoginszenierungen und die Stilisierung sozialer Typen im Witz, 1995. 29 S.

16. Myanekdot.ru. URL: https://myanekdot.ru/anekdoty-pro-zhivotnyh-samye-smeshnye (дата обращения: 14.10.2020).

17. Raskin, V. Semantic Mechanisms of Humour. Dordrecht, 1985. 284 p.

18. Therumdiary.ru. URL: https://therumdiary.ru/koktejli/klassika-mba/koktejl-kuznechik-grasshopper.html (дата обращения: 31.10.2020).

19. Witze.net. URL: http://witze.net/tier-witze (дата обращения: 24.10.2020).

20. Witze.woxikon.de. URL: https://witze.woxikon.de/tierwitze (дата обращения: 14.02.2021).

Reference list

1. Babajan V. N. Molchashhij nabljudatel' v dialogicheskom prostranstve terciarnoj rechi = The silent observer in the dialogue space of tertiary speech // Inostrannye jazyki v vysshej shkole. 2010. № 4 (15). S. 90–98.

2. Babajan V. N. Razlichnye podhody k opredeleniju ponjatija «diskurs» i ego osnovnye harakteristiki = Different approaches to defining the concept of «discourse» and its main characteristics // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. Jaroslavl', 2017. № 1. S. 76–81.

3. Devkin V. D. Zanimatel'naja leksikologija: Worthumor = Jazyk i jumor: posobie dlja razvlekatel'nogo chtenija i lingvisticheskogo analiza = Entertaining lexicology: Worthumor = Language and humor: a handbook for fun reading and linguistic analysis. Moskva : VLADOS, 1998. 311 s.

4. Dzemidok B. O komicheskom = On the comic. Moskva : Progress, 1974. 224 s.

5. Karasik V. I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs = Linguistic circle: personality, concepts, discourse. Volgograd : Peremena, 2002. 477 s.

6. Matveeva G. G., Golosova N. V. Lingvokognitivnyj podhod k kategorii komicheskogo = Linguocognitive approach to the category of the comic // Obrazovanie. Nauka. Innovacii: Juzhnoe izmerenie. Rostov-na-Donu : FGAOU VO «Juzhnyj federal'nyj universitet», 2015. № 5 (43). S. 180–183.

7. Mel'nikova K. A. Diskurs s tochki zrenija korpusnoj lingvistiki = Discourse in terms of corpus linguistics // Lingvodidaktika v nejazykovom vuze: tradicionnye i innovacionnye podhody: sb. nauchnyh statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, g. Jaroslavl', 17–18 maja 2019 g. Jaroslavl' : Izd-vo JaGTU, 2019. S. 94–99.

8. Milovskaja N. D. K probleme variativnosti jazykovogo bytovogo anekdota = On the variability of the common linguistic joke // Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. Ivanovo, 2009. №3 (2). S. 82–91.

9. Nagovicyna I. A. Informacionnoe preimushhestvo kak faktor vosprijatija komicheskogo v kinotekste i peredacha jumora v situativnoj modeli perevoda = Informative advantage as a factor of understanding the comic in cinema text and conveying humor in the situational translation model // Vestnik SPbGU. Ser. 9. 2015. Vyp. 1. S. 99–113.

10. Sosoj O. A. Sredstva jazykovoj ob#ektivacii komicheskogo jeffekta v nemeckih anekdotah = Linguistic objectification of the comic effect in German jokes // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. Jaroslavl', 2018. №4 (15). S. 150–156.

11. Tjukina L. A., Babajan V. N. Strukturno-kompozicionnyj analiz bytovogo anekdota na nemeckom, anglijskom i russkom jazykah kak ob#ekta jumoristicheskogo dialogicheskogo diskursa = Structural and compositional analysis of the common joke in German, English and Russian as an object of humorous dialogue discourse // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2020. Tom 13. Vypusk 9. S. 286–292.

12. Bipbap.ru. URL: https://bipbap.ru/anekdoty/anekdoty-pro-zhivotnyh.html (data obrashhenija: 14.10.2020).

13. Donohue W. The Best Joke Book (Period): Hundreds of the Funniest, Silliest, Most Ridiculous Jokes Ever. Kindle Edition, Published October 3rd 2014 by Adams Media. November 1, 2014. 210 p.

14. Freud S. Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten. Frankfurt, 1985. 156 S.

15. Kotthoff H. Erzählstile von mündlichen Witzen: zur Erzielung von Komikeffekten durch Dialoginszenierungen und die Stilisierung sozialer Typen im Witz, 1995. 29 S.

16. Myanekdot.ru. URL: https://myanekdot.ru/anekdoty-pro-zhivotnyh-samye-smeshnye (data obrashhenija: 14.10.2020).

17. Raskin, V. Semantic Mechanisms of Humour. Dordrecht, 1985. 284 p.

18. Therumdiary.ru. URL: https://therumdiary.ru/koktejli/klassika-mba/koktejl-kuznechik-grasshopper.html (data obrashhenija: 31.10.2020).

19. Witze.net. URL: http://witze.net/tier-witze (data obrashhenija: 24.10.2020).

20. Witze.woxikon.de. URL: https://witze.woxikon.de/tierwitze (data obrashhenija: 14.02.2021).

УДК 81'316.772.2

А. Е. Купцов **https://orcid.org/0000-0001-9251-3214**

В. Н. Бабаян **https://orcid.org/0000-0002-7044-3419**

Коммуникативные частицы как средства репрезентации актуальной информации в художественном дискурсе (на материале английского, испанского и русского языков)

Для цитирования: Купцов А. Е., Бабаян В. Н. Коммуникативные частицы как средства репрезентации актуальной информации в художественном дискурсе (на материале английского, испанского и русского языков) // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 125–131. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-125-131

В статье рассматривается один из еще недостаточно разработанных вопросов художественного дискурса и коммуникативного синтаксиса – вопрос об изучении роли выделительно-ограничительных частиц в коммуникативно-синтакической организации предложения в английском, испанском и русском художественном дискурсе. Данные частицы рассматриваются с риторическими средствами, которые имеют особое значение в художественном дискурсе. В качестве риторических средств могут использоваться различные лексические и синтаксические конструкции (например, порядок слов, лексические повторы, инверсия и т.д.), а также художественные образные формы. Следует отметить, что также одним из неразработанных вопросов актуального синтаксиса остается вопрос о коммуникативно-прагматических функциях выделительно-ограничительных частиц, занимающих особое место в системе языковых средств выражения актуального членения в художественном дискурсе, и их роли в коммуникативно-синтаксической организации предложения на материале английского, испанского и русского языков. Коммуникативное (актуальное) членение является важнейшим аспектом содержательной стороны высказывания, выделяющим в соответствии с конкретной речевой ситуацией и коммуникативно-прагматическими интенциями главные смысловые части высказывания – тему и рему и, следовательно, окончательно определяющим смысл высказывания как единицы речевого общения. Актуальное членение рассматривается как индивидуальный речевой акт, соотносящийся с вполне конкретной ситуацией и обусловленный коммуникативной установкой говорящего, как явление, не подлежащее стандартизации и обобщению. В оформлении коммуникативного (актуального) членения предложения участвуют одновременно несколько способов актуализации, одни из которых являются основными, а другие – вспомогательными средствами, которые могут заменять, дополнять или усиливать друг друга. Таким образом, каждый язык располагает достаточно богатой системой получивших устойчивый и стандартизованный характер коммуникативно ориентированных средств, предназначенных специально для выражения коммуникативного членения предложения и предоставляющих говорящему (пишущему) возможность выбрать необходимые способы его реализации в соответствии с конкретной речевой ситуацией и целью высказывания.

Ключевые слова: выделительно-ограничительные частицы, дискурс, художественный дискурс, тема, рема.

A. E. Kuptsov, V. N. Babayan

Communicative particles as means of representing actual information in literary discourse in english, spanish and russian

This article examines one of the issues of fiction discourse and communicative syntax that has not yet been sufficiently studied, i.e. the role of limiting particles in the communicative and syntactic organization of a sentence in the english, spanish and russian literary discourse. These particles are considered with rhetorical means which are of particular importance in literary discourse. Various lexical and syntactic constructions can be used as rhetorical means (for example, word order, lexical repetitions, inversion, etc.), as well as literary figurative forms. It is worth noting that one of the relatively understudied issues of actual syntax remains the question of communicative pragmatic functions of limiting particles, which occupy a special place in the system of linguistic means of expressing the actual division in literary discourse, and their role in the communicative and syntactic organization of a sentence in the english, spanish and russian languages. Communicative (actual) division is one the most important aspects of the utterance which marks, according to the particular speech situation and communicative and pragmatic intentions, logical parts of the utterance – theme and rheme, determining the meaning of the utterance as a speech unit.

© Купцов А. Е., Бабаян В. Н., 2021

Actual division is seen as an individual speech act, relating to a particular situation and defined by the communicative intent of the speaker, as a phenomenon that is not subject to standardization and generalization. Several methods of actualization are simultaneously involved in forming the communicative (actual) division of a sentence, some of them being the main and others being auxiliary means which can replace, supplement or reinforce each other. Thus, each language has a fairly rich system of communication-oriented means that have received a stable and standardized character, designed specifically for expressing the communicative division of a sentence and providing the speaker (writer) an opportunity to choose the necessary ways of its implementation in accordance with a specific speech situation and the purpose of the utterance.

Key words: limiting particles, discourse, literary discourse, theme, rheme.

Введение

Современная лингвистика признает тот факт, что понятие «дискурс» определяется как сообщение, как познавательный процесс и социальное действие человека, участвующего в вербальном взаимодействии. По мнению ряда исследователей, дискурс – это коммуникативное явление, включающее в себя экстралингвистические факторы, такие как, знания о мире, интересы, цели коммуникатора [Арутюнова, 1999; Бабаян, 2009, 2017; Дейк, 1989; Карасик 2002]. Таким образом, можем сказать, что дискурс представляет собой чрезвычайно богатую область исследования, лежащую в основе гуманитарных и социальных наук. Анализ речи граничит и пересекается с собственно лингвистикой, психолингвистикой и психологией, а также социолингвистикой, социологией и антропологией.

Среди разнообразных существующих концепций относительно природы и сущности понятия «дискурс» следует обратить внимание на то, что дискурс исследуется с разнообразных позиций, например, с точки зрения социолингвистического подхода, психолингвистического подхода, коммуникативно-ориентированного подхода, прагмалингвистического подхода [Бабаян, 2009, с. 21–28]. Лингвисты изучают различные аспекты дискурса и пытаются объяснить его разными способами. Так, например, Т. А. ван Дейк писал о детерминации дискурса: «Дискурс – это существенная составляющая социокультурного взаимодействия…» [Дейк, 1989, с. 53]. В. Н. Бабаян определяет дискурс как связный монологический или диалогический текст, имеющий своего адресата и сопряженный с речевой ситуацией [Бабаян, 2009, с. 63]. Таким образом, исследуя различные типы дискурса, такие как медиа, политический, медицинский, художественный и др., приходим к выводу о том, что у каждого из них есть свои когнитивные, прагматические, идеологические и культурные мотивы, в которых наблюдается различие в их реализации. Одни из этих типов дискурса существуют в реальном мире, а другие нет, т.к. полагаются только на воображение писателя.

В художественном дискурсе ключевым является внутренний мир отправителя (писателя или поэта), психологический момент его сочинения во время написания произведения, его стиль мышления, индивидуальные знания человека о реальном мире, а также его культурные ценности.

Каждая единица дискурса связана с другой посредством отношения в соответствии с полнотой смысла. Эти отношения называются риторическими отношениями, которые используются отправителем текста для достижения определенных целей при передаче актуальной информации.

Понятие актуальной информации [Адамец, 1999] непосредственно связано с понятием коммуникативного членения, возникающего в процессе функционирования предложения в речи и распределяющего синтаксические компоненты в зависимости от степени их информативности. Устанавливая тема-рематические отношения между компонентами высказывания, актуальное членение не только предопределяет в конечном итоге его основное содержание (смысл), но и влияет на его формальное построение. В процессе речи говорящий (пишущий) субъект строит своё высказывание в соответствии с тема-рематическим движением, отражающим естественный ход человеческой мысли от известного к неизвестному, использует такие лексико-грамматические формы организации предложения и такие языковые средства, которые были бы способны наиболее точно передать его коммуникативное намерение, а следовательно, замысел сообщения [Гак, 2004; Купцов, 2012; Матезиус,

1967; Слюсарева, 1981; Шевякова, 1980]. Не подлежит сомнению тот факт, что знание языковых средств выражения тема-рематического членения позволяет коммуникантам адекватно воспринимать содержание чужого высказывания, а также продуцировать коммуникативно релевантное высказывание, отражающее замысел сообщения.

Гипотеза

Коммуникативное (актуальное) высказывание, являющееся языковой универсалией, имеет общие для многих языков средства выражения, которые отличаются по своим функциональным характеристикам, что объясняется спецификой грамматического строя того или иного языка. Так, в языках синтетического строя, в частности в русском языке, главными способами выделения коммуникативного центра высказывания являются порядок слов, интонация и ударение [Адамец 1999; Купцов, 2017].

Для аналитических языков, характеризующихся устойчивостью синтаксических схем и связанностью ударения, наиболее характерны такие лексико-синтаксические средства, как специальные выделительные синтаксические конструкции, сегментированные предложения с репризой и антиципацией, предложения с выделительными оборотами, предложения с изолянтами, а также артикль. Как отмечают исследователи [Гак, 2004; Реферовская, 2007; Слюсарева, 1981; Шевякова, 1980], вышеназванные устоявшиеся грамматикализованные конструкции отличаются ярко выраженной коммуникативной направленностью, так как позволяют однозначно выделить рему предложения.

Вместе с тем эффективным способом выражения коммуникативного членения предложения в аналитических языках может выступать и порядок слов. Местоположение того или иного синтаксического компонента во многом обусловлено коммуникативной нагрузкой, которую он получает в процессе коммуникации. Как отмечается в целом ряде исследований, многие случаи нарушения фиксированного порядка слов, характерного для аналитических языков, объясняются необходимостью адекватного выражения коммуникативной структуры предложения. Так, подлежащее, выполняющее функцию ремы, занимает в предложении конечную позицию; объектное дополнение, являющееся темой, занимает начальную позицию, перед главными членами предложения; обстоятельство-тема находится в начале предложения, а обстоятельство-рема, заключающее в себе наиболее важную – актуальную – информацию, помещается в конце предложения [Гак, 2004; Матезиус, 1967; Реферовская, 2007; Рылов, 2007; Слюсарева, 1981].

Изучение закономерностей построения предложения в соответствии с актуальным членением является одним из главных вопросов коммуникативного синтаксиса как в общем, так и в частном языкознании, который всегда привлекал внимание лингвистов. Следует отметить, что также требует дальнейшего изучения в аспекте теории актуального членения предложения вопрос об особенностях функционирования английских, испанских и русских частиц, занимающих особое место в системе средств выражения актуального членения предложения.

Анализ материала

Целью настоящей работы является изучение особенностей функционирования выделительно-ограничительных частиц ***only*** в английском языке, ***sólo, solamente*** в испанском языке, ***только, лишь*** в русском языке в коммуникативной структуре предложения и их роли в передаче актуальной информации в художественном дискурсе. Материалом для исследования послужили оригинальные произведения XX–XXI вв. английских, американских, испанских, латиноамериканских и русских писателей.

В ходе проведенного исследования установлено, что рассматриваемые частицы не только выделяют, усиливают, ограничивают значение отдельного слова или словосочетания, но достаточно часто используются авторами как рематизаторы: сопровождая тот или иной синтаксический компонент, они служат коммуникативно однозначными показателями его рематического характера.

Как показал анализ конкретного языкового материала, английская частица *only*, испанские частицы *sólo, solamente* и русские частицы *только, лишь* являются достаточно часто средством

рематизации подлежащего, находящегося в начальной позиции. При этом отметим, что они являются единственным показателем его рематичности. Ср.:

(англ.) ***Only the landlord*** *of the Blue Boar continued to be enthusiasti(Cristie);*

It's ***only a matter*** *of eighteen miles or so from here (Cristie);*

(исп.) ***Sólo una persona*** *sin principios podía ser tan complaciente con el dolor (Márquez);*

Solamente una bombilla*, sobre la inscripción de la puerta, emanaba un leve resplandor (Matute).*

(рус.) ***Только он*** *называется «Лунный джаз» (Домбровский);*

И лишь Давид *наконец захватил город, поселился на Сионе, укрепил его, перенес туда ковчег завета (Домбровский).*

Данные примеры показывают, что рематический характер компонентов высказывания в английском и испанском языках дополнительно акцентируется с помощью неопределенного артикля:

(англ.) ***a*** *matter, (исп.)* ***una*** *persona,* ***una*** *bombilla.*

Важно отметить, что в ходе исследования установлено, что английские, испанские и русские выделительно-ограничительные частицы могут также достаточно часто употребляться перед подлежащим, занимающим конечную позицию, являясь тем самым дополнительным (помимо порядка слов) показателем его рематического характера. Ср.:

(англ.) I, on my part, was as naïve as ***only a pervert*** *can be (Nabokov);*

(исп.) Pero ahora entró ***solamente un macho, un macho viudo*** *(Delibes);*

(рус.) Для таких преступников против веры у евреев была ***лишь одна казнь*** (*Тендряков).*

Как показал анализ фактического материала, данные выделительно-ограничительные частицы достаточно часто выделяют сказуемое в качестве ремы предложения. Ср.:

(англ.) I thought they ***only happened*** *in books (Cristie);*

(исп.) ***Sólo hizo*** *una pausa cuando se dio cuenta (Márquez);*

Yo ***solamente había estado tratando de jugar*** *(Delibes);*

(русс.) Мутный глаз в красном веке ***лишь смигнул*** *(Тендряков).*

В английском, испанском и русском языках также выявлено несколько случаев, когда частицы выделяют в качестве ремы именную часть сказуемого. Ср.:

(англ.) She was ***only eighteen*** *(Cristie);*

(исп.) Yo soy ***sólo un mar inmenso, amargo*** *(Matute);*

(рус.) ***Только врач он****, а не лекарь! (Домбровский).*

Проведенное исследование позволило установить, что частицы *(англ.)* ***only,*** *(исп.)* ***sólo, solamente*** и *(рус.)* ***только, лишь***, употребляются при дополнении-реме, занимающем в предложении как начальную, так и конечную позицию. Ср.:

(англ.) Others, even his nearest, knew ***only his strength*** *(Cristie);*

(исп.) ***Solamente para él*** *todo había (Márquez);*

Sólo le *ponemos las condiciones (Márquez);*

El no quiere hablar ***solamente con Usted*** *(Llosa).*

(рус.) ***Только для себя*** *или для какой-то пользы еще? (Домбровский);*

Это можно ***лишь с его упорством*** *(Гранин).*

Как показал анализ, выделительно-ограничительные частицы употребляются также при обстоятельстве-реме, являющемся носителем актуальной информации. Ср.:

(англ.) …and ***only sometimes*** *wore stockings for dancing (Cristie);*

(исп.) Sigamos juntos pero viendonos ***sólo en la calle*** *(Llosa);*

…hoy se muestran ***solamente en Francia*** *(Delibes);*

(рус.) Эти наблюдения можно делать ***лишь в первый год*** *(Распутин);*

Только однажды *разглядели они фигуру (Распутин).*

Отметим, что данные частицы достаточно редко употребляются при определении, являющемся ремой. Ср.:

(англ.) And then it seemed to me that the ***only possible*** *explanation was Basil Blake (Cristie);*

*(исп.) …****no sólo inútil*** *sino nocivo para la Iglesia (Delibes);*

(рус.) Сохранилась ***лишь боковая, податли-***

вая поросль *(Распутин).*

Приведем пример, где выделительно-ограничительная частица ***only*** в английском художественном дискурсе и ***sólo*** в испанском художественном дискурсе употребляются в эллиптическом предложении, которое содержит целиком новую, актуальную информацию. Ср.:

(англ.) ***Only Grandfather*** *(Cristie);*

(исп.) ***Y no sólo yo, todos los del círculo*** *(Llosa);*

No había un alma en la playa. ***Sólo yo, el agua y las estrellas*** *(Benedetti).*

Стоит отметить, что в материале, подвергшемся анализу в ходе проведенного исследования, встречается несколько случаев употребления ограничительных частиц *(англ.)* ***only,*** *(исп.)* ***sólo,*** *(рус.)* ***только*** в моделях противительного отрицания вместе с частицей ***not*** в английском языке, ***no*** в испанском языке и ***не*** в русском языке, что придает отрицательному предложению повышенную экспрессивность, выделяя в качестве ремы все компоненты высказывания. Ср.:

1. подлежащее:

(англ.) "So now we arrive at the point where ***not only the behaviour*** *of the murderer is extraordinary" (Cristie);*

(исп.) ***No sólo el señor Lozano*** *era un aprovechador (Llosa);*

(рус.) ***Не только старые станичники, но и их дети, невестки, внуки*** *отчисляли по пяти процентов со всех доходов (Домбровский).*

2. сказуемое:

(англ.) ***Not only has*** *he got the fingernail of the murdered girl (Cristie);*

(исп.) ***No sólo se podía ser*** *feliz sin amor (Márquez);*

(рус.) Пророк ***не только сел*** *с ними за стол, но и посадил еще подобранного на дороге (Тендряков).*

3. дополнение:

(англ.) And I see him in his 'off ' moments, ***not only in his*** *(Cristie);*

(исп.) La palidez abarcaba ***no sólo su rostro****, también su cuello (Llosa);*

(рус.) ***Не только у поэтов*** *чувственное получает перевес над рассудочным (Тендряков).*

4. определение:

(англ.) …the reader should bear in mind ***not only the general*** *circuit as adumbrated above (Nabokov);*

(исп.) Preferían los forros de alimanas españolas, ***no sólo más bellos*** *sino de menos bulto y mas abrigados (Delibes);*

(рус.) Считаю ваши методы воспитания ***не только упрощенными, но и порочными*** *(Васильев).*

5) обстоятельство:

(англ.) We live ***not only in a world*** *of thoughts (Nabokov);*

(исп.) ***no sólo en el resto del país*** *sino también en otros del Caribe (Márquez);*

(рус.) Да, и ***не только сейчас****, а уже давно (Тендряков).*

Как видим, выделительно-ограничительные частицы в английском, испанском и русском художественном дискурсе играют важную роль в выражении коммуникативной структуры предложения, но необходимо учитывать факторы, которые влияют на актуализацию: синтаксическое построение предложения, семантику частицы, контекстное окружение и стилистическую роль.

Выводы

Таким образом, можем заключить, что каждый язык располагает достаточно богатой системой получивших устойчивый и стандартизованный характер коммуникативно ориентированных средств, предназначенных специально для выражения коммуникативного членения предложения и предоставляющих говорящему (пишущему) возможность выбрать необходимые способы его реализации в соответствии с конкретной речевой ситуацией и целью высказывания в художественном дискурсе. Выделительно-ограничительные частицы как средства выражения коммуникативного членения предложения в английском, испанском и русском художественном дискурсе способны актуализировать рему (новое) в предложении. Частицы и риторические средства, охватывающие лексические и синтаксические конструкции, а также различные образные выражения, играют большую роль в эффективности художественного дискурса, так как привлекают внимание слушающего (читающего), делают дискурс всеобъемлющим, полным и значимым,

обеспечивая интенсивность речи в художественном дискурсе.

Библиографический список

1. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Москва : Просвещение, 1999. 197 с.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Бабаян В. Н. Дискурсивное пространство терциарной речи. Ярославль, 2009. 385 с.
4. Бабаян В. Н. Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. Ярославль, 2017. № 1. С. 76–81.
5. Васильев Б. Л. Завтра была война. Москва : Издательство «Эксмо», 2010. 490 с.
6. Васильев Б. Л. Иванов катер. Москва : Издательство «Вече», 2004. 400 с.
7. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Москва : Добросвет, 2004. 864 с.
8. Гранин Д. А. Однофамилец. Ленинград : Издательство «Художественная литература», 1984. 568 с.
9. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Москва : Прогресс, 1989. 310 с.
10. Домбровский Ю. О. Факультет ненужных вещей. Москва : Издательство «Эксмо», 2006. 736 с.
11. Карасик В. И. Язык социального статуса. Москва : Гнозис, 2002. 333 с.
12. Купцов А. Е. Лексические средства выделения темы в предложении (на материале испанского языка) // Международный конгресс по когнитивной лингвистике. Тамбов. 2012. С. 383–385.
13. Купцов А. Е. Эмфатические конструкции и частицы как средство актуализации ремы в испанском языке // Когнитивные исследования языка. Белгород. 2017. С. 438–441.
14. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения. Москва : Прогресс, 1967. С. 239–245.
15. Распутин В. Г. Последний срок. Москва : Издательство «АСТ», 2019. 384 с.
16. Реферовская Е. А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. Москва : УРСС, 2007. 165 с.
17. Рылов Ю. А. Простое осложненное предложение в испанском языке. Москва : Высшая школа, 2007. 221 с.
18. Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. Москва : Наука, 1981. 206 с.
19. Тендряков В. Ф. Покушение на миражи. Москва : Издательство «Советский писатель», 1988. 396 с.
20. Шевякова В. Е. Современный английский язык. Порядок слов, актуальное членение, интонация. Москва : Наука, 1980. 382 с.
21. Cristie A. The Body in the Library. Harper Collins UK, 2016. 215 p.
22. Delibes M. El Hereje. Destino, 2001. 512 pag.
23. Delibes M. La sombra del ciprés es alargada. Destino, 2011. 347 pag.
24. Llosa M. V. Conversación en la Catedral. Punto de Lectura, 2009. 727 pag.
25. Llosa M. V. La ciudad y los perros. Punto de Lectura, 2010. 448 pag.
26. Márquez G. G. Cien años de soledad. Москва : Издательство «КАРО», 2008. 416 с.
27. Márquez G. G. El amor en los tiempos del cólera. Debolsillo, 2009. 496 pag.
28. Matute A. M. Pequeño teatro. Paperback, 2003. 288 pag.
29. Nabokov V. V. Lolita. Knopf Doubleday Publishing Group, 1989. 317 p.

Reference List

1. Adamec P. Porjadok slov v sovremennom russkom jazyke = Word order in the modern Russian language. Moskva : Prosveshhenie, 1999. 197 s.
2. Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka = Language and the man's world. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. 896 s.
3. Babajan V. N. Diskursivnoe prostranstvo terciarnoj rechi = Discursive space of tertiary speech. Jaroslavl', 2009. 385 s.
4. Babajan V. N. Razlichnye podhody k opredeleniju ponjatija «diskurs» i ego osnovnye harakteristiki = Different approaches to defining the concept of «discourse» and its main characteristics // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik: nauchnyj zhurnal. Jaroslavl', 2017. № 1. S. 76–81.
5. Vasil'ev B. L. Zavtra byla vojna = There was war tomorrow. Moskva : Izdatel'stvo «Jeksmo», 2010. 490 s.
6. Vasil'ev B. L. Ivanov kater = Ivan's motor boat. Moskva : Izdatel'stvo «Veche», 2004. 400 s.
7. Gak V. G. Teoreticheskaja grammatika francuzskogo jazyka = Theoretical Grammar of the French Language. Moskva : Dobrosvet, 2004. 864 s.
8. Granin D. A. Odnofamilec = The namesake. Leningrad : Izdatel'stvo «Hudozhestvennaja literatura», 1984. 568 s.
9. Dejk T. A. van. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija = Language. Cognition. Communication. Moskva : Progress, 1989. 310 s.
10. Dombrovskij Ju. O. Fakul'tet nenuzhnyh veshhej = The Faculty of Unnecessary Things. Moskva : Izdatel'stvo «Jeksmo», 2006. 736 s.
11. Karasik V. I. Jazyk social'nogo statusa = The social status language. Moskva : Gnozis, 2002. 333 s.
12. Kupcov A. E. Leksicheskie sredstva vydelenija temy v predlozhenii (na materiale ispanskogo jazyka) = Lexical means of emphasizing the topic in a Spanish sentence // Mezhdunarodnyj kongress po kognitivnoj lingvistike. Tambov. 2012. S. 383–385.
13. Kupcov A. E. Jemfaticheskie konstrukcii i chasticy kak sredstvo aktualizacii remy v ispanskom jazyke = Emphatic constructions and particles as a means of actual-

izing a rhema in Spanish // Kognitivnye issledovanija jazyka. Belgorod. 2017. S. 438–441.

14. Matezius V. O tak nazyvaemom aktual'nom chlenenii predlozhenija = On the so-called actual division of a sentence. Moskva : Progress, 1967. S. 239–245.

15. Rasputin V. G. Poslednij srok = The Last Term. Moskva : Izdatel'stvo «AST», 2019. 384 s.

16. Referovskaja E. A. Kommunikativnaja struktura teksta v leksiko-grammaticheskom aspekte = Communicative structure of the text in terms of lexis and grammar. Moskva : URSS, 2007. 165 s.

17. Rylov Ju. A. Prostoe oslozhnennoe predlozhenie v ispanskom jazyke = The simple complicated sentence in Spanish. Simple = Moskva : Vysshaja shkola, 2007. 221 s.

18. Sljusareva N. A. Problemy funkcional'nogo sintaksisa sovremennogo anglijskogo jazyka = Problems of functional syntax in modern English. Moskva : Nauka, 1981. 206 s.

19. Tendrjakov V. F. Pokushenie na mirazhi = Encroachment on mirages. Moskva : Izdatel'stvo «Sovetskij pisatel'», 1988. 396 s.

20. Shevjakova V. E. Sovremennyj anglijskij jazyk. Porjadok slov, aktual'noe chlenenie, intonacija = The Modern English language, word order, actual division, intonation. Moskva : Nauka, 1980. 382 s.

21. Cristie A. The Body in the Library. Harper Collins UK, 2016. 215 p.

22. Delibes M. El Hereje. Destino, 2001. 512 pag.

23. Delibes M. La sombra del ciprés es alargada. Destino, 2011. 347 pag.

24. Llosa M. V. Conversación en la Catedral. Punto de Lectura, 2009. 727 pag.

25. Llosa M. V. La ciudad y los perros. Punto de Lectura, 2010. 448 pag.

26. Márquez G. G. Cien años de soledad. Moskva : Izdatel'stvo «KARO», 2008. 416 s.

27. Márquez G. G. El amor en los tiempos del cólera. Debolsillo, 2009. 496 pag.

28. Matute A. M. Pequeño teatro. Paperback, 2003. 288 pag.

29. Nabokov V. V. Lolita. Knopf Doubleday Publishing Group, 1989. 317 p.

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

УДК 81-23

И. А. Цыбова **https://orcid.org/0000-0003-1640-8054**

О домашних животных в русской и французской фразеологии

Для цитирования: Цыбова И. А. О домашних животных в русской и французской фразеологии // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 132–137. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-132-137

Целью статьи является сопоставление русских и французских фразеологизмов, имеющих в своем составе названия домашних животных (*кошка / chat, собака / chien, лошадь / cheval, корова / vache, свинья / cochon, коза /chèvre, баран / mouton*), которые рассматриваются в соответствии со структурным, функциональным и семантическим критериями, предложенными А. Г. Назаряном. Согласно структурному критерию, среди фразеологизмов встречаются: а) непредикативные (жирный как *свинья* / gras comme un *cochon*; метать бисер перед *свиньями* / jeter des perles aux *cochons*), б) частично предикативные (*cheval* qui n'a ni bouche ni éperon), в) предикативные (le *chat* parti [absent, quand le *chat* n'est pas là, quand le *chat* dort], les souris dansent). По семантической классификации различаются идиомы (manger de la *vache* enragée) и унилатеральные фразеологизмы (appeler un *chat* un *chat*). По фунциональному критерию фразеологизмы подразделяются на коммуникативные (дареному *коню* в зубы не смотрят / à *cheval* donné on ne regarde pas la bouche) и некоммуникативные (*конек*, главный козырь / *cheval* de bataille), включающие номинативные и инфинитивные единицы. При сопоставлении русских и французских фразеологизмов наблюдаются следующие соотношения: совпадение плана содержания и образа (играть как *кошка* с мышью / jouer avec sa victime comme un *chat* avec une souris), совпадение плана содержания при различии образа (не иметь ни кола, ни двора / n'avoir ni *cheval* ni mule), различие плана содержания и образа при наличии во фразеологизме названия животного (*кошки* скребут на душе, avoir un *chat* dans la gorge). Среди фразеологизмов имеются случаи употребления метафоры `(продать [купить] *кота* в мешке / vendre [acheter] *chat* en poche), метонимии (Троянский *конь / cheval* de Troie). сравнения (amoureuse comme une *chatte).*

Ключевые слова: русские и французские фразеологизмы, домашние животные, структурный, функциональный, семантический критерии, план содержания, образ, метафора, метонимия, сравнение.

Languages of foreign countries (romance languages)

I. A. Tsybova

On domestic animals in russian and french phraseology

The aim of this article is to compare french and russian phraseological units including the names of domestic animals (*кошка / chat, собака / chien, лошадь / cheval, корова / vache, свя / cochon, коза / chèvre, баран / mouton*) which are discussed according to structural, functional and semantic criteria proposed by A. G. Nazarian. According to the structural criterion, phraseological units include: a) non-predicative (жирный как *свинья*/ gras comme un *cochon*; метать бисер перед *свиньями* / jeter des perles aux *cochons*), b) partially predicative (*cheval* qui n'a ni bouche ni éperon) and c) predicative (le *chat* parti [absent, quand le *chat* n'est pas là, quand le *chat* dort], les souris dansent). Idioms (manger de la *vache* enragée) and unique phraseological units (appeler un *chat* un *chat)* are distinguished according to semantic classification. According to the functional criterion, phraseological units are divided into communicative (дареному *коню* в зубы не смотрят/ à *cheval* donné on ne regarde pas la bouche) and non-communicative (*конек*, главный козырь / *cheval* de bataille), including nominative and infinitive units. Comparing russian and french phraseological units we can observe the following relations: coincidence of the plan of content and the image (играть как *кошка* с мышью / jouer avec sa victime comme un *chat* avec une souris), coincidence of the plan of content and different images (не иметь ни кола, ни двора/ n'avoir ni *cheval* ni mule), difference of the plan of content and of images, but the presence of domestic animal's name (*кошки* скребут на душе, avoir un *chat* dans la gorge). Phraseological units can contain metaphor, продать (купить) *кота* в мешке / vendre (acheter) *chat* en poche metonymy (Троянский *конь/ cheval* de Troie), comparison (amoureuse comme une *chatte).*

© Цыбова И. А., 2021

Key words: russian and french phraseological units, domestic animals, structural, functional, semantic criteria, plan of content, image, metaphor, metonymy, comparison.

Введение

В статье рассматриваются различные типы фразеологизмов с названиями домашних животных в русском и французском языках с учетом их классификации, предложенной Ш. Балли [Bally, 1951], В. В. Виноградовым [Виноградов, 1977], расширенной и дополненной А. Г. Назаряном, который различает фразеологические единицы по **структурному, семантическому** и **функциональному** критериям [Назарян, 1976, с. 61–65; см. также Tsybova, 2017, с. 116–117]. Цель статьи – показать черты сходства и различия этих фразеологизмов.

В статье использовались описательный и сопоставительный (контрастивный) **методы**.

Материалом для статьи послужили русские, французские и французско-русские словари фразеологизмов (Даль, Рецкер, Rey / Chantreau).

Из «братьев наших меньших» в статье рассматриваются только домашние животные: *кошка (кот) / chat, собака (пес) / chien, лошадь / cheval, корова / vache, свинья / cochon, коза (козел) / chèvre, баран (овца) / mouton (brebis)*.

Отношения между человеком и этими животными отображаются прежде всего во **фразеологии**.

Русские и французские фразеологизмы

Кошка (кот) / chat: продавать (купить) *кота* в мешке / vendre (acheter) *chat* en poche; жить как *кошка* с собакой / vivre (s'accorder, s'entendre, être) comme (un) chien et (un) *chat*; играть как *кошка* с мышью / jouer avec sa victime comme un *chat* avec une souris; без *кота* мышам масленица / le *chat* parti (absent, quand le *chat* n'est pas là, quand le *chat* dort), les souris dansent; ночью все *кошки* серы / la nuit tous les *chats* sont gris; играть в кошки-мышки / jouer au *chat* perché (au *chat* et à la souris). Встречаются фразеологизмы, имеющие одинаковое значение, но разные образы в русском и французском языках: обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду / *chat* échaudé craint l'eau froide; это выеденного яйца не стоит / il n'y a pas de quoi fouetter un *chat*. Кроме этих соответствий, в обоих языках имеются фразеологизмы, свойственные лишь одному из языков. Например: есть и сало, да не про *кота*; кто *кошек* любит, будет жену любить; *кошка* да баба в избе, мужик да собака на дворе; ложка не *кошка*, рта не оцарапает; поклонишься и *кошке* в ножки; рано пташка запела, как бы *кошка* не съела; *кошка* лазит и в окошко; знай *кошка* свое лукошко; звал *кот кошурку* в свою печурку; мечется как бешеная (угорелая) *кошка*; носится как *кошка* с *котятами* ; *кошки* грызутся – мышам приволье (раздолье); знай, *кошурка*, свою печурку; на мышку и *кошка* зверь. [Даль, т. 2, с. 182]; знает *кошка*, чье мясо съела; *кошки* скребут на душе; черная *кошка* пробежала; *кот* наплакал. Во французском также есть свои фразеологизмы. Например: conte du *chat* botté; bouilli pour les *chats;* écriture de *chat*; avoir d'autres *chats* à fouetter; il n'y a pas un *chat*; avoir un *chat* dans la gorge; une mine de *chat* fâché; appeler un *chat* un *chat*; écrire comme un *chat*; emporter le *chat*; éveiller le *chat* qui dort; retomber comme un *chat* sur ses pattes; à bon *chat* bon rat; amoureuse comme une *chatte*; il n'y avait que le *chat*; friand (gourmand) comme un *chat* (une *chatte*); maigre comme un *chat* de gouttière;.guetter sa proie comme un *chat* guette la souris; qui naquit *chat* court après les souris.

Собака (пес) / chien: быть злым как *собака* / être *chien*; быть злым как бешеная *собака*, беситься как *собака* / faire le *chien* enragé; *собачий* холод / froid de *chien; собачья* жизнь / vie de *chien* (*chienne* de vie); бездомная собака / *chien* perdu; умереть как *собака* / mourir comme un *chien*: *собаки* лают, а караван идет (*собака* лает – ветер носит) / les *chiens* aboient, la caravane passe; не той *собаки* бойся, которая лает, а той, что молчит да хвостом виляет / *chien* qui aboie ne mord pas. Встречаются фразеологизмы, имеющие одинаковое значение, но разные образы в русском и французском языках: *собака* на сене / le *chien* du jardinier. Многие фразеологизмы имеются лишь в одном из языков. Например, в русском: *собаку* съел; с лихой (паршивой) *собаки* хоть шерсти клок; как нерезаных *собак*; каждая *собака*; ни одна *собака*; *собака* зарыта; его теперь с *собаками* не найдешь; *собаке собачья* смерть; и *собака* старое добро помнит; *собака* человеку неизменный друг; маленькая *собачка* до старости щенок; *собака собаку* знает; не дразни *собаку*, так не укусит; свои *собаки* грызутся, чужая не приставай [Даль, т. 4, с. 251]; добрый *пес* на ветер не лает; при верном *псе* сторож спит; богат как Крез, а живет как *пес* [Даль, т. 3, с. 151]. Во французском: *chien* couchant; *chien* de temps; *chiens* écrasés; *chien* galeux; mauvais *chien*; être malade comme un *chien*; avoir du *chien*; à la *chien*; coup de *chien*; mal de *chien;* entre *chien* et loup;

n'être pas bon à jeter aux *chiens*; n'être pas fait pour les *chiens*; garder (promettre) à quelqu'un un *chien* de sa *chienne*; être bête comme un jeune *chien*; rompre les *chiens*; ne pas valoir les quatre fers d 'un *chien*; (arriver, venir) comme un *chien* dans un jeu de quilles; tuer comme un *chien*; qui veut noyer son *chien* l'accuse de la rage.

Лошадь (конь, кобыла, кляча, жеребец) / cheval (jument, rosse): Троянский *конь / cheval* de Troie; *конь* бледный (из Апокалипса) / *cheval* de l'Apocalypse; *конек*, главный козырь / *cheval* de bataille; сесть на своего *конька* / caracoler sur son *cheval* de bataille; работать как *лошадь /* travailler comme un *cheval;* дареному *коню* в зубы не смотрят / à *cheval* donné on ne regarde pas la bouche; *конь* о четырех ногах да спотыкается, нет такой *лошади*, чтобы не спотыкалась / il n'y a si bon *cheval* qui ne bronche; загнать *лошадей /* brûler ses *chevaux*. Встречаются фразеологизмы, имеющие одинаковое значение, но разные образы в русском и французском языках: не иметь ни кола, ни двора / n'avoir ni *cheval* ni mule;. Рассмотрим примеры фразеологизмов, существующих лишь в одном из языков. В русском: *конь* не валялся; счастье не *конь,* хомута не наденешь; хотелось на *коня*, а досталось под *конем*; *кляча* воду возит, *лошадь* пашет, *конь* под седлом; он ходит *конь конем*: здоров, бодр; *конь* не выдаст, и враг не съест; *конь* мой вся моя надежда; кто *коней* меняет, у того хомут гуляет; счастье не *конь*: хомута не наденешь; счастье на *коне*, несчастье под *конем*; куда *конь* с копытом, туда и рак с клешней [Даль, т. 2, с. 155]; не ложкой, а едоком, не *лошадью*, а ездоком берут; добрую *лошадь* одной рукой бей, другой слезы утирай; счастье не *лошадь*: не везет по прямой дорожке; на *лошадь* не плеть покупают, а овес; казак сам не ест, а *лошадь* кормит; на худой *лошадке* поскорей в сторонку; семь деревень, а *лошадка* одна; *лошадь (кобыла*) с волком тягалась, хвост да грива осталась; не купи у цыгана *лошади*, не бери у попа дочери [Даль, т. 2, с. 269-270]; всякий цыган свою *кобылу* хвалит; не к лицу старой *кобыле* хвостом вертеть; с чужой *клячи* среди грязи долой; на своей *кляче* куда хочу, туда и скачу [Даль, т. 2, с. 124]. Во французском: *cheval* de bataille; *cheval* qui n'a ni bouche ni éperon; *cheval* de carrosse; *cheval* de renfort; travail de *cheval*; manger avec des *chevaux* de bois; être à *cheval* sur qch; être mal à *cheval*; changer son *cheval* borgne contre un aveugle; monter sur ses grands *chevaux*; des femmes et des *chevaux*, il n'en est point sans défaut ; coup de pied de *jument* ne fit de mal à un *cheval* ; il n'est si bon *cheval* qui ne devienne *rosse*; jamais bon *cheval* ne devient *rosse*.

Корова (бык, вол) / vache (boeuf, taureau): дойная *корова / vache* à lait; здоров как *бык* / c'est un *taureau*; fort comme un *boeuf* (un *taureau*); за морем *телушка* полушка / *vache* de loin a assez de lait; взять *быка* за рога / prendre le *taureau* par les cornes. В обоих языках имеются идентичные по смыслу фразеологизмы, различающиеся по форме только тем, что одна рабочая скотина заменена на другую (*лошадь / boeuf*): рабочая *лошадь* / *boeuf* de labour; поставить повозку (телегу) впереди *лошади* / mettre la charrue avant (devant) le *boeuf*. Имеются различия во фразеологизмах. В русском: *корова* на дворе, а вода на столе; *корова* на дворе, харч на столе; была бы *корова*, найдем и подойник; купил мужик *корову*, привел домой, стал доить, ан *бык*, ин так и быть; счастье не *корова*: не выдоить; бодливой *корове* Бог рог не дает [Даль, т. 2, с. 167]; стал как *бык*, и не знаю, как быть; уперся как *бык* в стену рогами; не сули *бычка*, а отдай чашу молочка; бей *быка*, что не дает молока; богатый, что *бык* рогатый: в тесные ворота не влезет; был бы *бык*, а мясо будет [Даль, т.1, с. 149]; *вола* в гости зовут не мед пить, а воду возить; голова как у *вола*, а все лишь мала; как ни дуйся лягушка, а до *вола* далеко; семь сел, один *вол*, да и тот гол; жди, как *вол*, обуха [Даль, т. 1, с. 238]. Во французском: comme une *vache;* queue de *vache;* peau de *vache*; coup de pied en *vache*; montagne à *vaches*; plancher des *vaches*; les *vaches* grasses, les *vaches* maigres; pleurer comme une *vache*; manger de la *vache* enragée; grand chemin des *vaches*; parler français comme une *vache* espagnole; il ne faut pas faire crier la *vache* avant que de la traire; aller à qqn comme un tablier à une *vache*; à chacun son métier, et les *vaches* seront bien gardées; à la tannerie tous *boeufs* sont *vaches*, et à la boucherie toutes *vaches* sont *boeufs*; la *vache* est à nous; comme un *taureau*; cou de *taureau*; course de *taureaux;* avoir un *boeuf* sur la langue; se mettre dans le *boeuf;* manger du *boeuf*; donner un oeuf pour avoir un *boeuf* ; faire d'un oeuf un *boeuf;* un vent à décorner les *boeufs*; un coup à assommer un *boeuf*; avoir un *boeuf* sur la langue; gagner, faire son *boeuf*.

Свинья / cochon: метать бисер перед *свиньями /* jeter des perles aux *cochons*; подложить *свинью* кому-л. / faire (jouer) un pied (un tour) de *cochon* à qn; жирный как *свинья* / gras comme un *cochon*; грязный как *свинья* / sale comme un *cochon*; пьяный как *свинья* / soul comme un *cochon*; есть как *свинья* / manger comme un *cochon*; мы вместе *свиней* не пасли / nous n'avons

pas gardé les *cochons* ensemble. Отметим различия во фразеологизмах. В русском: бывает *свинка* золотая щетинка, да в сказках; *свинье* только рыло просунуть, и вся проползет; видел Бог, что не дал *свинье* рог; дабы *свинье* бычий рог да конское копыто; сегодня в чести, а завтра *свиней* пасти; сердит, да бессилен – *свинье* брат; Бог не даст, *свинья* не съест; знает вкус (толк) как *свинья* в апельсинах; знай *свинья* свое стойло; *свинья* мне не брат, а пять рублей не деньги; наряди *свинью* в серьги, а она в навозе; волк не пастух, а *свинья* не огородник; *свинья* найдет грязь [Даль, т. 4, с. 149]. Во французском: le *cochon* de payant; le *cochon* qui sommeille; tête de *cochon;* tour de *cochon*; des yeux de c*ochon*; comme un *cochon* de sa queue; saigner comme un *cochon*; être amis (camarades, copains) comme *cochons*; n'être ni lard ni *cochon*; *cochon* qui s'en dédit; il deviedra quelqu'un si les *cochons* ne le mangent pas; il faut mourir, petit *cochon*, il n'y a plus d'orge; un *cochon* n'y trouverait pas ses petits.

Коза (козел) / chèvre: *коза* с голоду никогда не умрет / on n'a jamais vu *chèvre* morte de faim. В обоих языках встречаются фразеологизмы, имеющие одинаковое значение, но разные образы: он готов бегать за каждой юбкой / il aimerait une (il serait amoureux d'une) *chèvre*; и волки сыты, и овцы целы / ménager (sauver) la *chèvre* et le chou; бывает, что и овца волка съедает / la *chèvre* a pris le loup; всяк сверчок знай свой шесток / où la *chèvre* est attachée, il faut qu'elle broute. Наблюдаются различия во фразеологизмах. В русском: идет *коза* рогатая за малыми ребятами; петь *козлом*; как от *козла*, ни шерсти, ни молока; стать *козлом*; захочет сена *коза* – будет у воза [Даль, т. 2, с. 131]. Во французском: chemin de *chèvre*; sauts de *chèvre*; devenir *chèvre*; prendre la *chèvre*.

Баран (овца) / mouton (brebis): паршиая *овца* / *brebis* gâleuse; заблудшая *овца / brebis* égarée; как стадо *баранов* / en vrais *moutons*; рассверипевший *ягненок (баран*) / *mouton* enragé; паршивая *овца* все стадо портит / *brebis* gâleuse gâte le troupeau. Отмечаются различия в рассматриваемых языках. В русском: бился *баран* с козлом, помутилася вода с песком; *баран* в хлеве, нога в стене; послушался козла *баран*, да и сам в беду попал; *баран бараном*, а денежки даром**;** куда один *баран*, туда и все стадо; нашему *барану* ни в чем нет талану; словно *бараны*, все в кучу сбились [Даль, т.1, с. 47]; и *овцы* целы, и волки сыты; без пастуха *овцы* не стадо; в чужом хлеву (стаде) *овец н*е считают; повадится *овца* не хуже козы; голой *овцы* не стригут; не за то волка бьют, что сер, а за то, что *овцу* съел; молодец на *овец*, а на молодца и сам *овца*; не прикидывайся *овцой:* волк съест [Даль, т. 2, с. 640-641]. Во французском: *moutons* de Panurge; le *mouton* à cinq pattes; (en) revenir à ses *moutons*.

Заключение

В русских и французских фразеологизмах наблюдаются следующие соотношения: 1) **совпадение плана содержания и образа:** жить как *кошка* с собакой / vivre (s'accorder, s'entendre, être) comme (un) *chien* et (un) *chat*; *собачий* холод / froid de *chien; собачья* жизнь / vie de *chien*; работать как *лошадь /* travailler comme un *cheval;* дойная *корова / vache* à lait; жирный как *свинья* / gras comme un *cochon* ; паршивая *овца* / *brebis* gâleuse; 2) **совпадение плана содержания, но разные образы**: это выеденного яйца не стоит / il n'y a pas de quoi fouetter un *chat; собака* на сене / le *chien* du jardinier; не иметь ни кола, ни двора / n'avoir ni *cheval* ni mule; 3) **различие плана содержания и образа** при наличии во фразеологизме **названия животного**: знает *кошка*, чье мясо съела; il n'y a pas un *chat ; собаку* съел; *лошадь* пашет, *конь* под седлом; pleurer comme une *vache*; знай *свинья* свое стойло; tête de *cochon;* как от *козла;* молодец на *овец*, а на молодца и сам *овца; moutons* de Panurge.

Согласно **структурному** критерию, среди фразеологизмов встречаются: а) **непредикативные** (conte du *chat* botté, *; собачья* жизнь / vie de *chien;* Троянский *конь / cheval* de Troie; дойная *корова* / *vache* à lait; жирный как *свинья* / gras comme un *cochon;* sauts de *chèvre;* аблудшая *овца / brebis* égarée); б) **частично предикативные** (le *cochon* qui sommeille; *cheval* qui n'a ni bouche ni éperon); в) **предикативные** (le *chat* parti [absent, quand le *chat* n'est pas là, quand le *chat* dort], les souris dansent).

По **семантической** классификации различаются **идиомы** (*cheval* de bataille; manger de la *vache* enragée; avoir du *chien*) и **унилатеральные фразеологизмы** (appeler un *chat* un *chat*).

По **функциональному** критерию фразеологизмы подразделяются на **коммуникативные** (куда один *баран*, туда и все стадо; дареному *коню* в зубы не смотрят / à *cheval* donné on ne regarde pas la bouche) и **некоммуникативные**, включающие **номинативные** (паршиая *овца* / *brebis* gâleuse) и **инфинитивные** (взять *быка* за рога / prendre le *taureau* par les cornes).

Среди рассмотренных фразеологизмов выделяются следующие типы семантических преоб-

разований. 1.**метафора**: продавать (купить) *кота* в мешке / vendre (acheter) *chat* en poche; метать бисер перед *свиньями* / jeter des perles aux cochons; 2. **сравнение**: жить как *кошка* с собакой / vivre (s'accorder, s'entendre, être) comme (un) chien et (un) *chat;* умереть как *собака* / mourir comme un *chien*; работать как *лошадь* / travailler comme un *cheval* ; как стадо *баранов* / en vrais *moutons*; 3. **метонимия**: Троянский *конь* / *cheval* de Troie;

Библиографический список

1. Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. Москва : Эппис, 2008, 272 с.

2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии. Москва : Флинта, 2013. 312 с.

3. Бирих А., Мокиенко В., Степанова Л. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Ростов-на-Дону : Феникс, 1997. 349 с.

4. Бирих А., Мокиенко В., Степанова Л. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / ред. проф. В. М. Мокиенко, Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. 704 с.

5. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва : Изд-во «Наука», 1977. 312 с.

6. Гак В. Г., Мурадова Л. А. и др. Новый большой французско-русский фразеологический словарь. Москва : Рус. Яз. Медиа, 2005. 1624 с.

7. Даль В. И. Пословицы русского народа. Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1957. 991 с.

8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. 699 с.

9. Кравцов С. М. Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «Поведение человека»). Ростов-на-Дону, 2008. 37 с.

10. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словари. Москва : Русские словари, 1997. 864 с.

11. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1–2. Москва : Изд-во «Словари», 1994. 1756 с.

12. Молотков А. И., Жост М. К. Учебный русско-французский фразеологический словарь. Москва : Астрель : АСТ, 2001. 329 с.

13. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка : учебное пособие. Москва : «Высшая школа», 1976. 318 с.

14. Французско-русский фразеологический словарь / под ред. Я. И. Рецкера. Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. 1112 с.

15. Цыбова И. А. Об отражении концепта «travail / труд, работа» фразеологическими единицами французского и русского языков // Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах: материалы международной научно-практической конференции 18–23 марта 2016 года / под науч. ред. И. Ю. Третьяковой. Кострома : КГУ им.Н.А. Некрасова, 2016. С. 68–69.

16. Цыбова И. А. Отражение концепта *праздность, лень, бездействие* во французской и русской фразеологии // Słowo. Tekst. Czas VI. Nowa fraseologia w nowej Europie. Szczecin – 2002 – Greifswald. P. 105–110.

17. Bally Ch. Traité de stylistique française, P. : Klincksieck, 1951. Vol. 1. 331 p.

18. Dictionnaire Hachette encyclopédique illustré. P. : Hachette Livre, 1998.

19. Le Petit. Larousse illustré. P. : Larousse, 2005.

20. Lexis Larousse de la langue française. P. : Larousse, 1979.

21. Rey A., Chantreau S. Dictionnaire des expressions et locutions. P. : Le Robert, 2007. 888 p.

22. Tsybova I. A. Lexicologie française. Изд. стереотип. Москва : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2017. 224 p.

Reference list

1. Alefirenko N. F. Frazeologija v svete sovremennyh lingvisticheskih paradigm = Phraseology in the light of modern linguistic paradigms. Moskva : Jeppis, 2008, 272 s.

2. Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. Osnovy frazeologii = Basic phraseology. Moskva : Flinta, 2013. 312 s.

3. Birih A., Mokienko V., Stepanova L. Slovar' frazeologicheskih sinonimov russkogo jazyka = Dictionary of Russian phraseological synonyms. Rostov-na-Donu : Feniks, 1997. 349 s.

4. Birih A., Mokienko V., Stepanova L. Slovar' russkoj frazeologii. Istoriko-jetimologicheskij spravochnik = Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological dictionary / red. prof. V. M. Mokienko, Sankt-Peterburg : Folio-Press, 1998. 704 s.

5. Vinogradov V. V. Izbrannye trudy. Leksikologija i leksikografija = Selected works. Lexicology and lexicography. Moskva : Izd-vo «Nauka», 1977. 312 s.

6. Gak V. G., Muradova L. A. i dr. Novyj bol'shoj francuzsko-russkij frazeologicheskij slovar' = New big French-Russian phraseological dictionary. Moskva : Rus. Jaz. Media, 2005. 1624 s.

7. Dal' V. I. Poslovicy russkogo naroda = Russian proverbs. Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1957. 991 s.

8. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. T. 1–4 = Explanatory dictionary of the living Great Russian language (V.1-4). Moskva : Gos. izd-vo inostr. i nac. slovarej, 1955. 699 s.

9. Kravcov S. M. Kartina mira v russkoj i francuzskoj frazeologii (na primere koncepta «Povedenie cheloveka») = The world picture in Russian and French phraseology (on the concept «Human behavior»). Rostov-na-Donu, 2008. 37 s.

10. Melerovich A. M., Mokienko V. M. Frazeologizmy v russkoj rechi = Phraseology in Russian speech. Slovari. Moskva : Russkie slovari, 1997. 864 s.

11. Mihel'son M. I. Russkaja mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoj frazeologii. Sbornik obraznyh slov i inoskazanij. T. 1–2 = Russian thought and speech. Native and foreign. Experience in Russian phraseology. Anthology of figurative and allegorical words. V. 1-2. Moskva : Izd-vo «Slovari», 1994. 1756 s.

12. Molotkov A. I., Zhost M. K. Uchebnyj russko-francuzskij frazeologicheskij slovar' = Russian-French phraseological dictionary for students. Moskva : Astrel' : AST, 2001. 329 s.

13. Nazarjan A. G. Frazeologija sovremennogo francuzskogo jazyka = Phraseology of the modern French language : uchebnoe posobie. Moskva : «Vysshaja shkola», 1976. 318 s.

14. Francuzsko-russkij frazeologicheskij slovar' = French-Russian phraseological dictionary / pod red. Ja. I. Reckera. Moskva : Gos. izd-vo inostr. i nac. slovarej, 1963. 1112 s.

15. Cybova I. A. Ob otrazhenii koncepta «travail / trud, rabota» frazeologicheskimi edinicami francuzskogo i russkogo jazykov = On expressing the concept «travail / labor, work» by French and Russian phraseological units // Frazeologizm i slovo v hudozhestvennom, publicisticheskom i narodno-razgovornom diskursah: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 18–23 marta 2016 goda / pod nauch. red. I. Ju. Tret'jakovoj. Kostroma : KGU im.N.A. Nekrasova, 2016. S. 68–69.

16. Cybova I. A. Otrazhenie koncepta prazdnost', len', bezdejstvie vo francuzskoj i russkoj frazeologii = Expressing the concept of idleness, laziness, inactivity in French and Russian phraseology // Słowo. Tekst. Czas VI. Nowa fraseologia w nowej Europie. Szczecin – 2002 – Greifswald. R. 105–110.

17. Bally Sh. Traité de stylistique française, P. : Klincksieck, 1951. Vol. 1. 331 r.

18. Dictionnaire Hachette encyclopédique illustré. P. : Hachette Livre, 1998.

19. Le Petit. Larousse illustré. P. : Larousse, 2005.

20. Lexis Larousse de la langue française. P. : Larousse, 1979.

21. Rey A., Chantreau S. Dictionnaire des expressions et locutions. P. : Le Robert, 2007. 888 p.

22. Tsybova I. A. Lexicologie française. Izd. stereotip. Moskva : Knizhnyj dom LIBROKOM, 2017. 224 r.

УДК 801.804

В. И. Корж **https://orcid.org/0000-0003-2231-0387**

И. В. Скуратов **https://orcid.org/0000-0003-0578-4855**

Феминитивы в русском и французском языках: к вопросу гендерной окраски

Для цитирования: Корж В. И., Скуратов И. В. Феминитивы в русском и французском языках: к вопросу гендерной окраски // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 138–145. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-138-145

Настоящая статья посвящена проблеме феминизации имен существительных мужского рода во французском и русском языках, которая имеет важное значение для достижения гендерной нейтральности, то есть уравнения слов мужского и женского рода. Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что довольно часто в жизнь проводятся неоднозначные идеи через слова, не привычные для нашего слуха. Примерами в русском языке являются такие слова как блогерка, авторка, профессорка и другие. А во французском языке la préfète (префекторка), la magistrate (магистратка), la députée (депутатка) и другие. Авторами статьи затрагивается вопрос языковой политкорректности, действующей в отношении дискриминируемых или считающихся таковыми сообществ: гендерных, то есть женщин, людей нетрадиционной половой ориентации, иной национальности, расы или религии. Много дискуссий в настоящее время ведется также о людях с инвалидностью и т. п. Лучшим примером того, как удалось стереть в русском языке границу между полами, является слово товарищ. В работе обращается внимание на тот факт, что феминистическое сообщество не отличается единством, поскольку за внедрение феминитивов выступают далеко не все. С одной стороны, существует лагерь непримиримых феминисток, а с другой, их противников, выступающих категорически против нововведений. К тому же, нельзя забывать об основной массе носителей языка, которые говорят, как им удобно. Выводы, полученные в ходе исследования, позволяют заключить, что если феминитивы будут использоваться постоянно, в том числе в средствах массовой информации и социальных сетях, то общество способно к ним быстро привыкнуть. Иными словами, феминитивы могут укорениться в языке, если будет меняться сама наша жизнь.

Ключевые слова: французский язык, русский язык, феминитивы, политкорректность, гендер, нововведения, равенство полов, неологизмы, стилистическая окраска, социальное устройство общества.

V. I. Korzh, I. V. Skuratov

Feminitives in russian and french: on the issue of gender connotation

This article is devoted to the problem of feminization of masculine nouns in french and russian, which is important for achieving gender neutrality, i.e. equality of masculine and feminine words. The relevance of this problem lies in the fact that ambiguous ideas are quite often put into practice through words that are not familiar to our ears. Some examples in russian are such words as «блогерка» (a female blogger), «авторка» (a female author), «профессорка» (a female professor), and others. And in French, *la préfète, la magistrate, la députée* and others. The authors of the article touch upon the issue of linguistic political correctness in relation to discriminated communities, or those considered discriminated: women, people of non-traditional sexual orientation, national, racial and religious minorities. There is also much discussion nowadays about people with disabilities The best example of how to erase the boundaries between the sexes in the russian language is the word *comrade*. The work draws attention to the fact that the feminist community is not unanimous, since not everyone is in favor of feminitives. On the one hand, there is a group of radical feminists, and on the other, their opponents, who are definitely against innovations. In addition, we should not forget the majority of native speakers who speak at their convenience. The results of the study lead to the conclusion that if feminitives are regularly used, especially in the media and social networks, the society can get used to them very quickly. In other words, feminitives can penetrate the language if our life changes.

Key words: french, russian, feminitives, political correctness, gender, innovations, gender equality, neologisms, stylistic coloring, social structure of society.

© Корж В. И., Скуратов И. В., 2021

Введение

Широко известно, что на сегодняшний день мы живем в открытом информационном пространстве и имеем все возможности устанавливать и реализовывать непосредственные контакты с носителями разных иностранных языков.

Любой иностранный язык, в том числе французский перестает быть исключительно учебным предметом, трансформируясь в инструмент коммуникации, приема и обмена информацией.

Важно отметить в этой связи языковую политику России и Франции конца 80-х годов XX века, которая меняется настолько интенсивно, что вызывает озадаченность ученых-лингвистов разных стран [Корж, 2018].

1. Факторы преодоления неравенства полов во французском языке

В новой концепции, как следует из презентации МОФ (Международная Организация Франкофонии), французский язык несет равноправие, уважение к национальному разнообразию и даже помогает преодолеть неравенство полов.

Французы не стесняются предлагать свой язык в качестве гаранта безбедной жизни, трудоустройства, самостоятельности и вообще всего хорошего, что можно себе представить.

Таким образом, Франция поддерживает большое влияние в мире с помощью языковых связей. Как было провозглашено в рамках 17 Саммита Международной организации франкофониии в 2018 году «*Мы живем не в стране, а в языке*» [Фокина, 2021, с. 17].

В этой связи вспомним, что язык постоянно развивается, изменения разного рода в нем неизбежны: меняется речевая практика и речевая интуиция. Меняются канон и знания, характеризующие поведенческие модели культурного человека. Это связано, во-первых, с перестройкой и последующими социальными изменениями. Во-вторых, это появление интернета. Третьим фактором является глобализация. В результате, например, дети, в частности российские, сегодня знают, кто такой Волан-де-Морт, но не вполне знают, кто такой Кащей Бессмертный.

Как особенно тревожные, рассматриваются темы, связанные именно с языком интернета, злоупотреблением неоправданных заимствований, жаргонизмами, арго и просторечными словами.

2. Женский язык: аргументы сторонников и противников

Одной из спорных и вызывающих неоднозначную трактовку среди специалистов-языковедов является тенденция к появлению гендерных неологизмов в языковой плоскости, а именно, феминитивов в случаях, где исконно употреблялись существительные мужского рода [Григорян, 2004; Шемчук, Андреева, 2013].

Так, например, известный лингвист, профессор Максим Кронгауз неоднократно отмечает в своих исследованиях, что «*современные феминистки стремятся укоренить в русском такие слова, как «авторка» и «менеджерка»*» [Кронгауз, 2019, с. 4].

Все чаще прописываются в русском языке и слова, подобные таким, как «*блогерка*» и «*редакторка*» и даже «*профессорка*».

Их можно назвать модными словами, за которыми скрывается не абстракция, а языковая и жизненная реальность. Модное слово – это слово с претензиями, оно часто звучит в устной речи, мелькает в прессе, доносится из радиоприемника и телевизора. Его будущее неизвестно: исчезнет из языка или станет обыденным и нейтральным. Наиболее ярким свидетельством динамичного характера языка служит его способность обогащать свой словарный состав новыми единицами [Скуратов, 2020, с. 234].

Естественно, что употребление указанных неологизмов вызывает вопрос, каким образом наш родной язык сможет выйти из создавшегося положения.

Изучение теоретических работ и практического материала показывает, что феминитивы в русском языке присутствовали с давних времен. Речь идет о женском языке, который представляет собой условное название дифференцированных единиц языка в зависимости от пола говорящего, избирательное употребление тех или иных единиц языка женщинами.

Можно считать нормальным положением вещей, когда рядом с существительным мужского рода появляется имя женского рода, обозначающее женщину той же профессии, национальности и прочее.

Например, «*москвич*», «*москвичка*», «*француз*», «*француженка*» и т.д.

3. Феминитивы в названии профессий и видов деятельности

Несколько сложнее обстоит дело с названиями профессий или видов деятельности, поскольку отсутствие феминитива или его стилистическая окраска отражают социальное устройство общества в определенный период его развития. Так, в 19 веке феминитивы «*докторша», «секретарша», «профессорша», «генеральша»* обозначали жен «доктора», «секретаря», «профессора», «генерала». Со второй половины 20 века и в настоящее время ситуация коренным образом изменилась: докторша, как и другие указанные выше феминитивы, являются разговорными вариантами профессий, исполняемых женщинами.

Интересно отметить, что усилия, предпринимаемые сторонниками использования в языке новых слов-феминитивов, не направлены на эволюционное преобразование языка. Некоторые феминистки требуют образовывать феминитивы для любого существительного мужского рода по типу «режиссер», «режиссерка», которые вызывают у нас скорее недоумение или усмешку, нежели желание адресовать их даме.

Представляется целесообразным подчеркнуть, что в наши дни, патриархальность общества и гендерное неравенство выше, чем после революции 1917 года. Суть проблемы в том, что люди хотят добиться полного равенства. Язык в любом обществе отражает его реальное развитие, в частности социальную и культурную составляющие.

Если следовать слепо требованиям феминисток, то язык может утратить указанные ключевые качества. В этой связи следует отметить, что сторонники политкорректности ошибаются в том, что они пренебрегают важнейшим фактом, рассматривая язык как инструмент воздействия на социум.

При этом не следует забывать, что язык развивается по своим внутренним законам и стремление его регламентировать наносит языку ущерб. Интересно, на наш взгляд, высказывание Максима Кронгауза «Язык, когда мы не регламентируем его, не вмешиваемся, – мудрее нас» [Кронгауз, 2021, с. 13].

Аналогичная картина наблюдается и в области гендерного равенства. Если в обществе не удается его достичь, то оно устанавливается искусственно в разговорной практике на сайтах интернета и прочее. Устойчивость же феминитивов зависит исключительно от изменений в реальной жизни.

Ученые, занимающиеся проблемами гендерной лингвистической революции, отмечают, что феминистическое влияние на русский язык сводится к нулю. Попытки уравнять слова мужского и женского рода предпринимаются, согласно мнению М. Кронгауза, уже давно.

В английском языке указанное уравнение сделать довольно сложно, поскольку, например, у слова student нет рода; напротив, в немецком языке родовая оппозиция существует, вследствие чего в Германии к разнополой аудитории обращаются следующим образом: Studenten und Studentinnen.

Но и в этом случае нет равенства, так как в слове женского рода всегда есть дополнительный суффикс, в немецком языке – in, в русском же языке суффикс – к: студент/ка.

Словесная эмансипация может проходить разными путями. Прекрасной иллюстрацией этого стало слово «*товарищ*» как общее обращение к мужчинам и женщинам, в то время как существующий в языке феминитив «товарка» отчасти предан забвению, либо используется в другом значении: «товарка» = «подружка», «приятельница».

Слово «товарищ» – яркий пример того, как произошло полное нивелирование рода.

Ранее в русском языке, как и в других языках, обращения дублировались: «господин», «госпожа», «сударь», «сударыня», а «товарищ» полностью снимает гендерную оппозицию.

Заметим, что в нашей стране, России, споры о том, как правильно говорить, не оскорбляя никого, разгорелись особенно в 21 веке.

4. Феминизация и языковая политкорректность

В наши дни языковая политкорректность действует в отношении дискриминируемых или считающихся таковыми сообществ: гендерных, т. е. женщин, людей нетрадиционной половой ориентации, иной национальности, расы или религии; много дискуссий ведется также о людях, имеющих инвалидность, дискриминации по возрасту (эйджизм) и т. д.

Вопрос, стоит ли множить слова, сочиняя феминитивы, далеко не праздный. Действительно, существительные мужского рода в русском языке совсем не обязательно обозначают мужчин. Довольно часто, когда пол

специалиста не особенно важен, они используются как нейтральные.

Например, имя «повар». Естественно, нам не важно, кто приготовил, то или иное блюдо, «мужчина» или «женщина». Главное для нас, чтобы блюдо было вкусным. Именно поэтому феминитив «повариха» употребляется довольно редко.

Однако наш язык отличается большим талантом изобретательности новых слов – феминитивов, не обошедших вниманием и женщину-повариху, вместо которой можно встретить следующую забавную презентацию « *А это Вам от нашей шефки-поварки*» https://www.youtube.com/channel/UCK4OrW8M3lCabJpIeBp1.

Если же быть совсем серьезными, то отметим, что за внедрение феминитивов в язык ратуют далеко не все. Как в истории русского, так и французского языков, имели место периоды, когда эмансипированные женщины боролись против женских вариантов названия профессий.

Например, речь идет о знаменитом возражении Анны Ахматовой против того, чтобы о ней говорили как о поэтессе «…*собираюсь быть русским поэтом*» [Черных, 2017]. Анна Ахматова, также как и Марина Цветаева желали называться исключительно поэтами.

Как интересный факт отметим, что с течением времени трактовка отдельных феминитивов претерпевает семантические изменения. Например, феминитивы «делегатка» или «депутатка» воспринимаются сейчас, как и десятилетия назад, когда они являлись совершенно нормальными словами.

В настоящее время они, конечно, существуют, но если говорить о народной избраннице всерьез, то её называют именем мужского рода, то есть «делегатом» или «депутатом»; феминитивы же используются, скорее, в ироническом ключе.

Сравним также с курьезными формами «экспертка», «поэтка» и т. п.

Таким образом, получается, что столетие назад эмансипация была гораздо более выражена, чем сегодня. В данном случае язык отражает со всей очевидностью реальную жизненную ситуацию.

Перейдем к сравнению основных тенденций в области феминизации в русском языке и языке французском.

Словесная эмансипация во Франции шла в целом аналогичным путем, но в силу специфики грамматической системы французского языка как аналитического, она характеризуется рядом особенностей.

Довольно часто Россию сравнивают с Францией именно по отношению к родному языку. Если быть точными, то многие авторы считают, что следует ориентироваться именно на Францию в смысле заботы и защиты родного языка.

Как показывает материал исследования, большинство феминитивов во французском языке связано с местом, которое женщины занимают в современном обществе. Употребление феминитивов, обозначающих названия профессий, призвано обеспечить деятельность женщин через посредство языка. Например, une professeure, une maîtresse de conférence, une directrice de cabinet.

Когда в языке используются существительные мужского рода относительно характеристики женщины, это приводит к отрицанию важной составляющей женской идентичности.

« La positon que vous occupez est masculine, je ne veux pas voir que vous êtes une femme, je considère que vous êtes un homme et vous désigne donc par l'étiquette qui convient pour les hommes.» [Dister, 2006, p. 5–46; Burr, 2001, p. 119–139] / Позиция, которую вы занимаете «маскулинна», я не хочу видеть, что вы женщина, я считаю вас скорее мужчиной, поэтому и вас обозначаю термином, который присущ мужчинам./ (Перевод наш)

Итак, женщины сегодня выполняют различные социально-политические, культурно-коммуникативные, религиозные, когнитивные и другие функции, которые ранее были предназначены исключительно для мужчин.

Не удивительно поэтому использовать для женских профессий мужское название и говорить о Madame le juge (госпожа судья), Madame l'avocat (госпожа адвокат) или Madame le Président (госпожа президент) именно в случаях, когда необходимо обозначить престижные должности, как следует из приведенных примеров, в которых язык сопротивляется женскому роду [Marion, 2014].

Как было показано на примере русских феминитивов, французский язык также широко эволюционирует в этой области. Например, существительное étudiante (студентка) обозначало ранее любовницу студента (maîtresse de l'étudiant), и его актуальное значение датируется концом 19 века, моментом, когда женщины начали посещать университеты.

Во французском языке не существует грамматических препятствий, которые противились бы феминизации этой категории слов.

5. Роль социально-когнитивного фактора в появлении феминитивов

Времена, предшествующие нашей эпохе, сумели создать и использовать формы женского рода в соответствии с социальными позициями, которые в то время занимали женщины. Формы женского рода, которые ярко подтверждают этот факт, следующие: une tisserande (ткачиха), une drapière (суконщица), une prieure (настоятельница), une diaconesse (дьякониса).

На современном этапе развития общества представляют интерес образования женского рода типа senior – seniorette. Уточним, что существительное seniorette представляет собой очень красивое слово, заимствованное из книги Кристианы Колланж, автора романа «Вторая жизнь женщин» / Un très joli mot emprunté à un livre de Christiane Collange, auteur de *La deuxième vie des femmes* Robert Laffont, 2005 [Nectoux, 2005, p. 200].

Данный неологизм появляется наряду с уже существующими в языке синьора и синьорита (во французском señiorita) в связи с увеличением продолжительности жизни членов современного общества, когда семья насчитывает четыре поколения… Появление этого слова не случайно, поскольку оно свидетельствует об определенной возрастной категории женщин, а именно от 75+.

Однако не все ученые-языковеды легко соглашаются со все более интенсивным употреблением феминитивов в русском и французском языках.

Как всегда, при дискуссионности обсуждаемых проблем появляются оппоненты, выдвигающие различные аргументы сугубо лингвистического порядка.

1. Произвольность грамматического рода (genre arbitraire).

« A part chez les poètes, *le soleil* n'est pas plus masculin que *la lune*, et *la maison* plus féminine que *le bâtiment* ». / За исключением поэтов, *солнце* не более маркируется мужским родом, чем существительное *луна*, а *дом* не более женским родом, чем *здание*./

2. Коллективный мужской род (masculin générique).

- « L'employé a l'obligation d'exécuter son travail avec prudence».

Синтаксическая феминизация – полные дублеты (féminisation syntaxique – doublet complet).

- « L'employée ou l'employé a l'obligation d'exécuter son travail avec prudence ».

Нейтральная формулировка – (formulation neutre).

- Le personnel a l'obligation d'exécuter son travail avec prudence.

Среди прочих аргументов можно привести следующие:

1) когда говорят адвокат (l'avocat), дантист (le dentiste), хирург (le chirurgien) или депутат (le député), используют, как правило, мужской род, который охватывает как мужчин, так и женщин;

2) но в тех случаях, когда название профессии относится к частному лицу, речь о коллективном мужском роде не идет;

3) когда мы говорим «у меня встреча с моим адвокатом по поводу моего развода», мы не имеем в виду коллегию адвокатов или же мужчин и женщин адвокатов вместе взятых.

К тому же речь не идет о функциях, выполняемых адвокатами: мы встречаемся с конкретным человеком, то есть, если произносится «мой адвокат», очевидно, что этим адвокатом является мужчина

« Si je dis mon avocat, on entend que je consulte un homme ».

Сравним с высказыванием, из которого со всей очевидностью вытекает присутствие адвоката-женщины:

« A l'inverse, le département, par la voix de son avocate Madame Isabelle Grillon, a affirmé à l'audience qu'il s'était appuyé sur une nouvelle charte encore en préparation,…(Le Républicain Lorrain, 26 novembre 2011). /Напротив, департамент голосом своего адвоката, мадам Изабелль Грийон, утвердительно заявил собравшимся, что он опирался на новую хартию еще в процессе её подготовки. (Лотарингский республиканец)./

« Ah, vous êtes bonne, vous ! », – s'esclaffe la députée, candidate à sa réélection. (Le Figaro, 20 février 2012). /А, как Вы добры, вы, – восклицает депутат (женщина), кандидат на свое переизбрание./

Феминитив в следующем примере содержит эффект неожиданности: лейтенант полиции – женщина.

« Je suis une lieutenant de police. Je suis maman de deux enfants. Je suis l'épouse d'un policier »… (Marianne, 24 au 27 avril 2007). / Я – лейтенант

полиции. Я мама двоих детей. Я супруга полицейского./

3. Имена существительные, обозначающие должностные функции, но не их носителей.

• Разграничение, согласно которому мужской род обозначает социальную функцию, а не лицо, никогда не применялось относительно существительных «l'ouvrière» (рабочая) и «l'infirmière» (медсестра).

• Это разграничение следовало бы считать действенным лишь для функций, называемых профессионально-статусными: инженер (ingénieur), врач (médecin), магистрат (magistrat), прокурор (procureur), канцлер (chancelier).

«Arbitre: une magistrate sans peur… qui ne craint pas d'interroger sans relâche les ténors les plus huppés du régime (Marianne , 24 février au 2 mars 2007) / Арбитр: бесстрашный магистрат, …который не боится беспрерывно опрашивать самых видных политических деятелей режима. /

« Dès dimanche soir, une députée, Erika Steinbach, a dénoncé la politique, «comme sous une dictature», de la chancelière. » (Le Figaro, 13 mars 2016)./ Начиная с вечера воскресенья, депутат Эрика Штайнбах обличила политику диктатуры канцлерин/.

« A Moscou la chancelière a demandé à Vladimir Poutine d'user de son influence sur les séparatistes ukrainiens.» (Le Monde, 12 mai 2015) / В Москве, канцлер обратилась с просьбой к Владимиру Путину оказать влияние на украинских сепаратистов/.

« Via sicura, n'empêche pas de boire un verre ! C'est Sylvie Faure qui l'affirme. Pas la procureure, mais la présidente de la commission administrative du Service cantonal des autos». (L'Avenir, 19 octobre 2016) / Выпьем за безопасность на дорогах, – утверждает Сильвия Фор. Она не прокурор, а президент административной комиссии окружной автомобильной службы/.

« La STIB ne compte pas moins de 300 fonctions différentes, parmi lesquelles on voit plus de 30 % de femmes ingénieures.» (Métro, 24 octobre 2011) / Межмуниципальная транспортная компания Брюсселя насчитывает не менее 300 различных должностей, среди которых можно видеть более 30 % женщин-инженеров/.

4. Двусмысленность, порождаемая омонимией.

6. Омонимия как специфическая черта феминизации

• Внимание некоторых противников феминизации зиждется на неоднозначности смысла отдельных феминитивов, которые считаются неологизмами, ярким примером которых является существительное «cafetière» /хозяйка кафе/.

С одной стороны, речь идет о честной и благопристойной женщине, которая ведет спокойную жизнь до того момента, когда это имя появилось в руководствах по использованию кофемашины.

Многочисленные словари, как ранних времен, так и современные, регистрируют существительное la cafetière со смыслом «celle qui vend du café = та, которая продает кофе », « celle qui tient un café = та, которая содержит кафе», « tenancière d'un débit de boissons = держательница ларька по продаже напитков ».

Такая трактовка имеет место, к большому сожалению приверженцев языкового консерватизма, среди желающих видеть в этом названии не что иное, как сосуд или аппарат бытовой техники для приготовления кофе.

Сравним:

« Sarah Lavoine, décoratrice : « … Je ne suis pas bonne cuisinière, je laisserai donc le cuisinier de l'hôtel nous régaler avec un plat thai. (Mme Figaro 24 décembre 2010).

« A coups de marketing, le fabricant de cuisinières Dell a choisi, par exemple, de proposer à ses clients des cuisinières sur mesure. (La Provence, 18 juillet 2014).

• Противники феминизации игнорируют тот факт, что французский язык включает также существительное мужского рода, обозначающее одновременно людей и машины.

Ряд примеров служат тому подтверждением: « adaptateur = инсценировщик, переходник », « analyseur = технолог, анализатор», «décodeur = расшифровщик, декодер», «distributeur = раздатчик, дозатор».

Заметим при этом, что феминитивы к указанным существительным мужского рода не исключены:

« … chaque semaine, dans « Déshabillons-les sur Public Sénat, indéniablement Hélène Risser aime jouer les décodeuses. (La Presse, 9-11 mai 2015). / Каждую неделю в передаче «Обнажим их» (проблемы) на канале Народный Сенат Элен Риссер любит, несомненно, играть в расшифровщиц./

Сам аргумент наличия омонимии позволяет противникам феминизации скрывать их сопротивление языковым изменениям под предлогом защиты языка.

Следует отметить, что это полная противоположность сторонникам феминизации. Они не опираются на лингвистические данные, а лишь на правила употребления (узус), на изменяющиеся элементы и подчинены строению языка.

Заключение

Из этого следует, что сторонники феминизации, помимо лингвистического, выдвигают аргументы социологического порядка, который касается места женщины в обществе и её способности видеть специфику лингвистического явления, иногда умышленно скрытого языковой практикой, сколь-нибудь мотивированного, либо не обоснованного вовсе.

Если род является проблемным в обозначении предметов, то иначе обстоит дело в заголовках и функциях, которые объединяют мужской род и мужчин, женский род и женщин.

В этой связи отступлением от нормы является систематическое обращение к существительным мужского рода, чтобы обозначить женщин.

Итак, дискуссии по многочисленным проблемам феминизации продолжаются, поскольку предмет их остается животрепещущим по своему характеру и выходит далеко за пределы лингвистических рамок.

Данное заключение вполне созвучно высказыванию известных французских грамматистов Ф. Брюно (F. Brunot) и Ш. Брюно (Ch. Bruneau): « Il est probable que l'usage réglera ce que les grammairiens n'osent pas décider » / Вероятно, что использование будет регулировать то, что грамматисты не осмеливаются решить/ [Brunot et Bruneau, 1956].

Библиографический список

1. Григорян А. А. Состояние и перспективы гендерной лингвистики на Западе в конце XX – начале XXI веков. Иваново : Иванов. гос.ун-т, 2004. 292 с.

2. Корж В. И. Le problème de la féminisation des noms de profession, grade, fonction, titres en français moderne et dans ses variantes régionales : монография. Москва : «ИИУ МГОУ», 2018. 160 с.

3. Кронгауз М. «Язык, когда мы не регламентируем его, не вмешиваемся, – мудрее нас»: культура. № 2. 2021. С. 13.

4. Кронгауз М. Феминитивы укоренятся, если изменится сама наша жизнь: культура. №8. 1–14 марта 2019. С. 4.

5. Скуратов И. В. Спорные вопросы русской и французской лексикографии XXI века // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2. С. 233–234.

6. Фокина К. «Мы живем не в стране, а в языке»: культура. №2. 25 февраля 2021. С. 17.

7. Черных В. А. Родословная Анны Андреевны Ахматовой. URL: http://www.akhmatova-rgali.ru/ index.php?view=articles &t=art2 (дата обращения: 10.10. 2017)

8. Шемчук Ю. М., Андреева А. В. Феминизация лексических изменений как проблема гендерной лингвистики // Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта. Вып 2. 2013. С. 86–92.

9. Burr E. Gender and language politiques in France // Gender Across languages : The Linguistic. Representation of Women and Men. Amsterdam: Philadelphia. John Benjamins Publishing Company, 2001. V. 3. P. 119–139.

10. Brunot F. et Bruneau Ch. Précis de grammaire de la langue française. Hardcover – 1 Jan.1956. Masson et Cie. 641 p.

11. Dister Anne et Moreau Marire-Louise, «Dis-moi comment tu féminises, je te dirai pour qui tu votes», les dénominations des candidates dans les élections européennes de 1989 et de 2004 en Belgique et en France, Langage et société, 2006, № 116, 5–46.

12. L'Avenir, 19 octobre 2016.

13. Le Figaro, 13 mars 2016.

14. Mme Figaro, 24 décembre 2010.

15. Métro, 24 octobre 2011.

16. Le Monde, 12 mai 2015.

17. Le Républicain Lorrain, 26 novembre 2011.

18. Marianne, 24 février au 2 mars 2007.

19. Marianne, 24 mars au 27 avril 2007.

20. Nectoux Ph. Dictionnaire insolite de la Modernitude. Parlez-vous le médiatico-techno-tendance? L'imprimerie France Quercy à Cahors, 2005. 231 p.

21. Marion Joseph «Madame la présidente» ou «le président»: quelle est la règle? Le Figaro, 7 octobre 2014.

22. La Presse, 9-11 mai 2015.

23. La Provence, 18 juillet 2014.

Reference list

1. Grigorjan A. A. Sostojanie i perspektivy gendernoj lingvistiki na Zapade v konce XX – nachale XXI vekov = The state and prospects of gender linguistics in the West in the late XXth and early XXIst centuries. Ivanovo : Ivanov. gos.un-t, 2004. 292 s.

2. Korzh V. I. Le problème de la féminisation des noms de profession, grade, fonction, titres en français moderne et dans ses variantes régionales : monografija. Moskva : «IIU MGOU», 2018. 160 s.

3. Krongauz M. «Jazyk, kogda my ne reglamentiruem ego, ne vmeshivaemsja, – mudree nas»: kul'tura = «Language, when we do not regulate it, do not interfere with it, is wiser than we are»: culture. № 2. 2021. S. 13.

4. Krongauz M. Feminitivy ukorenjatsja, esli izmenitsja sama nasha zhizn': kul'tura = Feminitives will take root if our life changes: culture. №8. 1–14 marta 2019. S. 4.

5. Skuratov I. V. Spornye voprosy russkoj i francuzskoj leksikografii XXI veka = Controversial issues

in Russian and French lexicography in XXI century // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2020. № 2. S. 233–234.

6. Fokina K. «My zhivem ne v strane, a v jazyke»: kul'tura = «We do not live in the country, but in the language»: culture. №2. 25 fevralja 2021. S. 17.

7. Chernyh V. A. Rodoslovnaja Anny Andreevny Ahmatovoj. = Anna Andreyevna Akhmatova's genealogy. URL: http://www.akhmatova-rgali.ru/ index.php?view=articles &t=art2 (data obrashhenija: 10.10. 2017)

8. Shemchuk Ju. M., Andreeva A. V. Feminizacija leksicheskih izmenenij kak problema gendernoj lingvistiki = Feminization of lexical change as a problem of gender linguistics // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I.Kanta. Vyp 2. 2013. S. 86–92.

9. Burr E. Gender and language politiques in France // Gender Across languages : The Linguistic. Representation of Women and Men. Amsterdam: Philadelphia. John Benjamins Publishing Company, 2001. V. 3. P. 119–139.

10. Brunot F. et Bruneau Ch. Précis de grammaire de la langue française. Hardcover – 1 Jan.1956. Masson et Cie. 641 p.

11. Dister Anne et Moreau Marire-Louise, «Dis-moi comment tu féminises, je te dirai pour qui tu votes», les dénominations des candidates dans les élections européennes de 1989 et de 2004 en Belgique et en France, Langage et société, 2006, № 116, 5–46.

12. L'Avenir, 19 octobre 2016.

13. Le Figaro, 13 mars 2016.

14. Mme Figaro, 24 décembre 2010.

15. Métro, 24 octobre 2011.

16. Le Monde, 12 mai 2015.

17. Le Républicain Lorrain, 26 novembre 2011.

18. Marianne, 24 février au 2 mars 2007.

19. Marianne, 24 mars au 27 avril 2007.

20. Nectoux Ph. Dictionnaire insolite de la Modernitude. Parlez-vous le médiatico-techno-tendance? L'imprimerie France Quercy à Cahors, 2005. 231 p.

21. Marion Joseph «Madame la présidente» ou «le président»: quelle est la règle? Le Figaro, 7 octobre 2014.

22. La Presse, 9-11 mai 2015.

23. La Provence, 18 juillet 2014.

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

УДК 81`27

А. А. Григорян **https://orcid.org/0000-0002-8435-0168**

В. Н. Четверикова **https://orcid.org/0000-0002-9303-4829**

Отражение гендерных особенностей речевого поведения детей на разных уровнях языковой системы

Для цитирования: Григорян А. А., Четверикова В. Н. Отражение гендерных особенностей речевого поведения детей на разных уровнях языковой системы // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 146–150. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-146-150

Статья посвящена рассмотрению отражения гендерной специфики в языке. Рассматривая вопросы, связанные с выявлением этой специфики на разных уровнях языковой системы (фонетическом, лексическом и грамматическом), авторы концентрируют свое внимание на следующих моментах, представляющихся интересными и дискуссионными. На уровне фонетическом затрагивается вопрос о так называемом “uptalk”. Авторы, ссылаясь на работы англоязычных лингвистов, приводят рассуждения, учет которых свидетельствует против однозначной и прямолинейной трактовки рассматриваемого явления. На уровне лексической системы языка затрагивается вопрос о существующей в языках тенденции к пейоризации значения слов относящихся к женщинам (образованию пейоративов) и, наоборот, к сохранению или даже улучшению значения слов, которые относятся к мужчинам. В этой связи авторами рассматриваются пары слов, которые изначально можно считать равнозначными. Наконец, значительное внимание в статье уделено уровню грамматическому, как наименее изученному. Особое внимание уделяется вопросу связи гендера и глагольной транзитивности, как грамматического явления, а также гендерным особенностям использования конструкций страдательного залога.

Ключевые слова: гендерная лингвистика, восходящая интонация, пейоризация, транзитивность, носитель действия, реципиент, уровни языковой системы.

Languages of foreign countries (germanic languages)

A. A. Grigoryan, V. N. Chetverikova

Gender aspects of children's speech behavior at different levels of the language system

The article is devoted to various (phonetic, lexical and grammatical) aspects of gender-language interplay. At all the levels analyzed, the authors focus on the problems which, in spite of all the attention previously received, remain debatable and open to different interpretations. At the level of phonetics, the authors draw attention to the phenomenon of the uptalk. This widespread linguistic phenomenon is – according to a traditional approach supported by a number of scholars – supposed to be an evidence of powerless and deficient women talk. However, there exist counter arguments proving that the situation is far from being that straightforward. At the lexical level, the authors focus on the pairs of the so-called parallel/seemingly equal terms denoting men and women. Having analyzed some of such pairs the authors reach the following conclusion: most of the words denoting women tend to undergo – with the course of time – the process of pejoration, whereas the words denoting men tend to develop in the opposite direction. A special attention is devoted to the level of grammar as the one where gender-language interplay is the least studied. Verbal transitivity – among other grammatical phenomena – is paid special attention to as it seems to be a salient factor in gender-language relations. Another grammatical point of interest in the article is the way gender may be intentionally or otherwise reflected in certain passive voice constructions.

Key words: gender linguistics, uptalk, pejoration, transitivity, agent, recipient, language system levels.

Введение

Гендерную идентификацию / самоидентификацию человека, безусловно, можно и нужно отнести к важным параметрам языковой личности. Не будучи – по мнению значительного большин-

© Григорян А. А., Четверикова В. Н., 2021

ства как отечественных, так и зарубежных исследователей – собственно лингвистическим феноменом, суть этой категории в значительной мере может быть раскрыта через анализ структур языка [Кирилина, 2004, с. 9].

Одной из особенностей гендера является его так называемый 'omnipresent' характер. Эта «вездесущность» гендера, какие-то его особенности проявляются уже в раннем детстве. Известно, что мальчики и девочки воспитываются по-разному буквально с самого рождения. Родители по-разному одевают их, что проявляется даже в выборе цвета вещей, покупают им разные игрушки, поощряют развитие в них определенных интересов и т. д. По-разному происходит и их социализация, начиная с самого раннего возраста. Разделение по половому признаку ощущается во всех областях жизни: в сфере труда, повседневного этикета, властных отношениях разного уровня и т. п.

Подобное положение вещей фиксируется и культурой, в целом, и языком, в частности, который, с одной стороны отражает существующий порядок вещей, а с другой – «заставляет» считать подобный статус-кво нормой, чем-то правильным, к которому нужно стремиться. Ученые сходятся во мнении: пол человека в какой-то мере отражается как в том, как говорят люди, так и в том, как о них говорят. В данной статье авторы пытаются проследить за тем, как гендерные особенности проявляются на разных уровнях языковой системы.

Результаты исследования

Лексический уровень системы любого языка принято считать наиболее подвижным, склонным к динамике компонентом всей системы языка. Неудивительно, что тема взаимодействия гендера и лексики привлекала внимание лингвистов (R. Lakoff, D. Spender, А. В. Кирилина, А. А. Григорян и др.) с самого зарождения гендерных исследований. При этом многие вопросы изучения взаимодействия различных уровней системы языка и гендера остаются недостаточно изученными. Это в меньшей степени относится к таким уровням как лексический и фонетический, которые в силу самой природы этих уровней языка, большей динамичности, склонности к изменениям под воздействиям самых различных факторов, привлекали внимание ученых. В частности, такой исследователь как Дейл Спендер в своей книге «Man Made Language» еще в 1980 году утверждала – об этом красноречиво свидетельствует само название ее книги – что английский язык создан мужчинами и для мужчин, для того, чтобы представлять и поддерживать патриархатную точку зрения [Spender, 1980, p. 38]. Действительно, например, слово effeminate в трактовке Oxford Russian Dictionary, строго говоря, означает всего лишь «похожий на женщину, женоподобный» [ORD, 2000, p. 763]. Трудно, однако, вообразить себе контекст, в котором это слово ассоциировалось бы с чем-то положительным [Григорян, 2004, с. 134]. Заметим, что в языке и культуре многих народов можно наблюдать тенденцию к пейоризации слов, обозначающих женщин. Этот тренд невозможно не заметить, особенно если принять во внимание тот факт, что слова, служащие для обозначения мужчин с течением времени, как правило, сохраняют свое значение. Более того, иногда можно говорить о тенденции к мелиоративности соответствующих слов. В этом смысле особенно показательными могут быть пары слов, обозначающих женщину и мужчину. Такие пары изначально были в языке равнозначными, часто параллельными терминами, служащими для обозначения мужчин и женщин, у которых был более или менее одинаковый статус. Проиллюстрируем это на примере слов master и mistress. По данным Concise Oxford English Dictionary слово mistress, наряду с основным значением «a woman in a position of authority or control», приобрело еще и такое «a woman (other than a wife) having a sexual relationship with a married man» [COED, 2002, p. 912]. Слово master, по данным того же словаря, не претерпело пейоративных изменений: «a man who has people working for him…» [COED, 2002, p. 877]. Более того, у слова master – в отличие от слова mistress – довольно много слов-дериватов: masterdom, masterhood, masterless, mastership. Кроме того, довольно показательным является и тот факт, что слово master в современном английском языке очень широко используется как глагол со значением «acquire complete knowledge or skill» и как имя прилагательное со значением «having or showing great skill or proficiency» [Ibid]. Возможно, еще более ярким примером может служить такая пара слов как king/queen. Именно у женского компонента этой пары с течением времени развились значения, которые трудно рассматривать как положительные. Так, наряду с безусловно сохранившимся основным значением «the female ruler of an independent state…», появляется и следующее: «a flamboyantly effeminate male homosexual» [COED, 2002, p. 1172]. Заметим также, что в язык устойчиво вошло выражение «queen it», одно из значений

которого согласно Оксфодскому словарю следующее: «(of a woman) act in unpleasantly superior way» [Ibid]. Справедливости ради отметим, что словарь фиксирует и «параллельное» мужское выражение «king it» с аналогичным «queen it» значением [COED, 2002, p. 780]. Однако никаких иных отрицательных значений у слова king не зафиксировано.

В паре spinster и bachelor оба слова служат для обозначения не связанных узами брака взрослых людей. Однако, именно у женского члена пары существуют отрицательные коннотации. Представляется, что англоязычный мир склонен трактовать слово «bachelor» как «a person who chose not to marry», в то время как «spinster», скорее, воспринимается как «a person who failed to marry». Слово spinster означает не просто человека, не вступившего в брак, а человека, который уже и не может этого сделать, и поэтому отвергаемого и нежеланного. Ситуацию не спасает появление – в основном, в американском варианте английского языка – слова bachelorette. Во-первых, потому что слово bachelorette воспринимается как производное от bachelor, а во-вторых, это производное образовано при помощи уменьшительного суффикса –ette (сравните: kitchen – kitchenette – «кухонька»).

В результате проведенного анализа выделим три тенденции в развитии значений слов, связанных с обозначением женщины. Во-первых, эти слова с течением времени обрастают большим (по сравнению со словами, обозначающими мужчин) количеством пейоративных значений. Во-вторых, в изначально равнозначных парах слова, обозначающие мужчин, либо сохраняют свое значение, либо проявляют склонность к мелиоративности. В-третьих, слова, которые ранее функционировали как родовые (напр. слово girl) или были нейтральными (напр. слово professional) приобретают большее количество негативных коннотаций, будучи обращенными исключительно к женщине.

Исследования мужской и женской речи на уровне фонетики обнаруживают наличие некоторых особенностей (например: тембр, высота голоса). Заметим, что это едва ли можно считать характерным для фонетической стороны речи мальчиков и девочек. Явные различия в этом аспекте можно наблюдать ближе к подростковому возрасту. В данной статье коснемся такого интересного явления в интонологии английского языка как «uptalk». В частности, Робин Лакофф утверждала, что вопросительная интонация некоторых предложений, которые, по большому счету, вопросами не являются, – это один из компонентов стиля, который можно охарактеризовать как женский, «слабый» и «безвластный» [Lakoff, 1975, p. 34]. Вопросительная интонация, о которой говорила Р. Лакофф, характеризуется высоким восходящим тоном в конце предложения. Эта «неподобающая вопросительная интонация» (inappropriate question intonation) благодаря средствам массовой информации получила короткое название «uptalk». Примером подобного «uptalk» является следующий микродиалог из книги Р. Лакофф: «Husband: When will dinner be ready? – Wife: Oh… Six o'clock?»

Профессор Лакофф трактует высокий восходящий тон в реплике жены как свидетельство неуверенности в себе, неуверенности в «правильности» указанного времени. Заметим, однако, что труд Робин Лакофф много раз подвергался критике из-за отсутствия в ее работе солидной эмпирической базы. Сама профессор Лакофф, собственно, никогда и не скрывала, что ее книга – результат интроспекции и окказиональных наблюдений за речью женщин, которые принадлежат к группе людей, относящихся к так называемым WASP (white Anglo-Saxon protestant) Критики нередко упрекали Р. Лакофф в ее «armchair research» и отмечали, что, в частности, восходящая интонация в ответе жены, может быть вызвана и совершенно иными причинами. [McConnell-Ginet, 1975, p. 51; Mills, 2003, p. 26; Holmes, 2008, p. 87]. Вполне возможно, что реплика жены направлена на выяснение самых различных моментов: причин интереса мужа к точному времени обеда, наличия у него каких-либо иных планов (например, поужинать где-нибудь в ресторане, а не дома), причин его невнимательности (она уже упоминала о приблизительном времени обеда) и т. д. Более того, восходящая интонация может просто сигнализировать о ее открытости и готовности к продолжению диалога. Профессор Мак-Коннелл-Гинэ в другой своей работе подмечает интересную деталь: если бы реплика жены, действительно, выражала неуверенность, то, скорее, можно было бы ожидать использования разделительного вопроса, а не высокого восходящего тона [McConnell-Ginet, 1983, p. 384]. Например, it'll be ready at six o'clock, won't it было бы уместно, если бы приготовлением ужина в тот вечер занимались дети. В этом случае использование разделительного вопроса было бы мягким напоминанием мужу, что время готовности ужина уже упоминалось.

Приблизительно также обстоит дело с ответом на вопрос о месте рождения: использование высокого восходящего тона вполне уместно (особенно в случаях предполагаемого незнания собеседником точного месторасположения города, например, Corsicana, Texas) в то время как использование разделительного вопроса можно объяснить только очень почтенным возрастом или болезнью человека. Иными словами, можно сделать осторожный вывод о том, что uptalk не обязательно свидетельствует о слабости и неуверенности женщины в конкретном акте коммуникации. В более широком смысле, критика здесь связана с тем, что у определенных проявлений языка могут быть разные причины и разные функции. Первая, нередко поверхностная трактовка, может быть не обязательно правильной.

Вопрос гендерных отличий речевого поведения женщин и мужчин находит свое яркое отражение и на уровне грамматики, но этот вопрос остаётся менее изученным по сравнению с уровнями лексики и фонетики. На некоторых из таких отличий, имеющих синтаксический характер, хотелось бы остановиться подробнее.

Думается, что суждение о том, что практически в любых типах текстов (детские исключением не являются) большинство носителей действия (agents/doers) представлено мужчинами разного возраста не является преувеличением. Женщинам, как правило, отводится (если отводится) роль объектов на которые направлено действие [Macaulay, Brice 1997, p.804]. Действительно, обычно именно ‘Джон’ принимает решение, бьет по мячу, целует ‘Джейн’ и т. д. [Pauwels, 1998, p. 14; Григорян, 2021, с. 8].

В английском языке, так же, как и во многих других, существует тип пассивных конструкций, который принято называть безличными (agentless passive construction). Использование таких конструкций вполне уместно в тех случаях, когда носитель действия неизвестен, или это представляется неважным по каким-либо причинам. Например, предложение – this house was built many years ago (этот дом был построен много лет назад) – звучит абсолютно адекватно, если для говорящего важно, что этот дом довольно старый. Исследователь Джулия Пенелоп замечает, однако, что такие «безагентивные» конструкции часто используются в целях отвлечения внимания от реального субъекта действия [Penelope, 1990, p. 91]. Это нередко применяется для затушевывания фактов притеснения женщин в самых различных сферах жизни. Например, часто встречающееся в средствах массовой информации – she was raped (она была изнасилована) – совершенно ничего не говорит том, кто именно совершил данное действие. Нередко подобные статьи и телепередачи далее концентрируют внимание на определенных деталях одежды женщины. В итоге внимание аудитории нередко полностью переключается на пострадавшего человека, в то время, как истинный виновник остается в тени [Cameron, 1999, p. 94].

Согласно данным, полученным психолингвистами, людям свойственно интерпретировать определенные типы глаголов в соответствии с различными моделями причинной связи [Crawford, 1995, p. 44]. Например, в предложении с глаголом like (и вообще с глаголами, обозначающими эмоциональное состояние) – Jim likes Paul – именно Пол – дополнение предложения – является причиной того, что Джим хорошо к нему относится. С глаголами, принадлежащими к группе слов, обозначающих межличностные отношения (например, to compliment), людям свойственно усматривать причинную связь в подлежащем предложения. Так, в предложении – Jane compliments Alice – именно Джейн считается причиной высказывания комплиментов по отношению к Алисе. Эксперимент, направленный на исследование влияния гендерного фактора в предложениях с глаголами различных типов, выявил, что в предложениях с дополнением, выраженным словом, обозначающим женщину, – Jim likes Helen – существует тенденция усматривать причинную связь в подлежащем, несмотря на тип глагола. Эта тенденция к преуменьшению роли и значимости женщины особенно заметна в предложениях с подлежащим, выраженным словом, обозначающим женщину, и дополнением, выраженным словом, обозначающим мужчину: Helen compliments Jim. Мужчина, даже в роли дополнения предложения, оказывается в фокусе внимания. Когда женщина предпринимает какие-либо действия или испытывает какие-то чувства, люди считают, что все это вызвано мужчиной [Ford, 2002, p. 37; Sunderland. 2011, p. 64]. Возникает своеобразный эффект исчезновения субъекта, носителя действия. Как отмечала еще в 1928 году Вирджиния Вульф: «Anonymous was a woman» [Woolf 1966].

Заключение

Таким образом, гендер, за которым закрепилась мысль о его вездесущем – omnipresent – характере, может одновременно быть и «плаваю-

щим» (по А. В. Кирилиной), и даже «ускользающим» фактором. Думается, что изучение именно таких случаев может представлять особый интерес для лингвистов.

Библиографический список

1. Григорян А. А. Состояние и перспективы гендерной лингвистики на Западе в конце XX – начале XXI веков. Иваново, 2005. 372 с.
2. Григорян А. А. Объективация женщины как один из видов сексизма // Вестник ИвГУ, серия «Гуманитарные науки». Вып. 2. Иваново, 2021.С. 5–10.
3. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. Москва, 2004. 252 с.
4. Кирилина А. В. Гендерные аспекты языка и коммуникации. Москва, 2000.
5. Cameron D. Verbal Hygiene. London and New York, 1999. 264 p.
6. Concise Oxford English Dictionary. Oxford University Press. Oxford, 2002. 1708 p.
7. Crawford M. Talking Difference: On Gender and Language. Gender and Psychology: Feminist and Critical Perspectives. London, 1995. 207 p.
8. Ford C. E. Grammar in Interaction. Cambridge, 2002. 248 p.
9. Holmes J. Women, Men and Politeness. London and New York, 2008. 198 p.
10. Lakoff R. Language and Woman's Place. Oxford, 2004. 102 p.
11. Macaulay M., Brice C. Don't Touch My Projectile: Gender Bias and Stereotyping in Syntactic Examples // Language. 1997. № 73. P. 798–825.
12. McConnell-Ginet S. Our Father Tongue: Essays in Linguistic Politics // Diacritics, 1975, №5. P. 44–56.
13. McConnell-Ginet S. Review Article // Language, 1983, №59. P. 373–391.
14. Mills S. Gender and Politeness. Cambridge, 2007. 270 p.
15. Oxford Russian Dictionary. Oxford University Press. Oxford, 2000. 1293 p.
16. Pauwels A. Women Changing Language. London and New York, 1998. 267 p.
17. Penelope J. Speaking Freely: Unlearning the Lies of the Father's Tongues. N.Y., 1990. 282 p.
18. Spender D. Man Made Language. London, 1980. 234 p.
19. Sunderland J. Language, Gender and Children's. London, 2011. 259 p.
20. Woolf V. Collected Essays. Vol. II. London, 1966. 340 p.

Reference list

1. Grigorjan A. A. Sostojanie i perspektivy gendernoj lingvistiki na Zapade v konce HH – nachale HHI vekov = The state and prospects of gender linguistics in the West in the late XXth and early XXIst centuries. Ivanovo, 2005. 372 s.
2. Grigorjan A. A. Ob#ektivacija zhenshhiny kak odin iz vidov seksizma = Objectification of women as a type of sexism // Vestnik IvGU, serija «Gumanitarnye nauki». Vyp. 2. Ivanovo, 2021.S. 5–10.
3. Kirilina A. V. Gendernye issledovanija v lingvistike i teorii kommunikacii = Gender studies in linguistics and communication theory. Moskva, 2004. 252 s.
4. Kirilina A. V. Gendernye aspekty jazyka i kommunikacii = Gender aspects of language and communication. Moskva, 2000.
5. Cameron D. Verbal Hygiene. London and New York, 1999. 264 p.
6. Concise Oxford English Dictionary. Oxford University Press. Oxford, 2002. 1708 p.
7. Crawford M. Talking Difference: On Gender and Language. Gender and Psychology: Feminist and Critical Perspectives. London, 1995. 207 p.
8. Ford C. E. Grammar in Interaction. Cambridge, 2002. 248 p.
9. Holmes J. Women, Men and Politeness. London and New York, 2008. 198 p.
10. Lakoff R. Language and Woman's Place. Oxford, 2004. 102 p.
11. Macaulay M., Brice C. Don't Touch My Projectile: Gender Bias and Stereotyping in Syntactic Examples // Language. 1997. № 73. P. 798–825.
12. McConnell-Ginet S. Our Father Tongue: Essays in Linguistic Politics // Diacritics, 1975, №5. P. 44–56.
13. McConnell-Ginet S. Review Article // Language, 1983, №59. P. 373–391.
14. Mills S. Gender and Politeness. Cambridge, 2007. 270 p.
15. Oxford Russian Dictionary. Oxford University Press. Oxford, 2000. 1293 p.
16. Pauwels A. Women Changing Language. London and New York, 1998. 267 p.
17. Penelope J. Speaking Freely: Unlearning the Lies of the Father's Tongues. N.Y., 1990. 282 p.
18. Spender D. Man Made Language. London, 1980. 234 p.
19. Sunderland J. Language, Gender and Children's. London, 2011. 259 p.
20. Woolf V. Collected Essays. Vol. II. London, 1966. 340 p.

УДК 811.11, 811.13

М. М. Каплина **https://orcid.org/0000-0001-8895-0083**

С. А. Жезлова **https://orcid.org/0000-0001-9354-6114**

Топонимика Эльзаса как объект лингвистической лимологии

Для цитирования: Каплина М. М., Жезлова С. А. Топонимика Эльзаса как объект лингвистической лимологии // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 151–157. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-151-157

Статья посвящена изучению топонимической картины исторической области Эльзас с точки зрения лингвистической лимологии. Предпринимается попытка определения лимологического подхода в языковых исследованиях, рассматриваются особенности сосуществования и развития эльзасского диалекта, немецкого и французского языков в условиях приграничной территории, прослеживаются взаимообусловленность изменения национальных границ и географических названий в лингвоисторическом контексте.

Авторы представили анализ взглядов российских и зарубежных исследователей на значение термина лимология и исследовали процесс «французизации» топонимов в условиях сосуществования на одной территории (пограничной зоне) романских и германских языков. Новизна исследования состоит в том, что впервые была предпринята попытка ответить на следующие вопросы: как перемещение национальных границ влияет на топонимику региона, какие лингвистические преобразования можно проследить в географических названиях, и насколько велико взаимное влияние языков и культур на приграничных территориях (на примере исторической области Эльзас). Анализ практического материала позволил выделить такие виды преобразований топонимической картины Эльзаса во франкоязычной среде, как буквальное транскрибирование, фонетическая адаптация, альтернация суффиксальных форм, перевод. Выделенные типы трансформации топонимической картины Эльзаса демонстрируют сложность и разнообразие языковой картины приграничной территории. В результате исследования авторы пришли к выводу об изменении функции языка: из средства коммуникации он превращается в знак сохранения этнической самобытности.

Ключевые слова: лингвистическая лимология, топонимика Эльзаса, приграничные территории, языковые контакты.

M. M. Kaplina, S. A. Zhezlova

Toponymy of Alsace as an object of linguistic limology

The article is devoted to studying the toponymic picture of the Alsace historical region from the point of view of linguistic limology. An attempt is made to define the limological approach in linguistic research and describe the peculiarities of coexistence and development of the Alsatian dialect, German and French languages in a cross-border region. The authors of the article attempt to trace the interdependence of changes in national borders and geographical names in a linguo-historical context.

The article presents an analysis of the views of Russian and foreign researchers on the meaning of the term limology and investigates the process of «francisation» of toponyms which coexist on the same territory (in a cross-border region) of the Romance and Germanic languages. The novelty of the study lies in the fact that for the first time an attempt is made to answer the following questions: how does the movement of national borders affect the toponymy of the region, what linguistic transformations can be traced in geographical names, and how great is the interplay of languages and cultures in cross-border regions (for example, the historical region of Alsace). The analysis of the practical material made it possible to identify the following types of transformations of Alsace toponymic picture in the French-speaking environment: literal transcription, phonetic adaptation, alternation of suffix forms, translation. The identified types of transforming the toponymic picture of Alsace demonstrate the complexity and diversity of the cross-border region linguistic picture. In the conclusion the authors underline the change in the function of language: from a means of communication it turns into a sign of the preservation of ethnic identity.

Key words: linguistic limology, toponymy of Alsace, cross-border region, linguistic contacts.

© Каплина М. М., Жезлова С. А., 2021

Введение

Современная геополитическая и языковая ситуация в мире содействует появлению ряда исследований, связанных с языковым и коммуникативным суверенитетом в европейском культурном пространстве. Этот факт можно объяснить тем, что глобальное сообщество вынуждено вернуться к таким понятиям, как национальные границы, возрождение интереса к культурной идентичности и самосознанию, сохранению лингвистического разнообразия.

Проблема эволюции и взаимовлияния диалектов и языков в контексте взаимодействия разных культур постоянно привлекает внимание лингвистов, социологов. В центре внимания исследователей оказались такие понятия, как контактная лингвистика, языковая вариативность, биллингвизм, гибридизация речи в современной коммуникации [Писанова, 2018; Жукова, 2010; Бухонкина, 2011; Рычкова, 2021; Волошина, Роднина, Раюшкина, 2019]. Современные германисты также неоднократно обращались к изучению функционирования нескольких языков на одной территории. Предпринимались попытки описать сосуществование диалектов в пограничных пространствах, выделить взаимосвязь лингвистических критериев и территориальных границ, рассмотреть особенности языковых конфликтов в контексте исторической лингвистики [Hartweg, 1991; Schneider-Mizony, 2014; Schifferle, 2009; Riehl, 1999].

Междисциплинарным научным направлением, изучающим проблемы границ с точки зрения географии, истории, социологии, культурологии, международных отношений, лингвистики, является лимология. Зародившись в недрах антропологии и географии, теоретическая лимология оформилась как отдельная область научного знания в конце XIX века. Фактически данная дисциплина фокусирует внимание на функциях границ, специфике трансграничного сотрудничества, проблемах безопасности. Тем не менее, подчеркивают исследователи, степень погружения в исторические пласты остается невысокой, как и уровень культурологического анализа проблем границ и приграничных регионов, в том числе исследований специфических ментальностей, феномена пограничной культуры, явлений маргинализации и т. п. [Верменич, 2012, с. 5].

Сочетание «лингвистическая лимология» указывает на два понятия (лингвистика и лимология), соединённых вместе для обозначения совокупности явлений, относящихся к структурными элементам системы, центральным понятием которой считается понятие «граница» [Гриневич-Гриневич, Сорокина, Чернышова, 2018, с. 9]. Однако данное понятие, по мнению А.А. Боронина, не нашло еще системного и последовательного осмысления, которое бы при этом носило еще и эксплицитный характер [Боронин, 2011, с. 50].

В отечественных и зарубежных исследованиях используются различные определения термина «граница». Толкование данного понятия зависит от научной дисциплины, принципов и подходов исследования. В философском словаре граница определяется как «начало или конец всякого определенного бытия; межа, отделяющая нечто от иного; место прямого соприкосновения, единения и взаимопроникновения смежно сосуществующих предметов» [Пивоваров, 1998, с. 213].

Большое распространение получили англоязычные термины *border, borderland, boundary*, хотя семантика каждого из этих слов имеет свои отличия. Современный американский исследователь Л. Томпсон использует термин «фронтир» (переводится также «граница» как «пространство, где происходит взаимопроникновение между обществами. Он включает в себя три составляющие: территориальный элемент, зона или территория в отличие от четких линейных границ, человеческий элемент, первоначально состоявший из отдельных и совершенно разных обществ, и элемент процесса, в котором отношения между людьми возникают, развиваются и принимают стабильную форму» [Дмитриева, 2008, с. 15].

Основная часть

Французский исследователь А. Вио, изучая проблемы лингвистических меньшинств, использует термин «marge linguistique» (от латинского *margo, marginis*: *bord, bordure; borne, frontière; rive*). Данное понятие, применяемое в разных областях деятельности (культурная, историческая, социальная) имеет в своем прямом и переносном значении общую сему «периферия», «зависимость». Это значение, по мнению лингвиста, вплотную приближает его к

контуру, «пространство, расположенное на непосредственной внешней периферии чего-либо», в географической области: «пространство, расположенное на периферии региона, рассматриваемого как географическая единица» [Viaut, 2012, с. 9].

Методологическая основа лингвистической лимологии имеет несколько более выраженную «внешнюю» природу, поскольку вначале необходимо изучение, как минимум, общегуманитарного контекста, в котором актуализируется феномен границы. Лишь после этого этапа возможен перенос полученного знания на языковедческую почву. Внутрилингвистические основы лингвистической лимологии выражаются в специфике метода конкретной отрасли, а также определяются особенностями избранного объекта (например, контекстуальный анализ словесного произведения, эксперимент в психолингвистике текста, когнитивное моделирование и др.) [Боронин, 2019, с. 31].

А. А. Боронин подчеркивает, что «языковед имеет дело не с объективной действительностью, но с реальностью особого рода – реальностью, поделённой на фрагменты, то есть полиреальностью. Коммуникативный план (всю речевую деятельность общества) можно представить себе как мозаику разных реальностей, видимо, производную от отражения действительности как индивидуальными, так и коллективными субъектами. Соответственно, упомянутые виды отражения коррелируют с идиодискурсами и социальными дискурсами». Одним из перспективных направлений лингвистической лимологии автор считает изучение отражения общих политических границ в функционировании языка (ареальная лингвистика, ономастика приграничных территорий [Боронин, 2019, с. 30].

Наиболее яркую точку лингвистической и межэтнической корреляции на карте Европы представляет Эльзас. Этот регион с учетом исторического контекста вызывает особый интерес. Языковая ситуация отличается сосуществованием двух литературных языков (немецкого и французского), которые сменяли друг друга в качестве официального языка и эльзасского диалекта, не имеющего письменной формы, но широко употребляемого в быту. Данные языковые образования являются частью лингвистического и культурного достояния, проживающих здесь народов.

Эльзасский диалект – историческое речевое образование на базе алеманнских, южнофранкских и рейнско-франкских диалектов немецкого языка. Его относят к исчезающим языкам, нуждающимся в особой защите. По мнению исследователей, диалект, на современном этапе, не способен конкурировать с литературными языками. Среди носителей полюса «традиции» диалект, на котором они говорят, остается наиболее важным маркером эльзасской идентичности, тогда как среди носителей полюса «современность» знание и практика языка становятся более символичными. Элементы идентичности все чаще передаются другими признаками («жизнь в Эльзасе», «знание своей истории, традиций и т. д.) [Bothorel-Witz, 2000]. В этих условиях диалект скоро перестанет быть основным признаком Эльзаса как автономной культурной единицы, и ему придется искать отличительные признаки не в своем языке и литературе [Denis, 2003, с. 371].

Однако, если рассматривать функции и способы использования литературных языков, то здесь тоже можно найти характерные отличительные особенности. Французский язык широко внедряется во все сферы жизнедеятельности региона начиная с 70-х годов 20 века, как единственный или основной язык, а немецкий язык в его стандартной письменной форме начинает уступать свои позиции. Французский начал вытеснять письменный немецкий в поколении, рожденном в 40-х годах, и стал очень сильно конкурировать с диалектными говорами, которые остаются еще достаточно распространенными. Немецкий язык был даже назван «региональным языком Франции» тогда как для многих эльзасцев его связь с их диалектом была далеко не очевидной. Роберт Гроссман считает, что политика «Hochdeutsch» наносит ущерб эльзасскому языку. Такого же мнения придерживается и этнолингвист Пьер Фоглер, который подчеркивает, что продвижение немецкого языка гораздо больше, чем французского, грозит исчезновением диалекта [Denis, 2003, с. 363].

Известен и тот факт, что программа «Региональный язык и культура» началась в 1982 году с изучения немецкого, а не эльзасского диалекта. По отношению к французскому языку, который функционирует как символ престижности и современности, немецкий объединяет в себе представление о разнообразии диалектов. Вместе с тем, эти два языка неразрывно связаны с группой говорящих, обращенных в традиции и прошлое,

где господствовал местный говор и немецкий, как язык культуры.

В современной геополитической ситуации, которая напрямую влияет на языковую политику, немецкий язык, связанный с рынком труда, расширяет зону своего влияния. Существует даже мнение, что диалектная практика играет роль рычага при изучении немецкого. Следует согласиться с теми исследователями, которые отмечают очевидное противоречие между ролью, которую диалект может играть в усвоении немецкого языка, и молчаливым принятием потери его функциональности и, следовательно, его непередачи [Bothorel-Witz, 2000].

Приграничные зоны представляют собой уникальные территории для изучения всех разрядов имен собственных. Среди них особое место занимают топонимы, как одни из наиболее жизнеспособных элементов окружающей лингвистической реальности. В ситуации культурных и лингвистических контактов внимание исследователя сосредоточено на составлении корпуса географических названий, изучении их этимологии, периода функционирования и трансформации на определенных территориях. В условиях приграничья топонимы приобретают дополнительные свойства и становятся источником самопознания и национальной идентификации.

Топонимическая картина Эльзаса включает в себя историко-лингвистические пласты разного объема. Перемещение границ привело к перемещению культурных пластов и лингвистическим преобразованиям. На фоне многовековой немецкоязычной традиции, французский язык появляется в Эльзасе довольно поздно, но играет довольно важную роль в трансформации топонимики региона. Выявление разнообразных способов францизации позволило заметить некоторым исследователям, что данный процесс имеет почти окказиональный характер («On francise presque au hasard»), поскольку не всегда просто адаптировать наименования чужого языка [Schweitzer, 2001, с. 35]. В свою очередь, Б. Вайс констатирует наличие нескольких способов францизации: изменение немецкоязычной формы, официализация диалектных форм, использование форм «welch» в зонах с преобладанием билингвов и франкофонов [Weis, 1993, с. 109].

Анализ материала, включающего географические карты региона, онлайн словари, позволил нам выделить следующие виды преобразований топонимической картины Эльзаса во франкоязычной среде.

Буквальное транскрибирование

В большинстве случаев сохраняется немецкая орфография, например, Bisel *HR, Balgau HR, Hecken HR, Elbach HR.* Гораздо реже встречаются слова, которые соответствуют французской фонетической системе, например, *Colmar HR, Eschau BR, Rothau BR, Puberg BR.* Сохраняется немецкая орфография, но используется французское произношение, например, Grendelbruch произносится [gnbri].

Французское произношение *Steige* наименования коммуны кантона *Villé BR*, привело к утрате этимологического значения топонима. Таким же образом, было бы проще употреблять «moutier» вместо *Munster HR*, однако местная администрация отдала предпочтение исконно немецкому варианту с целью избежать путаницы с другими романскими омонимами. Интересно отметить тот факт, что жители города на французском языке называют *munstériens.*

Дифтонг [*ai*] на севере Нижнего Рейна и в Страсбурге имеет тенденцию упрощаться в [*a*], вместе с тем дифтонгизация возможна в ряде топонимов, например, *Schleithal, Obersteinbach.*

Правописание *ch* после гласной до или после согласной, традиционно представляет собой “ich-Laut”, но данное произношение становится дефицитным.

Адаптация

Процесс фонетической адаптации сопровождается также графическими трансформациями: *Hagenau – Haguenau BR*; *Egisheim – Eguisheim HR.*

Альтернация суффиксальных форм:

burg > bourg: *Lauterbourg BR, Hinsbourg BR, Hombourg HR;*

hausen > house: *Milhouse HR, Nordhouse BR, Roggenhouse HR, Mutzenhouse BR;*

weiler > willer: *Bischwiller BR, Ingwiller BR, Kirrwiller BR, Buschwiller HR;*

weiher > wihr: *Hunawihr HR, Ammerschwihr HR;*

ingen > ingue (ing): *Huningue HR, Rahling, Rémering.*

Отдельно следует отметить также назализацию суффикса -ingen>ange в регионе Grand Est, например, *Brülingen – Brulange; Redingen – Redange; Elsingen – Elzange; Pewingen – Pévange; Nelvingen – Nelvange.*

Некоторые случаи адаптации топонимов привели к полной утрате их изначальных корней: *Schlettstadt – Sélestat BR ; Sennheim – GernayHR;*

Ottendorf – Courtavon HR; Dunningen – Donnelay; Bechingen – Béchy.

Особенно наглядно процессы трансформации можно проследить при переводе географического названия на французский язык: *Lutzelstein – La petite – Pierre BR; Neukirch – Neuve Eglise BR; Heiligkreuz – Sainte-Croix HR; Sankt Pilt – Saint Hippolyte HR; Reichersberg – Richemont; Dianenkappel – Diane Capelle.*

К появлению гибридных форм приводит перевод отдельных элементов композитных образований: *Alt-Thann – Vieux-Thann HR; Oberburbach – Bourbach le Haut; Niederham – Basse Ham; Altlixheim – Vieux Lixheim; Ancy a.d.Mosel – Ancy sur Moselle; Morsweiler a.d. Nied – Morville sur Nied.*

Отдельно следует отметить и тот факт, что нередко эльзасские названия коммун и деревень на северо-востоке Франции выходят из употребления даже среди жителей, говорящих на диалекте, и уступают место французским топонимам, например, *Samkoschme – Saint-Cosme; Grueb – Fouchy BR; Willern – RomagnyHR; Gottesthal-Luttern – Valdieu-Lutran.*

Наименования наиболее крупных населенных пунктов не потеряли свою идентичность: *Strasbourg, Milhouse HR, Wissembourg BR.*

Заключение

Выделенные нами типы трансформации топонимической картины Эльзаса демонстрируют сложность и разнообразие языковой картины приграничной территории. Топонимы включают в себя значимую культурную и историческую составляющую и выступают неотъемлемой частью феномена приграничной культуры. Французский язык имеет статус официального, но это не противоречит тому факту, что региональные власти располагают достаточно широкими полномочиями для проведения языковой политики, способствующей сохранению мультикультурной идентичности региона.

Языковая ситуация и функциональная нагрузка ее составляющих всегда зависит от конкретных условий. Лингвистическая корреляция в Эльзасе являет собой пример функционирования языков в полиэтническом приграничном социуме. В данных условиях можно говорить об изменении функции языка: из средства коммуникации он превращается в знак сохранения этнической самобытности.

Исследования в области лингвистической лимологии представляют большой интерес для языковедов. Дальнейшая разработка данного направления требует уточнения языковых объектов и специальных методов их изучения. Применение разработанных методов позволит углубить и расширить наши представления об открытости лингвистической системы, закономерностях и тенденциях межъязыкового взаимодействия в приграничных территориях.

Библиографический список

1. Боронин А. А. Лингвистическая лимология: миникомпендиум // Сборник статей по материалам Международной научной конференции. Москва : Московский государственный областной университет, 2019. С. 29–35.

2. Боронин А. А. О понятии «граница» в лингвистике (к интерпретации художественного текста и его сегментов) // Вестник Сургутского гос. педагогического университета. 2011. № 4 (15). С. 46–50.

3. Бухонкина А. С. К вопросу о языковой ситуации в Бретани // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия Языкознание. 2011. № 2 (14). С. 140–143.

4. Верменич Я. В. Историческая лимология: проблемы концептуализации // Диалог со временем – РОИИ, 2012. Вып. 40. С. 5–26.

5. Волошина Т. Г., Родина Л. И., Раюшкина М. Е. Языковые изменения в свете контактной лингвистики (на материале лексических и фонетических инноваций) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. N 9(3). С. 39–46.

6. Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А., Чернышова Л. А. Лимологические исследования: о слове «граница» и о термине «граница» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. N 6. С. 8–18.

7. Дмитриева С. И. Лимология: учебное пособие. Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008. 112 с.

8. Жукова Н. В. Эволюция эльзасского диалекта в контексте взаимодействия французской и немецкой культур // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2010. Выпуск 2 (581). С. 46–59.

9. Пивоваров Д. В. Граница // Современный философский словарь. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск : ПАНПРИНТ, 1998. 1341 с.

10. Писанова Т. В. Кастильский язык и региональные языки Испании: особенности билингвизма и гибридизации // Человек: образ и сущность. 2018. N 1-2. С. 109–133.

11. Рычкова Л. В. Взаимодействие языков как социолингвистическая проблема. Язык и межкультурная коммуникация: современные векторы развития: сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции, Пинск, март 2021

г. / Министерство образования Республики Беларусь [и др.]; редкол. В. И. Дунай [и др.]. Пинск : ПолесГУ, 2021. Вып. 2. С. 10–19. URL: https://rep.polessu.by/bitstream/123456789/21683/1/Vzaimodeistvie_iazykov.pdf (дата обращения 29 марта 2021)

12. Bothorel-Witz Arlette. Les langues en Alsace, Divers Cité Langues., Arlette, 2000. En ligne. Vol. V. Disponible. URL: https://www.teluq.ca/diverscite/SecArtic/Arts/2000/bothorel/bothorel_txt.htm7 (дата обращения 12 марта 2021)

13. Denis Marie-Noële. Le dialecte alsacien:état des lieux // Ethnologie francaise. Ed. Presse universitaire de France 2003/3 (Vol. 33). P. 363–371.

14. Liste des communes d'Alsace Lorraine ayant changé de noms à la suite de l'occupation Allemande de 1870-1918. URL: https://nithart.com/francis1.htm. (дата обращения 12 марта 2021)

15. Hartweg Frederic. Sprachenpolitik in Elsaß: Die „Germanisierung“ einer weitgehend deutschsprachigen Provinz // Das 19. Jahrhundert: Sprachgeschichtliche Wurzeln des heutigen Deutsch.hrsg. von Rainer Wimmer. Berlin, New York : de Gruyter, 1991. S. 136–163.

16. Riehl Claudia Maria. Grenzen und Sprachgrenzen // Grenzgänger zwischen den Kulturen / hrsg. von Monika Fludernick, Hans-Joachim Gehrke. Würzburg : Ergon -Verlag. 1999. Bd. 1. P. 41–56.

17. Schifferle Hans-Peter. Alemannisch – grenzenlos? Mundart und Mundartsituation diesseits und jenseits von Landesgrenzen // Sprachspiegel. Mitteilungen des deutschschweizerischen Sprachvereins. 2009 (65) Heft 5. P. 136–146. URL: https://www.e-periodica.ch/digbib/view?pid=sps-002%3A2009%3A65%3A%3A201#246 (дата обращения 22 марта 2021)

18. Schneider-Mizony Odile. Nachbarsprachen: Historio-, Konflikt-, Kontakt- oder Ökolinguistik? // Zeitschrift das Verbandes Polnischer Germanisten. 2014. N 3. P. 75–88. URL: https://www.ejournals.eu/ZVPG/2014/Zeszyt-1-(2014)/art/3171/ (дата обращения 22 марта 2021)

19. Schweitzer Jean. La toponymie alsacienne. Paris, Ed. Jean Paul Gisserot, 2001. P. 127.

20. Viaut Alain. Marge linguistique territoriale et langues minoritaires // Lengas. Revue de sociolinguistique. Open Edition Journals. 71/2012. P. 9–28.

21. Weis Béatrice. Essai sur la francisation des toponymes en Alsace depuis la royauté jusqu'à nos jours // Nouvelle revue d’onomastique, 1993. P. 109–112.

Reference list

1. Boronin A. A. Lingvisticheskaja limologija: minikompendium = Linguistic limology: a minicompendium // Sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva : Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet, 2019. S. 29–35.

2. Boronin A. A. O ponjatii «granica» v lingvistike (k interpretacii hudozhestvennogo teksta i ego segmentov) = On the notion of «boundary» in linguistics (to the interpretation of literary text and its segments) // Vestnik Surgutskogo gos. pedagogicheskogo universiteta. 2011. № 4 (15). C. 46–50.

3. Buhonkina A. S. K voprosu o jazykovoj situacii v Bretani = On the linguistic situation in Brittany // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Jazykoznanie. 2011. № 2 (14). S. 140–143.

4. Vermenich Ja. V. Istoricheskaja limologija: problemy konceptualizacii = Historical limology: problems of conceptualization // Dialog so vremenem – ROII, 2012. Vyp. 40. S. 5–26.

5. Voloshina T. G., Rodina L. I., Rajushkina M. E. Jazykovye izmenenija v svete kontaktnoj lingvistiki (na materiale leksicheskih i foneticheskih innovacij) = Linguistic changes in the light of contact linguistics (on lexical and phonetic innovations) // Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika. 2019. N 9(3). S. 39–46.

6. Grinev-Grinevich S. V., Sorokina Je. A., Chernyshova L. A. Limologicheskie issledovanija: o slove «granica» i o termine «granica» = Limological studies: on the word «boundary» and the term «boundary» // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika. 2018. N 6. S. 8–18.

7. Dmitrieva S. I. Limologija = Limology: uchebnoe posobie. Voronezh : Izdatel'sko-poligraficheskij centr Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. 112 s.

8. Zhukova N. V. Jevoljucija jel'zasskogo dialekta v kontekste vzaimodejstvija francuzskoj i nemeckoj kul'tur = Evolution of the Alsatian dialect in the context of French and German cultural interactions // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2010. Vypusk 2 (581). S. 46–59.

9. Pivovarov D. V. Granica = Boundary // Sovremennyj filosofskij slovar'. London, Frankfurt-na-Majne, Parizh, Ljuksemburg, Moskva, Minsk : PANPRINT, 1998. 1341 s.

10. Pisanova T. V. Kastil'skij jazyk i regional'nye jazyki Ispanii: osobennosti bilingvizma i gibridizacii = Castilian and regional languages in Spain: characteristics of bilingualism and hybridization // Chelovek: obraz i sushhnost'. 2018. N 1-2. S. 109–133.

11. Rychkova L. V. Vzaimodejstvie jazykov kak sociolingvisticheskaja problema. Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija: sovremennye vektory razvitija = Linguistic interaction as a sociolinguistic problem. Language and cross-cultural communication: modern vectors of development // Sbornik nauchnyh statej po materialam II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Pinsk, mart 2021 g. / Ministerstvo obrazovanija Respubliki Belarus' [i dr.]; redkol. V. I. Dunaj [i dr.]. Pinsk : PolesGU, 2021. Vyp. 2. S. 10–19. URL: https://rep.polessu.by/bitstream/123456789/21683/1/Vzaimodeistvie_iazykov.pdf (data obrashhenija 29 marta 2021)

12. Bothorel-Witz Arlette. Les langues en Alsace, Divers Cité Langues., Arlette, 2000. En ligne. Vol. V. Disponible. URL: https://www.teluq.ca/diverscite/SecArtic/Arts/2000/bothorel/bothorel_txt.htm7 (data obrashhenija 12 marta 2021)

13. Denis Marie-Noële. Le dialecte alsacien:état des lieux // Ethnologie francaise. Ed. Presse universitaire de France 2003/3 (Vol. 33). R. 363–371.

14. Liste des communes d'Alsace Lorraine ayant changé de noms à la suite de l'occupation Allemande de 1870-1918. URL: https://nithart.com/francis1.htm. (data obrashhenija 12 marta 2021)

15. Hartweg Frederic. Sprachenpolitik in Elsaß: Die „Germanisierung“ einer weitgehend deutschsprachigen Provinz // Das 19. Jahrhundert: Sprachgeschichtliche Wurzeln des heutigen Deutsch.hrsg. von Rainer Wimmer. Berlin, New York : de Gruyter, 1991. S. 136–163.

16. Riehl Claudia Maria. Grenzen und Sprachgrenzen // Grenzgänger zwischen den Kulturen / hrsg. von Monika Fludernick, Hans-Joachim Gehrke. Würzburg : Ergon -Verlag. 1999. Bd. 1. R. 41–56.

17. Schifferle Hans-Peter. Alemannisch – grenzenlos? Mundart und Mundartsituation diesseits und jenseits von Landesgrenzen // Sprachspiegel. Mitteilungen des deutschschweizerischen Sprachvereins. 2009 (65) Heft 5. R. 136–146. URL: https://www.e-periodica.ch/digbib/view?pid=sps-002%3A2009%3A65%3A%3A201#246 (data obrashhenija 22 marta 2021)

18. Schneider-Mizony Odile. Nachbarsprachen: Historio-, Konflikt-, Kontakt- oder Ökolinguistik? // Zeitschrift das Verbandes Polnischer Germanisten. 2014. N 3. R. 75–88. URL: https://www.ejournals.eu/ZVPG/2014/Zeszyt-1-(2014)/art/3171/ (data obrashhenija 22 marta 2021)

19. Schweitzer Jean. La toponymie alsacienne. Paris, Ed. Jean Paul Gisserot, 2001. R. 127.

20. Viaut Alain. Marge linguistique territoriale et langues minoritaires // Lengas. Revue de sociolinguistique. Open Edition Journals. 71/2012. R. 9–28.

21. Weis Béatrice. Essai sur la francisation des toponymes en Alsace depuis la royauté jusqu'à nos jours // Nouvelle revue d’onomastique, 1993. R. 109–112.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Теория и история культуры, искусства

УДК 94

Н. С. Басалова **http://orcid.org/0000-0002-1620-904X**

Анализ социально-экономического взаимодействия жречества и царской власти в Египте Птолемеев

Для цитирования: Басалова Н. С. Анализ социально-экономического взаимодействия жречества и царской власти в Египте Птолемеев // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 158–164. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-158-164

В статье дается анализ социальных и экономических отношений жречества и царей Птолемеев. Автор рассматривает особенности освещения данного вопроса в отечественной и зарубежной научной литературе, делая вывод о том, что данная проблема рассматривалась в большей степени с материалистической, религиозной или искусствоведческой перспективы, но не с точки зрения социально-экономического анализа. Автор, рассматривая общеизвестный факт терпимости Птолемеев к наличию касты жречества и их особому статусу в египетском обществе, изучает специфику экономических отношений власти и жречества. Автор делает вывод о наличии сложной финансовой схемы, которая была выгодна не только самим Птолемеям, но и жрецам, поскольку была ориентирована на увеличение объемов храмовых земель: такая политика, с одной стороны, повышала благосостояние и социальный статус жрецов, а с другой, приводила к росту земельных богатств, принадлежавших Птолемеям по праву верховных правителей. Однако, основываясь на документальных свидетельствах, автор констатирует, что при Птолемеях частные владения жрецов стали символичными и подлежали выставлению за долги царской казне, в случае, если они имелись. Автор акцентирует внимание на факте, что в эпоху Птолемеев жречество стало юридически наследственным обладателем храмовых должностей, тогда как при фараонах должность жреца передавалась по наследству. Таким образом, царская власть влиять на социальную политику внутри храма, вмешательство в которую фараонам было недоступно. Автор приходит к выводу, что введение продажи храмовых должностей ударило не только по материальному положению жрецов, но и по их статусу, поскольку повлияла на требования, предъявляемые к кандидатам в жрецы. Автор также рассматривает методы экономического воздействия Птолемеев (асилия, апомойра), которые приводили не только к экономическому подчинению храмов царской власти, но и к потере жрецами права самостоятельности в решении финансовых дел.

Ключевые слова: Лагиды, Птолемеи, асилия, апомойра, «Розеттский» декрет, Податной Устав, Синод, храмы, жречество.

ART HISTORY AND CULTURAL STUDIES

Theory and history of culture and the arts

N. S. Basalova

Social and economic analysis of the interaction between priesthood and royalty in Ptolemaic Egypt

The article analyzes social and economic relations between the priesthood and the Ptolemaic kings. The author examines the peculiarities of this issue coverage in Russian and foreign scientific literature, concluding that the problem was viewed more from a materialistic, religious, or artistic perspective, but not from the point of view of socio-economic analysis. The author considers the well-known fact of the Ptolemies' tolerance to the existence of the

© Басалова Н. С., 2021

priesthood caste and their specific status in Egyptian society and studies the specificity of economic relations between power and the priesthood. The author makes a conclusion about the existence of a complex financial scheme which was beneficial both for the Ptolemies and the priesthood, as it was aimed at increasing the amount of temple lands: on the one hand, the policy raised the prosperity and the social status of priests, but, on the other hand, it led to the increase of lands which belonged to the Ptolemies by right of supreme rulers. However, basing on documents, the author states that under the Ptolemies private property of the priests became symbolic and was subjected to forced sale in case the priests had any debts to the royal treasury. The author emphasizes the fact that under the Ptolemies the priesthood became legal holders of the temple posts, while under the pharaohs priests' positions were hereditary. Thus, royal power could influence social policy of the church, while the pharaohs were not allowed to interfere in it. The author concludes that the introduction of the sale of temple posts affected not only the material position of the priests, but also their status, as it influenced the requirements set for the candidates to priests. The author also examines the methods of economic pressure on the part of the Ptolemies (asilia, apomoira), which led to both economic subjection of temples to royal power and to the loss of the priests' right of autonomy in financial matters.

Key words: the Lagids, the Ptolemies, asilia, apomoira, the Rosetta Ordinance, the Tax Collector Statute, Synod, temples, priesthood.

Введение

Масштабное изучение роли и функций религии в обществе эллинистического Египта начинается отечественными исследователями в первые два десятилетия XX века. [Байбаков, 1915; Кареев, 1904; Пригоровский, 1929]. Отличительной чертой всех работ стало всестороннее изучение огромного массива как археологических, так и нарративных источников, которые в большей или меньшей степени освещали буквально все стороны жизни египетского социума не только эллинистической эпохи, но и времен фараонов. Однако в силу идеологии молодого советского государства основной интерес исследователей концентрировался в большей степени в области политического, экономического или искусствоведческого аспектов истории становления государства Лагидов.

Стоит отметить, что зарубежные фундаментальные исследования вопроса развития государства Лагидов периода начала XX века частично затрагивали вопрос о роли религии в социуме Египта и делали вывод о том, что религия была одним из способов новой династии укрепить свои политические и экономические позиции в стране [Дройзен, 2002; Bevan, 1927; Mahaffy, 1895]. Исследователи акцентировали внимание на изучении синкретичного греко-римского божества Сараписа и его роли в процессе становления власти Лагидов [Дройзен, 2002; Rostovtzeff, 1941].

База исследования

Одним из первых трудов, посвященных глубокому анализу социокультурной истории государства Лагидов, стала монография В. Тарна. [Тарн, 1949], после издания которой появляется ряд исследований, в которых историки рассматривали религию именно с культуроведческих позиций, а не с точки зрения политической истории [Левек, 1989; Монте, 1989; Fraser, 1972]. Такой ракурс исследования государства Птолемеев остается основным и в настоящее время.

Отечественные исследователи фокусировали свое внимание на рассмотрении экономической составляющей в религиозной политике Птолемеев, рассматривая преимущественно экономическую сторону жизни жречества и влияние экономической политики Лагидов на имущественное положение жрецов [Зельин, 1960; Зельин, Трофимова, 1969; Крюгер, 1963].

В силу общеизвестных политических причин, социокультурные исследования в России начинают массово появляться только с 80-х гг. XX века, в которых религиозная политика Птолемеев начинает рассматриваться с культуроведческой точки зрения. Исследователи активно изучают вопросы ассимиляции греческих и египетских традиций, а также механизмы этого культурного взаимовлияния и взаимодействия [Египет…, 1997; Эллинизм…, 1992]. В ходе исследований неоднократно приходили к заключению, что именно жречество и религиозная политика Лагидов являлась одним из самых ярких примеров эллинистического синкретизма. Однако прослеживается то материалистический, то исключительно религиоведческий или искусствоведческий анализ [Поршнев, 2019]. Данная статья посвящена рассмотрению основ социального взаимодействия жречества и царской власти в эпоху Птолемеев.

Анализ результатов исследования

Лагиды проявляли терпимость к наличию различных религиозных культов в обществе

эллинистического Египта, таких как египетских, римских или еврейских, что было жизненно необходимо при существовании полиэтничного населения. Основным ориентиром стал именно египетский пантеон, поскольку Лагиды объявили себя преемниками фараонов и делали основную ставку на поддержку египетского населения в деле упрочения своей власти. Однако, несмотря на явные черты политики ассимиляции в социокультурной области, Птолемеи проводили жесткую ограничительную политику в области финансовой самостоятельности храмов. Причина такого положения была проста: при фараонах храмы представляли собой самодостаточный в финансовом отношении институт, способный влиять даже на политику. Ограничивая экономическую самостоятельность, но поддерживая в определенном виде египетский пантеон богов, можно было подчинить эту «силу» своим целям.

Первым шагом по ограничению финансовой самостоятельности храмов стало объявление царя верховным собственником всех земель, вследствие чего Лагиды получили мощный инструмент для увеличения объемов территорий царской земли. Но сам механизм такого «увеличения» был довольно витиеватым. Юридически жречество могло только арендовать земли. В частности, жрец некоего храма в одном из своих писем своим друзьям рассказывает о том, что из-за нерасторопности жрецов все плодородные участки заняты и храм не может ничего арендовать [Цит. по: Зельин, 1960, с. 92]. Тем не менее, жрецы были фактическими держателями храмовых земель, поэтому они могли самостоятельно от имени бога храма отдавать храмовые земли арендаторам. Например, папирус № 140 ГМИИ (105 г. до н.э.) рассказывает о договоре сроком на пять лет между арендаторами и жрецами Патисириса, действующих от имени богини Хатор [Цит. по: Зельин, 1960, с. 90]. Таким образом, происходило взаимовыгодное увеличение территорий храмовых земель.

Увеличение объема храмовой земли происходило вследствие учета частных владений жрецов при подсчете общего количества принадлежащей храму земли. Эти земли могли быть переданы по наследству или быть проданы. В обоих случаях продажа или покупка земель влияла на общее количество принадлежащих храму земель. Например, жрец Пинюрис из Элефантины получил от матери маленький участок, который ей, в свою очередь, достался от отца (P. Eleph., XXII) [Цит. по: Зельин, 1960, с. 79]. Но Пинюрис желал продать участок. Другой папирус свидетельствует, что служитель алтаря в храме Исиды желает продать часть своего участка (d. Rul., 18) [Цит.по: Зельин, 1960 с. 256].

Как свидетельствуют папирусы, жрецы могли также владеть и святилищами. Например, в городе Керкеосирис во владении жрецов находилась пятая часть святилища Амона (P. Tebt., 88 (115–114 гг. до н.э.)) [Цит. по: The Adler Papyri, 1939, с. 97]. Птолемеи сделали частные владения жрецов условными, что подразумевало изъятие этих земель в случае наличия долгов или выставление их на торги. Например, один папирус говорит о том, что в поселении Тменпсобтис из-за долгов земли неких Беренебтиса и его племянника Эстфения были выставлены на продажу (P. Eleph., XXVII a, b) [Цит. по: Зельин, 1960, с. 81].

Стремление захватить таким образом частные земли жрецов стало законодательно прописанной политикой при Птолемее Эвергете в 118 г. до н. э. Кроме того, Птолемеем был издан указ, по которому все жрецы стали в обязательном порядке наследовать свои должности в храме, а не передавать их по наследству, как это было ранее [Струве, 1917, с. 224]. Таким нехитрым способом Птолемеи получили возможность вмешиваться во внутренний быт и делопроизводство храмов. В случае, если жрец в силу неких причин не устраивал власть, он мог лишиться своей должности и потерять имущество теперь уже абсолютно легально.

Благодаря легализации храмовых должностей пошатнулся и авторитет жрецов в египетском обществе. Так, к кандидатам в жрецы стали предъявляться более жесткие требования. Например, помимо документов, подтверждающих происхождение кандидата из жреческой семьи, они обязаны были знать два языка (демотику и греческий) [Bowman, 1996, с. 266].

Еще одним способом понизить финансовую состоятельность храмов стало учреждение культа обожествленной царицы Арсинои Филадельфы и понуждение всех храмов делать платежи апомойры исключительно в казну данного храма.

Апомойра являлась налогом на землю, занятую под виноградники, и составляла шестую часть собранного урожая [Bowman, 1996, с. 182].

Возможно, виноградники были самой прибыльной отраслью сельского хозяйства, что и привело к введению данной фискальной меры. «Податной Устав» Птолемея Филадельфа, относящийся к 257 г. до н.э., перечисляет огромное количество всевозможных наказаний в случае несоблюдения правил по распоряжению доходами от этой отрасли [Хрестоматия…, 1964, с. 559–574].

Согласно «Податному Уставу» апомойра должна была теперь уплачиваться только в казну храма Арсинои Филадельфы, и ни в коем случае не в казну какого-либо другого храма, как это было до издания «Устава»: «кто из владельцев виноградников и садов, платил налог храмам (в размере) шестой части (урожая) до 21 года, пусть платит шестую часть (Филадельфе?)» (ст. 33) [Цит.по: Хрестоматия…, 1964, с. 561]. Таким образом, средства от налога теперь напрямую поступали в казну храма Арсинои Филадельфы на «жертвоприношения и возлияния» (ст. 36) [Цит.по: Хрестоматия…, 1964, с. 562] и не могли быть использованы никаким другим храмом по своему усмотрению.

Особый контроль был установлен Птолемеями и над количеством земель, облагаемых налогом: «царские писцы должны составить списки для откупщиков, сколько виноградников и садов имеется в каждом номе» (ст.33) [Цит.по: Хрестоматия…, 1964, с. 562]. Объем дохода от сбора апомойры также подлежал тщательному учету: «…жрецы (должны дать сведения), с каких владений каждый (храм) получал и сколько вина или серебра ежегодно…» (ст. 37) [Цит.по: Хрестоматия…, 1964, с. 562].

Можно предположить, что стремление наладить детальный учет доходов от налога, имел целью составить общую картину будущих доходов храма Арсинои. Можно также предположить, что эти доходы были весьма значительны, поскольку ежегодные праздничные состязания и шествия в честь Арсинои проходили с большим шиком.

«Податной Устав» четко регламентировал ремесленное производство и обработку продукции сельского хозяйства в храме: «те, кто занимается выработкой масла в храмах, находящихся в стране. Должны сделать заявления откупщику и представителю эконома и антиграфея с обозначением, сколько маслобоен находится в каждом святилище, сколько в каждой маслобойне чанов и прессов…» (ст. 50–51) [Цит.по: Хрестоматия…, 1964, с. 563]. «Устав» упоминает и должностных лиц, которые должны были присутствовать для осуществления контроля производства масла: «если же они (жрецы) хотят вырабатывать в храмах сесамное масло, они должны пригласить откупщика и представителя эконома и антиграфея и производить выработку в их присутствии» (ст. 51) [Цит.по: Хрестоматия…, 1964, с. 563].

Однако некоторая часть производимого масла отходила и храму: «отчет о количестве кротонового и (сесамного) масла, нужном для потребления каждого храма, эконом и антиграфей должны отправить царю, а также диойкету» (ст. 51) [Цит.по: Хрестоматия…, 1964, с. 563]. Документ оговаривал штраф для храма в случае осуществления самостоятельной продажи масла: «масло, которое вырабатывается для нужд храма, нельзя никому (на сторону) продавать; в противном случае, масло конфискуется и (руководители храмов) должны, кроме того, заплатить за каждый метрет 100 драхм, а за большее или меньшее количество – в надлежащей пропорции (ст. 51–52)» [Цит.по: Хрестоматия…, 1964, с. 563]. Более того, даже в случае отсутствия отчета о количестве маслобоен в храме, «руководители храмов должны заплатить в казну три таланта и, кроме того, должны покрыть откупщикам убытки (прибавлено: по их оценке) в пятикратном размере (ст. 51)» [Цит.по: Хрестоматия…, 1964, с. 563]. Если учесть, что стоимость сесамного масла «Устав» оценивал в 48 драхм, а кротонового – в 30 драхм (ст. 40) [Цит.по: Хрестоматия…, 1964, с. 563], то штраф превышал его цену на масло в среднем в два с половиной раза.

Таким образом, Птолемеи использовали силу законодательства для изъятия всех доходов от амопойры и производства масла в царскую казну. Тем не менее, изготовление предметов культа и контроль над этим процессом остались во власти храмов. Так, в храмовых мастерских по-прежнему производились виссоновые ткани, которые использовались для шитья царских одеяний (P. Eleph., XXVI и XVII a, b) [Цит.по: Струве, 1917, с. 228]. Виссон считался сакральным материалом и производился по заказу, а в случае царского контроля религиозные чувства египтян могли бы быть сильно ущемлены, что могло бы привести к противодействию со стороны жречества.

Однако производство другого материала –

льняных тканей – подлежало царскому контролю, о чем свидетельствует «Розеттский» декрет, относящийся к царствованию Птолемея V (203–181 гг. до н. э.) [Хрестоматия…, 1964, с. 280–283].

Стремление Птолемея V не узурпировать полностью доходы храмов, а оставить им определенный ряд льгот объясняется желанием заручиться поддержкой местного жречества в условиях идеологического противостояния египетского населения и новой династии Лагидов. Большая часть населения считала жрецов поборниками новых царей со времени установления власти Птолемеев [Ранович, 1950, с. 214], что приводило к частым нападениям на храмы [Ранович, 1950, с. 214]. Таким образом, предоставление Птолемеем V льгот храмам в некоторой степени снижало экономический контроль власти над храмами и возвращало им часть той «финансовой подушки» и авторитета, которых они лишились при первых Птолемеях.

Такое лояльное отношение Птолемеев к жречеству в II–I вв. до н.э. значительно отличало их от первых Лагидов. Целью последних было укрепление своей власти в первую очередь экономическими мерами, пополнив казну новой династии. Самым действенным способом стало изменение налогообложения в самых доходных сферах: в храмовой среде и сельском хозяйстве. Однако если в экономическом плане самостоятельность храмов была сведена к минимуму, поскольку появились значительные экономические ограничения, описанные выше, то в социальном плане были определенные послабления, одним из которых была асилия.

Асилия трактуется как «право предоставления убежища храмам» [Цит.по: Фихман, 1987, с. 184]. Это означало, ни чиновники, ни царская власть не могли осуществлять преследование укрывшегося человека в храме, которому даровано такое право, ни по политическим, ни по экономическим причинам. Право асилии было даровано нескольким храмам, среди которых были храмы местных божеств в Фаюме, храм бога Гора в Атрибисе и Серапеум в Мемфисе [Блаватская, 1969, с. 253].

Асильное право понималось как предоставление храмам царской защиты, если в этом возникала необходимость. Асильное право неприкосновенности являлось одним из вариантов решения конфликта между греками и египтянами, суть которого сводилась к тому, что царская власть демонстрировала уважение к жречеству как к особой элитной категории египетского населения, давая право на царскую защиту их храмам. Асильное право могло означать даже освобождение от налогов в некоторых случаях [Придик, 1908, с. 11]. Таким образом, асильное право было обоюдовыгодным мероприятием: с одной стороны, Лагиды получали возможность осуществления контроля в тех районах, в которых считали это необходимым, но с другой стороны, сами храмы были заинтересованы в ее получении по экономическим и политическим соображениям.

Однако не только экономическая жизнь храмов подлежала царскому контролю, но и решение некоторых повседневных вопросов. Так, первые Птолемеи перенесли проведение ежегодных Синодов из традиционных религиозных центров в Александрию, при этом они должны были проводиться в присутствии царя. [Дройзен, 2002, с. 27]. Более того, дата проведения очередного Синода совпадала с каким-либо важным событием в жизни греко-египетского общества. Например, Синод 238 г. до н.э. был приурочен ко дню рождения Птолемея III [Цит. по: Hölbl, 2001, с. 109], тогда как при фараонах Синод проводился в дни празднования культа какого-либо общеегипетского бога.

Только Птолемей V в «Розеттском» декрете в 196 г. до н. э. освободил жречество от проведения Синодов в Александрии: «Он [Птолемей V] освободил людей из священных коллегий от ежедневного плавания в Александрию» [Цит. по: Хрестоматия…, 1964, с. 580–583]. Теперь жрецы вновь могли самостоятельно выбирать место проведения очередного Синода. Таким образом, документ возвращал жрецам это право, отнятое первыми Лагидами.

Однако «Розеттский» декрет предусматривал обязательное почитание правящей четы храмами. Декрет повелевал каждому храму установить «изображение в честь вечно живого царя Птолемея, бога Эпифана Эвхариста, которое будет носить имя Птолемея, заступника Египта, и которое должно занимать место самого главного бога в храме» [Цит. по: Хрестоматия…, 1964, с. 582]. Птолемей приобретал статус главного бога в каждом храме, а жрецам надлежало «как можно более умножить почести, оказываемые в настоящее время вечно живому царю Птолемею,… а равным образом и почести, воздававшиеся родителями его богам Филопаторам, и предкам, богам Эвергетам, и богам Адельфам, и богам Сотерам» [Цит. по: Хрестоматия…, 1964, с. 582]. Декрет

также прописывал и процедуру почитания: «жрецам надлежит три раза в день отправлять религиозную службу перед этими изображениями и одевать их в священные одежды и совершать все другие церемонии, которые полагаются в этой стране при торжественном чествовании всех других богов…» [Цит. по: Хрестоматия…, 1964, с. 583]. Итак, несмотря на некоторые послабления храмам, Птолемей V делал обязательным и преимущественным почитание царя, а не какого-либо божества в каждом храме, что, тем не менее, не шло в разрез с древними египетскими традициями почитания царей.

Заключение

Подводя итог анализу взаимоотношений светской власти и жречества в социальной среде эллинистического Египта, следует выделить следующие моменты:

1. В III в. до н. э. Птолемеи шли по пути ограничения экономической самостоятельности храмов, юридически вмешиваясь в экономическую жизнь храмов, что выразилось в переведении доходов от апомойры исключительно в казну храма Арсинои Филадельфы.
2. Повседневные вопросы жизни жречества также подвергались жесткому контролю со стороны царской власти, что выразилось в обязательном проведении Синодов исключительно в Александрии при первых Лагидах.
3. Начиная со II в. до н. э. в отношении храмов наблюдается политика послабления в экономическом контроле Птолемеев, что выразилось в предоставлении асильного права некоторым храмам.
4. В конце II в. до н.э. из-за частичного восстановления самостоятельности храмов, жречество становится сторонником царской власти и идеологом легитимности власти Птолемеев, что говорит об ослаблении царской власти.

Библиографический список

1. Байбаков Е. И. К вопросу о Сарапсе. Сергиев Посад : Свято-Сергиева лавра, 1915. 13 с.
2. Блаватская Т. В. Рабство в эллинистических государствах в III-I вв. до н.э. / Т. В. Блаватская, Е. С. Голубцова, А. И. Павловская. Москва : «Наука», 1969. 323 с.
3. Дройзен И. История эллинизма: В 3 томах. Т. 1. Москва : Наука, 2002. 528 с.
4. Египет: земля фараонов: перевод с английского. Москва : ТЕРРА, 1997. 168 с.
5. Зельин К. К. Исследования по истории земельных отношений в Египте II–I вв. до н.э. Москва : Издательство АН СССР, 1960. 467 с.
6. Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в восточном Средиземноморье эллинистического периода. Москва : Издательство «Наука», 1969. 244 с.
7. Кареев Н. Монархии Древнего Востока и греко – римского мира. Очерк политической, экономической и культурной эволюции древнего мира под господством универсальных монархий. Санкт-Петербург : Типография М. Стасюлевича, 1904. 395 с.
8. Крюгер О. О. Затворники в Птолемеевском Египте // Проблемы социально – экономической истории древнего мира: сборник статей памяти А.И. Тюменева. Москва : Издательство АН СССР, 1963. С. 248–255.
9. Левек П. Эллинистический мир: перевод с французского. Москва : «Наука», АН СССР, Институт Востоковедения, 1989. 251 с.
10. Монте П. Египет Рамзесов. Повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов: перевод с французского. Москва : «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1989. 376 с.
11. Поршнев В. П. Художественные коллекции династии Птолемеев (205–30 гг. до н.э.) // Вестник Санкт-Петербургского Государственного Института Культуры. 2019. №4. Вып. 41. С. 109–115.
12. Придик Е. М. Греческие надписи из коллекции Н. Голенищева // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1908. Ч. XVII (январь). С. 1–22.
13. Пригоровский Г. М. Папирусы Мемфисского Серапея // Ученые записки истории. Москва : РАНИОН, 1929. Т. 3. С. 88–101
14. Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. Москва-Ленинград : Издательство АН СССР, 1950. 382 с.
15. Струве В. Развитие храмового иммунитета в Птолемеевском Египте // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1917. Ч. LXX (июль – август). С. 224.
16. Тарн В. Эллинистическая цивилизация: Перевод с английского. Москва : Издательство иностранной литературы, 1949. 372 с.
17. Фихман И. Ф. Введение в документальную папирологию. Москва : «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1987. 528 с.
18. Хрестоматия по истории Древней Греции : учебное пособие / Д. П. Каллистов. Москва : «Мысль», 1964. 696 с.
19. Эллинизм: восток и запад / Е. С. Голубцов. Москва : АН СССР, «Наука», Институт всеобщей истории, 1992. 383 с.
20. Bevan Ed. A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty. London: Methuen, 1927. 409 p.
21. Bowman A.K. Egypt after the Pharaohs. 332 B. C.–642 A. D. London : British Museum Press, 1996. 270 p.
22. Fraser P. Ptolemaic Alexandria: In 3 volumes. Volume II. Oxford : The Clarendon Press, 1972. 1116 p.
23. Hőlbl G. G. A History of the Ptolemaic Dynasty: translated from German. London, New York : Taylor & Francis Group, 2001. 257 p.

24. Mahaffy J.P. Under the Ptolemaic Dynasty. London : Methuen, 1895. 261 p.

25. Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World: in 3 volumes. Volume I. Oxford : The Clarendon Press, 1941. 602 p.

26. The Adler Papyri. The Greek Texts / E. N. Adler, J. C. Tait and F. M. Heichelheim. London, Milford : Oxford University Press, 1939. 118 p.

Reference list

1. Bajbakov E. I. K voprosu o Sarapise = On the subject of Sarapis. Sergiev Posad : Svjato-Sergieva lavra, 1915. 13 s.

2. Blavatskaja T. V. Rabstvo v jellinisticheskih gosudarstvah v III-I vv. do n.je. = Slavery in the Hellenistic states in the III-I century B.C. / T. V. Blavatskaja, E. S. Golubcova, A. I. Pavlovskaja. Moskva : «Nauka», 1969. 323 s.

3. Drojzen I. Istorija jellinizma: V 3 tomah. T. 1. = History of Hellenism: In 3 Volumes. V. 1. Moskva : Nauka, 2002. 528 s.

4. Egipet: zemlja faraonov: perevod s anglijskogo = Egypt: Land of the pharaohs: translation from English. Moskva : TERRA, 1997. 168 s.

5. Zel'in K. K. Issledovanija po istorii zemel'nyh otnoshenij v Egipte II–I vv. do n.je. = Studies on the history of land relations in Egypt in the II-I century B.C. Moskva : Izdatel'stvo AN SSSR, 1960. 467 s.

6. Zel'in K. K., Trofimova M. K. Formy zavisimosti v vostochnom Sredizemnomor'e jellinisticheskogo perioda = Forms of dependence in the eastern Mediterranean of the Hellenistic period. Moskva : Izdatel'stvo «Nauka», 1969. 244 s.

7. Kareev N. Monarhii Drevnego Vostoka i greko – rimskogo mira. Ocherk politicheskoj, jekonomicheskoj i kul'turnoj jevoljucii drevnego mira pod gospodstvom universal'nyh monarhij = Monarchies of the Ancient East and the Greek-Roman world. An outline of the political, economic, and cultural evolution of the ancient world under the rule of universal monarchies. Sankt-Peterburg : Tipografija M. Stasjulevicha, 1904. 395 s.

8. Krjuger O. O. Zatvorniki v Ptolemeevskom Egipte = Hermits in Ptolemaic Egypt // Problemy social'no – jekonomicheskoj istorii drevnego mira: sbornik statej pamjati A.I. Tjumeneva. Moskva : Izdatel'stvo AN SSSR, 1963. S. 248–255.

9. Levek P. Jellinisticheskij mir = Hellenistic World: perevod s francuzskogo. Moskva : «Nauka», AN SSSR, Institut Vostokovedenija, 1989. 251 s.

10. Monte P. Egipet Ramzesov. Povsednevnaja zhizn' egiptjan vo vremena velikih faraonov = Egypt of the Ramses. Everyday life of the Egyptians at the time of the great pharaohs: perevod s francuzskogo. Moskva : «Nauka», Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1989. 376 s.

11. Porshnev V. P. Hudozhestvennye kollekcii dinastii Ptolemeev (205–30 gg. do n.je.) = Art Collections of the Ptolemaic Dynasty (205–30 B.C.) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Instituta Kul'tury. 2019. №4. Vyp. 41. S. 109–115.

12. Pridik E. M. Grecheskie nadpisi iz kollekcii N. Golenishheva = Greek inscriptions from the collection of N. Golenischev // Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshhenija. 1908. Ch. XVII (janvar'). S. 1–22.

13. Prigorovskij G. M. Papirusy Memfisskogo Serapeja = Papyrus of the Memphis Serapeum // Uchenye zapiski istorii. Moskva : RANION, 1929. T. 3. S. 88–101

14. Ranovich A. B. Jellinizm i ego istoricheskaja rol' = Hellenism and its historical role. Moskva-Leningrad : Izdatel'stvo AN SSSR, 1950. 382 s.

15. Struve V. Razvitie hramovogo immuniteta v Ptolemeevskom Egipte = Evolution of temple immunity in Ptolemaic Egypt // Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshhenija. 1917. Ch. LXX (ijul' – avgust). S. 224.

16. Tarn V. Jellinisticheskaja civilizacija = Hellenistic Civilization: perevod s anglijskogo. Moskva : Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1949. 372 s.

17. Fihman I. F. Vvedenie v dokumental'nuju papirologiju = Introduction to document papyrology. Moskva : «Nauka», Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1987. 528 s.

18. Hrestomatija po istorii Drevnej Grecii = A Reader in the History of Ancient Greece: uchebnoe posobie / D. P. Kallistov. Moskva : «Mysl'», 1964. 696 s.

19. Jellinizm: vostok i zapad = Hellenism: East and West / E. S. Golubcov. Moskva : AN SSSR, «Nauka», Institut vseobshhej istorii, 1992. 383 s.

20. Bevan Ed. A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty. London: Methuen, 1927. 409 p.

21. Bowman A.K. Egypt after the Pharaohs. 332 B. C.–642 A. D. London : British Museum Press, 1996. 270 p.

22. Fraser P. Ptolemaic Alexandria: In 3 volumes. Volume II. Oxford : The Clarendon Press, 1972. 1116 p.

23. Hőlbl G. G. A History of the Ptolemaic Dynasty: translated from German. London, New York : Taylor & Francis Group, 2001. 257 r.

24. Mahaffy J. P. Under the Ptolemaic Dynasty. London : Methuen, 1895. 261 p.

25. Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World: in 3 volumes. Volume I. Oxford : The Clarendon Press, 1941. 602 p.

26. The Adler Papyri. The Greek Texts / E. N. Adler, J. C. Tait and F. M. Heishelheim. London, Milford : Oxford University Press, 1939. 118 r.

УДК 821.161.3.09«15»

А. В. Брезгунов **https://orcid.org/0000-0002-1347-8690**

Имплицитное выражение авторского самосознания у Франциска Скорины

Для цитирования: Брезгунов А. В. Имплицитное выражение авторского самосознания у Франциска Скорины // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 165–171. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-165-171

Цель статьи – обосновать наличие имплицитных форм выражения авторского самосознания в творчестве Франциска Скорины, наиболее выдающегося представителя белорусской культуры XVI в. Выбор личности просветителя связан с тем, что именно в его творчестве фиксируются наиболее ранние проявления авторского самосознания в белорусской письменности. Анализу предшествует вводная часть, в которой представлен краткий обзор степени разработки понятия «авторское самосознание» в современном литературоведении. В первой части статьи заявленная проблематика рассмотрена через призму поэтических экспериментов Ф. Скорины, обнаруженных нами в его предисловиях к переводам книг Библии. Поэзия как специфическая область творчества позволяет наиболее точно выявить скрытые проявления авторского самосознания. Во второй части авторское самосознание рассмотрено в контексте популярного жанра церковной лирики – акафиста, а точнее его кондакарной части. Несмотря на канонный статус акафиста, он, в силу своей поэтико-мелодической природы, допускал определенную свободу в организации материала. Автор статьи приходит к ряду выводов. Первый: имплицитные проявления авторского самосознания у Ф. Скорины дуалистичны по своей природе, их адекватная интерпретация возможна только в сочетании с внетекстовой информацией культурного контекста. Второе: в своих предисловиях Ф. Скорина обращается к приемам тонического и силлабического стихосложения, что не только позволяют ему акцентировать внимание читателя на важных для него смыслах, но и обнаруживает авторскую установку просветителя на говорной акцентный стих, традиционный для простого человека. Третье: в кондакарном стихе акафиста Ф. Скорина обращается исключительно к эксперименту с ритмом.

Ключевые слова: автор, авторское самосознание, акафист, белорусская литература, имплицитность, поэзия, силлабика, Ф. Скорина, стихосложение.

A. V. Brezgunov

Implicit expression of the author’s self-awareness in Francysk Skaryna’s works

The aim of the article is to substantiate the presence of implicit forms expressing the author's self-awareness in the works of Francysk Skaryna, the most prominent representative of the 16th century Belarusian culture. The choice of this personality is connected with the fact that the earliest manifestations of the author's self-awareness in Belarusian literature can be found in his works. The analysis is preceded by an introductory section, which provides a brief overview of the extent to which the concept of «the author's self-awareness» has been developed in contemporary literary studies. In the first part of this article we consider the problems through the prism of F. Skaryna's poetic experiments, which were found in the prefaces to his translations of the Bible. Poetry as a specific field of creativity allows us to most accurately reveal the hidden signs of the author's self-awareness. In the second part the author’s self-awareness is regarded through a popular genre of church lyrics – the akathist, namely, its kontakion part. Despite the canonical status of the akathist, due to its poetic and melodic nature, it allowed a certain freedom in organizing the material. The author comes to a number of conclusions. The author of the article made a number of conclusions. Firstly, the implicit manifestations of the author's self-awareness in F. Skaryna's works are dualistic in nature, their adequate interpretation is only possible in combination with extra-textual information of the cultural context. Secondly, in his prefaces F. Skaryna uses the methods of tonic and syllabic verse which not only allows him to focus the reader's attention on the important meanings, but also reveals the author's attitude to spoken accented verse, traditional for common people. Thirdly, in the kontakion verse of acathistus F. Skaryna deals exclusively with the rhythmic experiments.

Key words: author, author’s self-awareness, akathist, Belarusian literature, implication, syllable-tonic poetry, F. Skaryna, versification.

© Брезгунов А. В., 2021

Введение

Вопросы развития авторского самосознания от раннего Нового времени до конца XVIII в. редко оказываются в фокусе литературоведческого анализа, поскольку авторское самосознание наиболее отчетливо начинает проявляться в эпоху романтизма [Прозоров 2004, с. 71–72]. Неразвитость авторского начала в средневековом искусстве, как известно, была обусловлена а) стремлением к высказыванию коллективного чувства/отношения к объекту изображения, в силу чего решающее значение имел жанр произведения, а не его автор [Лихачев, 1996, с. 60–61], а также б) сведением единичного к общему (известному и авторитетному), отношением описанного событие или явления к определеному разряду [Конявская 2000, с. 25]. Средневековый автор писал «как надо», что было обусловлено традиционалистским типом его художественного сознания.

Вместе с тем очевидно, что авторское самосознание не было чем-то статичным, поскольку к середине XVIII в. в письменности произошли такие качественные изменения, которые позволяют вести речь о зачатках творческой индивидуальности автора. Что же понимать под авторским самосознанием применительно к рассматриваемой эпохе? Ответ находим в исследовании Е. Л. Конявской: «в самом общем плане можно сказать, что речь идет о сознании книжника как писателя» [Конявская, 2000, 5]. Далее исследователь замечает, что в каждом конкретном случае феномен связан с социальными, политическими, личностными и ментальными установками писателя. (Здесь отметим, что в литературоведении нет единого взгляда на соотношение понятий авторского «самосознания» и «сознания». Нам ближе подход российских исследователей Г. Забродиной и В. Кирюшкиной, по мнению которых «авторское *сознание* на самом деле всегда *самосознание*» [Забродина, Кирюшина]. Речь, очевидно, о явлении одного порядка, воспринятом субъектно (самосознание) или внесубъектно (сознание)). Подобная позиция находит отражение и в исследованиях украинских ученых. Например, Н. Мирошниченко считает , что «авторское сознание не только эксплицируется в тексте произведения, но существует еще и в дотекстовом периоде замысла, и не исчезает с завершением произведения» [Мирошниченко, 2014, с. 117]. Как видим, реализация авторского самосознания не сводится исключительно к произведению. Ему присуща некая дотекстовая составляющая, которая не всегда обнаруживается в самом произведении, однако может быть выявлена методом герменевтического и феноменологического анализа. Как заметил в свое время Е. И. Шенделъс, «…наряду с эксплицитными способами выражения существует глубокая область имплицитной передачи информации. Она подобна той части айсберга, которая скрыта под водой» [Шенделъс, 1977, с. 109]. Для обозначения этой скрытой части, которая не может быть обнаружена в произведении путем его прямого прочтения, мы прибегнем к понятию «имплицитное выражение» авторского самосознания.

В случае старобелорусской письменности важное значение для дальнейшей эволюции авторского самосознания имели XVI и XVII столетия. Это было время творческого взаимодействия двух письменных традиций – западной и восточной, возрастания жанрового, идейно-тематического, языкового разнообразия литературы (произведения на церковнославянском, старобелорусском, латинском и польском языках). С XVI в. связано ускоренное развитие светской письменности, возникновение собственно литературного творчества. Ярчайшим представителем ренессансной книжности Беларуси был Ф. Скорина, к рассмотрению авторского самосознания которого в заявленном ключе мы и обратимся далее.

Силлабо-тонические опыты в предисловиях Ф. Скорины

Наряду с хорошо известными (из предисловий к книгам Юдифи и Эсфири), в предисловиях Скорины можно найти и ряд незамеченных ранее исследователями стихов, которые по своим художественным качествам могут быть отнесены к первым опытам силлабической поэзии. В предисловии к Псалтири можно выделить, по крайней мере, два из них. (Здесь и далее разбивка на строки, указание в скобках количества силлаб, жирные и курсивные выделения наши.– А.Б.)

1. *Псаломъ ест всея Церькви единый гласъ,* (11)
свята украшаеть. (6)
Псаломъ всякую противность, еже ест, (11)
Бога ради усмиряеть. (8)

2. *Псаломъ ест ангельская песнь*, (8)
духовный темъянъ: (5)
вкупе тело пением веселить, (8)
а душу учить (5) [Скарына 1990, с. 17].

Как видим, в первом стихе рифма присутствует в четных строках (*украшаеть – усмиряеть*), количество силлаб сопоставимо: 11-6-11-8. Второй стих в первых двух строках рифмы не имеет, в последующих она условная (зависит от ударения: *весе**л**ить – **у**чить*, или: *весел**и**ть – уч**и**ть*), зато в его строках выдержан изосиллабизм: 8-5-8-5.

Каким образом достигается стихоподобность прозаического текста, можно проследить на примере другого ритмизированного отрывка из предисловия к Псалтири. Сначала приведем сам пример, плавно перетекающий из прозы в стих:

Суть бо в ней псалмы якобы сокровище всихъ драгыхъ скарбовъ: всякии немощи, духовныи и телесныи, уздравляють,
душу и смыслы освещають,
гневъ и ярость усмиряють,
миръ и покой чинять,
смутокъ и печаль отгоняють,
чювствие в молитвахъ дають,
людей въ приязнь зводять,
ласку и милость укрепляють,
бесы изгоняють,
ангелы на помощь призывають [Скарына, 1990, с. 17].

В данном примере условные строки, за исключением последней, трехчленные, количество слогов колеблется от 6 до 10. Если же представить количество слогов в порядке их последовательности, обнаруживается закономерность (9-8-6, 9-8-6, 9-6-10), объясняющая ритмическую гармонию стиха. Рифмовка в данном стихе выглядит следующим образом: *aab aab aaa*. Гармония, ко всему, связана и с количеством ударных самостоятельных слов в строке: 3-3-3-3-3-3-3-2-3. Их количество в предпоследней строке служит для передачи паузы, акцентации внимания на заключительной фразе. Не исключено, однако, что пауза понадобилась автору для создания «временного зазора» между словами *ангелы* и *бесы*, или же для каденции предпоследнего стиха в противопоставление антикаденции предыдущего. Данные особенности свидетельствуют, что стих имеет приметы как тонической, так и силлабической организации стихового материала. При этом отметим, что тоника стиха тождественна не той, которая присуща славянской и немецкой поэзии (под ударение падают отдельные слоги), а той, которая характеризует еврейское тоническое стихосложение (под ударением оказываются целые слова) [Олесницкий, 1873, с. 559–560].

Не был ранее замечен исследователями еще один образец стихотворного наследия Скорины,– вариант декалога (первый находится в предисловии к Книге Исхода), помещенный в аннотации к 19-й главе Книги Левит: *«абы люди святи были, // отца и матерь чтили, // свята святили, // идоловъ не хвалили, // жертвы Богу приносили, // милостыню делали, // не крали, не лгали, // не присегали, // мзды не задерживали, // не проклинали»* [Кніга Лявіт, 2014, с. 115].

Данный стих не имеет примет изосиллабизма, однако его ритмическая организация свидетельствует, что мы имеем дело с акцентным говорным стихом. Это подтверждается как количеством самостоятельных слов в строке (3-3-2-2-3-2-2-1-2-1), так и схемой рифмовки: aaaaabbbbb.

Касательно стиховых структур непосредственно в тексте самого скорининского перевода Библии (т. н. библейского стиха), необходимо помнить: любой перевод Библии одновременно является и ее объяснением. А это значит, что основным требованием к переводу выступает экзегетическая точность, а не лингвистическая эфективность или художественное совершенство. Возможны были, однако, и иные способы отношения к тексту Священного Писания, очерченные белорусским исследователем Л. В. Левшун, наряду с типологической экзегезой, как методы аллегорической амплификации и обратной типологии [Левшун, 2009, с. 117–128]. Поэтому чрезвычайно важно, что Скорина смог проявить индивидуальные поэтические способности не только в предисловиях, но также и в текстах переводов восьми книг Библии – Псалтири, Иова, Притч Соломоновых, Екклесиаста, Песни Песней, Премудрости Божией, Плача Иеремии, Иисуса Навина.

Что же понимал Скорина под стихами? В предисловии к Книге Иова находим: «...**поченши от третиея главы** даже до останочное вся **сия книга стихами розделена ест**, якоже, чтучи, поразумеешъ» [Скарына, 1990, с. 20]. В предисловии к книге Притч Соломоновых: «А пишется сия книга тым уже обычаемъ, яко и Псалтыръ, и Иовъ, и Исусъ Сираховъ, понеже кождая глава делится на притчи, якобы на **неякии стихи, или розделения**» [Скарына, 1990, с. 23]. Наконец, в обоих изданиях Псалтири – пражском (1517) и виленском (1522) – после псалмов размещены

избранные ***песни*** из книг Ветхого и Нового Заветов. Как видим, то, что традиционно принято называть библейским стихом, у Скорины передается четырьмя разными определениями – ***стихи, притчи, розделения, песни***. Разумеется, «стихи», как замечает Н. Гринчик, стоит понимать в их изначальном, взятом из греческого языка значении – 'строки' [Грынчык, 1989, с. 144]. Соответственно, «стих» – это размещение строк не в сплошном наборе, а в столбец. Подобное понимание стиха, однако, кажется нам суженным. Как отмечалось выше, к разряду *стихов* автор относит притчи, характеризуя их как *розделения*, это значит, строки, а избранные отрывки из Библии, размещенные после Псалтири, называет *песнями*. Очевидно, что в понимании Ф. Скорины *стихи* – не только собственно строка, но и какое-то завершенное текстовое единство с некими характеристиками. Что же это за характеристики? Упоминание книг Притч Соломоновых, Иова и Иисуса Сирахова дает частичный ответ на данный вопрос. Основанием для отнесения этих книг к числу содержащих *стихи* для Скорины является их притчевость, афористичность, что подтверждает также цитата из предисловия к Книге Иова: «*почении от третиея главы* даже до останочное вся *сия книга стихами розделена ест*» [Скарына, 1990, с. 20]. Из этого следует, что первые две главы к *стихам* Скорина не относит, поскольку они представляют собой обычный рассказ о том, каким образом Иов оказался в своем плачевном положении. В предисловии к книге Притч Соломоновых Ф. Скорина приводит в своем переводе стих 4:32 из 3-й книги Царств: «Мовилъ же ест царь Соломонъ притчей три тысещи и сопсалъ своего складаниа **стиховъ** пять тысещей» [Скарына, 1990, с. 22]. В других известных переводах XVI в. (Вульгата, Венецианская Библия 1506 г., Кралицкая Библия 1556 г., Брестская Библия 1563 г., Острожская Библия 1581 г.) на месте слова «стиховъ» находим **carmina, skládanij, pijsnij, pieśni, песни** соответственно. Из чего вытекает, что во всех переводах, кроме Венецианской Библии, имеются в виду именно песни. В свое время П. Берков небезосновательно считал, что «в понимании Скорины приметой поэтического стиля Библии являются стихи и песни. Это, видимо, не потивопоставление, а отличие по характеру исполнения: песни, которые также состоят из стихов, поются; просто стихи – читаются» [Беркаў, 1968, с. 254].

Определение песен дал в Аргументе к «Книге Псалмов» С. Будный в Брестской Библии 1563 г.: «а книга эта написана тем способом, каким имеют обычай писать поэты... А обычай писания, каковой в этой книге, весьма красив, мил и большой силы, но все же весьма тяжел, ибо не соответствует общепринятому, обычному языку» [Biblia Brzeska, 2003, с. 515]. Постоянное колебание между ритмизированной прозой, силлабическим и тоническим стихом придает неповторимость скорининским предисловиям и переводам. Стилистика автора близка той, о которой ведете речь в своем трактате «О сочетании слов» Дионисий Галикарнасский, замечая, что такова «всякая размеренная речь, являющая поэтичность и напевность; ею-то и пользовался Демосфен» [Дионисий Галикарнасский, 1978, с. 214].

Поэтичность скорининских переводов проявлялась не только в соблюдении стилистических и ритмико-интонационных особенностей поэтических книг Библии. Переводчик внимательно следил за сочетанием буквального и символического значения сравнений, что подчеркивает уровень его эстетического восприятия и авторского самосознания. А ведь предмет эстетического восприятия автора может, «включаясь в другие культурно-художественные контексты, раскрываться невидимыми ранее аспектами, новым содержанием» [Королев, 2010, с. 94]. В ряду выявленых нами примеров приведем помещенный в Книге Иова, 7:2. За исключнием скорининского, во **всех** изветных переводах Библии содержание данного стиха следующее: «Как **раб** жаждет в тень и как наемник ожидает конца работы своей». У Скорины же читаем: «Яко **елень** жадаеть хладу и яко наемникъ ожидаеть конца делу своему» [Кніга Іова, 2014, с. 58]. Очевидно, насколько гуманистической (и поэтической!) выявляется позиция переводчика в данной замене. Это не просто мировоззренческая позиция неприятия рабства, но и отсылка читателя к псалму 41:2: «Имже образомъ желаеть елень на источники водныя, сице желаеть душа моя к Тобе, Боже». Не исключено, что к переосмыслению данного стиха Скорину подтолкнул чешский перевод 1506 г., где вместо «раб» уже находим «слуга»: «Jakožto **slúha** žádá stijenu, yakožto nágemnijk očžekawá konce prácze» (в Вульгате, по которой сделан чешский перевод 1506 г. : «Sicut servus desiderat umbram» – 'Как раб/невольник жаждет в тень'). Такое новшество Ф. Скорины, несомненно, свидетельствует о сознательном обращении к методу аллегорической амплификации.

Поэтическая составляющая гимнографии Ф. Скорины

Наиболее полно талант Ф. Скорины как версификатора раскрылся в гимнографических произведениях – акафистах из «Малой подорожной книжки» (1522). Большая часть этих произведений, вероятно, все же является переводами, а не оригинальными творениями, как утверждает Е. Немировский [Немировский, 1990, с. 451]. Даже если признать, что просветитель был автором только отдельных акафистов, само их составление требовало большого художественного мастерства и немалой практики версификации, а вне этого – знания теории составления подобных произведений. Христианская поэзия (псалмодия) во многом наследовала священной еврейской поэзии, откуда, в частности, были ею заимствованы аллитерация, созвучия, рифма, игра слов, параллелизм [Попов, 1903, с. 13].

Центральным жанром византийской гимнографии, как известно, был канон, создававшийся согласно норм античной метрики. Полный разрыв с последней связан с именем Романа Сладкопевца, создавшего новые поэтические жанры – кондак и икос. Их сочетание «дало в высшей степени гибкую поэтическую форму, которая открывала большие возможности для выражения эмоций» [Фрейберг, Попова, 1968, с. 26]. Рассуждая о гимнах Романа Сладкопевца (Мелодиста в западной традиции), С. Аверинцев отмечает, что с точки зрения византийской риторической традиции (строгое соблюдение норм античной метрики, основанной на счете длинных и кратких слогов) они представляют «явление, непроницаемое для мысли византийского ритора и постольку для нее не существующее» [Аверинцев, 2004, с. 308]. Разрыв с античной традицией имел мировоззренческий характер, поскольку «только псалмы и другие священные песни ветхозаветные имели свойство духовности,– свойство, особенно присущее песнотворчеству христианскому» [Попов, 1903, с. 6]. Даже само пение псалмов рассматривалось как завет пророков, освященный примером Христа и апостолов [Попов,1903, с. 3–4]. Практика песенного исполнения икосов с точки зрения фоники и мелодики несомненно отличалась от речитатива молитвы. Поэтому в икосах рифма могла иметь приблизительный характер: требовалось не столько наличие рифмы, сколько совпадение 2-4 финальных звуков (похвале*ние* – воздержа*ние*, пода*телю* – губи*телю*, вы*сото* – кра*сото* и т. д.), которые благодаря мелодике распева создавали у слушателя иллюзию рифменной гармонии. Например, слова из 3-го икоса «Акафиста св. Архангелу Михаилу» при распеве могли бы выглядеть следующим образом (жирным шрифтом выделены основные ударения, курсивом – дополнительные мелодийные; знаки ↑ и ↓ указывают на восходящую и нисходящую интонацию):

Р**а**дуйся, м**у**дрых самотв**о**рче повел**е-е**ни*е*й(↓),

Р**а**дуйся, Б**о**жихъ об'яв**и**телю св**е**дени*е-е*й(↑)! [Кніжная спадчына, 2017, с. 55].

«Радуйся!» априори находится под сильным ударением, а у «повел***е***ни*е*й» и «св***е***дени*е*й» на последнем слоге появляется дополнительное, мелодийное ударение, создающее иллюзию рифмы. Таким образом изосиллабический стих стремится к упорядочиванию системы ударений, что создает между ним и силлабо-тоническим определенное подобие.

К проявлениям тонизма у Скорины (ударение падат на слово, а не на слог), следует отнести и то, что логическое ударение в хайретизмах икосов очевидно падает на первое и, как правило, последнее слово:

Радуйся, пророком славное *похваление,*

радуйся, постникомъ сладкое *воздержание*! [Кніжная спадчына, 2017, с. 60].

Данный факт связан, вероятно, с тем, что большая часть кондака изначально исполнялась в форме речитатива, поэтому текст между «радуйся!» и последним словом строки произносился скороговоркой. Однако оригинальное музыкальное сопровождение кондаков теперь утрачено [Lash 1995, с. 1–12].

В икосах количество слогов, как правило, не превышает 20, что придает им легкость поэзии. В «Акафисте Гробу Господнему» имеются примеры 28- і 27-слогового изосиллабического стиха с дактилической рифмой, близкого к «тяжелой» прозе. Здесь цезура находится после 12-го и 11-го слогов соответственно, послецезурные части имеют по 16 слогов. Это практически идеальный образец изосиллабического стиха, созданного по принципу параллелизма членов: *«Радуйся, светоносный Гробе Господень, // яко тобою позна Петръ Христово воскресение! / Радуйся, преславны крове Божии, // яко в тобе содеася всемирное спасение!»* [Кніжная спадчына, 2017, с. 15].

Эксперименты Ф. Скорины с силлабикой и тоникой свидетельствуют о потенциале подобного стихосложения на восточнославянских языках. Это подтверждается и отрывком из молитвы после «Канона ко Гробу Господнему», первые

строки которой могут быть отнесены к силлаботоническим стихам: «Царю всехъ и *Створителю,* / Боже мой и *Спасителю*! / Тебе *величаю,* / Тобе молюся, / Тебе *прославляю* / и пред Тобою недостойный *припадаю*...» [Кніжная спадчына, 2017, с. 46–47].

В финале молитва переходит в акцентный стих, где, как известно, регулируется только количество ударений, а количество безударных варьируется в границах, естественных для определенного языка (у Скорины 1-3; жирным шрифтом выделено основное ударение, курсивом – дополнительное): «(даруй ми) грех**о**мъ отпущ**е**ние, / т**е**ла здр**а**вие, / ум**а** просвещ**е**ние, / печ**а**ли изъбавл**е**ние, / нед**у**га исцел**е**ние, / на з**е**мли почт**и**вое хл*е*бокормл**е**ние, / от нев**о**лю вр**а**жии *и*збавл**е**ние» [Кніжная спадчына, 2017, с. 48].

Выводы

В предисловиях Ф. Скорины к переводам книг Библии последовательное объяснение библейских истин в стихотворной форме было нецелесообразно: такая форма подачи потребовала бы от реципиента иного – абстрактного, отвлеченного, а не контретно-вещного – восприятия. Поэтому стиховые структуры скорининских предисловий весьма близки к наиболее традиционным для простого человка формам тонического стихосложения – говорному акцентному стиху с рифмовкой. К приемам тонического и силлабического стихосложения Скорина обращается с целью лиризации, акцентуации внимания на важных смыслах (родина, псалом, родной язык, жертвенность).

В случае библийного стиха в своих переводах Скорина мог широко экспериментировать и помещать вариантные переводы отдельных стихов. В кондакарном же стихе акафиста такой возможности у него не было, здесь автор имел дело с заданной формой. Новации были допустимы лишь со стороны ритмики – в виде смещения цезуры и вариаций клаузулы.

Имплицинтная составляющая авторского самосознания Ф. Скорины имеет дуалистическую природу: информация, представленная непосредственно в тексте произведения, может быть воспринята адекватно только в сочетании с внетекстовой, вытекающей из культурного контекста и служащей своеобразным объяснением авторского новаторства или традиционности.

Библиографический список

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004. 480 с.

2. Беркаў П. Ф. Скарына і пачатак усходнеславянскага вершаскладання // 450 год беларускага кнігадрукавання. Мінск : Навука і тэхніка, 1968. С. 245–262.

3. Грынчык М. М. Ля вытокаў беларускай сілабікі // Спадчына Скарыны: зб. мат-лаў першых Скарынаўскіх чытанняў (1986). Мінск : Навука і тэхніка, 1989. С. 140–145.

4. Дионисий Галикарнасский. О соединении слов // Античные риторики / под ред. А. А. Тахо-Годи. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 167–221.

5. Забродина Г. Д., Кирюшкина В. В. Авторское самосознание в системе культуры: проблемы определения и типологии // Международный научный журнал “Общество: философия, история, культура”. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/avtorskoe-samosoznanie-v-sisteme-kultury-problemy-opredeleniya-i-tipologii/htm (дата обращения: 13.05. 2021).

6. Кніга Іова // Кніжная спадчына Францыска Скарыны / Нацыянальная бібліятэка Беларусі, Факсімільнае ўзнаўленне. Т. 6. Мінск, 2014. 138 с.

7. Кніга Лявіт // Кніжная спадчына Францыска Скарыны / Нацыянальная бібліятэка Беларусі, Факсімільнае ўзнаўленне. Т. 3. Мінск, 2014. 151 с.

8. Конявская, Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середина XV в.). Москва : Языки русской культуры, 2000. 199 с. (Studia philologica).

9. Королев М. Ю. Авторское сознание и художественное творчество // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2010. № 3. С. 93–98.

10. Левшун Л. В. О слове преображенном и слове преображающем: теоретико аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. Минск : Белорусская Православная Церковь, 2009. 869 с.

11. Лихачев Д. С. Поэтика литературы // Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI–XVII веков / РАН. Ин-т философии. Москва : Ладомир, 1996. С. 57–94, 375–389.

12. Малая падарожная кніжка // Кніжная спадчына Францыска Скарыны / Нацыянальная бібліятэка Беларусі, Факсімільнае ўзнаўленне. Т. 19. Ч. 2. Мінск, 2017. 495 с.

13. Мирошниченко Н. М. Автор и авторское сознание как литературоведческие категории // Вопросы русской литературы: Межвузовский научный сб. Вып. 27(84). Симферополь : Бизнес-информ, 2014. С. 110–128.

14. Немировский Е. Л. Франциск Скорина: Жизнь и деятельность белорусского просветителя. Минск : Мастацкая літаратура, 1990. 597 с.

15. Олесницкий А. Ритм и метр ветхозаветной поэзии // Труды Киевской духовной академии. 1873. Т. 3. С. 501–592.

16. Попов А. В. Православные русские акафисты. Казань, 1903. 624 с.

17. Прозоров В. В. Автор // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / под ред. Л. В. Чернец. Москва : Высшая школа, 2004. С. 68–81.

18. Скарына Ф. Творы: Прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія. Мінск : Навука і тэхніка, 1990. 208 с.

19. Фрейберг Л., Попова Т. Византийская литература IV–VI вв. // Памятники византийской литературы IV–IX вв. Москва : Наука, 1968. С. 7–37.

20. Шендельс Е. И. Имплицитность в грамматике // Сб. научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. Лингвистика текста. Вып. 112. Москва, 1977. С. 109–210.

21. Biblia Brzeska 1563. NJ – Kraków : Clifton, 2003. XXXII+1130+222 s.

22. Lash Ephrem, Archimandrite. St. Romanos the Melodist // On the Life of Christ. San Francisco : Kontakia, 1995. P. 1–12.

Reference list

1. Averincev S. C. Pojetika rannevizantijskoj literatury = Poetics of early Byzantine literature. Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika, 2004. 480 s.

2. Berkaў P. F. Skaryna i pachatak ushodneslavjanskaga vershaskladannja // 450 god belaruskaga knigadrukavannja. Minsk : Navuka i tjehnika, 1968. S. 245–262.

3. Grynchyk M. M. Lja vytokaў belaruskaj silabiki // Spadchyna Skaryny: zb. mat-laў pershyh Skarynaўskih chytannjaў (1986). Minsk : Navuka i tjehnika, 1989. S. 140–145.

4. Dionisij Galikarnasskij. O soedinenii slov = On the connection of words // Antichnye ritoriki / pod red. A. A. Taho-Godi. Moskva : Izd-vo Mosk. un-ta, 1978. S. 167–221.

5. Zabrodina G. D., Kirjushkina V. V. Avtorskoe samosoznanie v sisteme kul'tury: problemy opredelenija i tipologii = Author' self-consciousness in the cultural system: problems of definition and typology // Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal “Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura”. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/avtorskoe-samosoznanie-v-sisteme-kultury-problemy-opredeleniya-i-tipologii/htm (data obrashhenija: 13.05. 2021).

6. Kniga Iova // Knizhnaja spadchyna Francyska Skaryny / Nacyjanal'naja biblijatjeka Belarusi, Faksimil'nae ўznaўlenne. T. 6. Minsk, 2014. 138 s.

7. Kniga Ljavit // Knizhnaja spadchyna Francyska Skaryny / Nacyjanal'naja biblijatjeka Belarusi, Faksimil'nae ўznaўlenne. T. 3. Minsk, 2014. 151 s.

8. Konjavskaja E. L. Avtorskoe samosoznanie drevnerusskogo knizhnika (XI – seredina XV v.) = Author's identity of the Old Russian scribe (XI – middle of XV century). Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 2000. 199 s. (Studia philologica).

9. Korolev M. Ju. Avtorskoe soznanie i hudozhestvennoe tvorchestvo = The author's consciousness and artistic creativity // Vestnik Kostromskogo gos. un-ta im. N. A. Nekrasova. 2010. № 3. S. 93–98.

10. Levshun L. V. O slove preobrazhennom i slove preobrazhajushhem: teoretiko analiticheskij ocherk istorii vostochnoslavjanskogo knizhnogo slova XI–XVII vekov = On the transfigured word and the transfiguring word: a theoretical analytical essay on the history of the East Slavic written word XI-XVII centuries. Minsk : Belorusskaja Pravoslavnaja Cerkov', 2009. 869 s.

11. Lihachev D. S. Pojetika literatury = Literary poetics // Hudozhestvenno-jesteticheskaja kul'tura Drevnej Rusi XI–XVII vekov / RAN. In-t filosofii. Moskva : Ladomir, 1996. S. 57–94, 375–389.

12. Malaja padarozhnaja knizhka // Knizhnaja spadchyna Francyska Skaryny / Nacyjanal'naja biblijatjeka Belarusi, Faksimil'nae ўznaўlenne. T. 19. Ch. 2. Minsk, 2017. 495 s.

13. Miroshnichenko N. M. Avtor i avtorskoe soznanie kak literaturovedcheskie kategorii = The author and author' s consciousness as categories of literary criticism // Voprosy russkoj literatury: Mezhvuzovskij nauchnyj sb. Vyp. 27(84). Simferopol' : Biznes-inform, 2014. S. 110–128.

14. Nemirovskij E. L. Francisk Skorina: Zhizn' i dejatel'nost' belorusskogo prosvetitelja = Francysk Skaryna: life and work of the Belarusian humanist. Minsk : Mastackaja litaratura, 1990. 597 c.

15. Olesnickij A. Ritm i metr vethozavetnoj pojezii = Rhythm and meter of Old Testament poetry // Trudy Kievskoj duhovnoj akademii. 1873. T. 3. S. 501–592.

16. Popov A. V. Pravoslavnye russkie akafisty = Russian Orthodox akathists. Kazan', 1903. 624 s.

17. Prozorov V. V. Avtor = Author // Vvedenie v literaturovedenie. Literaturnoe proizvedenie: osnovnye ponjatija i terminy / pod red. L. V. Chernec. Moskva : Vysshaja shkola, 2004. S. 68–81.

18. Skaryna F. Tvory: Pradmovy, skazanni, pasljasloўi, akafisty, pashalija. Minsk : Navuka i tjehnika, 1990. 208 s.

19. Frejberg L., Popova T. Vizantijskaja literatura IV–VI vv. = Byzantine literature of the IV–VI centuries // Pamjatniki vizantijskoj literatury IV–IX vv. Moskva : Nauka, 1968. S. 7–37.

20. Shendel's E. I. Implicitnost' v grammatike = Implicitness in grammar // Sb. nauchnyh trudov MGPIIJa im. M. Toreza. Lingvistika teksta. Vyp. 112. Moskva, 1977. S. 109–210.

21. Biblia Brzeska 1563. NJ – Kraków : Clifton, 2003. XXXII+1130+222 s.

22. Lash Ephrem, Archimandrite. St. Romanos the Melodist // On the Life of Christ. San Francisco : Kontakia, 1995. R. 1–12.

УДК 008

В. А. Тирахова **https://orcid.org/0000–0003–3621–2294**

Бинарная оппозиция «власть/народ» в историко-биографическом кинематографе С. Эйзенштейна

Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда № 20–68–46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия. Предпосылки, динамика, влияние на современность»

Для цитирования: Тирахова В. А. Бинарная оппозиция «власть/народ» в историко-биографическом кинематографе С. Эйзенштейна // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 3 (26). С. 172–179. DOI 10.20323/2499-9679-2021-3-26-172-179

Данная статья посвящена исследованию бинарной оппозиции «власть/народ» в советских историко-биографических фильмах. В качестве материала исследования представлены знаковые картины: «Александр Невский» 1938 г. и «Иван Грозный» 1944 г. С. Эйзенштейна. Проследив развитие и трансформацию бинарной оппозиции «власть/народ» в историко-биографических фильмах С. Эйзенштейна на уровне сюжета, системы персонажей и композиционного решения кадра, автор пришел к следующим выводам: образы формальной власти (бояре и духовенство) зачастую маркированы отрицательно. Образ народа представлен неделимым монолитом. Бинарная оппозиция «власть/народ» снимается введением образа-медиатора, который становится ключевым в кинокартинах. В фильме «Александр Невский» образ культурного героя – заглавного героя – снимает конфликт между сторонами оппозиции: образ князя противопоставляется образу официальной власти и вбирает в себя черты народного правителя. При этом образ народа при взаимодействии с образом культурного героя становится амбивалентным носителем и власти, и героических черт. В фильме «Иван Грозный» развитие медиального образа царя приводит к тому, что он сам становится воплощением абсолютной власти, занимая «властную» сторону оппозиции. Таким образом, бинарная оппозиция заменяется амбивалентностью правителя. Исходя из вышесказанного, автор делает вывод о том, что развитие оппозиции «власть/народ» в историко-биографическом кинематографа сталинского времени является репрезентативным для своего периода, демонстрируя усиление имперского дискурса советской идеологии и роли личности правителя.

Ключевые слова: бинарная оппозиция, власть, народ, герой, советская культура, кинематограф, С. Эйзенштейн, мифологизация, медиатор.

V. A. Tirakhova

Binary opposition «power/people» in S. Eisenstein's historical and biographical cinematography

This article is devoted to the study of the binary opposition «power/people» in Soviet historical and biographical films. The research material is S. Eisenstein’s iconic films Alexander Nevsky (1938) and Ivan the Terrible (1944). Having analyzed the development and transformation of the binary opposition «power/people» in Eisenstein's historical and biographical films in terms of plot, character system and composition, the author came to the following conclusions: characters of formal authority are often negatively marked. The image of the people is represented by an indivisible monolith. The binary opposition «power/people» is removed by the introduction of a mediator, the character which becomes a key one in films. In the film Alexander Nevsky, the image of the cultural hero, the title character, removes the conflict between the opposing sides: the image of the prince is opposed to the image of the official power and absorbs the features of the people's ruler. The image of the people, when interacting with the image of a cultural hero, becomes an ambivalent carrier of both power and heroic traits. In the film Ivan the Terrible, the development of the medial image of the tsar leads to the fact that he himself becomes the embodiment of absolute power, occupying the «powerful» side of the opposition. Thus, the binary opposition is replaced by the ambivalence of the ruler. The author concludes that the development of the opposition «power/people» in the historical and biographical cinema of the Stalinist time is representative of its period and demonstrates strengthening of the imperial discourse of Soviet ideology and the role of the ruler's personality.

Key words: Binary opposition, power, people, hero, Soviet culture, cinema, S. Eisenstein, mythologization, mediator.

© Тирахова В. А., 2021

Введение

Актуальность и значимость изучения советского культурного кода подтверждается многочисленными научными исследованиями, посвященными различным аспектам, уровням и сферам отечественной культуры XX века. Среди них, мы можем отметить работы Е. А. Добренко, И. В. Кондакова, В. З. Паперного, Н. А. Хренова, сборник статей «Соцреалистический канон» под редакцией А.Е. Барзаха и др. Как отмечают исполнители проекта, выполняемого по гранту Российского научного фонда № 20-68-46013 «Философско-антропологический анализ советского бытия», феномен советского бытия в современном гуманитарном знании занимает особое место: пройдя сложный путь от декларации и доминирования концепта «советский» через отрицание и наделение его негативными коннотациями к двойственному восприятию (ностальгия, критический анализ, реконструкция, обличение), советское бытие стало неотъемлемой частью как мирового историко-культурного процесса, так и философского дискурса мировой культуры [Злотникова, Ерохина, Еремин, 2020, с. 194].

Одной из ведущих проблем в изучении советского бытия является специфика и репрезентация отношений власти и народа [Тульчинский, 2020, с. 141] в культуре. В рамках данного исследования мы обращаемся к материалу советского кинематографа как наиболее репрезентативного вида искусства, а также наиболее востребованного метаязыка в советской культуре. Ю. М. Лотман отмечал, что сила воздействия кино заключается в разнообразии построенной, сложно организованной и предельно сконцентрированной информации, как совокупности разнообразных интеллектуальных и эмоциональных структур, передаваемых зрителю и оказывающих на него сложное воздействие – от заполнения ячеек его памяти до перестройки структуры его личности [Лотман, 1973, с. 53.] Таким образом, кино становится мощным и эффективным средством управления массовым сознанием, способным воздействовать на культурную память и вносить изменения в базовые культурные коды.

Мы отмечали, что в связи с имперским дискурсом политики И. В. Сталина кинематограф 1930–1940-х г. во многом является попыткой создать героической эпос советской культуры, то есть мифологизированный образ великого прошлого особым образом маркирован в соответствии с идеологическими установками [Ерохина, Тирахова, 2016]. При этом основным жанром сталинского кинематографа становится историко-биографический фильм, который Е.А. Добренко называет «машиной по перегонке мифа в историю и истории в миф» [Добренко, 2005]. Автор объясняет востребованность данного жанра особой ролью личности в советской культуре и идеологии данного периода, она транслирует характер власти в целом, в том числе посредством взаимодействия власти с народными массами. [Добренко, 2000, с. 878]. Мы обратимся к одной из центральных мифологических бинарных оппозиций «власть/народ» и попробуем выявить ее специфику и трансформацию в двух знаковых историко-биографических фильмах ведущего советского режиссера С. Эйзенштейна: «Александр Невский» 1938 г. и «Иван Грозный» 1944 г. Центральными героями в обеих кинокартинах становятся архетипические образы культурного героя или правителя, их имена вынесены в названия фильмов. Можно предположить, что их образы становятся ключевыми в репрезентации и реализации заявленной бинарной оппозиции.

Методы исследования

Методологичсекая парадигма данного исследования выстроена на изучении культурологических смыслов бинарной оппозиции. В. П. Руднев называет бинарную оппозицию универсальным средством познания мира, которое особенно активно использовалось и было осознано как таковое в XX веке [Руднев, 2009, с. 48]. Одним из основоположников теории бинарных оппозиций был Н. С. Трубецкой, который понимает оппозицию как «разложимость противопоставленных единиц на частью общие («основания для сравнения»), частью различные элементы, то есть дифференциальные признаки» [ЛЭС, 1990, с. 348]. Н. С. Трубецкой описывает принципы классификации оппозиции на фонологическом материале [Трубецкой, 1960], чему также посвящена работа Р. Якобсона, М. Халле и Г. М. Фанта [Р. Якобсон, М. Халле, Г. М. Фант, 1962]. Универсальность теории бинарных оппозиций изменила развитие не только лингвистики, но и многих гуманитарных дисциплин (культурологии, антропологии и т. д.). Теория бинарности легла в основу семиотической культурологии М. Ю. Лотмана. Автор утверждает, что обязательным законом формирования культуры в целом является бинарная оппозиция [Лотман, 2001] В свою очередь, М. С. Уваров и И. В. Кондаков также отмечают, что бинарная оппозиция лежит в основе русского и европейского культурных

кодов [Уваров, 1996; Кондаков, 2017]. По мнению Л. Л. Мельниковой в структурализме в целом «бинаризм из частного приема превращается в фундаментальную категорию и сущностный принцип природы и культуры» [Мельникова, 2001, с. 80].

Наше исследование также проводится в рамках историко-культурного и социокультурного подходов, так как ведущее значение для нас имеет историко-культурный и социокультурные контексты, идеологические, социальные аспекты создания, восприятия и бытования того или иного фильма. Кроме того, мы отталкиваемся от представления о советской идеологии как особой мифосистеме [Ермолин, 1996], поэтому мы останавливаемся на исследовании универсальной мифологической оппозиции «власть/народ» [Максапетян, 2001], образы которых, как отмечает С. В. Санников, представляют собой сложную (интегративную) семиотическую конструкцию, в основе которой лежат структуры коллективного бессознательного [Санников, 2018, с. 79]. В связи с этим взаимодействие образов власти и народа в советском искусстве, будучи мифологизированным и сакральным, тесно связано и опосредованно раскрывает многие ключевые культурные коды и категории. Мы проследим развитие оппозиции «власть/народ» в историко-биографических фильмах С.Эйзенштейна на уровне сюжета, системы персонажей и композиционного решения кадра

Результаты исследования

Одной из центральных проблем в изучении кинематографа сталинской эпохи является интерпретация и репрезентация истории русской культуры. О. Л. Булгакова утверждает, что советская кинематография 1930–1940-х создает особую «модель советского фильма», которая становится медиумом другой новой истории [Булгакова, 2000, с. 146]. На первый план в этой модели выходит образ личности (героя или правителя) в истории и народа. Е. А. Добренко в своем исследовании соцреалистического искусства приходит к выводу, что история русской культуры в сталинское время превратилась в смену княжений и царствований, а исторические события описывались как прямые результаты действий «правящих особ», при этом значение правителя и власти во много умоляет роль народных масс [Добренко, 2000, с. 878]. Так, например, даже в названия наиболее показательных фильмов вынесены имена правителей: князя Александра Невского и царя Ивана Грозного. Кроме того мы можем назвать еще множество аналогичных фильмов, озаглавленных именами правителей и героев русской истории: «Пётр Первый» 1938 г. и «Кутузов» 1943 г. В. Петрова, «Минин и Пожарский» 1939 г. и «Суворов» М. Доллера и В. Пудовкина и т. д. Е. А. Добренко также выделяет три центральных персонажа советского историко-биографического фильма: правитель (воплощение власти), историческая закономерность (образ власти) и народные массы (зачастую подавленные властью ради «великой цели») [Добренко, 2000, с. 880]. Мы условно объединим первых двух персонажей в образ власти и попытаемся выявить специфику реализации бинарной оппозиции «власть/народ». Мы можем предположить, что анализ данной оппозиции позволит раскрыть семантическое поле взаимодействия власти и народа, характерного культуры сталинской эпохи.

На особую роль этого взаимодействия в советском искусстве указывает Х. Гюнтер: «народ» становится «комплементарным понятием к вождю», то есть базой той пирамиды, на вершине которой находится вождь или правитель [Гюнтер, 2000, с. 387]. Социальная иерархия отображена в композиционном решении кадра сцены Вече в Новгороде в фильме «Александр Невский» 1938 г. Это дна из ключевых сцен, репрезентирующих оппозицию «власть/народ». Образ формальной власти воплощают купцы, бояре и духовенство, которые маркированы как отрицательные персонажи, ведомые лишь алчностью, способные предать родную землю, при этом именно к данной группе персонажей приближаются образы врагов народа – предателей. В кадре представители формальной власти композиционно изображены выше, чем народ. Однако, возвышения, на которых они стоят, расположены на втором плане и уходят в глубь кадра, на первом же плане мы видим толпу. Посредствам этого композиционного решения кадра в зрительском сознании возникает парадоксальное впечатление: визуально давление власти на народ снижается, а значение народного «слова», напротив, усиливается. Таким образом, мы можем говорить об амбивалентности образа народа в данной картине, который становится носителем истинной сакральной власти, что, в свою очередь, воплощает ключевой тезис советской идеологии о власти народа, при этом эта власть основана на принципах равенства, демократии, патриотизма и гуманизма. Именно народ в данной сцене при-

нимает решение «звать Александра», образ которого становится новым элементом, интегрированным в заявленную оппозицию. Он становится своего рода медиатором и значительно влияет на оппозицию в целом, поэтому мы остановимся подробнее на анализе данного образа, особенностях его раскрытия, репрезентации и роли в реализации оппозиции.

Согласимся с мнением Е. А. Добренко, который считает, что культурный герой в советском искусстве сталинского времени становится демиургом и переходным звеном между народом и властью, главной целью которого является мобилизация народной массы [Добренко, 1993, с. 41], а также образы военачальников были воплощением народной мощи и силы [Добренко, 2000, с. 883]. В фильме образ Александра противоречив, с одной стороны, по мнению Е. В. Волкова и Е. В Пономаревой, Александр Невский в фильме – это образ ***«правителя-отца»***, в котором дается намек на черты (немногословность, лаконичность речи и др.) И. В. Сталина [Волков, Пономарева, с. 24], народного правителя. На композиционном уровне фигура Александра выходит на первый план и возвышается над народом в сценах, где он выступает как полководец и народный лидер. Например, в финале фильма, возвращаясь победителем и произнося пророчество, князь репрезентирует признаки правителя и становится центральным образом в кадре. В данной сцене визуально и композиционно князь выглядит крупнее и более значимо, чем окружающий его народ. Мы можем предположить, что создатели фильма, таким образом, создают миф о народном правителе, оправдывая и идеализируя представления о действующей власти в массовом сознании. Сам режиссер не скрывал сходства между Александром Невским и «вождем всех народов» [Греков, 1939, с. 19].

С другой стороны, мы должны подчеркнуть, что на уровне системы персонажей и сюжета Александр Невский в исполнении Н. Черкасова становится воплощением архетипического образа ***культурного героя*** (воина, богатыря, победителя «чудовищ», освободителя родной Земли [Мелетинский, 1982, с. 26]). Развитие образа Александра в фильме происходит по законам героического эпоса. Подобно былинному герою Илье Муромцу, Александр Невский предстает перед зрителем как герой–воин, который близок народу в мирное время, но мучается своей «непригодностью» для мирной жизни [Тирахова, 2020, с. 206–212]. В пространстве кадра он композиционно сливается с народом, выходя на первый план только в диалоге с монгольским послом, из которого мы узнаем о его подвигах и героизме. Даже в сценах сражений Александр зачастую показан наравне с второстепенными персонажами. Таким образом, Александр Невский становится медиатором в бинарной оппозиции «власть/народ», при этом сам он является амбивалентным и соотносится с обеими сторонами оппозиции.

Как правило, разрешение противоречий в мифе происходит с помощью введения в бинарную оппозицию образа-медиатора, в качестве которого может выступать культурный герой [Соловьева, 2014]. В данном контексте мы остановимся на влиянии образа Александра Невского на оппозицию «власть/народ». Отметим, что появление князя на Вече в Новгороде композиционно смещает представителей формальной власти, то есть фактически они в кадре больше не появляются, их место занимает Александр Невский. Таким образом, формальная боярская и купеческая власть заменяется властью избранного народного лидера, культурного героя. В данном контексте отношения князя и народа выстраиваются по архаичной патриархальной модели государства как семьи, где правитель – отец, а народ – это дети [Максапетян, 2001].

Вступая во взаимодействие с образом князя кардинально меняется образ народа. Если в начале фильма народ представлен неделимым монолитом, толпой, то после прихода Александра в Новгород образ народа становится персонифицированным, представляет собой систему персонажей, которая является воплощением «большой семьи» – моделью идеального общества, состоящего из нескольких «иерархических групп» [Волков, Пономарева, 2012, с. 24]:

- *Представители простого народа*: воин Савка (Л. Иудов), кузнец Игнат (Д. Орлов) и др. Последний представляет особый интерес, его портрет подчеркнуто лишен героического пафоса (низкий рост, худощавое телосложение), при этом он стал воплощением мессианской идеи жертвенности русского народа. Он снаряжает всех героев в бой, а ему самому остается лишь короткая «кольчужка», и именно он умирает в бою с предателем. Кроме того, герой является носителем русского фольклорного слова, его речь зачастую состоит из пословиц, поговорок и присказок. На наш, взгляд, образ кузнеца является одним из ключевых, емко вбирая в себя базовые представления о русском народе.

• *Герои*, дружинники Василий Буслай (Н. Охлопков) и Гаврило Олексич (А. Абрикосов), которых Н.М. Зоркая называет русскими богатырями [Зоркая, 2006, с. 274] Действительно, обозначенные персонажи во многом построены по аналогии с былинными культурными героями [Тирахова, 2020, с. 207], при этом, по словам Е.В. Волкова и Е.В. Пономаревой, могут быть соотнесены и с легендарными образами комсомольцев героев [Волков, Пономарева, 2012, с. 24].

Таким образом, противоречие между формальной властью и народом снимается и фактический конфликт разрешается через введение образа-медиатора, в качестве которого выступает культурный герой. Александр Невский в фильме имеет амбивалентную природу, объединяя в себе признаки формальной власти и народа, смещает формальную власть и становится воплощением народного правителя. Народ же, вступая во взаимодействие с героем, сам становится носителем и власти, и героизма.

В фильме «Иван Грозный» С. Эйзенштейна можно обнаружить закономерное продолжение развития бинарной «власть – народ», заявленного в «Александре Невском». В данной картине представлен образ формальной власти, воплощённой в образах боярства и духовенства, маркированную негативно. Образ народа также зачастую является неделимым монолитом – в массовых сценах. Однако, в фильме «Иван Грозный» по сравнению с «Александром Невским» радикально меняется образ медиатора. Фильм открывается крупными планами символов власти (Шапка Мономаха, скипетр, держава) в сцене коронации юного Ивана (Н. Черкасов), то есть автор сразу заявляет, что образ правителя – центральный, герой является правителем. Забегая вперед, нужно отметить, что процесс обретения царем абсолютной власти во многом становится ключевым в фильме, то есть Иван постепенно становится воплощением образа власти и входит в оппозицию с народом.

Образ правителя как мифологизированного властелина, создается посредствам разнообразных кинематографических приемов, композиционных решений, сюжетных линий, а также через сложную систему символов, аллюзий и аллегорий. Например, особую символическую роль в фильме играют тени: так, часто в кадре на заднем плане Ивана сопровождает его тень, которая в несколько раз больше фигуры героя, возвышается над всеми действующими лицами и над действием в целом. Мы можем интерпретировать данный прием как символическое воплощение властных амбиций правителя.

Одна из ключевых сцен фильма, в которой народ приходит к Ивану с мольбой о возвращении, раскрывает специфику образа правителя через его взаимодействие с народом. В данной сцене Иван пластическим рисунком становится схож с хищной мифологической птицей, которая склоняется над бесконечной вереницей народа, уходящего за линию горизонта. Символический смысл кадров всенародного призыва, дающего Ивану, по его словам, «безграничную власть», противоречив. Мольба «вернись отец родной» символизирует абсолютное доверие царю и делает его народным правителем. При этом абсолютно обезличенная масса людей выглядит ничтожно и бесправно на фоне нависающего крупного плана профиля Ивана. Кроме того, мы можем отметить, что после данной сцены образ народа фактически в кадре не появляется, далее фильм повествует о правлении и усилении власти царя, в процессе уничтожения боярского заговора. Таким образом, заявленный в первой части фильма образ Ивана Грозного – медиатора между властью бояр, духовенства и народа, последовательно поглощает и уничтожает обе стороны оппозиции.

Власть царя в фильме мифологизируется также посредствам обращения режиссера к русской иконописной традиции [Катаева, 2012, с. 134]. Например, в финальной сцене фильма, где Иван произносит пророчество, композиционно кадр в точности повторяет иконографический канон Христа в Силах. При этом идейно смысл переворачивается, что также характерно для карнавальной культуры: вместо ангелов мы видим опричников, а образ Ивана может быть прочитан как образ Антихриста. Таким образом, мифологизация образа правителя в фильме «Иван Грозный» происходит посредствам сочетания базовых принципов карнавальной и религиозной культур. Сам режиссер говорит, что в работе над данной картиной он вышел на «глубинные мифологические основы» [Эйзенштейн, 2002, с. 311]. При этом бинарная оппозиция «власть/народ» переходит в амбивалентность образа правителя-властелина, которая не предполагает антитезы. Таким образом, бинарная оппозиция фактически «снимается» за счет появления новой идеи безграничной власти [Кондаков, 2017, с. 227]. Н. А. Хренов называет этот фильм попыткой самого глубокого проникновения в суть консервативной

утопии, заключающейся в возведении «третьего Рима» по аналогии с историей Рима второго, то есть Византии. Автор утверждает, что Сталин из подсознания массы выводил консервативную или средневековую утопию [Хренов, 2015, с. 176].

Заключение

Проследив развитие и трансформацию бинарной оппозиции «власть/народ» в историко-биографических фильмах С. Эйзенштейна, мы пришли к следующим выводам. Как правило, формальная власть воплощена в образах бояр, духовенства и зачастую маркирована отрицательно. Образ народа представлен неделимым монолитом. Противоречие в оппозиции снимается через интеграцию в нее образа-медиатора, который становится ключевым в обеих картинах. В «Александре Невском» введение образа культурного героя – Александра Невского снимает конфликт между сторонами оппозиции: фактически он смещает образы официальной власти, вбирая в себя черты народного правителя; образ народа при взаимодействии с ним видоизменяется, становится амбивалентным носителем и власти, и героических черт. В фильме «Иван Грозный», развитие медиального образа царя постепенно приводит к тому, что он сам становится воплощением абсолютной власти, смещая боярство, обретая церковную власть, то есть занимая «властную» сторону оппозиции. Образ народа при этом также исчезает в противопоставлении с мощью власти Ивана. Таким образом, бинарная оппозиция фактически «снимается» и переходит в амбивалентность правителя, не допускающую антитезу. Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод о том, что развитие оппозиции «власть/народ» в историко-биографическом кинематографа сталинского времени является репрезентативным для своего периода, демонстрируя усиление имперской идеологии и роли личности правителя.

Библиографический список

1. Булгакова О. Л. Советское кино в поисках «общей модели» // Соцреалистический канон. Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. С. 146–165.
2. Волков Е. В., Пономарева Е. В. Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. №10 (269). С. 22–26.
3. Греков Б. Д. История и кино // Советский исторический фильм. Москва, 1939. С. 9–13.
4. Гюнтер Х. Тоталитарная народность и ее истоки. // Соцреалистический канон. Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. С. 317–389.
5. Добренко Е. А. «Занимательная история»: Исторический роман и социалистический реализм // Соцреалистический канон. Санкт-Петербург : Академический проект, 2000. С. 874–895.
6. Добренко Е. А. Метафора власти : Лит. сталинской эпохи в ист. освещении. München : Sagner, 1993. 405 с.
7. Добренко Е. Ордена, они же люди, или История с биографией // Киноведческие записки. 2005. № 74. URL: http://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/443/ (дата обращения: 30.05.2021)
8. Ермолин Е. А. Материализация призрака: тоталитарный театр советских массовых акций 1920–1930-х годов. М-во образования РФ, Яросл. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 1996. 141 с.
9. Ерохина Т. И., Тирахова В. А. Архетипические основания репрезентации образа России: «Чистое небо» Г. Чухрая // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 3. С. 320–324.
10. Злотникова Т. С., Ерохина Т. И., Еремин А. В. Советское бытие как интегративный феномен: истоки, трансформация, художественные практики // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 5. С. 193–201.
11. Зоркая Н. М. История советского кино. Санкт-Петербург : Алтейя, Изд-во С.-Петерб. Университета, 2006. 544 с.
12. Катаева Ольга Борисовна Иконопись как первооснова художественного образа сцены взятия Казани в фильме С. М. Эйзенштейна «Иван Грозный» // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. №2. С. 129–134.
13. Кондаков И. В. К современной философии истории // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. С. 221–230.
14. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин : Ээсти раамат, 1973. С. 92.
15. Лотман Ю. М. Семиосфера: Культура и взрыв; Внутри мыслящих миров; Статьи и Исследования; Заметки. Санкт-Петербург : «Искусство–СПБ», 2000. 703 с.
16. ЛЭС – Лингвистический Энциклопедический Словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. Москва : СЭ, 1990. 709 с.
17. Максапетян А. Г. Язык и метафизика. Ереван, 2001. URL: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000633/st000.shtml (дата обращения 25.04.2021)
18. Мелетинский Е. М. Культурный герой // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. Москва : Сов. Энцикл., 1982. С. 25–28.
19. Мельникова Л. Л. Бинарная оппозиция // Постмодернизм. Энциклопедия / сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Минск : Интерпрес-сервис;

Книжный Дом, 2001. URL: http://www.infoliolib.info/philos/postmod/binarnaya.html (дата обращения 25.04.2021)

20. Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. Москва : «Аграф», 2009. С. 48–49.

21. Санников С. В. Образ, идеология, архетип: методологические аспекты изучения репрезентации власти // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2018. №8. С. 61–84.

22. Соловьева Н. В. Бинарные оппозиции как основополагающие элементы мифологической и фольклорной картин мира // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». 2014. № 4. С. 63–69. URL: https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/7625 (дата обращения 25.04.2021)

23. Тирахова В. А. Мифологизация базовых концептов героического эпоса в советском кинематографе 1930–1950-х г // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3. С. 203–212.

24. Трубецкой Н. С. Основы фонологии / пер. с нем. А. А. Холодовича; под ред. С. Д. Кацнель-сона; послесл. А. А. Реформатского. Москва : Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 372.

25. Тульчинский Г. Л. Ценностно-нормативные предпосылки советского бытия: содержание и факторы формирования // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 4. С. 140–146.

26. Уваров М. С. Бинарный архетип. Эволюция идеи антиномизма в истории европейской философии и культуры. Санкт-Петербург : Изд-во БГТУ, 1996. С. 214.

27. Хренов Н. А. Утопический комплекс русского искусства первой половины XX века: от авангарда к византийской традиции // Верхневолжский филологический вестник. 2015. №1. С. 171–177.

28. Эйзенштейн С. Метод. Т. 2. : Тайны мастеров. Москва : Эйзенштейн-центр; Музей кино, 2002. 688 с

29. Якобсон Р., Фант Г.М. и Халле М. Введение в анализ речи. Различительные признаки и их корреляты // Новое в лингвистике. Вып. 2. 1962. С. 173–230.

Reference list

1. Bulgakova O. L. Sovetskoe kino v poiskah «obshhej modeli» = Soviet cinema in search of a «general model» // Socrealisticheskij kanon. Sankt-Peterburg : Akademicheskij proekt, 2000. S. 146–165.

2. Volkov E. V., Ponomareva E. V. Igrovoe kino kak istoricheskij istochnik dlja izuchenija kul'turnoj pamjati = Feature films as a historical source for studying cultural memory // Vestnik JuUrGU. Serija: Social'no-gumanitarnye nauki. 2012. №10 (269). S. 22–26.

3. Grekov B. D. Istorija i kino = History and cinema // Sovetskij istoricheskij fil'm. Moskva, 1939. S. 9–13.

4. Gjunter H. Totalitarnaja narodnost' i ee istoki = Totalitarian nation and its origin // Socrealisticheskij kanon. Sankt-Peterburg : Akademicheskij proekt, 2000. S. 317–389.

5. Dobrenko E. A. «Zanimatel'naja istorija»: Istoricheskij roman i socialisticheskij realizm = «Entertaining history»: Historical novel and socialist realism // Socrealisticheskij kanon. Sankt-Peterburg : Akademicheskij proekt, 2000. S. 874–895.

6. Dobrenko E. A. Metafora vlasti : Lit. stalinskoj jepohi v ist. Osveshhenii = The metaphor of power: Literature of the Stalin era in historical perspective. München : Sagner, 1993. 405 s.

7. Dobrenko E. Ordena, oni zhe ljudi, ili Istorija s biografiej = Orders, also people, or History with biography // Kinovedcheskie zapiski. 2005. № 74. URL: http://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/443/ (data obrashhenija: 30.05.2021)

8. Ermolin E. A. Materializacija prizraka: totalitarnyj teatr sovetskih massovyh akcij 1920–1930-h godov. M-vo obrazovanija RF, Jarosl. gos. ped. un-t im. K. D. Ushinskogo = Materialization of the ghost: the totalitarian theater of Soviet mass actions in the 1920s-1930s. The Ministry of Education of the RF, Yaroslavl State Pedagogical University. Named after K. D. Ushinsky. Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 1996. 141 s.

9. Erohina T. I., Tirahova V. A. Arhetipicheskie osnovanija reprezentacii obraza Rossii: «Chistoe nebo» G. Chuhraja = Archetypical basis for representing the image of Russia: «Clear Sky» by G. Chukhrai // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2016. № 3. S. 320–324.

10. Zlotnikova T. S., Erohina T. I., Eremin A. V. Sovetskoe bytie kak integrativnyj fenomen: istoki, transformacija, hudozhestvennye praktiki = Soviet life as an integrative phenomenon: origins, transformation, and artistic practices // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2020. № 5. S. 193–201.

11. Zorkaja N. M. Istorija sovetskogo kino = History of the Soviet cinema. Sankt-Peterburg : Altejja, Izd-vo S.-Peterb. Universiteta, 2006. 544 s.

12. Kataeva O. B. Ikonopis' kak pervoosnova hudozhestvennogo obraza sceny vzjatija Kazani v fil'me S. M. Jejzenshtejna «Ivan Groznyj» = Icon painting as the basis for the artistic image of the scene of conquering Kazan in S. M. Eisenstein's film «Ivan the Terrible» // Obshhestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). 2012. №2. S. 129–134.

13. Kondakov I. V. K sovremennoj filosofii istorii = To the modern philosophy of history // Vestnik RGGU. Serija «Filosofija. Sociologija. Iskusstvovedenie». 2017. S. 221–230.

14. Lotman Ju. M. Semiotika kino i problemy kinojestetiki = Semiotics of cinema and problems of film aesthetics. Tallin : Jejesti raamat, 1973. S. 92.

15. Lotman Ju. M. Semiosfera: Kul'tura i vzryv; Vnutri mysljashhih mirov; Stat'i i Issledovanija; Zametki = Semiosphere: Culture and explosion; Inside intellectual worlds; Articles and Studies; Notes. Sankt-Peterburg : «Iskusstvo–SPB», 2000. 703 s.

16. LJeS – Lingvisticheskij Jenciklopedicheskij Slovar' = LED – Linguistic Encyclopedic Dictionary / gl. red. V. N. Jarceva. 2-e izd. Moskva : SJe, 1990. 709 s.

17. Maksapetjan A. G. Jazyk i metafizika = Language and metaphysics. Erevan, 2001. URL:

http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000633/st000.shtml (data obrashhenija 25.04.2021)

18. Meletinskij E. M. Kul'turnyj geroj = Cultural hero // Mify narodov mira. Jenciklopedija. T. 2. Moskva : Sov. Jencikl., 1982. S. 25–28.

19. Mel'nikova L. L. Binarnaja oppozicija = Binary opposition // Postmodernizm. Jenciklopedija / sost. i nauch. red. A. A. Gricanov, M. A. Mozhejko. Minsk : Interpres-servis; Knizhnyj Dom, 2001. URL: http://www.infoliolib.info/philos/postmod/binarnaya.html (data obrashhenija 25.04.2021)

20. Rudnev V. P. Jenciklopedicheskij slovar' kul'tury XX veka. Kljuchevye ponjatija i teksty = Encyclopedic dictionary of XX century culture. Key concepts and texts. Moskva : «Agraf», 2009. S. 48–49.

21. Sannikov S. V. Obraz, ideologija, arhetip: metodologicheskie aspekty izuchenija reprezentacii vlasti = Image, ideology, archetype: methodological aspects of studying the representation of power // METOD: Moskovskij ezhegodnik trudov iz obshhestvovedcheskih disciplin. 2018. №8. S. 61–84.

22. Solov'eva N. V. Binarnye oppozicii kak osnovopolagajushhie jelementy mifologicheskoj i fol'klornoj kartin mira = Binary oppositions as fundamental elements of mythological and folklore pictures of the world // Vestnik MGOU. Serija «Lingvistika». 2014. № 4. S. 63–69. URL: https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/7625 (data obrashhenija 25.04.2021)

23. Tirahova V. A. Mifologizacija bazovyh konceptov geroicheskogo jeposa v sovetskom kinematografe 1930–1950-h g. = Mythologizing basic concepts of the heroic epic in Soviet cinematography of the 1930s – 1950s // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2020. № 3. S. 203–212.

24. Trubeckoj N. S. Osnovy fonologii = Basic phonology/ per. s nem. A. A. Holodovicha; pod red. S. D. Kacnel'-sona; poslesl. A. A. Reformatskogo. Moskva : Izd-vo inostrannoj literatury, 1960. S. 372.

25. Tul'chinskij G. L. Cennostno-normativnye predposylki sovetskogo bytija: soderzhanie i faktory formirovanija = Value-normative background of Soviet existence: contents and factors of formation // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2020. № 4. S. 140–146.

26. Uvarov M. S. Binarnyj arhetip. Jevoljucija idei antinomizma v istorii evropejskoj filosofii i kul'tury = The Binary archetype. The evolution of the idea of antinomianism in the history of European philosophy and culture. Sankt-Peterburg : Izd-vo BGTU, 1996. S. 214.

27. Hrenov N. A. Utopicheskij kompleks russkogo iskusstva pervoj poloviny HH veka: ot avangarda k vizantijskoj tradicii = The utopian complex of Russian art in the first half of the XX century: from avant-garde to Byzantine tradition // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2015. №1. S. 171–177.

28. Jejzenshtejn S. Metod. T. 2. : Tajny masterov = Method. V. 2.: Secrets of masters. Moskva : Jejzenshtejn-centr; Muzej kino, 2002. 688 s

29. Jakobson R., Fant G.M. i Halle M. Vvedenie v analiz rechi. Razlichitel'nye priznaki i ih korreljaty = Introduction to speech analysis. Distinguishing features and their correlates // Novoe v lingvistike. Vyp. 2. 1962. S. 173–230.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авакян Мария Эдуардовна –кандидат филологических наук, доцент МОУ ВО «Российско-Армянский университет». Республика Армения, 0012, г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, д. 123. E-mail: marvolskaya@gmail.com

Акулова Арина Алексеевна – ведущий редактор издательского дома «Нева». 125424, г. Москва, Волоколамское шоссе, д. 73, офис 341. E-mail: arina_akulova@mail.ru

Бабаян Владимир Николаевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков ФГКВОУ ВО «Ярославское высшее военное училище ПВО». 150001, г. Ярославль, Московский пр-т, д. 28. E-mail: vladimirbabayan@rambler.ru

Басалова Наталья Станиславовна – кандидат культурологии, доцент кафедры иностранного языка как второй специальности ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: nbasalova@yandex.ru

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД Российской Федерации». 603081, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3. E-mail: beglova-elena@yandex.ru

Бойчук Елена Игоревна – доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: elena–boychouk@rambler.ru

Болдырева Елена Михайловна – доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета. КНР, 400715, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2. E-mail: e71mih@mail.ru

Брезгунов Александр Владимирович – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ГНУ «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси». 200072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2. E-mail: beowulf.bel@gmail.com

Галанова Валерия Александровна – аспирант кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: galanova712@yandex.ru

Галкина Наталия Павловна – кандидат филологических наук, профессор кафедры иностранных языков ФГКВОУ ВО «Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко» Министерства обороны Российской Федерации. 156025, г. Кострома, ул. Горького, 16. E-mail: gnpav@mail.ru

Григорян Ашот Арамович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры зарубежной филологии института гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет». 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39. E-mail: yerkat@yandex.ru

Егоров Михаил Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: michael_egorov@mail.ru

Жезлова Светлана Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры романо-германских языков ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет». 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17. E-mail: zhezlova11@gmail.com

Иванов Николай Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ФГБОУ ВО «Ярославский педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: Claus758@yandex.ru

Каплина Маргарита Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет». 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17. E-mail: kaplinamm@mail.ru

Корж Валентина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков Института лингвистики и межкультурной коммуникации ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24. E-mail: 6693503@mail.ru

Красикова Ольга Григорьевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранного языка и культуры речи ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД Российской Федерации». 603081, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3. E-mail: ogkras@inbox.ru

Купцов Александр Евгеньевич – старший преподаватель кафедры иностранного языка как второй специальности ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: kupcov.a@mail.ru

Мельник Владимир Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и литературоведения ФГБОУ ВО «Московский государственный университет дизайна и технологий». 117997, г. Москва, ул. Садовническая, д. 33, стр. 1. E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Морозова Ксения Игоревна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и связей с общественностью ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва». 443086, г Самара, ул. Московское шоссе, д. 34. E-mail: kseniamorozowa@gmail.com

Родионова Инесса Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет». 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40. E-mail: Inessa96@bk.ru

Скуратов Игорь Владимирович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой романской филологии института лингвистики и межкультурной коммуникации ГОУ ВО «Московский государственный областной университет», 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24. E-mail: iv.skuratov@mgou.ru

Тирахова Варвара Алексеевна – аспирант кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: varkoIl@mail.ru

Тюкина Людмила Александровна – старший преподаватель, заведующая кафедрой иностранных языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет». 150023, г. Ярославль, Московский проспект, д. 88. E-mail: ltyukina@yandex.ru

Четверикова Виктория Николаевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков института гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет». 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39. E-mail: vika_vika08@mail.ru

Цыбова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник кафедры французского языка ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ». 119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76. E-mail: ia.tsybova@gmail.com

Южакова Юлия Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина». 390000 г. Рязань, ул. Свободы, д. 46. E-mail: yu.yuzhakova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Avakyan Maria Eduardovna – candidate of philological sciences, associate professor of Russian-Armenian university. Republic of Armenia, 0012, Yerevan, Hovsep Emin str., 123. E-mail: marvolskaya@gmail.com

Akulova Arina Alekseevna **–** leading editor, Neva Publishing House. 125424, Moscow, Volokolamskoe shosse 73, office 341. E-mail: arina_akulova@mail.ru

Babayan Vladimir Nikolaevich **–** doctor of philological sciences, associate professor, professor of foreign and russian languages department at Yaroslavl higher military school of air defense. 150001, Yaroslavl, Moskovsky pr. 28**.** E-mail: vladimirbabayan@rambler.ru

Basalova Natalya Stanislavovna **–** candidate of cultural studies, associate professor of the department of foreign languages as a second major, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: nbasalova@yandex.ru

Beglova Elena Ivanovna **–** doctor of philological sciences, associate professor, professor of the department of foreign language and speech culture, Nizhny Novgorod academy of the RF ministry of internal affairs. 603081, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye shosse, 3. E-mail: beglova-elena@yandex.ru

Bojchuk Elena Igorevna **–** doctor of philological sciences, associate professor, romance languages department of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: Elenaboychouk@rambler.ru

Boldyreva Elena Mikhailovna **–** doctor of philological sciences, associate professor, Institute of foreign languages, Southwest university in Chongqing. China, 400715, Chongqing, Beibei district, Tiansheng street, 2. E-mail: e71mih@mail.ru

Brezgunov Alexander Vladimirovich **–** candidate of philological sciences, leading researcher of state scientific institution «Center for research of Belarusian culture, language and literature of the national academy of sciences of Belarus». 200072, Republic of Belarus, Minsk, 1 Surganov St., Bld. 2. E-mail: beowulf.bel@gmail.com

Galanova Valeria Alexandrovna **–** postgraduate student of the russian literature department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: galanova712@yandex.ru

Galkina Natalia Pavlovna **–** candidate of philological sciences, professor, department of foreign languages, Military academy of nuclear, chemical and biological protection named after Marshal S.K. Timoshenko. 156025, Kostroma, Gorky str., 16. E-mail: gnpav@mail.ru

Grigoryan Ashot Aramovich **–** doctor of philological sciences, associate professor, professor of the foreign philology department, institute of humanities, Ivanovo state university. 153025, Ivanovo, Ermak str., 39. E-mail: yerkat@yandex.ru

Egorov Mikhail Yurievich **–** candidate of philological sciences, associate professor of the russian literature department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: michael_egorov@mail.ru

Zhezlova Svetlana Aleksandrovna **–** candidate of pedagogical sciences, associate professor, romance-germanic languages department, Kostroma state university. 156005, Kostroma, Dzerzhinsky st., 17. E-mail: zhezlova11@gmail.com

Ivanov Nikolai Nikolaevich **–** doctor of philological sciences, professor, department of the theory and methodology of teaching philological disciplines, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: Claus758@yandex.ru

Kaplina Margarita Mikhailovna **–** candidate of philological sciences, associate professor, department of romance-germanic languages, Kostroma state university. 156005, Kostroma, Dzerzhinsky st., 17. E-mail: kaplinamm@mail.ru

Korzh Valentina Ivanovna **–** candidate of philological sciences, associate professor, department of indo-european and oriental languages, Institute of linguistics and cross-cultural communication, Moscow state regional university. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina st., 24. E-mail: 6693503@mail.ru

Krasikova Olga Grigorievna **–** candidate of pedagogical sciences, associate professor, head of the department of foreign languages and culture of speech, Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation. 603081, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye shosse, 3. E-mail: ogkras@inbox.ru

Kuptsov Alexander Evgenyevich – senior lecturer, the department of a foreign language as a second major, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1. E-mail: kupcov.a@mail.ru

Melnik Vladimir Ivanovich – doctor of philological sciences, professor, the department of linguistics and literary studies, Moscow state university of design and technology. 117997, Moscow, Sadovnicheskaya st., 33, bld. 1. E-mail: melnikvi1985@mail.ru

Morozova Ksenia Igorevna – postgraduate student, department of russian and foreign literature and public relations, Samara national research university named after academician S. P. Korolev. 443086, Samara, Moskovskoe shosse st., 34. E-mail: kseniamorozowa@gmail.com

Rodionova Inessa Gennadyevna – candidate of philological sciences, associate professor, department of the russian language and methodology of teaching russian, Penza state university. 440026, Penza, Krasnaya st., 40. E-mail: Inessa96@bk.ru

Skuratov Igor Vladimirovich – doctor of philological sciences, associate professor, head of the department of romance philology institute of linguistics and cross-cultural communication, Moscow state regional university, 141014, Mytishchi, Vera Voloshina st., 24. E-mail: iv.skuratov@mgou.ru

Tirakhova Varvara Alekseevna – postgraduate student of the department of cultural studies, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Republicskaya st., 108/1. E-mail: varkoIl@mail.ru

Tyukina Lyudmila Aleksandrovna – senior lecturer, head of the department of foreign languages, Yaroslavl state technical university. 150023, Yaroslavl, Moscow pr., 88. E-mail: ltyukina@yandex.ru

Chetverikova Victoria Nikolaevna – senior lecturer, department of foreign languages, institute of humanities, Ivanovo state university. 153025, Ivanovo, Ermak st., 39.

Tsybova Irina Aleksandrovna – doctor of philological sciences, professor, senior researcher of the french language department, Moscow state institute of international relations (University), the RF Ministry of foreign affairs. 119454, Moscow, Vernadsky prospect, 76. E-mail: ia.tsybova@gmail.com

Yuzhakova Yulia Alexandrovna – doctor of philological sciences, associate professor, professor of the russian language and methodology department, Ryazan state university named after S.A. Yesenin. 390000 г. Ryazan, Svobody st., 46. E-mail: yu.yuzhakova@mail.ru

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Шаркова

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 23 п. л., 20,39 уч.-изд. л. Формат 60*90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 171. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 30.09.2021
Цена свободная

Издатель
Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:
150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44
Тел.: (4852) 32 98 69